

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Передумов М.А. Социальное взаимодействие военнослужащих как предмет исследования социологии 5

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА, СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Филимонов О.В., Маматов С.А. Влияние управленческой культуры на содержание культуры управления в органах внутренних дел России 8

Ширкова Н.Н., Марченко А.А., Иванова Г.П. Социокультурная адаптация иностранных студентов: проблемы и пути решения 12

Гневашева В.А. Феномен социального одиночества: риски трансформации традиционного конструкта семьи 16

Попова А.А., Хижнякова М.С., Гаврилова Ю.В. Роботизированная техника: поколенческий аспект использования в повседневной жизни 19

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Деточенко Л.С. Критерии зрелой личности в представлениях молодых людей с ограниченными возможностями здоровья 26

Иваненко И.Н. Народовластие: концептуализация феномена 31

Лысова О.В., Абдуллина А.Ш., Лысов О.И. Особенности миграционного образовательного дискурса в глобальной информационной системе 37

Проскурина А.С. Сетевая логика доверия в условиях катастроф 40

Воронкова О.А. Социальный порядок в новой сетевой реальности 44

Ковальчук В.К. Социальный капитал как фактор развития современного общества в сельской местности 50

Исаева К.В. Факторообразующие процессы трансформации управления электронно-цифровым обществом 55

Сиротин В.А. Управление цифровой репутацией бизнес-организации: стили лидерства 59

Капустин В.В. Социально-управленческий подход к анализу патриотизма и военно-патриотической подготовке граждан 62

Ляликоса С.В., Антонов А.И. Социологическое исследование феномена семейного образования 66

Игумнов О.А. Социальные трансформации в условиях институционализации процессов цифровизации национальной экономики 71

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д.14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке eLibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАН, РАНХиГС, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва); **Андреев Эдуард Михайлович** – зам. главного редактора, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва); **Васильев Вячеслав Александрович** – доктор философских наук, профессор кафедры философских наук Московского государственного лингвистического университета (Москва); **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва); **Карлухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург); **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Махаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва); **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Зав. редакцией, компьютерная верстка – **Миронова Елена Витальевна**

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.09.2022 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Кифичак Т.Ю.</i> Исследование социального здоровья военнослужащих как фактор профилактики риска воздействия деструктивных факторов.....	77
<i>Толстикова И.И., Игнатьева О.А., Кондратенко К.С., Плетнев А.В.</i> Особенности социального поведения поколения Z в цифровой среде: сравнительный анализ студентов и старшеклассников.....	81
<i>Евенко С.Л., Гореликов Е.С.</i> Система гражданской экспертизы в социальном управлении вооружённых сил Российской Федерации.....	88

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Полозова И.В.</i> Свобода как субстанция права.....	94
<i>Аторин Р.Ю.</i> Евангельская нравственность как основа этического кодекса старообрядческих предпринимателей XIX века.....	97
<i>Арчибасов М.Е.</i> Имитация как тотальная характеристика системообразующих процессов.....	100
<i>Петряков К.С.</i> Симулякры массового сознания как новое средство ведения вооруженной борьбы.....	103
<i>Егошин В.И.</i> Волонтерство как проявление проективной активности молодежи.....	107
<i>Попов В.В., Дзюба Л.М., Музыка О.А.</i> Субъективное время индивидов с ограниченными возможностями и проблема становления традиционных ценностей во включающем обществе.....	110
<i>Суховская Д.Н.</i> «Ризоматическая система» образовательных практик креативных пространств города.....	114

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Дробышев В.А.</i> Две формы востребованности – зависимая и осознаваемая, и факторы их проявления в природе и обществе.....	117
<i>Яновский М.И.</i> Ленин и Тарковский – два гения многомерности.....	122
<i>Экзекова М.Н.</i> Лингво-исторический анализ религиозных воззрений абазин: религиозная идентичность в условиях глокализации.....	126

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

<i>Михайленок О.М., Щенина О.Г.</i> Гуманитарная экспертиза цифровизации: политологический контекст.....	130
--	-----

<i>Тимофеев О.В.</i> К вопросу о формах выражения общественного мнения в условиях новой реальности.....	135
<i>Галиев Р.Р.</i> Формирование духовно-нравственных ценностей и патриотизма в современной России.....	141
<i>Сайфатова А.Р.</i> Политический институт первой леди: мировой опыт и перспективы современной России.....	145
<i>Брега А.А., Брега Г.В.</i> Изменение политических технологий легитимации власти в условиях сетевизации общества.....	148
<i>Потапов Д.В.</i> Категория и классификация политических режимов: социально-исторический анализ.....	152
<i>Сиротов П.А.</i> Применение инструментов микротаргетинга в формировании общественно- политических процессов.....	156
<i>Левченко Н.В.</i> Экологическая политика в России, 1988–2008 гг.	159

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

<i>Некрасов Д.В.</i> Специальная военная операция на Украине в контексте теории справедливой войны.....	164
<i>Чжу Сюй.</i> Влияние США и Пакистана на развитие китайско-индийского пограничного конфликта на современном этапе.....	167

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Саттарова М.С.</i> Основные направления реализации политики «мягкой силы» США в Центральной Азии.....	171
<i>Павшукова А.Ю.</i> Международное регулирование криптовалют в сфере противодействия финансированию терроризма.....	174
<i>Ло Си.</i> Международное сотрудничество Китая и России в условиях трансформации глобальных политических процессов 2019–2022 гг.	177

ДИСКУССИОННЫЕ ТЕМЫ

<i>Беляева Е.А., Валеева М.В.</i> Взаимодействие российской и китайской высшей школы: геополитические реалии.....	182
<i>Лалин Ф.А.</i> Современные СМИ как глобальный политический актор.....	186
<i>Политова Е.Д.</i> Сознание и материя: эффект наблюдателя (Т. Юнг).....	191

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, BASIC CONCEPTS, MODERN APPROACHES

- Peredumov M.A.* Social interaction of military personnel as a subject of sociology research 5
- Filimonov O.V., Mamatkov S.A.* The influence of managerial culture on the content of management culture in the internal affairs bodies of Russia 8

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT, SOCIOLOGY OF CULTURE

- Shirkova N.N., Marchenko A.A., Ivanova G.P.* Sociocultural adaptation of foreign students: problems and some solutions 12
- Gnevashcheva V.A.* The Phenomenon of Social Loneliness: Risks of Transforming the Traditional Family Construct..... 16
- Popova A.A., Khizhnyakova M.S., Gavrilova Yu.V.* Robotic technology: a generational aspect of use in everyday life 19

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

- Detochenko L.S.* Criteria of a mature personality in the perceptions of young people with disabilities 26
- Ivanenko I.N.* Democracy: conceptualization of the phenomenon..... 31
- Lysova O.V., Abdullina A. Sh., Lysov O.I.* Features of migration educational discourse in the global information system... 37
- Proskurina A.S.* Network Logic of Trust in Disasters 40
- Voronkova O.A.* Social order in new network reality 44
- Kovalchuk V.K.* Social capital as a factor in the development of modern society 50
- Isaeva K.V.* Factor-forming processes of electronic and digital society management transformation 55
- Sirotnin V.A.* Digital reputation management of a business organization: leadership styles..... 59
- Kapustin V.V.* Socio-managerial approach to the analysis of patriotism and military-patriotic training of citizens 62
- Lyalikova S.V., Antonov A.I.* Sociological research of the phenomenon of homeschooling 66
- Igumnov O.A.* Social transformations in the context of institutionalization of the processes of digitalization of the national economy 71
- Kifichak T. Yu.* The study of the social health of military personnel as a factor in the prevention of the risk of exposure to destructive factors 77
- Tolstikova I.I., Ignatjeva O.A., Kondratenko K.S., Pletnev A.V.* Features of the social behavior of generation Z in the digital environment: comparative analysis of students and high school students 81
- Evenko S.L., Gorelikov E.S.* The system of civil expertise in the social administration of the armed forces of the Russian federation..... 88

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY

- Polozova I.V.* Freedom as a substance of law 94
- Atorin R. Yu.* Evangelical morality as the basis of the ethical code of old believers entrepreneurs of the XIX century 97
- Archibasov M.E.* Imitation as a total characteristic of system-forming processes 100
- Petryakov K.S.* Simulacra of mass consciousness as a new means of conducting armed struggle 103

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Andreev Eduard Mikhailovich** –

Deputy Chief Editor, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow);

Balbeko Anatoliy Mihailovich – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vasiliev Vyacheslav Alexandrovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Department of Philosophical Sciences Moscow State University of the Linguistic University (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.),

prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yuriy Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don);

Ivanov Vilen Nikolaevich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci. (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tihonovich** – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Aknullah (Ufa, Bashkortostan)

Secretary of the editorial staff, computer layout – **Mironova Elena Vitalievna**

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.09.2022. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

<i>Egoshin V. Ig.</i> Volunteering as a manifestation of the projective activity of youth	107
<i>Popov V.V., Dzyuba L.M., Muzika O.A.</i> Subjective time of individuals with disabilities and the problem of formation of traditional values in an inclusive society	110
<i>Sukhovskaya D.N.</i> «Rhizomatic system» of educational practices of creative spaces of the city	114

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Drobyshev V.A.</i> Two forms of demand – dependent and conscious, and the factors of their manifestation in nature and society	117
<i>Yanovsky M.I.</i> Lenin and Tarkovsky – two geniuses of multidimensionality	122
<i>Ekzekova M.N.</i> Linguistic and historical analysis of Abaza religious views: Religious identity in the context of globalization ...	126

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Mikhaylenok O.M., Shchenina O.G.</i> Humanitarian expertise of digitalization: a political context	130
<i>Timofeev O.V.</i> On the issue of the forms of expression of public opinion in the new reality	135
<i>Galiev R.R.</i> The formation of spiritually-moral values and patriotism in modern Russia	141
<i>Sayfatova A.R.</i> Political Institute of the First Lady: world experience and prospects of modern Russia	145
<i>Brega A.A., Brega G.V.</i> Change of political technologies of legitimation of power in the conditions of networkization of society	148

<i>Potapov D.V.</i> Category and classification of political regimes: socio-historical analysis	152
<i>Sirotov P.A.</i> The use of microtargeting tools in the formation of socio-political processes	156
<i>Levchenko N.V.</i> Environmental policy in Russia, 1988–2008	159

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Nekrasov D.V.</i> Special military operation in Ukraine in the context of the theory of just war	164
<i>Zhu Xu.</i> Influence of the USA and Pakistan on the development of the Sino-Indian border conflict at the present stage	167

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Sattarova M.S.</i> The main directions of the implementation of the US «soft power» policy in Central Asia	171
<i>Pavshukova A. Yu.</i> International regulation of cryptocurrencies in the field of combating the financing of terrorism	174
<i>Lo Sii.</i> International cooperation between China and Russia in the context of the transformation of global political processes in 2019–2022	177

DISCUSSION TOPICS

<i>Belyaeva E.A., Vladimirovna V.M.</i> Interaction between Russian and Chinese higher education: geopolitical realities	182
<i>Lapin Ph.A.</i> Modern media as a global political actor	186
<i>Politova E.D.</i> Matter and mind: the observer effect (T. Jung)	191

Социальное взаимодействие военнослужащих как предмет исследования социологии

Передумов Михаил Андреевич,

адъютант Саратовского военного ордена Жукова
Краснознаменного института войск национальной гвардии
Российской Федерации
E-mail: mihail-peredumoff@yandex.ru

В статье выявлены, проанализированы, обобщены различные концепции, представляющие теоретические основы исследования социального взаимодействия, дифференцированы теоретические разработки. На основе результатов теоретического анализа представлена интегрированная конструкция социологического содержания феномена социального взаимодействия военнослужащих, уточнены формы его проявления: 1) кратковременное – долговременное; 2) согласованное – конфликтное; 3) прямое – косвенное противоборство. Доказано, что социальное взаимодействие военнослужащих в интегрированном контексте необходимо рассматривать как характеристику социокультурного процесса, при котором отдельные военнослужащих или их группы осуществляют формирование человеческого потенциала, коммуницируют между собой, формируют определенный стиль поведения и действия, влияют друг на друга, вызывают прямые и обратные социальные реакции.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, трансформация, военнослужащие, формы взаимодействия, социокультурный процесс.

Развитие социологических знаний открывает перспективы комплексного рассмотрения социальных явлений, которые ранее исследовались другими гуманитарными науками: социальной философией, культурологией, конфликтологией. Особое значение сегодня приобретают универсальные проблемы культуры отдельных профессиональных групп, их взаимодействие, специфика социального действия, понимания, общения. К последним можно отнести и проблемы жизнедеятельности военнослужащих, способ их взаимного влияния, коммуникаций, формирования поведенческих практик, социально-культурных отношений. Сегодня важно исследовать проблемы социального взаимодействия военнослужащих. Поэтому необходимо не только уточнение самого термина, но и выявление специфики его содержания, представления его основных социальных черт. Для решения данной задачи рассмотрим различные теоретические социологические концепции социального взаимодействия, ранжируем их по нескольким условным группам, проанализируем основные подходы, что должно обеспечить возможность не только интегрировать взгляды ученых, но и раскрыть специфику проявления социального взаимодействия военнослужащих как особенной профессиональной группы населения России.

Исследователей проблем социального взаимодействия условно разделим на три группы: теории классиков социологии, социально-культурологических концепций, парадигм военной социологии. Рассмотрим и проанализируем подробнее идеи социологов, представляющих данные группы.

В рамках классической социологии представляется общее теоретико-методологическое обоснование исследуемой проблемы. Г. Зиммель представляет социальную теорию анализа явлений социального взаимодействия. В данной теории раскрываются виды социального взаимодействия. Последние подразделяются на несколько групп: «социальные процессы» (простые и относительно устойчивые виды социального взаимодействия); «социальные типы» (характеристики субъектов, вовлечённых в социальное взаимодействие), «социальные модели развития» (дифференциальный набор прогрессов родственных видовых форм взаимодействия) [12]. М. Вебер доказывает, что всякое действие имеет множество форм и проявляется как социальное действие. Последнее в большей или меньшей степени включает также и социальные отношения в целом, прямые и обратные связи, отношения «субстантивной» реальности и рациональности. Поэтому здесь всякое действие предполагает выход в область взаимодействия, проявляющегося в рамках ценностных и культурных ориентаций личности [3].

Развивает данные идеи Сорокин П.А. [11]. Он раскрывает суть данного явления, доказывает, что появление всякого социального взаимодействия связано с реально существующей и функционирующей социальной группой, которая отличается от неформального скопления субъектов тем, что ее индивиды действуют, находят-

ся в процессе обратной связи, то есть взаимодействуют. Здесь процесс социального взаимодействия представляет собой результат социального действия, имеющего обратную связь, что объективно порождает факт социального взаимодействия. Несложно заметить, что Сорокин П.А. рассматривает социальное взаимодействие как процесс. При этом он выявляет двойственную сущность данного процесса. С одной стороны, – это реакция на некий набор поведенческих актов индивида, происходящих самопроизвольно, а порой и спонтанно. С другой – процесс, имеющий ряд качественных характеристик, связанных с дозволенностью, мотивацией или запрещенностью и демотивацией.

Таким образом, уже в рамках классики социологии Г. Зиммель раскрывает виды социального взаимодействия (процессы, типы, модели). М. Вебер выявляет роль и место социального взаимодействия в системе социального действия. Сорокин П.А. уточняет предпосылки появления социального взаимодействия в контексте существования и функционирования ряда социальных групп. Обосновывается суть данного явления как действия индивидов, находящихся в процессе обратной связи, то есть в социальной связи и взаимодействия. Представляются количественные и качественные характеристики данного явления. Недостатком классического подхода является его оторванность от практики социокультурного действия индивидов, абстрагирование от конкретных поведенческих функций, проявления действий конкретных формальных организационных групп и акторов.

Данные недостатки частично преодолеваются в рамках социокультурных концепций социального взаимодействия. Так, П. Бурдьё доказал, что в современных условиях индивид уже выступает не только как хозяйствующий субъект, социальные действия которого проявляются как объективирующийся конструкт общественной системы, но и как субъект, реализующий прямые и обратные действия, осуществляющий «сознательную целенаправленную практику, подчиняясь определенному правилу» [6]. Человек в современных условиях – это уже некий агент, не являющийся автоматом, отлаженным как часы в рамках законов «механики, которые им неведомы» [1]. П. Бурдьё доказывает, что всякий актор в большей или меньшей степени осуществляет относительно свободные действия, которые представляют собой меняющийся и совершенствующийся своеобразный системный комплекс действий и обратных действий, социальной практики. Последние характеризуют потенциальные возможности агентов реализовывать социальное взаимодействие. Ф. Фукуяма предлагает рассматривать этические привычки, определяющие действия человека в рамках базы доверия к внешним агентам, а также реализацию способности действовать, спонтанно взаимно общаться, реализовывать социальные роли по взаимодействию, что и определяет возможность создания общественных благ [2]. Исходя из данных теоретических посылок, можно сказать, что социальное взаимодействие на практике представляет собой механизм реализации социального капитала. Оно отражает не только культурные, но и социальные внутренние характеристики человека в форме базовой социальной ценности общества. Обобщает данные идеи Баландина Т.М. [4], доказывая, что социальное взаимодействие – это практический результат формирования и накопления культуры социума, формирования мотивационных основ целевой деятельности акторов. Важным детерминатором взаимодействия выступает не только потребности, которые реализуются в процессе социально-экономического действия, но и культурные ценности, интересы, социальные цели субъектов. При этом, статус индивидов и стиль взаимодействия групп

проявляется в идентификации личностей, реализации их стремления, а также готовности к принятию ценностей, идеалов, традиций общества, их предпочтения взаимодействовать в рамках и в соответствии с нормами и ценностями отдельной организации [5].

Таким образом, в рамках социокультурных концепций социального взаимодействия представляется расширенный подход к исследованию социального взаимодействия. Здесь социальное поведение представляет собой базовый элемент социального взаимодействия. Оно отражает систему поступков, поведения и действий личности или группы акторов. Поэтому «социальное взаимодействие» здесь означает социокультурный процесс, в рамках которого действующие отдельные и групповые акторы в ходе социокультурных коммуникаций собственным поведением определяют прямое и обратное влияние агентов. При этом данные агенты являются не только объектами влияния, они также вызывают ответные многонаправленные реакции в социуме. В социокультурном контексте социальное взаимодействие является сложным процессом, включающем в себя развитие и накопление культурного деятельного потенциала, а также взаимообусловленное воздействие и влияние различных социальных акторов друг на друга. Отметим в качестве недостатка подхода то, что в рамках расширенного социокультурного подхода, в предмет исследования не включаются практики социального взаимодействия различных профессиональных групп в целом и военнослужащих в частности.

В рамках парадигм военной социологии предпринята попытка преодоления данного недостатка. Немоляев В.В. раскрывает профессиональное развитие военнослужащих как форму социального взаимодействия, проявляющегося в виде процесса взаимного социального поддержания, а также качественного роста акторов служебного труда, достижение уровня их качества общественно необходимым требованиям [9]. Пихтелев А.М. обосновывает возможность рассмотрения социального взаимодействия в рамках реализации различных форм социальной деятельности, ориентированной на реализацию военных, а также внешних социальных, экономических, политических, психологических функций [10]. Быченко Ю.Г. обращает внимание на то, что концепция социального действия должна формулироваться на основе междисциплинарного анализа, что позволит выразить социальные процессы и отношения в терминах универсальных монетарных категорий и одновременно учитывать специфику социокультурного контекста данного процесса [7]. Представляется синтезирующий военно-социологический подход [8] при раскрытии сущности социального поведения, с одной стороны, определяющего процесс роста человеческого потенциала, с другой – социальное целевое взаимодействие, реализация интересов определенных относительно независимых актов. Доказывается, что социальное взаимодействие военнослужащих внешне проявляется как их социальная деятельность. Последняя включает в себя потенциал, статусы, цели, роли, специфический набор социальных отношений, символов, а также действенных значений военной профессии.

Таким образом, в рамках парадигм военной социологии профессиональное развитие военнослужащего можно рассматривать как результат не только образовательной профессиональной подготовки, но и реализации образовательного потребления, обеспечения оптимальных условий совершенствования военно-профессионального потенциала акторов. В данном контексте социальный процесс проявляется как динамическая характеристика социального взаимодействия, в результате которого происходит постоянное изменение и развитие социальной системы военной организации. Все, что проис-

ходит в социальной системе военной организации: развитие и стагнация, профессиональный рост, служебно-трудовая реализация, социальные расслоения и интеграция, мобильность и устойчивость – все это производные определенных социальных процессов, включенных в систему социального взаимодействия военнослужащих.

Подводя итог нашему микротейоретическому исследованию, можно представить интегрированный подход к содержанию социального взаимодействия военнослужащих как социокультурного процесса, при котором отдельные военные или их группы развивают собственный человеческий потенциал, коммуницируют между собой, формируют определенный стиль поведения и действия, влияют друг на друга, вызывают прямые и обратные социальные реакции. Можно обосновать содержание социального взаимодействия военнослужащих как непосредственно-опосредованного действия, обратного воздействия одного или нескольких социальных объектов или субъектов, порождающий прямую, а также обратную взаимную связь и обусловленность в системе военной организации. При интегрированном подходе социальное взаимодействие определяет характер социальных отношений, складывающихся между военнослужащими или их группами как носителями общих или различных социальных действий. В процессе реализации социального взаимодействия важно уточнить различия военнослужащих как акторов взаимодействия по служебно-трудовым позициям: социальному статусу и роли. Подчеркнем, что социальное взаимодействие военнослужащих детерминировано наличием у них потенциала действия и тем, что в данном процессе участвуют акторы, реализующие не только собственный потенциал, но и определенные специфические цели, интересы, предпочтения, обусловленные неким набором потребностей военной организации в целом. Поэтому можно рассматривать социальное взаимодействие военнослужащих как факт кратковременного и длительного действия и взаимодействия. Данное взаимодействие не всегда представляет собой согласованный, уравновешенный процесс. Оно может реализовываться в форме столкновения, конфликта, прямого или косвенного противоборства военнослужащих.

Литература

1. Bourdieu, P. *Choses dites*. Paris: Minuit, 1987. P. 19.
2. Fukuyama, F. *Trust: the social virtues and the creation of prosperity*. London: Hamish Hamilton, 1995. P. 37.
3. Weber, M. *Economy and Society*. Vol. I. University of Berkeley, California Press. 1978. P. 85–86.
4. Баландина, Т.М. Формирование организационной культуры инновационного типа. – Саратов: СГСЭУ, 2004. – 192 с.
5. Баландина, Т.М., Петров Н.Р. Пути формирования адаптивного социального партнерства в системе социально-трудовых отношений в России // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 4. С. 28–31.
6. Бурдые, П. Социология политики. М., 1993. С. 11.
7. Быченко, Ю.Г. Экономическое действие как форма социального действия / Ю.Г. Быченко, Т.М. Баландина // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2018. № 12–3(12) С. 35–40 https://elibrary.ru/download/elibrary_32785496_20101601.pdf
8. Быченко, Ю.Г. Развитие человеческого потенциала в оценках военнослужащих / Ю.Г. Быченко, А.М. Пихтелёв // *Власть*. – 2019. – № 1. – С. 209–216.
9. Немоляев, В.В. Конструирование социально-профессионального развития офицеров национальной гвардии России [Текст] / В.В. Немоляев, А.М. Пихтелёв // *Вестник Поволжского института управления*. – 2017. – Т. 17. – № 3. – С. 95–101.
10. Пихтелёв, А.М. Духовно-культурное развитие деятельности человеческого потенциала военнослужащих / А.М. Пихтелёв // *Alma mater*. – 2019. – № 4. – С. 62–66.
11. Сорокин, П.А. Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика. Учение о строении сложных социальных агрегатов / П.А. Сорокин. М., 1993. 168 с.; Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин. М.: Астрель, 2006. –1176 с
12. Формальная социология Г. Зиммеля / Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семёнов В.А. *Западная теоретическая социология*. – М.: Ольга, 1996. – 286 с.

SOCIAL INTERACTION OF MILITARY PERSONNEL AS A SUBJECT OF SOCIOLOGY RESEARCH

Peredumov M.A.

Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation

Various concepts representing the theoretical foundations of the study of social interaction are identified, analyzed, generalized, and theoretical developments are differentiated. Based on the results of the theoretical analysis, an integrated construction of the sociological content of the phenomenon of social interaction of military personnel is presented, the forms of its manifestation are clarified: 1) short-term – long-term; 2) coordinated – conflict; 3) direct – indirect confrontation. It is proved that the social interaction of military personnel in an integrated context should be considered as a characteristic of the socio-cultural process in which individual military personnel or their groups carry out the formation of human potential, communicate with each other, form a certain style of behavior and actions, influence each other, cause direct and reverse social reactions.

Keywords: social interaction, transformation, military personnel, forms of interaction, socio-cultural process.

References

1. Bourdieu, P. *Choses dites*. Paris: Minuit, 1987. P. 19.
2. Fukuyama, F. *Trust: the social virtues and the creation of prosperity*. London: Hamish Hamilton, 1995. P. 37.
3. Weber, M. *Economy and Society*. Vol. I. University of Berkeley, California Press. 1978. P. 85–86.
4. Balandina, T.M. Formation of organizational culture of innovative type. – Saratov: SSEU, 2004. – 192 p.
5. Balandina, T.M., Petrov N.R. Ways of forming adaptive social partnership in the system of social and labor relations in Russia // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2020. No. 4. pp. 28–31.
6. Bourdieu, P. *Sociology of Politics*. M., 1993. p. 11.
7. Bychenko, Yu.G. Economic action as a form of social action / Yu.G. Bychenko, T.M. Balandina // *Actual problems of humanities and socio-economic sciences*. 2018. No. 12–3(12) pp. 35–40 https://elibrary.ru/download/elibrary_32785496_20101601.pdf
8. Bychenko, Yu.G. Human potential development in the assessments of military personnel / Yu.G. Bychenko, A.M. Pihitelev // *Power*. – 2019. – No. 1. – pp. 209–216.
9. Nemolyaev, V.V. Designing the socio-professional development of officers of the National Guard of Russia [Text] / V.V. Nemolyaev, A.M. Pikhitelev // *Bulletin of the Volga Institute of Management*. – 2017. – Vol. 17. – No. 3. – pp. 95–101.
10. Pihitelev, A.M. Spiritual and cultural development of the active human potential of military personnel / A.M. Pihitelev // *Alma mater*. – 2019. – No. 4. – pp. 62–66.
11. Sorokin, P.A. *System of Sociology*. Vol. 2. Social analytics. The doctrine of the structure of complex social aggregates / P.A. Sorokin. M., 1993. 168 p.; Sorokin P.A. *Social and cultural dynamics* / P.A. Sorokin. M.: Astrel, 2006. –1176 p.
12. Formal sociology of G. Zimmel / Gromov I.A., Matskevich A. Yu., Semenov V.A. *Western theoretical sociology*. – Moscow: Olga, 1996. – 286 p.

Влияние управленческой культуры на содержание культуры управления в органах внутренних дел России

Филимонов Олег Викторович,

д.с.н., доцент, профессор Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Маматов Сергей Александрович,

магистрант Академии управления МВД России
E-mail: s.mamatkov@yandex.ru

В статье описывается изменение содержания этических норм и представлений об эталонах управления организацией под воздействием управленческой культуры. Благодаря собранным первичным эмпирическим данным обнаружено смещение ценностных ориентаций участников управленческого процесса в сторону заботы о персонале, развитии коллективных начал совместной деятельности. Сделаны выводы о причинах, обуславливающих трансформацию культуры управления и перспективах разрешения сложившейся ситуации.

Ключевые слова: управленческая культура, организация, культура управления, человеческий ресурс.

Постановка научной проблемы

В социологии управления как одной из отраслей социологического знания, в последнее время управление все чаще рассматривается сквозь призму культуры. В нашей статье мы сфокусируем внимание на изменении восприятия сотрудниками полиции норм и ценностей, которые содержательно наполняют понятие «культура управления». Эти изменения были обнаружены в результате эмпирических исследований с использованием опросной методики.

В структуре управления организацией, в культурном ракурсе его рассмотрения, выделяют два взгляда на управление. Первый, актуализирует понятие «управленческая культура», второй «культура управления». Подробное описание особенностей этих феноменов не входит в задачи нашего исследования, поэтому ограничимся тем, что подчеркнем основные сущностные отличия. Управленческая культура в последнее время все чаще рассматривается с позиций деятельностного подхода. Осуществляя синтез знаний о культуре и управлении и опираясь на концепцию управленческой культуры, мы в то же время стремимся максимально полно понять реальное, а не идеальное бытование управленческих практик в условиях организационного своеобразия. В этом случае совмещение формальных и неформальных элементов процесса управления превращается в надъиндивидуальное социальное явление, принципиально отличное от того, что вбирает в себя понятие «культура управления». Последняя существует на индивидуальном уровне, и интерпретируется как позитивная совокупность этических качеств и представлений членов организации, воплощающихся в статусной дихотомии начальник-подчиненный.

При рассмотрении культуры управления задействован аксиологический подход, который предполагает, что есть некий высокий, близкий к идеальному уровень культуры, который может быть воплощен в ходе осуществления управления. Носителями культуры управления выступают индивиды. Следовательно, на них можно оказывать воспитательные воздействия с целью формирования у них желаемых ценностных ориентаций. Так как социально-демографические параметры членов организации неоднородны речь может идти о значительном разбросе мировоззрений, ценностей, жизненных смыслов индивидов. В данной статье мы опишем обнаруженные изменения перечисленных параметров связанные как с типичными практиками управления, так и со сменой поколений сотрудников органов внутренних дел России (ОВД).

Изменения в содержании культуры управления

Культура обновляет унаследованные из прошлого ценности и нормы с учетом происходящих в обществе изме-

нений, транслирует их живущим поколениям, наделяет определенными паттернами поведения, которые необходимо учитывать при решении задач управления [2, с. 85]. В любой организации происходит постепенная, а в некоторых условиях и относительно быстрая смена поколений. Представителям одного поколения свойственно иметь, разделять, быть носителями, общих норм, ценностей, убеждений, моделей поведения. Часть из них непосредственно касается того как нужно управлять.

В рамках панельного исследования нами были сделаны два замера представлений респондентов, в 2015 и в 2022 годах. Респондентами выступили сотрудники старшего начальствующего состава, которые на момент исследования проходили службу в специальных званиях от майора до подполковника полиции. Задавался один и тот же вопрос: «Что бы Вы поменяли в процессе управления для повышения его эффективности?».

На каждом из этапов исследования респондентами выступили полицейские, которые прибывали в течение года в Академию управления МВД России для повышения своей квалификации. Делегирование сотрудников на такие курсы осуществляется плановым порядком, с постепенным охватом всех субъектов Российской Федерации. Фактически в исследовании приняли участие представители среднего звена управления органами внутренних дел из подавляющего числа российских регионов.

Сосредоточим свое внимание на том как, насколько и в какую сторону сместились представления участников исследования о том за счет чего следует повышать эффективность управления. В 2015 году большая часть рекомендаций сводилась к таким предложениям: оптимизировать процесс управления за счет исключения лишних действий; уменьшить количество контролируемых и инспекционных подразделений; пересмотреть систему оценки деятельности; изменить систему набора кадров и порядок стимулирования труда сотрудников ОВД; более тщательно отбирать кадры на руководящие должности, с учетом необходимого уровня знаний и умений; расширить практику делегирования полномочий; обеспечить гибкость в управлении с учетом ситуации; повысить квалификацию сотрудников; разработать критерии успешной деятельности; четко соблюдать требования нормативных документов.

Обобщить все высказанные предложения можно в виде следующей фразы: «влиять нужно через кадры, знания, материальное стимулирование, оптимизацию процедур управления».

В 2022 году направленность предложений и рекомендаций заметно изменилась. Вот те из них которые практически не встречались в ходе первой волны исследования: индивидуальный подход к подчиненным; перевести взаимодействие руководителя с подчиненными на более высокий уровень; изменить отношение к людям; беречь и любить подчиненных; развивать систему поощрений подчиненных; снизить нагрузку на личный состав; улучшить социально-психологический климат в коллективах; давать подчиненным сотрудникам больше самостоятельности, свободы в действиях, в пределах выполняемых заданий, меньше их ограничивать; не ограничивать проявления креативной составляющей в деятельности сотрудников; соблюдать права сотрудников, учитывать их интересы; способствовать самовыражению и творчеству подчиненных, экономить их время; использовать время с пользой для общего дела и для саморазвития; уделять внимание личностному росту всех членов коллектива; избавляться от формализма в работе; поддерживать неформальные отношения и воспринимать их как ценный ресурс.

Обобщить высказанные предложения можно в виде следующей фразы: «беречь кадры, формировать коллективы, управлять творчески, избегать формализма в работе». Как уже было сказано раньше подобные рекомендации практически не встречались, сейчас подобного рода предложения составляют порядка 60% от общего количества высказываний.

Влияние управленческой культуры на содержание культуры управления

С опорой на вторичные социологические данные, поразмышляем над выявленными изменениями и тем, чем они могут быть обусловлены. Анализ результатов исследований таких авторов как Д.Г. Передня, Е.Р. Амирова [5, с. 207], А.В. Саблуков [9, с. 130], О.И. Ильянова [7, с. 42], А.В. Половнев, В.В. Жучков [8, с. 297], дают основания полагать, что к настоящему времени в значительной мере исчерпан запас прочности человеческого ресурса в организации. Избыточная интенсификация труда сотрудников органов внутренних дел, кадровый некомплект, который особенно заметен на низовых уровнях организации, некоторое время могут компенсироваться за счет дополнительной мобилизации волевых и физических усилий персонала организации. Административное давление, страх потерять работу, способствуют повышению уровня терпимости к перегрузкам. При этом может наступить привыкание руководителей решать задачи путем интенсификации труда. Альтернативой этому служит практика управления человеческими ресурсами в ходе которой происходит своевременная диагностика состояния персонала, обнаружение накопленной усталости и истощения сил, поиск путей восстановления растратенного потенциала. Ценностная нагруженность труда, как культурная универсалия может поддерживаться только при условии, когда человеческий ресурс имеет возможности для восстановления. Причем эти проблемы не избирательны, нельзя сказать, что они свойственны только какой-либо одной организации или стране, они в достаточной степени универсальны [11, с. 53].

Практически мы имеем дело с ситуацией, когда сложившаяся в органах внутренних дел управленческая культура со всеми присущими ей свойствами, и проявлениями, влияет и изменяет ценностные установки и ориентиры сотрудников организации, то есть изменяет содержание представлений о культуре управления. Особенно явно это происходит, когда представители одного поколения замещаются более молодыми сотрудниками, которые сформировались в других социокультурных условиях.

Управленческая культура представляет собой синтетическую характеристику преобладающих способов деятельности индивидов, включенных в организационную структуру и, являющихся участниками управленческого процесса. Характеристики управленческих практик, преобладающие способы управления, принятые в организации, по-видимому, значительно истощили человеческий потенциал, что и проявилось в результатах исследования. Произошло смещение акцентов в содержательной структуре культуры управления. Были воссозданы ценности, которые становятся приоритетными и желательными для их потенциальной реализации в ходе управления. Напомним, речь идет о смещении акцентов и содержательных посылов, связанных с влиянием на управление через кадровую политику, компетентность руководителей, материальное стимулирование подчиненных. Сейчас предлагается беречь кадры, формировать коллективы, управлять гибко, творчески, минимизировать формализм в работе. Все эти предложения вписывают-

ся в более широкий контекст предпочтений представителей поколения игрек, которые начинают преобладать на средних, а порой и на верхних уровнях управления. Среди их установок и ценностных ориентаций находится больше место качеству жизни, творчеству, самообразованию [3, с. 24], репутации, имиджу [6, с. 141]. Все это следует учитывать при построении прогнозов развития управленческой культуры.

Высказывания респондентов в разные периоды исследования, с одной стороны существенным образом разнятся, с другой не образуют жесткую дихотомию. Дело в том, что «чем равнодушнее и безразличнее отношение к человеку в целом и к конкретному сотруднику в частности, тем слабее система стимулирования» [10, с. 306]. Это значит, что желание более щадящего отношения к человеческим ресурсам, не исключает развитие системы стимулирования, о которой говорили участники исследования первой волны в 2015 году.

Управленческая культура как надъиндивидуальное образование, в процессе множества социальных интеракций, большого числа разноуровневых участников управленческого процесса создает эффект принятия, либо отторжения текущих практик регулирования жизнедеятельности организации. Данный эффект постепенно кристаллизуется в представлениях о том, как должно быть, из которых и состоит ткань культуры управления.

Регулирующие воздействия в организации, постепенно рутинизируются и не воспринимаются как что то, уникальное и единичное. При этом привычность и свойственное ей ощущение безопасности для членов коллектива, сохраняется до определенного момента. Часто этот момент совпадает с дилеммой, сохранять членство в организации с надеждой на скорые перемены, или принимать решение об увольнении.

Трансформации в содержании культуры управления, в том числе и те, которые обнаружены благодаря нашему исследованию, создают, по сути, социальный запрос на изменения. Наличие социального запроса повышает вероятность воплощения ожиданий в практике. «Способность к формированию и сохранению конкурентоспособности человеческих ресурсов является важнейшим условием эффективности деятельности и достижения благополучия любой организации» [1, с. 22]. Скорость реализации ожидаемых перемен зависит от различных факторов, например от степени закрытости организации, ее инертности, системноцентричности [4, с. 3369]. Культурное опосредствование изменений в практиках управления, важный ракурс рассмотрения управления как такового.

Заключение

Проведенное исследование позволило обнаружить содержательные изменения в представлениях о том за счет чего можно улучшить управление в такой организации как органы внутренних дел России. На наш взгляд это является отражением влияния управленческой культуры этой организации на управленческую этику. Представления о должном, о том как следует осуществлять повседневное управление в организации постепенно оказались в контр позициях с сущим, с тем какие сейчас управленческие практики. Обнаруженное расхождение представляет собой своеобразную форму ожиданий внутриорганизационной общественности, своего рода социальный заказ на перемены, источники которых нам теперь стали более понятны.

Обнаруженное также «взаимоперетекание» и взаимовлияние управленческой культуры и культуры управ-

ления, есть важный вклад в методологию концептуализации этих двух социальных феноменов. Которые хоть и в значительной степени разные, но тем не менее взаимосвязаны. Поэтому обнаруженные изменения в определенной мере способствуют интеграции взглядов на культуру управления как отдельного социального явления с управленческой культурой.

Литература

1. Адиулов М.Р. Влияние качества человеческих ресурсов на эффективность деятельности организации // Мировой опыт и экономика регионов России. Сборник научных работ молодых ученых по материалам XIX Всероссийской студенческой научной конференции с международным участием. Курск, 2021. С. 22–26.
2. Диев В.С. «Две культуры» в современном управлении // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2006. Т. 4, вып. 2. С. 85–87.
3. Передня Д.Г. Самообразование курсантов высших военно-учебных заведений МО РФ и его институциональное регулирование (социологический анализ). Автореферат дис. ... кандидата социологических наук / Воен. ун-т. – Москва, 2003. – 24 с.
4. Передня Д.Г. Системоцентризм как характеристика управленческой культуры в органах внутренних дел России // В сборнике: Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Российское общество социологов. 2016. С. 3369–3373.
5. Передня Д.Г., Амирова Е.Р. Коммуникативные аспекты управленческой культуры в органах внутренних дел России // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 1. С. 207–212.
6. Передня Д.Г., Захаров Д.В. Имидж сотрудников полиции сквозь призму социальных ожиданий граждан // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 2. С. 141–149.
7. Передня Д.Г., Ильянова О.И. Управленческая культура как социальный факт обществ разного вида // Миссия конфессий. 2022. Том 11. Часть 2 (№ 59). С. 42–50.
8. Передня Д.Г., Половнёв А.В., Жучков В.В. Социальное восприятие профессий в представлениях московской студенческой молодежи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1 (834). С. 297–316.
9. Саблуков А.В. Управленческая культура в информационном обществе // Вестник Московско-го государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846). С. 130–135. DOI 10.52070/2500–347x_2022_1_846_130
10. Хвостова А.С., Татаренко Л.Ю. Управление человеческими ресурсами в организации в контексте теории управления // Качество продукции: контроль, управление, повышение, планирование. Сборник научных трудов 7-й Международной молодежной научно-практической конференции. В 3-х томах. Отв. редактор Е.В. Павлов. 2020. С. 306–310.
11. Adagbabiri M.M., Okolie U.C. Human Resource Management Practices and Organizational Performance: An Empirical Study of Oil and Gas Industry in Nigeria. RUDN Journal of Public Administration. 2020; 7 (1): 53–69. DOI: 10.22363/2312–8313–2020–7–1–53–69

THE INFLUENCE OF MANAGERIAL CULTURE ON THE CONTENT OF MANAGEMENT CULTURE IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF RUSSIA

Filimonov O.V., Mamatkov S.A.

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article describes the change in the content of ethical norms and ideas about the standards of organization management under the influence of managerial culture. Thanks to the collected primary empirical data, a shift in the value orientations of the participants in the management process towards caring for the staff, the development of collective principles of joint activity was found. Conclusions are drawn about the reasons for the transformation of the management culture and the prospects for resolving the current situation.

Keywords: management culture, organization, management culture, human resource.

References

1. Adilov M.R. The influence of the quality of human resources on the effectiveness of the organization // World experience and economics of the regions of Russia. Collection of scientific works of young scientists based on the materials of the XIX All-Russian Student Scientific Conference with international participation. Kursk, 2021. pp. 22–26.
2. Diev V.S. «Two cultures» in modern management // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2006. Vol. 4, issue. 2. pp. 85–87.
3. Perednya D.G. Self-education of cadets of higher military educational institutions of the Ministry of Defense of the Russian Federation and its institutional regulation (sociological analysis). Abstract of the dissertation of the Candidate of Sociological Sciences / Military. un-T. – Moscow, 2003. – 24 p.
4. Perednya D.G. Systemocentrism as a characteristic of managerial culture in the internal affairs bodies of Russia // In the collection: Sociology and Society: Social inequality and Social Justice. Materials from the V All-Russian Sociological Congress. Russian Society of Sociologists. 2016. pp. 3369–3373.
5. Perednya D.G., Amirova E.R. Communicative aspects of managerial culture in the internal affairs bodies of Russia // Socio-humanitarian knowledge. 2020. No. 1. pp. 207–212.
6. Perednya D.G., Zakharov D.V. The image of police officers through the prism of social expectations of citizens // Socio-humanitarian knowledge. 2018. No. 2. pp. 141–149.
7. Perednya D.G., Ilyanova O.I. Managerial culture as a social fact of societies of different types // Mission of confessions. 2022. Volume 11. Part 2 (No. 59). pp. 42–50.
8. Perednya D.G., Polovnev A.V., Zhuchkov V.V. Social perception of professions in the representations of Moscow student youth // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. 2019. No. 1 (834). pp. 297–316.
9. Sablukov A.V. Managerial culture in the information society // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. 2022. Issue 1(846). pp. 130–135. DOI 10.52070/2500–347x_2022_1_846_130
10. Khvostova A.S., Tatarenko L. Yu. Human resource management in an organization in the context of management theory // Product quality: control, management, improvement, planning. Collection of scientific papers of the 7th International Youth Scientific and Practical Conference. In 3 volumes. Editor-in-chief E.V. Pavlov. 2020. pp. 306–310.
11. Adagbabiri M.M., Okolie U.S. Human resource management practice and organizational efficiency: An empirical study of the oil and gas industry in Nigeria. Journal of Public Administration of the RUDN. 2020; 7 (1): 53–69. DOI: 10.22363/2312–8313–2020–7–1–53–69

Социокультурная адаптация иностранных студентов: проблемы и пути решения

Ширкова Наталия Николаевна,

к.п.н., научный сотрудник, Институт образования,
Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики»
E-mail: nshirkova@hse.ru

Марченко Алла Александровна,

к.п.н., доцент, Московский государственный областной
университет
E-mail: geoalla@bk.ru

Иванова Галина Павловна,

д.п.н., профессор, Московский государственный областной
университет
E-mail: ivgp@mail.ru

В представленной статье на основе научного осмысления литературы и собственных эмпирических исследований рассматривается сущность и специфика социокультурной адаптации иностранных обучающихся. Авторами были проанализированы факторы, влияющие на успешность данного процесса, а также представлена авторская программа поддержки и сопровождения иностранных студентов. Значимость разработанной программы заключается в необходимости обеспечения улучшения процесса адаптации иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, с одной стороны, и недостаточным вниманием со стороны профессионального сообщества к разработке практико-ориентированных программ по сопровождению иностранных обучающихся на всех этапах их адаптационного процесса – с другой.

Ключевые слова: высшее образование, университет, иностранный студент, социокультурная адаптация, факторы адаптации, уровень социокультурной адаптированности, поддержка и сопровождение иностранных обучающихся, поликультурная среда вуза.

Введение

Интеграция российской системы образования в мировое образовательное пространство предполагает решение новых задач, связанных с интенсификацией и расширением международных образовательных контактов. Сотрудничество в этой сфере обусловлено необходимостью повышения конкурентоспособности российских вузов и качеством предоставления образовательных услуг. Сегодня образование иностранных студентов в российских вузах является одним из ключевых направлений в деятельности высших учебных заведений [5]. Несмотря на создающиеся в российских вузах факультеты и подразделения по международным связям и отношениям, иностранные студенты являются наиболее уязвимой группой обучающихся в вузах [15].

В изучении проблематики социокультурной адаптации студентов происходят положительные изменения: продолжается интеграция различных научных подходов и концепций; происходит уточнение понятий «адаптация», «ассимиляция», «аккультурация» применительно к иностранным обучающимся; разрабатываются инновационные адаптационные программы и программы сопровождения [8]. Однако в данном направлении существует ряд проблем, которые, по нашему мнению, свидетельствуют всё ещё о недостаточной проработанности данной проблемы. Во-первых, большинство исследований сконцентрированы на академической составляющей адаптации иностранных студентов в новом образовательном пространстве. Во-вторых, в научной литературе и педагогической практике до сих пор комплексно не рассмотрена специфика деятельности педагогического коллектива вуза в данном направлении.

В данной статье будет представлена сущность и специфика процесса социокультурной адаптации иностранных студентов, факторы, влияющие на данный процесс, а также представлена разработанная авторами педагогическая программа поддержки и сопровождения иностранных студентов, приехавших на обучение в российские вузы.

Анализ различных авторских подходов позволил выделить ряд определений термина «социокультурная адаптация» применительно к иностранным студентам [6; 7; 9; 14]: взаимодействие адаптирующегося студента с новой социокультурной, академической, цифровой средой; взаимодействие в различных социальных системах, таких как «иностраный студент – российский студент», «иностраный студент – культурная среда», «иностраный студент – студенческий коллектив», «иностраный студент – новая академическая среда»; ассимиляция и аккультурация; результат адаптации (адаптированность).

Исследователи предполагают [4; 17], что факторы, влияющие на процесс адаптации иностранных обучающихся, можно разделить по трём категориям:

- макросоциальные воздействия (форма государственного правления, административно-территориальное устройство, политический режим, социально-экономическое устройство, культурная дистанция между странами),

- мезофакторы (академические изменения, уровень владения русским языком, отношения в студенческом коллективе и пр.),
- индивидуальные факторы (возраст, пол, характер, темперамент, уровень мотивации и др.).

На основе вышеизложенных положений и характеристик социокультурной адаптации авторским коллективом была разработана и апробирована в педагогической практике университета вариативная программа поддержки иностранных студентов.

Цель программы – активизация деятельности всего педагогического состава вуза для обеспечения достижения иностранными студентами адекватного уровня социокультурной адаптированности во время их обучения в российском вузе. Данная программа базируется на следующих аспектах: вовлечение в деятельность всех сотрудников вуза, реализация различных мероприятий для вовлечения студентов в социально-активную деятельность, проведение консультаций для иностранных студентов, корректировка деятельности профессорско-преподавательского состава вуза в зависимости от исходного уровня адаптированности студентов и условий вузовской среды.

Вариативная программа включает в себя ряд этапов: аналитико-диагностический, прогностический, организационно-деятельностный, диагностический [18].

Аналитико-диагностический этап. На данном этапе определяются первичные цели, анализируется уровень социокультурной адаптированности всех студентов, приехавших на обучение в Россию, используются методики для оценивания уровня взаимодействия иностранцев в системе «иностраный студент – российский студент», «иностраный студент – студенческий коллектив», «иностраный студент – иностранный студент», «иностраный студент – преподавательский состав», «иностраный студент – среда вуза».

Прогностический этап. На данном этапе происходит первичное определение видов педагогического воздействия и типы планируемых мероприятий с учетом выявленных на первом этапе потребностей иностранных студентов.

Организационно-деятельностный этап. Это ключевой этап разработанной программы и наиболее продолжительный по времени. Поскольку адаптация иностранных студентов продолжается во время всего их обучения в российском вузе, сопровождение особо уязвимых студентов, испытывающих трудности в академической среде, в студенческом коллективе, продолжаются до тех пор, пока это необходимо конкретному студенту. Работа включает в себя проведение различных мероприятий и консультаций с иностранными студентами, кураторские часы, конференции, внеучебные мероприятия, экскурсия для ознакомления с традициями и культурой [11].

Авторским коллективом была предложена подпрограмма взаимодействия с иностранными студентами.

Блок «Я – студент российского вуза» направлен на развитие социально-значимой сферы – взаимодействие студента в студенческом коллективе, в новой социальной и культурной среде, в ином академическом пространстве. Педагогическому коллективу предполагается использовать инновационные, цифровые, интерактивные формы педагогического взаимодействия и общения. Специфика проведения мероприятий в рамках данного блока связана со снижением уровня адаптационного стресса у студентов, уменьшение тревожности, вовлечение в социальную деятельность и общение со всеми студентами вуза, формирование этнических установок.

Блок «Я – гражданин своей страны» направлен на формирование гражданской позиции иностранных

студентов. Поскольку данная категория обучающихся вынужденно находится на стыке двух культур – своей собственной, родной, и культурой принимающего сообщества, необходимо использовать потенциал поликультурной, мультиязычной среды университетов. Необходимо отметить, что к работе в данном блоке должны быть привлечены и российские студенты, которые могли бы рассказать иностранцам о жизни в России, традициях, культурных особенностях.

Блок «Я – будущий профессионал» основывается на повышении профессионально-ценностных ориентаций иностранных обучающихся. Специфика данного блока позволяет иностранным студентам раскрыть своё профессиональное «Я». Данный блок направлен на работу, как со студентами, только поступившими на обучение в российский вуз, так и со студентами, которые уже заканчивают своё обучение вне зависимости от имеющегося у них уровня социокультурной адаптированности.

Контрольно-диагностический этап. Данный этап педагогической программы направлен на изучение эффективности проведенных мероприятий, а также при помощи различных методик и тестовых форм анализируется уровень социокультурной адаптированности иностранцев. В случае необходимости проводятся дополнительные педагогические воздействия и работа с иностранными студентами. Особенность разработанной программы заключается в том, что её вариативный подход позволяет возвращаться на предыдущие этапы деятельности и корректировать их с учетом необходимых тенденций и особенностей.

Результатом данной технологии является сформированность адекватного уровня социокультурной адаптированности в обществе, повышение уровня педагогической компетентности сотрудников вуза при взаимодействии с иностранными обучающимися, повышение привлекательности конкретного вуза для иностранных студентов.

Заключение

Проблема педагогического обеспечения социокультурной адаптации иностранных студентов к обучению в российском вузе является одной из наиболее актуальных в современной педагогике высшей школы. К числу проблем, возникающих во время взаимодействия с иностранными студентами, относятся: отсутствие единых и структурированных форм и методов воздействия, недостаточное использование потенциальных возможностей поликультурной среды вуза, низкий компетентностный уровень профессорско-преподавательского состава в части взаимодействия с иностранными обучающимися.

На основе собственного педагогического опыта и анализа научной литературы, а также ряда адаптационных программ, авторами данной статьи была разработана и апробирована в педагогической практике вуза программа сопровождения и поддержки иностранных студентов. Она включает в себя организационно-педагогические условия, способствующие освоению различных форм социальной деятельности в поликультурной среде вуза; методические, отражающие готовность сотрудников вуза к осуществлению данного процесса, знание тенденций и особенностей его реализации в современных условиях; управленческие условия.

Таким образом, поэтапное увеличение уровня адаптированности иностранных студентов как результата социокультурной адаптации будет достигаться за счёт вовлечения иностранных обучающихся в разнообразные виды деятельности, взаимодействия с российскими сту-

дентами, решения возникающих у них проблем, актуализации всех потенциальных возможностей ресурсов поликультурной среды вуза.

Литература

1. Berry J.W. Immigration, acculturation and adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. – 1997. – № 46. – P. 5–68.
2. Berry J. W., Poortiga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. *Cross-cultural psychology: Research and applications*. – Second ed. – Cambridge University Press, 2003. – 588 p.
3. Аргунова В. Н., Лондаджим Т. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов, обучающихся в российских вузах // *Вестник ННГУ*. 2008. № 4. С. 7–12.
4. Арефьев А.Л. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Вып. 5 /А.Л. Арефьев, Ф.Э. Шереги // Министерство образования и науки Российской Федерации. – Москва: Социум-центр, 2015. – С. 416–421.
5. Быкова Т.Л. Особенности социальной и профессиональной адаптации иностранного студента к российским условиям образования // *Сибирский педагогический журнал*. 2008. № 11. С. 42–56.
6. Ваулина Т.А. Сахарова К.Н. Организационные аспекты адаптации иностранных студентов, обучающихся в российском вузе // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 400. С. 267–272.
7. Витковская М. И., Троцук И.В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН) // *Вестник РУДН*. 2005. № 6–7. С. 267–383.
8. Гладуш А. Д., Трофимова Г.Н., Филиппов В.М. Социально-культурная адаптация иностранных граждан к условиям обучения и проживания в России: Учебное пособие. – Москва: РУДН, 2008. – 146с.
9. Глебов В.В., Суворова И.Ю., Аникина Е.В. Взаимосвязь социально-психологической адаптации студентов и их идентичность в процессе обучения в вузе. *Мир науки, культуры, образования*. 2015. № 5. Т. 54. С. 258–261.
10. Гончарова Е. В., Шевченко Т.С. Сопровождение индивидуальной образовательной траектории студентов // *Вестник нижегородского государственного университета*. – 2012. – № 2. – С. 12–18.
11. Иванова Г. П., Логвинова О.К., Ширкова Н.Н. Педагогическое обеспечение социокультурной адаптации иностранных студентов: опыт реализации // *Высшее образование в России*. 2018. Т. 27. № 3. С. 60–69.
12. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения: курс лекций. – Москва: Экзамен, 2002. – 448 с.
13. Мнацаканян И.А. Адаптация учащихся в новых социокультурных условиях: дис. ... канд. психол. наук. – Ярославль, 2004. – 191 с.
14. Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. [Электронный ресурс] URL: <https://monitoring.micsecdu.ru/?m=vpo> (Дата обращения: 06.09.2022)
15. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: учебное пособие. – Санкт-Петербург: Питер, 2012. – 336 с.
16. Савченко И.А. Иностраный студент в России: условия и барьеры интеграции. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2010. № 1. С. 25–31.

17. Третьяков П. И., Митин С.Н., Бояринцева Н.Н. *Адаптивное управление педагогическими системами: учебное пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / под ред. П.И. Третьякова*. – Москва: Академия, 2003. – 368 с.

SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS: PROBLEMS AND SOME SOLUTIONS

Shirkova N.N., Marchenko A.A., Ivanova G.P.
HSE University, Moscow State Regional University

In this article, the authors consider the characteristics of the process of socio-cultural adaptation of foreign students, analyze the factors influencing the success of this process, and also present the author's program of support foreign students. The significance of the program developed by the authors lies in the objective need for successful entry of foreign students into a different social and cultural environment, on the one hand, and the need to create conditions in the multicultural environment of Russian universities aimed at providing assistance and support to foreign students in the process of their socio-cultural adaptation, on the other. Pedagogical support for the socio-cultural adaptation of foreign students as a pedagogical activity is the management of the functioning of a set of resources: personal (related to the characteristics of the student's personality, his motivation, resilience, ability to overcome difficulties, activity, tolerance to uncertainty); institutional (related to the content of education, the teaching technologies used, the characteristics of the qualification of the teaching staff, the psychological climate of the team, etc. his management style); environmental factors (related to the educational environment, the potential of society, the establishment of interaction with other institutions and organizations) necessary for the successful socio-cultural adaptation of foreign students.

Keywords: foreign student, socio-cultural adaptation, factors of adaptation, level of socio-cultural adaptation, support of foreign students, higher education, multicultural environment of the university, pedagogical program.

References

1. Berry J.W. Immigration, acculturation and adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. – 1997. – № 46. – P. 5–68
2. Berry J.W., Poortiga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. *Cross-cultural psychology: Research and applications*. – Second ed. – Cambridge University Press, 2003. – 588 p.
3. Argunova V.N., Londajim T. Barriers of socio-cultural adaptation of foreign students studying in Russian universities // *Bulletin of UNN*. 2008. No. 4. pp. 7–12
4. Arefyev A.L. Export of Russian educational services: A statistical collection. Issue 5 /A.L. Arefyev, F.E. Sheregi // *Ministry of Education and Science of the Russian Federation*. – Moscow: Sociocenter, 2015. – pp. 416–421.
5. Bykova T.L. Features of social and professional adaptation of a foreign student to Russian educational conditions // *Siberian Pedagogical Journal*. 2008. No. 11. pp. 42–56.
6. Vaulina T.A. Sakharova K.N. Organizational aspects of adaptation of foreign students studying at a Russian university // *Bulletin of Tomsk State University*. 2015. No. 400. pp. 267–272.
7. Vitkovskaya M.I., Trotsuk I.V. Adaptation of foreign students to the conditions of life and study in Russia (on the example of RUDN) // *Bulletin of RUDN*. 2005. No. 6–7. Pp. 267–383.
8. Gladush A.D., Trofimova G.N., Filippov V.M. Socially-cultural adaptation of foreign citizens to the conditions of study and residence in Russia: Textbook. – Moscow: RUDN, 2008. – 146 p.
9. Glebov V.V., Suvorova I. Yu., Anikina E.V. The relationship of socio-psychological adaptation of students and their identity in the process of studying at the university. *The world of science, culture, education*. 2015. No.5 (54). Pp. 258–261.
10. Goncharova E.V., Shevchenko T.S. Support of individual educational trajectory of students // *Bulletin of Nizhnevtovsk State University*. 2012. No. 2. Pp. 12–18.
11. Ivanova G. P., Logvinova O.K., Shirkova N.N. Pedagogical support of socio-cultural adaptation of foreign students: experience of implementation // *Higher education in Russia*. 2018. No. 3(27). Pp. 60–69.
12. Krysko V.G. *Ethnopsychology and interethnic relations: a course of lectures*. – Moscow: Exam, 2002. – 448 p.

13. Mnatsakanyan I.A. Adaptation of students in new socio-cultural conditions: dis. ... cand. psychological sciences. – Yaroslavl, 2004. – 191 p.
14. Monitoring the effectiveness of the activities of educational institutions of higher education. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo>
15. Pochebut L.G. Cross-cultural and ethnic psychology: textbook. – St. Petersburg: Peter, 2012. – 336 p.
16. Savchenko I.A. A foreign student in Russia: conditions and barriers of integration. Bulletin of Orenburg State University. 2010. No.1. Pp. 25–31.
17. Tretyakov P. I., Mitin S.N., Boyarintseva N.N. Adaptive management of pedagogical systems: a textbook for students of higher pedagogical studies. institutions / edited by P.I. Tretyakov. – Moscow: Academy. 2003. – 368 p.

Феномен социального одиночества: риски трансформации традиционного конструкта семьи

Гневашева Вера Анатольевна,

д.э.н., доцент, Институт демографических исследований
ФНИСЦ РАН, Центр семьи и демографии Академия наук
Республики Татарстан
E-mail: gnevasheva.idiran@bk.ru

Статья направлена на определение значимости семьи как фактора минимизации феномена социального одиночества. Используя кластерный метод, рассматривается ряд критерияльно определенных групп, выделенных из общей выборки авторского эмпирического исследования, делается вывод о тех действительно значимых факторах, которые в представлении респондентов способствуют минимизации феномена социального одиночества. В этой связи важно определить семью как фактор снижения подобных социальных рисков и оценить риски трансформации традиционного конструкта семьи в обществе.

Ключевые слова: социальное одиночество, семья, социальные риски.

Введение

Семья как малая социальная группа играет, несомненно, определяющую роль в развитии личности и далее во многом предопределяет семейное и репродуктивное поведение индивида.

Социальная роль индивида в обществе крайне часто рассматривается в контексте семьи. Подобное социальное поле априори в общественном представлении формирует инструменты минимизации рисков социального одиночества, в некотором смысле предопределяет антагоничное их ощущение – ощущение счастья.

В исследовании будет рассмотрена взаимосвязь между социальными конструктами семейности и детности общества и их самоощущением в контексте социального одиночества. Исследованием предполагается, что факторы семейности и детности являются мотивирующими в отношении снижения социального одиночества как социальной девиации (H_1).

Для подтверждения или опровержения гипотезы будут рассмотрены результаты авторского общероссийского исследования изучения вопросов социального одиночества, проведенного весной 2022 года ($N=2500$). Выборка определялась как сплошная, случайная.

Материалы и методы

Феномен социального одиночества был теоретически определен в исследованиях И. Ялова [10] в рамках экзистенциальной психологии; в экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра [8], Н.А. Бердяева [3], М. Хайдеггера [4]; в психоаналитическом подходе Л. Зилбурга [4], Х. Салливана [2], Ф. Фромм-Рейхмана [1]; в гуманистической социологии К. Роджерса [7], Л. Хьелла [4], Д. Зиглера [9] и др.

В ряде теорий одиночество рассматривается как элемент более общей социальной проблемы, как, например, у Д. Перлмана [5], или, наоборот, более мелкие факторы определяются как значимые для усиления феномена социального одиночества в обществе, как у Э. Фромма [4].

Многие исследователи обращаются к уровню семьи для выявления истоков подобной социальной девиации. Так, проблема социальной автономии на уровне семьи по мнению К. Хорни [4] провоцирует дальнейшее развитие социальной автономии у членов общества.

В противоположность феномену социального одиночества и выявлению факторов, его побуждающих, исследователи изучают феномен счастья, как субъективного благополучия. Так, например, Р.М. Шамионов [9] определяет субъективное благополучие как отношение человека к своей личности, жизни и процессам, то есть степень удовлетворенности, а все близкие по смысловой нагрузке понятия психологического благополучия определяются как «счастье».

Цель исследования: определить степень значимости семьи как вероятного фактора снижения социального одиночества.

Основные методы, используемые в оценке эмпирических данных с последующим их анализом: эконометрические методы социологического анализа; метод детерминации; факторный анализ; методы построения пар-

ных и множественных линейных регрессий нормального и логнормального распределения на основе панельных данных с оценкой описательной статистики; метод главных компонент.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования по критерию дифференциации – ответам на вопрос: «Почему люди бывают одинокие?», можно определить четыре доминантные группы в соответствии с выбранными позициями: «причина в самом человеке» (43% от общей выборки); «нет детей» (11%); «нет любимого дела» (20%); «нет семьи» (12%).

Первая группа, определившая, что причины одиночества стоит искать в самом человеке, является наиболее многочисленной, 51% из которых мужчины, 30% это люди в возрасте «26–35 лет» и еще 23% – в возрасте «36–45 лет», чуть менее половины данной группы имеют высшее образование (44%), свой уровень дохода каждый четвертый представитель данной группы определяет как «мне хватает» (24%), еще 21% определили свой доход как «ниже среднего», свое ближайшее окружение каждый третий из группы описывает как «я, мой муж (жена), дети» (27%), еще 16% определили свое ближайшее окружение как «я и муж (жена)», то есть половина представителей данной группы не определяет своим ближайшим окружением именно семью, детей, при этом это как правило люди активного репродуктивного возраста в равной степени как мужчины, так и женщины. 56% представителей данной группы определяют целью вступления в брак «создать семью», 53% респондентов данной группы никогда не чувствуют себя одиноко, 27% отметили, что «иногда» все же ощущают одиночество, критерием благополучия 44% представителей данной группы считают материальную обеспеченность.

Вторая группа, выбравшая в качестве фактора одиночества в их представлении позицию «нет детей», и это лишь каждый десятый из общей выборки – это преимущественно представители более старшей возрастной группы (36–45 лет), имеющие в большей части высшее образование (73%), оценивающие свой доход как «средний» (54%), 27% из которых в качестве своего ближайшего окружения выбрали позицию «я и дети», а на вопрос о цели вступления в брак в 26% случаях сказали, что не видят в этом смысла, из них 45% иногда ощущают себя одинокими, а целью жизненного благополучия большая часть этой группы (64%) видят материальное благополучие.

Третья группа (20%) – это те, кто выбрал в качестве вероятной причины одиночества в обществе в их представлении позицию «нет любимого дела» – это преимущественно представители двух возрастных групп: «26–35 лет» (30%) и «36–45 лет» (35%), 55% которых имеют высшее образование, еще 45% – среднее профессиональное. Каждый второй представитель данной группы определяет свой доход как средний (45%), цель вступления в брак они видят в создании семьи (50%), и при этом 65% представителей данной группы отметили, что «иногда» чувствуют себя одиноко.

Четвертая группа (12%) – выбравшие позицию «нет семьи» как вероятную причину одиночества в обществе – это преимущественно мужчины (67%), в возрастной группе «36–45 лет» (42%), со средним профессиональным образованием (67%), каждый третий из которых определяет свой уровень дохода как ниже среднего (34%), а свое ближайшее окружение «я и мои родители» (35%), при этом отчетливо осознают цель вступления в брак как «создание семьи» (67%) и часто (30%) ощу-

щают себя одиноко, но в противовес вышеперечисленным группам крайне мало определяющие уровень материального обеспечения как значимый критерий жизненного благополучия (17%).

Из представленного распределения можно выделить три группы риска в части усиления феномена социального одиночества в обществе: семейные пары без детей в возрастной группе «36–45 лет», мужчины в возрасте 36–45 лет со средним профессиональным образованием без семьи и женщины в возрасте 36–45 лет с детьми, не состоящие в браке.

При общем общественном представлении важности и значимости традиционного семейного конструкта формируются устойчивые социальные тренды личной критериальной неосознанности жизненного благополучия через инструменты брачности, семейности и детности, особенно малое значение уделяется в социальном поле жизненного конструкта позиции детность. Во многих случаях в этой связи возникает частое ощущение одиночества, но при отсутствии четкого общественного репродуктивного и брачного поведенческого посыла лично причины подобного одиночества видятся в совершенно иных факторах, либо не идентифицируются в собственных жизненных установках, а размываются иными жизненными критериями, во многом внешне подменяя их.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать несколько выводов. Так, брачное и репродуктивное поведение респондентов определяется следующими социальными трендами: повышение личной осознанности вступления в брак; увеличение брачного возраста; усиление в целом тенденции брачности, но при этом отсутствие устойчивой прямой корреляции между стремлением вступить в брак и намерением иметь детей.

Результаты исследования показывают смещение оценок в понимании брачности с позиции «родители и дети» к позиции «семья» как союз мужчины и женщины.

При внешнем сохранении традиционных семейных конструктов возникают тренды неосознанной девиации репродуктивного и брачного поведения, что сопряжено нарастанием феномена социального одиночества, но в его личной детерминации, объяснением подобного явления ложными причинами.

Литература

1. Fromm-Reichmann F. (1959) Loneliness. Psychiatry.
2. Sullivan H.S. (2001) The interpersonal theory of psychiatry. Psychology Press. 416 p.
3. Бердяев Н.А. Самопознание. – Москва: Эксмо, 2021. – 544 с.
4. Лабиринты одиночества / Перевод с англ. Н.Е. Покровского. – Москва: Прогресс, 1989. – 624 с.
5. Перлман Д. Теоретические подходы к одиночеству. – Москва: Прогресс, 1989. – С. 152–168.
6. Поваренков, Ю.П. Системогенетическая концепция профессионального становления человека. – Москва: Институт психологии РАН, 2005. – С. 360–384.
7. Роджерс К. Консультирование и психотерапия: новейшие подходы в области практической. – Москва: Психотерапия, 2006. – 507 с.
8. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Пер. с фр. М. Грецкого. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1953. – 42 с.
9. Шамионов Р.М. Субъектное благополучие личности. – Саратов. 2008. – 296 с.

10. Ялом И.Д. Экзистенциальная психотерапия. – Москва, 2014. – 574 с.

THE PHENOMENON OF SOCIAL LONELINESS: RISKS OF TRANSFORMING THE TRADITIONAL FAMILY CONSTRUCT¹

Gnevasheva V.A.

Institute for Demographic Research FNISTS RAS, Center for Family and Demography Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

The article is aimed at determining the importance of the family as a factor in minimizing the phenomenon of social loneliness. Using the cluster method, a number of criteria-defined groups are considered, selected from the general sample of the author's empirical study, a conclusion is made about those really significant factors that, in the opinion of the respondents, contribute to minimizing the phenomenon of social loneliness. In this regard, it is important to define the family as a factor in reducing such social risks and assess the risks of transforming the traditional family construct in society.

Keywords: social loneliness, family, social risks.

References

1. Fromm-Reichmann F. (1959) Loneliness. Psychiatry.
2. Sullivan H.S. (2001) The interpersonal theory of psychiatry. Psychology Press. 416 p.
3. Berdyaev N.A. Self-knowledge. – Moscow: Eksmo, 2021. – 544 p.
4. Labyrinths of loneliness / Translated from the English by N.E. Pokrovsky. – Moscow: Progress, 1989. – 624 p.
5. Perlman D. Theoretical approaches to loneliness. – Moscow: Progress, 1989. – pp. 152–168.
6. Povarenkov, Yu.P. Systemogenetic concept of professional development of a person. – Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2005. pp. 360–384.
7. Rogers K. Counseling and psychotherapy: the latest approaches in the field of practical. – Moscow: Psychotherapy, 2006. – 507 p.
8. Sartre J.-P. Existentialism is humanism / Translated from the French by M. Gretskey. – Moscow: Publishing House of Foreign References, 1953. – 42 p.
9. Shamionov R.M. Subjective well-being of the individual. – Saratov. 2008. – 296 p.
10. Yalom I.D. Existential psychotherapy. – Moscow, 2014. – 574 p.

¹ The article was prepared within the framework of the grant of the Russian Science Foundation (RNF) No. 22–28–01980 “Social loneliness: modeling of new family constructs”.

Роботизированная техника: поколенческий аспект использования в повседневной жизни

Попова Анна Алексеевна,

к.ф.н., доцент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)
E-mail: popovaaa@bmtu.ru

Хижнякова Марина Сергеевна,

студент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)
E-mail: khizhniakova.marina@yandex.ru

Гаврилова Юлия Викторовна,

к.ф.н., доцент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)
E-mail: julia.voitsuk@yandex.ru

Активное внедрение в повседневную жизнь человека технических инноваций (роботы, системы smart hous, НБИК-технологии, игровые самообучающиеся ИИ-системы) способствовало организации и проведению социологического исследования, целью которого стало выявление отношения молодежи и людей старшего возраста к использованию роботизированной техники в быту. Для достижения цели был организован гибридный опрос: онлайн-анкетирование (100 человек) и глубинное интервью (6 человек). Выявлено амбивалентное отношение у обоих поколений (молодёжь и люди старшего возраста) к использованию роботизированной техники в повседневной жизни. Установлено, что люди старшего возраста показывают положительное отношение к робототехнике в быту; наделяют технику антропоморфными качествами и готовы впустить роботов в свой дом. При этом, удалось установить, что старшее поколение не готово и не желает разбираться во всех функциях робототехнических устройств. Результаты исследования показывают, что молодёжь положительно относится к внедрению роботов в повседневную жизнь, объясняя это упрощением жизни посредством передачи роботам бытовых обязанностей. Одновременно, молодое поколение не готово возлагать на роботов функции обеспечения безопасности жизни. На основе анализа результатов исследования, авторы приходят к выводу, что отношение молодежи и старшего поколения к внедрению робототехники в повседневную жизнь носит положительный, оптимистичный характер. Однако у молодежи и старшего поколения явно прослеживаются различия в восприятии роботов, разные причины переживаний и страхов применения роботов в быту, что обуславливает роль возрастных установок в процессе внедрения робототехники в повседневную жизнь.

Ключевые слова: роботизированная техника, роботы, поколенческие аспекты, повседневная жизнь, молодежь, люди старшего возраста, социология техники, исследования науки и технологий.

Введение

В XXI веке роботизация является привычным процессом для общества и охватывает многие сферы жизни человека: люди сталкиваются с техникой на работе, учёбе и дома. В то же время, значительное развитие техники происходит в промышленной сфере, где роботы необходимы для эффективной работы предприятий и выполнения манипулятивных функций на сложных и опасных участках работы. Стоит отметить, что в последние годы пандемия COVID-19 и торговые войны сильно ударили по промышленности: из-за режима самоизоляции и снижения спроса на определённую продукцию многие производства приостановили работу или были закрыты. В России внедрение робототехники проходило более успешно в связи с тем, что режим самоизоляции был не таким строгим, как в некоторых других странах – это можно увидеть на примере анализа выручки: с 2019 года выручка в сфере робототехники выросла на 56%. В дальнейшем рост оказался ещё выше на 68,3% [1].

Во время пандемии многие люди начали автоматизировать свои квартиры и дома, чтобы тратить меньше времени на бытовые обязанности и уйти от монотонной работы, так, например, робот-пылесос в среднем позволяет сэкономить на уборке до 8 часов ежемесячно. Также люди начали покупать умные колонки для общения с голосовым помощником, чтобы не чувствовать себя одиноко во время режима самоизоляции.

Несмотря на стремительный рост в использовании новой техники, всегда существовала разница в восприятии инноваций людьми разных поколений. Молодёжь активно внедряет в свою жизнь, появляющуюся на рынке роботизированную технику, часто использует технику в повседневной жизни и старается упростить не только свою жизнь, но и жизнь своих близких. Люди старшего поколения не всегда проявляют интерес к робототехнике, так как они привыкли делать всё самостоятельно без автоматизированных помощников. Многие не хотят учиться пользоваться техникой и менять свою повседневную жизнь. Из-за такого разрыва в восприятии робототехники происходит недопонимание, и даже столкновение ценностей поколений.

Развитие техники приводит к появлению роботизированных новшеств в повседневной жизни, которые могут быть успешно внедрены. Однако темпы внедрения использования техники обусловлены возрастными установками. Старшее поколение не готово к активному использованию такого рода систем. На каждом этапе развития техники люди демонизируют и боятся новых технических решений. На макроуровне обществу свойственны следующие характеристики, которые мешают внедрению роботизированной техники в повседневную жизнь: традиционные культурные нормы; неразвитые нормативные базы; низкое экономическое положение населения; низкая информационная безопасность.

Методология исследования

Исследование отношения молодежи и старшего поколения к роботизированной технике в повседневной жизни

основывается на акторно-сетевой теории Бруно Латура (ANT), основной идеей которой является постулат, что единицами социальных отношений могут выступать не только люди, но и технические устройства, и природные объекты [2]. Люди и вещи в равной мере находятся во взаимосвязях и взаимодействиях, влияют друг на друга, следовательно, меняется восприятие человеком единиц социальных отношений. ANT позволяет установить динамику отношения человека к роботизированным техническим устройствам [3].

Для эмпирического исследования отношения молодёжи и людей старшего возраста к роботизированной технике в повседневной жизни был использован гибридный метод опроса: количественный – онлайн-анкетирование (выборка – снежный ком, 100 человек: 48 человек – люди старшего возраста (55–75 лет) и 52 человека – молодёжь (18–35 лет)) и качественный – глубинное интервью (тип интервью: личное, по Zoom, тип выборки – целенаправленный отбор, 6 человек: 3 человека молодёжи от 18 до 35 лет и 3 представителя людей старшего возраста от 55 до 75 лет).

Результаты исследования

Информированность поколений о робототехнике

В ходе количественного исследования было выявлено, что почти все респонденты группы молодёжь (98%) слышали и знают о роботизированной технике и о том, что её уже используют в повседневной жизни. Это связано с тем, что молодёжь вынуждена больше взаимодействовать с техникой или с информацией о технике на работе и учебе. Так, например, внедрение робототехники и технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс «ориентирует молодёжь на активное использование роботов в познавательной деятельности, способствует их включенности в практическое освоение технических инноваций» [4, с. 24]. При этом не все респонденты из группы молодёжь сталкивались с роботизированной техникой в повседневной жизни. Так, 12% респондентов не сталкивалось с данной техникой вообще. Это может быть связано с тем, что внедрение робототехники на российский рынок ещё в процессе и многие люди не могут себе позволить использование робототехники из-за финансовых ограничений. Роботами, с которыми молодёжь сталкивалась чаще всего являются робот-пылесос, умная колонка и робот-кассир.

Респонденты возрастной категории от 55 до 75 лет меньше взаимодействовали с роботизированной техникой в повседневной жизни (только 13%), 45% не сталкивались вообще, в отличие, от 12% молодёжи. Они не знают или не слышали о домашней роботизированной технике вообще, и, следовательно, не знают, что такая техника уже используется в быту. Это, скорее всего, объясняется тем, что люди старшего возраста более изолированы информационно. Робототехника, с которой сталкивались люди старшего поколения совпадает с техникой, с которой сталкивалась молодёжь, за исключением робота-консультанта. Вероятно, это из-за того, что молодёжь в торговых центрах и других местах использует смартфон для ориентации в пространстве, в то время как люди старшего возраста обращают внимание на стойки информации.

Использование роботизированной техники молодёжью и людьми старшего возраста

подавляющее большинство молодёжи используют роботизированную технику дома, что может свидетельствовать о том, что молодёжь стремится экономить время на бытовых обязанностях: многие респонденты (88%),

кто ответил «нет» на вопрос об использовании роботизированной техники у себя дома, хотели бы попробовать использовать данную технику, что говорит о желании молодого поколения осваивать новые технологии. 8% респондентов затрудняются ответить, что возможно, показывает их неосведомленность о достоинствах, рисках и о том, как данные технологии функционируют. 1 человек ответил «нет» и объяснил свой ответ тем, что она «пока справляется сама». Возможно, это значит, что респондент не осведомлена о достоинствах роботизированной техники, либо не имеет финансовой возможности приобрести робототехнику.

Ответы респондентов старшего поколения показывают обратные результаты. Большинство (69%) не используют роботизированную технику в повседневной жизни. Это свидетельствует о недостаточной осведомленности о технике, нежелании разбираться с техникой и осваивать что-то новое, также это может указывать на отсутствие финансовых возможностей приобрести роботизированную технику. Ответы опрошенных старшего поколения на вопрос о том, «хотели бы они использовать робототехнику в быту, если не используют ее сейчас», показывают совершенно отличные от молодёжи результаты. Готова и хочет использовать технологии только треть респондентов (в отличие от 88% молодёжи). 36% респондентов старшего поколения затрудняются ответить и 29% не хочет использовать технологии. Такие результаты демонстрируют консервативное отношение людей старшего возраста к технологиям, их нежелание осваивать и впускать в свою жизнь технические инновации. Среди причин нежелания использовать технологии, указанных респондентами, чаще всего встречаются такие как «мне и без технологий нормально живется», «это небезопасно», «я не знаю, как это работает» и «не вижу в этом необходимости».

Оценка роботизированной техники молодёжью и людьми старшего возраста

Выявлено, что 81% молодёжи согласны с утверждением, что робототехника делает жизнь людей лучше и оценивают полезность робототехники по шкале от 1 до 10 как полезную (от 5 и выше). Только четыре человека ставят меньше 5 баллов по данной шкале оценки полезности робототехники. Всего 1 человек согласен с утверждением, что роботизированная техника делает жизнь людей хуже. Это демонстрирует то, что хоть и не все респонденты из группы молодёжь воспринимают робототехнику как что-то положительное, почти никто не ассоциирует технику с регрессом и чем-то негативным. Говоря о том, какую роботизированную технику молодёжь хотела бы приобрести, вперед выбиваются такие технологии, как роботы для уборки, робот-охрана и технология «умный дома».

Меньшее количество опрошенных старшего поколения согласны с тем, что роботизированная техника влияет на жизнь людей положительно (50%). Пятая часть респондентов старшего возраста затрудняется ответить, возможно, причиной этого служит неосведомленность респондентов о достоинствах и рисках техники. Ещё пятая часть согласна с утверждением, что роботизированная техника никак не влияет на жизнь людей. Всего 2 человека считают, что техника делает жизнь людей хуже, это показывает, что отношение людей старшего поколения к технике в целом нейтральное или положительное, как и отношение молодёжи. Однако, оценивая полезность техники, почти половина респондентов старшего возраста оценила полезность на 5 баллов и меньше, это показывает, что люди старшего поколения привыкли справляться с бытовыми обязанностями самостоятельно, без помощи роботизированной техни-

ки, и, следовательно, не считают технику важной частью своей жизни.

Что касается выбора робототехники респондентами старшего поколения, первое место занимают роботы для уборки и кухонные роботы. Популярность роботов для уборки среди обеих групп говорит о распространенности информации о технике для уборки, и, соответственно, о формировании у респондентов представления о пользе данной техники.

Отношение молодёжи и людей старшего возраста к роботизированной технике

В ходе исследования было определено, что 71% молодёжи относится к робототехнике положительно, по сравнению с 54% людей старшего поколения, также имеющих положительное отношение к роботизированным техническим устройствам. При этом негативно к робототехнике относится всего 6% старшего поколения, в отличие от 8% молодёжи.

Подавляющее большинство молодёжи подарило бы робототехнику близкому человеку (всего 6% ответили негативно, потому что «близкие не стали бы пользоваться»). Ответы людей старшего поколения более разнообразны. Почти половина респондентов подарила бы роботизированную технику близкому человеку. При этом 40% затрудняются ответить и 17% отвечают «нет». Среди причин нежелания дарить робототехнику близкому человеку респонденты указывают ненадежность техники, отсутствие знаний о том, что покупать и предположение о том, что техника сделает близкого человека ленивее.

Для того чтобы определить, насколько близко и часто люди готовы взаимодействовать с робототехникой, в исследовании использовалась шкала Богардуса, которая измеряет установки одной социальной группы относительно другой социальной группы, и может быть применена для измерения установок респондентов по отношению к робототехнике. Респонденты выбирали вариацию взаимодействия с роботизированной техникой, которая для них приемлема (взаимодействие с робо-

техникой каждый день как с членом семьи / каждый день как с другом / каждый день как с техникой / не каждый день как с техникой / крайне редко, только когда нужно / как наблюдатель со стороны / никакое взаимодействие).

Половина опрошенных группы молодёжь выбрала взаимодействие с техникой «каждый день как с техникой», и ещё 21% – «не каждый день как с техникой». 23% опрошенных старшего поколения выбрали взаимодействие «каждый день как с техникой» и 27% – «не каждый день как с техникой». Такие результаты демонстрируют то, что молодёжь использует технику чаще людей старшего поколения. Причинами тому могут служить, во-первых, условия информационного общества, в которых рождены и развиваются молодые люди. Для них Интернет, роботы, цифровые интерфейсы, виртуальная реальность являются привычной средой существования [5]. Во-вторых, молодёжь привыкла делегировать всевозможные бытовые обязанности робототехнике для экономии времени в стремительно развивающемся мире. Большинство людей старшего поколения, в свою очередь, привыкли выполнять рутинную домашнюю работу самостоятельно, из-за чего пользуются техникой реже.

Примечательно, что 40% опрошенных старшего возраста выбрали отстраненное взаимодействие с техникой (никакое взаимодействие / как наблюдатель со стороны / крайне редкое взаимодействие). Но только 11% молодёжи выбрали эти же варианты. Эти результаты также объясняются интересом молодёжи к технике и консервативностью респондентов старшего возраста.

Для каждого пятого респондента группы молодёжь приемлемо взаимодействовать с роботизированной техникой каждый день как с членом семьи или другом. При этом ни один респондент старшего поколения не готов взаимодействовать с техникой как с членом семьи. Есть вероятность, что нежелание взаимодействовать с техникой как с членом семьи среди людей старшего поколения связано с их изначальным скептическим отношением к робототехнике, а формулировка «член семьи», вероятно, ассоциируется у респондентов с чем-то более близким и сокровенным (рис. 1).



Рис. 1. Приемлемое взаимодействие с роботизированной техникой для молодёжи и людей старшего возраста

Доверие молодёжи и людей старшего возраста к роботизированной технике

Большинство респондентов среди молодёжи и людей старшего поколения доверили бы робототехнике выполнение домашних дел, но не всех (рис. 2, рис. 3). Уход за родственниками не доверили бы 40% молодёжи (36% затрудняются ответить) (рис. 2) и 60% людей старшего

поколения (31% затрудняются ответить) (рис. 3). Данные результаты показывают то, что люди в целом пока не готовы доверять технике ответственные задачи, напрямую связанные с безопасностью их близких.

На вопрос о том, в какой машине респонденты будут чувствовать себя безопаснее (с человеком водителем или в беспилотнике), 40% молодёжи и больше половины людей старшего возраста ответили, что будут чувство-

вать себя безопаснее с человеком водителем. 15% молодёжи будут чувствовать себя безопасно в беспилотнике, но только 2% респондентов старшего поколения. Ответы на этот вопрос в очередной раз подтверждают,

что молодёжь больше доверяет технологиям, но все же высокий процент молодёжи доверился бы больше человеку водителю, что говорит о разрыве в восприятии техники среди молодёжи.



Рис. 2. Доверие молодежи роботизированной технике домашние дела и уход за родственниками



Рис. 3. Доверие людей старшего возраста роботизированной технике домашние дела и уход за родственниками

Последний вопрос «чувствовали бы респонденты себя безопасно, если бы в их городе были роботы-полицейские?». 52% людей старшего поколения и 32% молодёжи не чувствовали себя безопасно. Одна пятая часть группы молодёжь чувствовала себя безопасно, но только 6% людей старшего поколения. Ответы респондентов на данный вопрос демонстрируют что большее количество респондентов молодого поколения доверяют технике, но все же большинство респондентов в обеих группах скептически относятся к технике, отвечающей за их безопасность.

Анализ полученных данных демонстрирует открытость и положительное отношение людей молодого поколения к использованию робототехники в быту, при этом старшее поколение более скептически относится к робототехнике, видят в них меньшую ценность. Однако, ответы про доверие респондентов к робототехнике, ставят под сомнение открытость молодёжи к робототехнике. Ответы на вопросы, затрагивающие делегацию более важных обязанностей, чем уборка, демонстрируют недоверие и опасения молодёжи по поводу техники.

Глубинное интервью

Для проведения интервью был составлен гайд с ключевыми темами и вопросами (см. рис. 4).

Стоит отметить, что у всех респондентов (кроме одного) из роботизированной техники есть роботы-пылесосы; у одного респондента есть три умные колонки. Так, основной причиной приобретения или использования роботизированной техники у респондентов является удоб-

ство и облегчение своей жизни (делегация технике тяжелой/рутинной работы, такой как уборка и поиск информации).

Отношение к технике до и после её появления в доме

Выявлено, что у двух из трех респондентов группы молодёжь отношение к робототехнике не поменялось после ее приобретения: один из респондентов (ж, 18) определил своё отношение как нейтральное: «прогресс – это замечательно, но без робототехники можно обойтись». У второго респондента (м, 32) есть интерес к робототехнике, которая была приобретена по его же инициативе. Такой результат, вероятно, объясняется изначальным интересом респондентов к робототехнике. Таким образом, приобретенная робототехника соответствует ожиданиям респондентов и не может поменять их мнение о такой технике.

Только один респондент (ж, 21) замечает изменение в своем восприятии робототехники после ее появления в доме: до появления в доме респондента робототехники, он относился к технике без особого интереса; после появления робототехники в жизни респондента не по его инициативе, появился интерес. Вынужденное столкновение с робототехникой подтолкнули респондента к взаимодействию с техникой и, таким образом, вызвало интерес к технике.

Стоит отметить, что у двух из трех респондентов группы людей старшего возраста мнение о робототехнике поменялось после ее появления. Один респондент (ж, 55) до появления не задумывался о своем отношении к робототехнике. После приобретения робота-пылесоса

отношение респондента к технике поменялось. Так как приобретенная робототехника помогала экономить время и была удобной, респондент стал заинтересован в новых потенциальных приобретениях робототехники. Второй респондент (ж, 60) не доверял робототехнике до ее появления в доме. После того, как респонденту подарили робототехнику, опасения по поводу данной техники остались, но, тем не менее, отторжение к роботизиро-

ванной технике пропало; также, респондент стал более открыт к идее приобретения новой робототехники. Отношение третьего респондента (м, 56) группы людей старшего возраста к робототехнике до и после ее появления в доме респондента было нейтрально. Техника в доме появляется не по инициативе респондента.



Рис. 4. Гайд к интервью

Цена роботизированной техники

Все респонденты группы молодежь оценивают цену роботизированной техники как среднюю, «не вещь, которую можно легко себе позволить, но цена подъемная, если копить какое-то время». Молодёжь более заинтересована в том, чтобы приобрести продвинутую робототехнику хорошего качества и с большим количеством функций. Но молодые люди имеют меньше финансовой возможности приобрести данную технику. Поэтому им приходится либо покупать простые не самые подвинутые модели, либо копить на робототехнику со всеми функциями.

Респонденты группы людей старшего возраста оценивают цену как «допустимую». Два респондента отмечают, что поломки обойдутся дорого. Другой респондент считает, что переплатил за робототехнику, так как не пользуется всеми функциями. Люди старшего поколения не сильно заинтересованы в том, чтобы робот был продвинутым, так как они не хотят (или им тяжело) разбираться со всеми функциями робота. Респондентам достаточно обычных роботов, которые выполняют основные необходимые функции.

Очеловечивание робота

Два респондента из молодёжи не очеловечивают технику и не разговаривают с ней, относятся как к технике. Молодые люди относятся к робототехнике как к технике, то есть молодежь не видит в роботах ничего живого и милого, так как для них это система, упрощающая их жизнь. Они больше осведомлены о роботах и знают для чего они нужны, поэтому они ассоциируют роботов с техникой. Один респондент (ж, 21) относится к технике как к живой, так как вся семья респондента считает его живым. Также у респондента нет домашних животных, поэтому он ассоциирует робота с чем-то живым, замещая домашнего питомца пылесосом.

У роботов-пылесосов двух респондентов есть имя; один из респондентов говорит с роботом во время уборки, а другой респондент по началу очеловечивал робота как кошку или собаку, но потом привык и перестал обращать внимание на робота. Третий респондент шутит над

умными колонками, но не очеловечивает их. Люди старшего возраста воспринимают технику как живое существо, так как техника обладает функциями/действиями, напоминающими живое существо, а также, потому что люди старшего поколения не так много знают о робототехнике, они ассоциируют её с тем, что им ближе всего, то есть с домашними питомцами.

Желание приобрести больше роботизированной техники

Мнения респондентов группы молодежь разделяются. Один респондент (ж, 18) открыт к приобретению новой техники, хочет приобрести умную колонку и систему умный дом. Другой респондент (ж, 21) – не инициатор покупок робототехники, но будет не против, если технику купит член семьи; считает важным, чтобы техника была отдельна от другой техники, чтобы можно было полностью контролировать технику. Третий респондент (м, 32) готов приобрести то, что удобнее, дешевле и действительно пригодится, но при этом не готов устанавливать систему умный дом, так как считает, что ее сложно установить и поддерживать. То есть респонденты группы молодежь открыты к приобретению новой роботизированной техники, так как это делает их жизнь комфортнее, но они не готовы тратить много времени на то, чтобы разбираться и контролировать технику.

Мнения респондентов группы людей старшего возраста так же разделяются. Первый респондент хочет приобрести новую робототехнику, чтобы она помогала по дому, и готов соединить всю технику между собой, для удобного управления. Другой респондент считает, что чем он старше, тем нужнее техника, так как она облегчает быт. Третий респондент не хочет ничего приобрести из роботизированной техники.

Таким образом, взаимодействие с роботизированной техникой кому-то дает понять, насколько удобно жить с техникой. У этих респондентов появляется желание упростить себе жизнь ещё больше, то есть они хотят приобрести больше робототехники. А на кого-то взаимодействие с роботизированной техникой никак не влияет,

данные респонденты не хотят покупать что-то целенаправленно, но будут не против, если другой член семьи приобретет новую робототехнику.

Техника будущего

К робототехнике будущего респонденты группы молодежь относят беспилотные автомобили, отмечая, что их производство будет поставлено на массовый поток. Один респондент считает, что разная техника в доме будет связана между собой; также, техника будет индивидуализирована (подстраиваться под индивидуальных пользователей, опираясь на собранную о них информацию). То есть молодые люди к бытовой робототехнике отнесли не только технику, которая находится в доме, но и автомобиль, которым пользуется большинство людей в повседневной жизни. Респонденты считают, что роботизированная техника будет связана между собой для более удобного управления ей.

Один респондент, относящийся к людям старшего возраста, считает, что существующая техника будет совершенствоваться, так как сложно изобрести что-то совсем новое. Другой респондент отвечает, что техника будет экологически чистой и самообновляемой. Третий респондент отмечает, что роботы будут становиться антропоморфными.

Таким образом, каждый респондент видит будущее роботизированной техники по-разному: робототехника будет как совершенствоваться (становиться экологичной и научится само обновляться для долгого служения), так и меняться (становиться антропоморфной, то есть больше похожей на человека по внешности и по действиям).

Заключение

В ходе исследования было выявлено, что отношение молодежи и людей старшего возраста к роботизированной технике носит амбивалентный характер: оба поколения положительно относятся к роботизированной технике, но разница между отношением двух поколений в том, что молодые люди уже живут с робототехникой, которая помогает им избавиться от рутинных дел, а люди старшего возраста не считают робототехнику необходимостью, так как привыкли справляться со всем самостоятельно.

Основная разница полученных данных анкетирования и интервью заключается в том, что анкету проходили люди, у которых может быть и не быть робототехники дома, а в интервью были опрошены люди, использующие робототехнику в повседневной жизни больше года на момент опроса. Мнение респондентов интервью менялось о робототехнике только за счет того, что у них появилась робототехника.

Было выявлено противоречие в результатах опроса и интервью у людей старшего поколения: так как в анкете большая часть людей не взаимодействуют с робототехникой каждый день, на вопрос о взаимодействии с техникой большинство респондентов ответили, что готовы использовать технику не каждый день. То есть люди старшего возраста из анкеты не готовы воспринимать робототехнику как члена семьи, в отличие от респондентов интервью, у кого уже есть робототехника. Молодые люди воспринимают роботизированную технику как технику в обоих методах исследования, так как они не наделяют технику антропоморфными признаками и используют её по прямому назначению.

Следует отметить, что благодаря вынужденному столкновению с техникой (например, когда робот-пылесос получен в подарок) люди старшего возраста на-

чинают пользоваться роботизированной техникой в быту и меняют своё отношение к ней. Не стоит забывать, что людям старшего возраста сложнее разбираться с техникой, поэтому им подходит простая робототехника, а для молодежи наиболее подходящей роботизированной техникой является усовершенствованная и многофункциональная техника. Единственная преграда приобретению робототехники молодежи – это стоимость. Для популяризации и более широкого внедрения роботизированной техники среди обоих поколений, необходимо делать её более индивидуализированной и понятной.

Литература

1. CNews Analytics выпускает первый обзор рынка промышленной робототехники // CNews – издание о высоких технологиях, 27.09.2021. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-07-26_snews_analytics_vypuskaet_pervyj
2. Tesch N. Bruno Latour // *Sociology & Society*. Britannica – британо-американская универсальная энциклопедия. URL: <https://www.britannica.com/biography/Bruno-Latour>
3. Sinnema L. The Attitude of Elderly and Young Adults towards a Humanoid Social Robot // Tilburg University School of Humanities and Digital Sciences Department of Cognitive Science & Artificial Intelligence Tilburg. The Netherlands, June 2019. URL: <http://arno.uvt.nl/show.cgi?fid=148970>
4. Гаврилова Ю.В., Моторина И.Е., Павлова Т.Е. Социальные ожидания внедрения технологий искусственного интеллекта в образовании (на материалах анкетного опроса студентов МГТУ им. Н.Э. Баумана) // *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*. 2022. № 1. С. 20–25.
5. Subocheva O.N., Maloletneva I.V., Popova A.A. Dynamics of the Student Youth's Value Paradigm Changes in the Information Society // *Proceedings – CSIS 2019: 11th International Scientific and Theoretical Conference «Communicative strategies of Information Society»*. 2019.

ROBOTIC TECHNOLOGY: A GENERATIONAL ASPECT OF USE IN EVERYDAY LIFE

Popova A.A., Khizhnyakova M.S., Gavrilova Yu.V.

Bauman Moscow State Technical University (National Research University)

Active introduction of technical innovations into human daily life (robots, smart house systems, NBIC technologies, game self-learning AI systems) contributed to the organization and conduct of a sociological study, the purpose of which was to identify the attitude of young people and older people to the use of robotic technology in everyday life. To achieve the goal, a hybrid survey was organized: an online questionnaire (100 people) and an in-depth interview (6 people). The ambivalent attitude of both generations (youth and older people) to the use of robotic technology in everyday life was revealed. It has been established that older people show a positive attitude to robotics in everyday life; endow technology with anthropomorphic qualities and are ready to let robots into their home. At the same time, it was possible to establish that the older generation is not ready and does not want to understand all the functions of robotic devices. The results of the study show that young people have a positive attitude to the introduction of robots into everyday life, explaining this by simplifying life by transferring household duties to robots. At the same time, the younger generation is not ready to assign the functions of ensuring the safety of life to robots. Based on the analysis of the results of the study, the authors conclude that the attitude of young people and the older generation to the introduction of robotics in everyday life is positive, optimistic. However, young people and the older generation clearly have differences in the perception of robots, different reasons for experiences and fears of using robots in everyday life, which determines the role

of age-related attitudes in the process of introducing robotics into everyday life.

Keywords: robotic technology, robots, generational aspects, everyday life, youth, older people, sociology of technology, STS.

References

1. CNews Analytics releases the first overview of the industrial robotics market // CNews – high-tech publication, 09/27/2021. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-07-26_snews_analytics_vypuskaet_pervyj
2. Tesch N. Bruno Latour // Sociology & Society. Britannica is the British-American universal encyclopedia. URL: <https://www.britannica.com/biography/Bruno-Latour>
3. Sinnema L. The Attitude of Elderly and Young Adults towards a Humanoid Social Robot // Tilburg University School of Humanities and Digital Sciences Department of Cognitive Science & Artificial Intelligence Tilburg. The Netherlands, June 2019. URL: <http://arno.uvt.nl/show.cgi?fid=148970>
4. Gavrilova Yu.V., Motorina I.E., Pavlova T.E. Social expectations of the introduction of artificial intelligence technologies in education (based on the materials of a questionnaire survey of students of Bauman Moscow State Technical University) // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2022. No. 1. pp. 20–25.
5. Subocheva O.N., Maloletneva I.V., Popova A.A. Dynamics of the Student Youth's Value Paradigm Changes in the Information Society // Proceedings – CSIS 2019: 11th International Scientific and Theoretical Conference «Communicative strategies of Information Society». 2019.

Критерии зрелой личности в представлениях молодых людей с ограниченными возможностями здоровья

Деточенко Людмила Станиславовна,

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальных технологий Института философии и социально-политических наук ЮФУ, ФГАОВ ВО «Южный федеральный университет»

E-mail: detochenko@sfedu.ru

В статье на основе проведенного исследования анализируется специфика социального конструирования зрелости молодыми людьми с ограниченными возможностями здоровья. Исследование проведено на выборке 260 человек в возрасте от 18 до 40 лет. Представленная в статье структура маркеров зрелости, значимая для респондентов, позволяет говорить о размытости критериев зрелости, что в свою очередь влияет на вариативность сценариев современного взросления молодежи с ограниченными возможностями здоровья и отходе от стандартизированной траектории взросления, которая была характерна для данной категории населения ранее. Выявлены гендерные отличия в оценке значимости отдельных маркеров зрелости. Место проживания респондентов также оказывает влияние на определение критериев зрелости, которые выступают своеобразным ориентиром при конструировании собственного жизненного пути. Традиционные/социально-ориентированные маркеры зрелости преобладают над субъективными/индивидуально-ориентированными. Исследование не выявило значительного влияния на ответы респондентов характера заболевания (нозологии) респондентов.

Ключевые слова: молодежь с ОВЗ, маркеры зрелости, социализация молодежи, социализация инвалидов.

Постановка вопроса и анализ теоретических подходов к его решению. Увеличение количества молодых инвалидов в Российской Федерации на фоне актуализации социального капитала молодой когорты, вызванного старением общества, предопределяет важность реальной инклюзии и выравнивания социализационных траекторий молодежи с ограниченными возможностями здоровья.

Для процесса социализации крайне важное значение имеет мера зрелости личности, определяющая своеобразные ориентиры для развития личности, уровень ее притязаний. В условиях усложнения общественной структуры и процесса социализации требования общества и самого молодого человека к зрелости трансформируются и расширяются. В социологии молодежи этот вопрос формулируется как проблема достижений человека определенного возраста, освоения социальных ролей в различных сферах общественной жизни (И.С. Кон, С.Я. Батыкеев, Л.П. Буева, А.А. Вайсбург, В.И. Переведенцев, А.Г. Харчев, В.Н. Шубкин и др).

Галета Я.В. выделяет два основных подхода к понятию «зрелость». Для первого характерно понимание зрелости как «отдельного периода в становлении человека, самого длительного и продуктивного в смысле производственных отношений». Для второго трактовка его как «определенного интегративного свойства личности, заключающегося в обладании определенным качеством, способствующим гармоничному взаимодействию человека с окружающей средой и самим собой, эффективно-му решению жизненных задач» [1, с. 4]. Не отрицая того факта, что зрелость действительно представляет собой определенный отрезок жизненного пути, отметим, что требования общества к зрелой личности не ограничиваются только производственной сферой. Хронологические рамки зрелости весьма расплывчаты. Критерии ее идентификации меняются, определяемые как институтами, так и самими субъектами взросления. Именно поэтому мы будем придерживаться второго подхода.

Исходя из методологической основы исследований, социологи выделяют различные критерии зрелости. Многообразие маркеров сводится к двум основным группам. К критериям, ориентированным на адаптацию к социуму можно отнести классический набор маркеров: получение образования, выход на рынок труда [20], автономное от родителей проживание, первая интимная близость, установление долгосрочных отношений (партнерство, сожительство), первый брак, рождение первого ребенка (A. Benjamin, S.B. Crymble [9]; F. Gabriel [17]; A.H. Gauthier [18]; A.D. Horowitz, R.D. Bromnick [21]; M. Raveaud [24]; G. Vleioras, A. Mantziou [24], F.C. Billarri [10,11,12]; M.C. Buchman [13,14]; A.C. Liefroer [22]). Однако в последнее время ученые отмечают рост внимания институтов и молодежи к индивидуально ориентированным (направленным на раскрытие потенциала личности) или субъективным маркерам зрелости [5,6,7]. Фельдштейн Д.И. [3] не отрицал наличия традиционных марке-

ров зрелости, однако подчеркивал, что личность способна самостоятельно формировать тот образ взрослости, который станет своеобразным ориентиром взросления. В теориях жизненного пути для P.В. Baltes, H.W. Reese, J.R. Nessel-roade; N.J. Smelser, P.B. Baltes; P.B. Baltes, U. Staudinger, U. Lindenberger критериями зрелости выступают многочисленные биографические события, они могут совпадать или принципиально отличаться от демографических маркеров взросления. Ряд исследователей отмечают отказ молодых людей от традиционных демографических маркеров. По мнению ряда исследователей, субъективные маркеры не отрицают, а дополняют традиционные внешние маркеры взросления (P. Aronson [8], M.J. Shanahan [26], J. Scheer [25]). M. Andrew, J. Eggerling-Boeck, G.D. Sandefur, B. Smith [4] считают традиционные маркеры зрелости проводниками, которые обеспечивают субъективные/внутренние критерии перехода к зрелости. Признание факта трансформации критериев зрелости, обусловленности свойств взрослой личности не только социальным, культурным, историческим контекстом, но и спецификой конкретной группы молодежи, которая формирует субъективные маркеры-ориентиры собственной социализации позволяет нам поставить в качестве цели данного исследования – анализ представлений о маркерах зрелости молодых людей с ограниченными возможностями здоровья и определить основные детерминанты, влияющие на представление о зрелости у данной категории молодежи.

Методы исследования. Исследование проводилось в Ростовской области в период с 1.03.2022 по 30.05.2022. Метод анкетирования (письменное). Многоступенчатая выборка. Общее количество респондентов – 260 человек. Возраст респондентов от 18 до 40 лет. В опросе приняли участие 114 мужчин и 146 женщин. Из общего числа респондентов горожане составляют 194 человека, а жители сельской местности составляют 66 человек. Чтобы иметь представление обо всех этапах перехода зрелости и основных маркерах каждого этапа, выборочная совокупность была поделена по возрасту респондентов исходя из 4 возрастных групп: 17–22 года; 23–28 лет; 29–34 года; 35–40 лет. Выборка учитывала характер заболевания. При формировании инструкции к опросу была включена задача охватить респондентов, представляющих все группы инвалидности, хотя в поиске респондентов приоритет отдавался инвалидам 1 и 2 групп.

Результаты исследования. С целью выявления значимых маркеров зрелости респондентам был задан вопрос: «Отметьте наиболее важные, на Ваш взгляд, критерии зрелости». Анкета предполагала возможность от-

метить до 6 наиболее значимых вариантов. Анализ ответов показывает, что несмотря на то, что символической границей зрелости в праве принято считать возраст совершеннолетия, большинство респондентов склонны считать этот период лишь началом срока приобретения более важных социальных качеств зрелой личности. Только 14,15% респондентов отметили 18-летний возраст как маркер зрелости. Значимость его в структуре маркеров зрелости выше для девушек (юноши – 8,8%, девушки – 18,4%) и сельских жителей (горожане – 11,34%, сельские жители – 22,74%).

Ориентация на материальные ценности (финансовый достаток, карьерные достижения) определила лидирующие позиции таких маркеров зрелости как получение профессионального образования – 49,67%, финансовая независимость – 45,8%, профессионально-трудовая деятельность – 40,8%. Девушки не только отдают лидирующие позиции в структуре маркеров зрелости финансовой независимости, но и значительно опережают в оценке значимости данного критерия юношей (девушки – 52,4%, юноши – 35,96%). Традиционные гендерные атрибуты женщины как хранительницы семейного очага, верной спутницы, матери уступают эмансипированному образу финансово независимой, способной самостоятельно заботиться о себе женщине. При этом трудовая деятельность не входит в перечень приоритетных маркеров зрелости для девушек с ограниченными возможностями здоровья, что отличает их от юношей (девушки – 36,05%, юноши – 47,4%). Для городских жителей финансовая независимость имеет большее значение, чем для сельских жителей (горожане – 48,45%, сельские жители – 37,9%). Однако при более высоких ориентациях на финансовый достаток в зрелости, городские жители менее склонны считать получение профессионального образования или профессиональную трудовую деятельность критериями взрослого человека (Таблица 1). Наличие квалификации, получаемой по итогу профессионального обучения, повышает конкурентоспособность на рынке труда. В целом, для респондентов характерна высокая оценка профессионального образования в структуре маркеров зрелости. Для девушек значение профессионального образования выше (девушки – 51,7%, юноши – 47,4%). Более высокую ценность профессиональное образование как маркер зрелости имеет для жителей сельской местности – 59,1%. Для респондентов, чьи родители имеют профессиональное образование (высшее или среднее) ценность этого маркера выше (58,92%), чем для тех, чьи родители не имеют профессионального образования (37,03%)

Таблица 1. Отметьте наиболее важные, на Ваш взгляд, критерии зрелости (не более 6 вариантов ответа)

Варианты ответов	%, выбравших ответ	В том числе женского пола	В том числе мужского пола	В том числе горожан	В том числе сельские жители
Получено профессиональное образование	49,67	51,7	47,4	46,4	59,1
Профессиональная трудовая деятельность	40,8	36,05	47,4	39,2	45,45
Проживание отдельно от родителей	36,15	37,4	35,1	36,6	66,7
Наличие опыта первой интимной близости	5	6,8	2,6	7,21	0
Наличие постоянного партнера (девушки или парня)	8,85	6,8	11,4	8,24	10,6
Создана своя собственная семья	44,23	41,5	48,2	45,9	39,4
Наличие собственных детей	23,1	27,9	15,8	24,74	16,66
Способность самостоятельно заботиться о себе и обслуживать	45,6	49,65	41,2	45,9	42,42
Самоконтроль и контроль над своей жизнью	34,6	34,7	43,86	35,56	33,3
Способность следовать общественным предписаниям	6,54	5,4	7,9	8,8	0

Варианты ответов	%, выбравших ответ	В том числе женского пола	В том числе мужского пола	В том числе горожан	В том числе сельские жители
Навык приспособления к окружающему миру и людям	16,9	18,4	15,8	13,9	25,75
Финансовая независимость	45,8	52,4	35,96	48,45	37,9
Ответственность за принимаемые решения	40,9	32,65	42,1	41,75	39,4
Чувство ответственности и забота о других (например, уход за своими родителями)	21,15	21,1	37,7	22,16	18,18
Умение выстраивать хорошие отношения с другими людьми	20	28,6	9,65	18,04	25,75
Самореализация	21,7	19,04	23,7	24,74	12,12
Наступление 18-летнего возраста	14,15	18,4	8,8	11,34	22,72

Финансовая независимость косвенным образом связана с возможностью молодого человека приобрести автономное от родительской семьи проживание. 36,15% респондентов отметили важность данного маркера. Сельские жители отдали лидирующие позиции в структуре маркеров зрелости именно собственному жилью (66,7%). Специфика жилого фонда в сельской местности сужает стратегии автономного проживания (вопросы доступности съемного жилья, общежитий, предоставляемых сотрудникам и т.д.). Собственный дом в сельской местности – не только пространство независимой жизни, но и источник материального благополучия в условиях нехватки иных мест трудоустройства (подсобное хозяйство).

Семейное самоопределение является важной задачей молодого возраста. Переходы к первому интимному опыту, установлению партнерских отношений, формированию собственной семьи, рождению детей связаны. Однако ценность маркеров как результатов данных переходов для формирования образа зрелой личности отличается. Только 5% респондентов рассматривают сексуальный опыт как маркер зрелости, 8,85% в качестве такового назвали наличие постоянного партнера. Сексуальный дебют и партнерские отношения являются скорее промежуточной ступенью к приобретению более важных с точки зрения молодежи маркеров – создания своей собственной семьи – 44,23%, рождению детей – 23,1%. Несмотря на низкую оценку партнерских отношений как отдельного маркера зрелости, респонденты отметили особое значение партнерских отношений при ответе на вопрос о самых значимых событиях собственной жизни. Наличие своей собственной семьи является одним из центральных маркеров зрелости. Интересен тот факт, что ценность семьи как маркера зрелости выше у юношей (девушки – 41,5%, юноши – 48,2%). Для девушек же большее значение имеют matrimониальные установки («рождение детей» – 27,9% – девушки, 15,8% – юноши). Для сельских респондентов характерна более низкая ценность маркеров формирования своей собственной семьи и рождения детей («создание своей собственной семьи» – горожане – 45,9%, сельские жители – 39,4%; «рождение детей» – горожане – 24,74%, сельские жители – 16,66%). Несмотря на достаточно небольшой процент респондентов, выбравших рождение детей как маркер зрелости, при ответе на вопрос о значимых событиях жизни, достаточно большое количество респондентов приводило в качестве таковых рождение собственных детей. Однако наличие подобных ответов характерно для группы респондентов более старшего возраста.

Целый ряд исследователей отмечают наличие гиперопеки в процессе социализации детей с инвалидностью. В связи с этим эмансипация в глазах молодых инвалидов предполагает обретении способности само-

стоятельно заботиться о себе и обслуживать себя. Для 45,6% эти качества личности выступают важным маркером зрелости, входящим в тройку лидеров по ответам. Для девушек этот маркер имеет более важное значение, чем для юношей (девушки – 49,65%, юноши – 41,22%).

В качестве критериев зрелости О. Кон видел самостоятельность и чувство ответственности за принимаемые решения, их результаты и последствия. Для 40,9% респондентов ответственность за принимаемые решения является важным маркером зрелости. Юноши чаще выбирали данный маркер как критерий зрелости (девушки – 32,65%, юноши – 42,1%). Кроме того, зрелость по О. Кону [2, с. 191] «означает не только приспособленность к наличным жизненным условиям и способность их воспроизводить. 16,9% респондентов отметили в качестве маркера зрелости «навык приспособления к окружающему миру и людям», 6,54% – «способность следовать общественным предписаниям». Город более чем сельская местность формирует атомарную личность. Если маркер приспособления к миру и людям играет значение для 25,75% сельских жителей, то среди городских жителей таковых только 13,9%.

Фельдштейн Д.И. рассматривает взросление с позиций субъект-субъектного подхода как одновременно и социализацию, и индивидуализацию. Для определения зрелости человека важно появление чувства ответственности за других. Чувство ответственности и забота о других (например, уход за своими родителями) является значимым маркером зрелости для 21,15% молодых людей. Интересно, что юноши показывают более высокую оценку данного маркера, чем девушки, что вполне согласуется с оценкой значимости формирования собственной семьи (юноши- 37,7%; девушки – 21,1%).

Отличительной особенностью социализации инвалидов являются узость коммуникативного пространства. Низкие компетенции в умении общаться и взаимодействовать с людьми являются серьезными барьерами инклюзии. Именно поэтому развитие коммуникативного потенциала рассматривается многими исследователями и практиками как важнейшее направление социальной реабилитации. Для 20% респондентов «Умение выстраивать хорошие отношения с другими людьми» отмечается как маркер зрелой личности. Практически каждая третья девушка отметила данный маркер – 28,6%, среди юношей только каждый десятый отводит данному маркеру важное значение – 9,65%.

Наряду с общепризнанными маркерами зрелости, в последнее время в социологии все больше внимания уделяется субъективным критериям перехода к зрелости. Такая перестановка акцентов в критериях зрелости связана со значительными изменениями процесса взросления за последние пол века. Если в 1920-е гг. мы наблюдали относительно стандартизированные траектории взро-

сления, с сжатыми и в значительной степени совпадающими переходами к выходу на рынок труда, семейной жизни, родительству (J. Modell, F.F. Furstenberg, T. Hershberg [23]), то сейчас ситуация изменилась коренным образом. Сегодня изменения статусно-ролевых характеристик происходят значительно позже, а сроки этих изменений значительно менее однородны (F. Furstenberg [16], F. Goldschneider, C. Goldschneider [19]). Учитывая значительные и быстрые изменения и сопутствующую изменчивость в современном переходе к взрослой жизни, ряд исследователей, например, M.J. Shanahan [15], F. Furstenberg [16] предположили, что переход будет становиться все более внутренним процессом. J.J. Arnett [5,6,7] считает, что взросление является социально и культурно сконструированным. Специфика взросления в настоящее время и соответственно, маркеры взросления зависят от ценностей индивидуализма современного мира. Результаты исследования показали, что субъективные маркеры зрелости пока уступают основному социальнорегулируемым маркерам зрелости – 21,7% респондентов отметили самореализацию как признак «зрелой» личности. Городские жители чаще, чем сельские отмечали самореализацию как значимый критерий зрелости (горожане – 24,74%, сельские жители – 12,12%).

Выводы:

1. Доминирующими в структуре маркеров зрелости являются финансово-трудовые и образовательные статусы. На степень оценки значимости тех или иных маркеров в цепочке «профессиональное образование» – «выход на рынок труда», «финансовая независимость» – «автономное проживание» оказывают влияние гендерные, территориальные детерминанты, статусные (образовательные) характеристики родительской семьи. Наличие барьеров в достижении данных маркеров способствует закреплению статуса «вечного ребенка» за молодыми людьми с ограниченными возможностями здоровья не только в оценке общества, но и в личном представлении.

2. В результате исследования не выявлено наличие связи структуры маркеров зрелости и нозологии респондентов.

3. Формирование собственной семьи является одним из центральных маркеров зрелости. Однако ориентация на рождение собственных детей как необходимого элемента для самоидентификации себя со зрелой личностью остается низкой. Особого внимания в этом отношении заслуживают девушки и жители сельской местности. Наличие ретроспективного взгляда на отцовство и материнство как на самые значимые события собственной жизни вступают в противоречие с представлениями о структуре маркеров зрелости, которые играют важное значение в формировании репродуктивного поведения молодежи.

4. Важное значение в структуре критериев зрелости молодых инвалидов имеют маркеры «способен самостоятельно заботиться о себе и самостоятельно себя обслуживать», «способен нести ответственность за принимаемые решения». Это актуализирует социально реабилитационные мероприятия, направленные на восстановление целей и задач социализации молодежи с ОВЗ, коррекцию детско-родительских отношений.

5. В определении значимых маркеров зрелости явно прослеживается ориентация на формирование образа жизни, обеспечивающего автономность личности и удовлетворение прежде всего ее собственных потребностей. Низкая значимость маркеров связанных с заботой о другом, приспособлению к миру и людям, следованию общественным предписаниям позволяет говорить о наличии эгоистической позиции в построении траектории собственного взросления.

6. Субъективные/индивидуально ориентированные маркеры присутствуют в ответах респондентов, однако уступают традиционным маркерам зрелости.

Литература

1. Галета Я.В. Содержание и критерии социальной зрелости личности // EESJ. 2018. № 7–4 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-kriterii-sotsialnoy-zrelosti-lichnosti> (дата обращения: 14.08.2022). С. 4–9. С. 5.
2. Кон И.С. Психология старшеклассника. Москва: Просвещение, 1980. 192 с. С. 191.
3. Фельдштейн Д.И. Психология взросления. Структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. Москва: Московский психологический и социальный институт, 1999.
4. Andrew M., Eggerling-Boeck J., Sandefur G.D., Smith B. The “Inner Side” of the Transition to Adulthood: How Young Adults See the Process of Becoming an Adult Smith // *Advances in Life Course Research*. 2006. № 11. P. 225–251.
5. Arnett J.J. Emerging adulthood: The widening road from the late teens through the twenties. New York: Oxford University Press. 2006;
6. Arnett J.J. Young people’s conceptions of the transition to adulthood // *Youth and Society*. 1997. № 29. P. 3–23.
7. Arnett, J.J. Does Emerging Adulthood Theory Apply Across Social Classes? National Data on a Persistent Question/ J.J. Arnett // *Emerging Adulthood*. – 2016. – № 4 (94). – pp. 227–235. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/2167696815613000>
8. Aronson P. The markers and meanings of growing up: Contemporary young women’s transition from adolescence to adulthood. Unpublished manuscript. University of Minnesota. 1999. P. 56–82.
9. Benjamin A., Crymble S.B. A Re-Imagination of the Transition to Adulthood // *Transformative Learning Meets Bildung* / edited by A. Laros, T. Fuhr, E.W. Taylor. Rotterdam: SensePublishers, 2017. P. 258.
10. Billari F.C., Filipov D. Education and the transition to motherhood: A comparative analysis of Western Europe. Vienna: Vienna Institute of Demography, Austrian Academy of Sciences, 2004
11. Billari F.C., Liefbroer A.C. Towards a new pattern of transition to adulthood? *Advances in Life Course Research*. 2010. № 2 (15). P. 59–75
12. Billari, F.C., Philipov, D., Baizán, P. Leaving home in Europe: The experience of cohorts born around 1960 // *International Journal of Population Geography*. 2001. № 5 (7). P. 339–356.
13. Buchmann M.C., Kriesi I. Transition to Adulthood in Europe // *Annual Review of Sociology*. 2011. № 37. P. 481–503
14. Buchmann, M.C. The script of life in modern society. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1989. P. 257.
15. Elder, G.H. Jr. The emergence and development of life course theory. In J.T. Mortimer, M.J. Shanahan Eds., *Handbook of the life course*/ G.H. Jr Elder. – New York, NY: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2003.
16. Furstenberg, F. The sociology of adolescence and youth in the 1990s: A critical commentary/ F. Furstenberg // *Journal of Marriage and Family*. – 2000. – № 62. – pp. 869–910.
17. Gabriel F. *Deconstructing Youth*. London: Palgrave Macmillan UK, 2013. P. 187–190.
18. Gauthier A.H. Becoming a Young Adult: An International Perspective on the Transitions to Adulthood // *European Journal of Population*. 2007. № 3–4 (23). P. 217–223.

19. Goldschneider, F., Goldschneider, C. The changing transitions to adulthood: Leaving and returning home. / F. Goldschneider, C. Goldschneider – Sage Publications, Thousand Oaks, CA, 1999. – p. 257
20. Hartmann J. Schooling, Unemployment and Labor Market Participation as Indicators for Youth Integration into Society // Social Indicators in Comparative Youth Studies: Sofia. 1986. P. 102–111.
21. Horowitz A.D., Bromnick R.D. Contestable Adulthood: Variability and Disparity in Markers for Negotiating the Transition to Adulthood // Youth & Society. 2007. № 2 (39). P. 209–231.
22. Liefbroer A.C., Toulemont L. Demographic perspectives on transitions to adulthood: an introduction // Advances in Life Course Research. 2010. № 15. P. 53–58.
23. Modell, J., Furstenberg, F.F., Hershberg, T. Social change and transitions to adulthood in historical perspective/ J. Modell, F.F. Furstenberg, T. Hershberg // Journal of Family History. – 1976.-№ 1. – pp. 7–32
24. Raveaud M. Becoming an Adult in Europe: A Socially Determined Experience // European Educational Research Journal. 2010. № 3(9). P. 431–442.
25. Scheer J. “They Act Like It Was Contagious.” In Social Aspects of Chronic Illness, Impairment, and Disability, edited by S.C. Hey, G. Kiger, and J. Seidel. Willamette: Salem, 1984.
26. Shanahan M.J. Pathways to Adulthood in Changing Societies: Variability and Mechanisms in Life Course Perspective // Annual Review of Sociology. 2000. № 26 (1). P. 667–692. Режим доступа: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.667>.
27. Vleioras G., Mantziou A. Social Role Transitions and Perceived Adulthood Status: Which Ones Matter for Whom? // Emerging Adulthood. 2018. № 3 (6). P. 200–205.
4. Andrew M., Eggerling-Boeck J., Sandefur G.D., Smith B. The “Inner Side” of the Transition to Adulthood: How Young Adults See the Process of Becoming an Adult Smith // Advances in Life Course Research. 2006. No. 11. P. 225–251.
5. Arnett J.J. Emerging adulthood: The widening road from the late teens through the twenties. New York: Oxford University Press. 2006;
6. Arnett J.J. Young people’s conceptions of the transition to adulthood // Youth and Society. 1997. No. 29. P. 3–23.
7. Arnett, J.J. Does Emerging Adulthood Theory Apply Across Social Classes? National Data on a Persistent Question/ J.J. Arnett // Emerging Adulthood. – 2016. – No. 4 (94). – pp. 227–235. – Mode of access: <https://doi.org/10.1177/2167696815613000>
8. Aronson P. The markers and meanings of growing up: Contemporary young women’s transition from adolescence to adulthood. unpublished manuscript. University of Minnesota. 1999. P. 56–82.
9. Benjamin A., Crymble S.B. A Re-Imagination of the Transition to Adulthood // Transformative Learning Meets Bildung / edited by A. Laros, T. Fuhr, E.W. Taylor. Rotterdam: SensePublishers, 2017. P. 258.
10. Billari F.C., Filipov D. Education and the transition to motherhood: A comparative analysis of Western Europe. Vienna: Vienna Institute of Demography, Austrian Academy of Sciences, 2004
11. Billari F.C., Liefbroer A.C. Towards a new pattern of transition to adulthood? Advances in Life Course Research. 2010. No. 2 (15). P. 59–75
12. Billari, F.C., Philipov, D., Baizán, P. Leaving home in Europe: The experience of cohorts born around 1960 // International Journal of Population Geography. 2001. No. 5 (7). P. 339–356.
13. Buchmann M.C., Kriesi I. Transition to Adulthood in Europe // Annual Review of Sociology. 2011. No. 37. P. 481–503
14. Buchmann, M.S. The script of life in modern society. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1989. P. 257.
15. Elder, G.H. Jr. The emergence and development of life course theory. In J.T. Mortimer, M.J. Shanahan Eds., Handbook of the life course/ G.H. Jr Elder. – New York, NY: Kluwer Academic/ Plenum Publishers, 2003.
16. Furstenberg, F. The sociology of adolescence and youth in the 1990s: A critical commentary/ F. Furstenberg // Journal of Marriage and Family. – 2000. – No. 62. – pp. 869–910.
17. Gabriel F. Deconstructing Youth. London: Palgrave Macmillan UK, 2013. pp. 187–190.
18. Gauthier A.H. Becoming a Young Adult: An International Perspective on the Transitions to Adulthood // European Journal of Population. 2007. No. 3–4 (23). P. 217–223.
19. Goldschneider, F., Goldschneider, C. The changing transitions to adulthood: Leaving and returning home. / F. Goldschneider, C. Goldschneider – Sage Publications, Thousand Oaks, CA, 1999. – p. 257
20. Hartmann J. Schooling, Unemployment and Labor Market Participation as Indicators for Youth Integration into Society // Social Indicators in Comparative Youth Studies: Sofia. 1986. P. 102–111.
21. Horowitz A.D., Bromnick R.D. Contestable Adulthood: Variability and Disparity in Markers for Negotiating the Transition to Adulthood // Youth & Society. 2007. No. 2 (39). P. 209–231.
22. Liefbroer A.C., Toulemont L. Demographic perspectives on transitions to adulthood: an introduction // Advances in Life Course Research. 2010. No. 15. P. 53–58.
23. Modell, J., Furstenberg, F.F., Hershberg, T. Social change and transitions to adulthood in historical perspective/ J. Modell, F.F. Furstenberg, T. Hershberg // Journal of Family History. – 1976. – № 1. – pp. 7–32
24. Raveaud M. Becoming an Adult in Europe: A Socially Determined Experience // European Educational Research Journal. 2010. No. 3(9). P. 431–442.
25. Scheer J. “They Act Like It Was Contagious.” In Social Aspects of Chronic Illness, Impairment, and Disability, edited by S.C. Hey, G. Kiger, and J. Seidel. Willamette: Salem, 1984.
26. Shanahan M.J. Pathways to Adulthood in Changing Societies: Variability and Mechanisms in Life Course Perspective // Annual Review of Sociology. 2000. No. 26 (1). P. 667–692. Access mode: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.667>.
27. Vleioras G., Mantziou A. Social Role Transitions and Perceived Adulthood Status: Which Ones Matter for Whom? // Emerging Adulthood. 2018. No. 3 (6). P. 200–205.

CRITERIA OF A MATURE PERSONALITY IN THE PERCEPTIONS OF YOUNG PEOPLE WITH DISABILITIES

Detochenko L.S.

Southern Federal University

The article analyzes the specifics of the social construction of maturity by young people with disabilities on the basis of the conducted research. The study was conducted on a sample of 260 people aged 18 to 40 years. The structure of maturity markers presented in the article, which is significant for respondents, allows us to talk about the blurring of maturity criteria, which in turn affects the variability of scenarios of modern growing up of young people with disabilities and a departure from the standardized trajectory of growing up, which was characteristic of this category of the population earlier. Gender differences in the assessment of the significance of individual markers of maturity were revealed. The respondents’ place of residence also influences the definition of maturity criteria, which act as a kind of guideline when designing their own life path. Traditional/socially-oriented markers of maturity prevail over subjective/individually-oriented ones. The study did not reveal a significant influence on the respondents’ responses of the nature of the disease (nosology) of the respondents.

Keywords: youth with disabilities, markers of maturity, socialization of youth, socialization of disabled people.

References

1. Galeta Ya.V. The content and criteria of social maturity of the individual // EESJ. 2018. No. 7–4 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-kriterii-sotsialnoy-zrelosti-lichnosti> (date of access: 08/14/2022). pp. 4–9. S. 5
2. Kon I.S. Psychology of a high school student. Moscow: Education, 1980. 192 p. S. 191
3. Feldstein D.I. Psychology of growing up. Structural and content characteristics of the process of personality development. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute, 1999.

Народовластие: концептуализация феномена

Иваненко Игорь Николаевич,

к.ю.н., доцент ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

E-mail: ivanenko.igor@mail.ru

Концептуализация феномена народовластия предполагает использование расширенной методологии с привлечением, помимо политико-правовых подходов, модели социологии, политической антропологии, социальной психологии. Народовластие проявляется в различных формах, как основанных на гомоархических (вертикальных) связях, итогом которого становятся варианты авторитарного народовластия; так и опирающихся на фундамент горизонтальных отношений (демократия). Народовластие определяется как спонтанно образующиеся социальные практики и институты, связанные с организацией власти и управления, обязательно предполагающие широкое коллективное (массовое) участие, а также согласие и одобрение большинства окружающих. Констатируется содержательная изменчивость народовластия в пространстве и времени, при сохранении определенного постоянства форм, в связи с чем подчеркивается целесообразность диалектического подхода к анализу народовластия как исторического феномена. При этом государственную власть уместно рассматривать одновременно в качестве как тезиса, так и антитезиса народовластия.

Ключевые слова: народовластие, демократия, гомоархия, гетерархия, государство, политическая централизация, политогенез.

Введение

В настоящее время приходится где-то переосмыслить значение мировых событий 90-х годов прошлого века. Крах советской системы во многом усилил кризисные тенденции и в западном мире, которые стали все сильнее бросаться в глаза спустя одно-два десятилетия. Причем заметной составляющей общего упадка западной цивилизации выступает политическая сфера, что имеет теоретическое отражение в попытках новой рефлексии относительно демократического феномена. Не будет преувеличением сказать, что последнему отводилась одно из ведущих мест в идеологическом противостоянии с коммунистической перспективой. Однако демократическая модель продемонстрировала не только весьма ограниченную состоятельность в отечественных условиях, но и стала пробуксовывать на Западе, о чем с тревогой пишут его ученые. Уже с середины XX столетия под влиянием усиления автократических элементов в демократических системах («Новый курс» Ф. Рузвельта и пр.) в политической теории с подачи А. Шумпетера возникает направление, концептуальной минимизации «воли народа». По утверждению С. Хантингтона, именно данная линия победила в дебатах со сторонниками представления классической демократии как народовластия [18, с. 7]. Некоторый скепсис по поводу практической реализации модели представительной демократии высказывал еще в 60-е годы прошлого века ее сторонник Дж. Сартори [20, с. 273]. Британец К. Крауч предпочитает характеризовать современную политическую среду как постдемократию, которая, формально сохраняя демократические институты, тем не менее ориентирована на интересы приспособившихся элит, в то время как народные массы под прессом тотальных влияний масс-медиа пресытились политикой и в целом теряют к ней интерес [9]. Итальянец Д. Дзоло прямо пишет о том, что современная демократия означает не более, чем симулякр, тогда как реальное положение дел может быть обозначено как телекратия [5, с. 11].

Как известно, демократия в переводе с греческого означает «власть народа». Мы полагаем целесообразным обратить внимание на этимологически связанную с демократией категорию «народовластие», предложив в данной статье ее расширенную методологическую концептуализацию. Реализация данной цели исследования поможет несколько углубиться в сущность взаимодействующих механизмов государства и общества, проясняя природу политического в целом.

Народовластие довольно давно выступает в качестве идеологического феномена, как можно полагать, с легкой руки философов просветителей. Эта категория регулярно включается в различного рода политические и политико-правовые документы, его активно используют составители текстов пропагандистского содержания. Обращаясь в данной статье к научным интерпретациям народовластия, следует отметить, что и здесь многие подходы страдают методологическим редуccionизмом на базе фактического отождествления народовластия и демократии [13]. Далее будет предложен комплексный анализ категории народовластия с позиции различных методологических ракурсов, что призвано продемонстрировать ее стыковой характер в рамках обществовоз-

нения. В работе используются подходы юридических наук, социологии, социальной психологии, политической антропологии. Исследования теоретического состояния категории народовластия проводилось с помощью методов анализа, сравнения, синтеза. Кроме того, выявление универсальных характеристик народовластия является результатом исторического анализа, обобщения и классификации.

Результаты исследования

Категория народовластия, несмотря на этимологическое родство, содержательно значительно шире категории демократии. Она может включать как структуры управления, основанные на разделении властных ресурсов и полномочий, что предполагает сильную составляющую горизонтальных связей (демократия), так и структуры, выстраиваемые вокруг единой властной вертикали. Во втором случае мы сталкиваемся с феноменом авторитарного народовластия, примеры которого в избытке содержит история. В общем плане народовластие видится нам как *спонтанно образующиеся социальные практики и институты, связанные с организацией власти и управления, обязательно предполагающие широкое коллективное (массовое) участие, а также согласие и одобрение большинства окружающих*. Народовластие демонстрирует содержательную изменчивость в пространстве и времени при том, что возможно сохранение определенного положения форм. Отталкиваясь от исторических фактов, можно предложить перечень наиболее распространенных и устойчивых форм народовластия – формы корпоративности, общественных движений и местного самоуправления, для каждой из которых вполне допустим демократический или, наоборот, авторитарный содержательные уклоны.

В работах государствоведов-правоведов народовластие главным образом выступает как юридическая категория. Принято различать представительную и непосредственную формы народовластия. Первая интерпретируется как форма организации народного участия в реализации власти государства через определенные публичные органы. Такая форма народовластия опирается на ряд принципов: 1) высшие органы государства формируются исходя из воли народа, определяемой результатами всеобщих выборов; 2) решение наиважнейших вопросов государственной жизни отнесено к компетенции представительных органов власти; 3) народовластие исходит из равного доступа граждан к службе в публичных органах власти [4, с. 253–254]. Непосредственное народовластие представляет собой совокупность публично-властных отношений, обеспечивающих участие в государственном управлении нормативно установленных субъектов, являющихся одновременно источниками и выразителями своего мнения [10, с. 17–18]. Наиболее распространенными институтами реализации непосредственного народовластия являются выборы, референдум.

С. Зенин считает, что содержание понятия народовластия может определяться с позиции трех подходов. Макроподход, когда народовластие рассматривается в качестве компоненты более сложной конструкции – демократической системы, как элемент конституционного строя. С позиции микроподхода народовластие исследуется как феномен, сам по себе представляющий сложную систему элементов и образуемых здесь связей. Наконец синтетический подход, объединяющий микро- и макроподходы, где народовластие рассматривается в разрезе системы отношений типа: влияние внешних

условий на формирование внутренней структуры явления [6, с. 73].

Стремясь привлечь во внимание политическую практику, Л. Лукьянчикова предлагает дифференцировать непосредственное народовластие на императивные и консультативные формы. К первой относятся обязательные к исполнению варианты волеизъявления людей – выборы, референдум, досрочное прекращение полномочий выборного лица (отзыв), общие собрания (сходы) и др. Консультативные формы не обязательны к исполнению. Это различные обращения населения; наказы избирателей; всенародные обсуждения законопроектов, вопросов государственной и общественной жизни [10, с. 82–83].

С точки зрения расширенной методологии пытается рассуждать Н. Селихов, предлагая интерпретацию народовластия как политико-правового режима, коллективно устанавливаемого народом в процессе своей государственной самоорганизации и самоопределения для решения общих дел через формирование межличностных аксиологических установок, выбор публичного способа социального управления и его реализацию. Вместе с тем данный автор исходит из весьма зыбкого тезиса о первичности гражданского общества перед государством. Кроме того, по его словам: «человечество, используя государство формой своего единения, постепенно переходило от патриархального единоличного правления к правлению политического представительства и теперь следует к народному самоуправлению» [14, с. 51, 52]. Все это, с нашей точки зрения, придает данной трактовке отчетливо идеологический и даже утопический оттенок.

Ограничения подхода государствоведов-правоведов нам представляются в следующем.

Во-первых, понятийно-категориальный аппарат юридических наук методологически жестко увязан с интеллектуальной традицией Просвещения, что мешает адекватному осмыслению перспектив народовластия в нынешней ситуации. В рассуждениях ученых-правоведов народовластие предполагает жесткую спайку с демократией, что фактически оставляет за скобками рассмотрение недемократических вариантов народовластия.

Во-вторых, в силу вполне понятной специфики правоведы рассматривают исключительно легальные формы народовластия, возможные в рамках правового пространства. Между тем неформальные структуры народовластия не только возможны, но в определенных случаях могут сыграть решающую роль.

Е. Яковлева справедливо ставит вопрос о расширении базы осмысления проблематики, считающейся компетенцией правовых научных дисциплин [16]. Для более адекватного понимания сути народовластия целесообразно привлекать подходы иных общественных наук. Рассуждения С. Королева о сути феномена носят больше культурологический уклон. Объективное народовластие интерпретируется им как *«совокупность форм жизнедеятельности большинства населения, косвенно выполняющих политическую роль посредством распространения и утверждения объективно принудительных социальных стандартов*. Речь идет о таких стандартах, которые обязан учитывать любой профессиональный политик или администратор, если он желает войти во власть и сохранить ее» (выделено Королевым – Ю.Т., И.А.) [13, с. 301].

Констатируя отличие объективного народовластия от демократии, С. Королев указывает на следующие его характеристики. Во-первых, такое народовластие всеохватно или тотально по своей природе и «часто тоталитарно по способу действия». Им устанавливаются

такие социальные правила, а также стандарты «политической игры», которые имеют самодовлеющее значение для любого субъекта социальных отношений. Во-вторых, объективное народовластие *перформативно*, то есть совпадает с процессом своего функционирования и поэтому не имеет внешне заданных целей. Отдельный носитель «народной власти» никогда не является ее творцом, весьма редко является ее сознательным носителем, осуществляя эту власть автоматически, самым способом своей жизнедеятельности. По сути, властным субъектом выступает «исторически определенное социокультурное единство в совокупности прежде живших и ныне живущих поколений». Обычно это происходит на уровне, так называемой, народной психологии и без вмешательства сознательной, рациональной деятельности со стороны индивида, властвующего подобным образом. В-третьих, тоталитарный и перформативный аспекты народовластия конвергентны и взаимно усиливают друг друга. Кроме того, перформативный смысл народовластия сам по себе оказывает тоталитарный эффект на общественные отношения. Подобные рассуждения подкрепляются примерами, вроде того, как вновь назначенный управленец никак не мог наладить отношений с местными руководителями, пока не доказал им, что является «нормальным пьющим человеком», после этого он сразу стал «своим» [13, с. 302].

Разработанный С. Королевым подход, действительно исходит из специфической логики российской действительности, тем не менее мы полагаем его трактовку народовластия чрезмерно расширенной. Предложенное содержание более адекватно категории социокультурной традиции, которая действительно имеет самодовлеющее значение для действий, связанных, в том числе, и с властными отношениями. Для уточнения сущности народовластия имеет смысл привлечь методологические приемы социологии, исторической антропологии, социальной психологии.

Сама категория народовластия так или иначе предполагает обращение к человеку, как личности, актуализируя рассмотрение антропологических сторон жизнедеятельности на политико-управленческом поприще. Уже на заре человеческой истории в определенных формах воплощались иерархические потребности людей, имеющие архетипический характер. Политическая жизнь, предполагающая отношения господства – подчинения, как нельзя лучше подходила для этого. При этом подобные склонности могли реализовываться как в состязательной форме, так и в более жестком доминирующем варианте. Предпочтения того или иного диктовались комплексом различных факторов, начиная от географических особенностей и заканчивая ментальными характеристиками. Современные политические антропологи предлагают здесь категории *гомоархии* и *гетерархии*, весьма близкие вышеупомянутым вариантам. «Гомоархия» предполагает одну главную политическую ценность, единую властную вертикаль, как бы находящуюся над всеми существующими отношениями, и замыкающую на себя основные процессы [2, с. 166]. Здесь предполагаются отношения доминирования-подчинения. Форма гетерархии представляет собой разделение власти и лидерства между несколькими группами или лицами, в целом понимаемыми как равные [8, с. 71]. Уже на ранних этапах социальной эволюции обозначились общественные типы, сделавшие ставку на вариант политической централизации и «авторитаризации» (доминирование), а также социальные системы, предпочитающие более мягкие властные отношения, где долгое время главенство сохраняли общинные структуры самоуправления. При этом обозначенная дихотомия не явля-

ется жесткой, поскольку в реальных структурах любого общества присутствуют и вертикальные и горизонтальные связи. В ходе исторической динамики могут принципиально меняться модели социально-политической организации, трансформируясь из гомоархических в гетерархические и наоборот [3, с. 18].

Гомоархия и гетерархия представляют собой идеальные типы, в чистом виде не встречающиеся. Нередко управление и принятие политических решений основываются на столь сложном переплетении горизонтальных и вертикальных связей, что уклон в ту или иную сторону не всегда четко просматривается. Возможно, таковыми следует считать принципы демократического централизма, лежавшие в основе организации партии большевиков. По-видимому, каждая модель имеет собственные сильные и слабые стороны, проявляемые в зависимости от конкретных условий.

Тем не менее, рефлексия демократии предполагает именно фундамент гетерархии, делая упор на расширенное участие горизонтальных связей, их доминацию над вертикальными. Не исключено, что это обстоятельство побуждает к частому отождествлению демократии с народовластием. Рассмотрение последнего именно в таком качестве поможет уточнить сущностные признаки народовластия, а также возможные ему угрозы. Здесь весьма значительный потенциал содержит объемный трактат А. де Токвиля, который на основе впечатлений от личной поездки констатировал воплощение демократического принципа в Америке 1830-х гг. едва ли не в чистом виде.

Французский исследователь акцентирует внимание на общине, как первичной ячейке народовластия, подчеркивая ее универсальный смысл. Она является учреждением прекрасно соответствующей человеческой природе, естественно возникающем в любом человеческом коллективе. Социально-психологическая составляющая общины заключается в том, что в ней каждый ее член видит сильную корпоративную структуру, частью которой является и которая представляет возможность «для участия в управлении ею». Именно в рамках общины у людей «возникает стремление заслужить уважение окружающих, появляется потребность удовлетворить свои истинные интересы, вырисовывается жажда власти и славы. Страсти, столь часто нарушающие спокойствие общества, приобретают здесь совершенно иной характер, поскольку они проявляются у домашнего очага, как бы в лоне собственной семьи» [15, с. 69, 70].

В то же время А. де Токвиль усматривает антагонистический потенциал общине в государственных структурах, подчеркивая это в виде некоего исторического тренда. Тем не менее общество американцев продолжает сохранять общинный дух, лежащий в основе народовластия, чему способствует совокупность микро- и макросоциальных причин. В плане первого речь идет о равенстве прежде всего в политико-правовом смысле, в то время как имущественное уравнение американцами напрочь отвергается. Как признается А. де Токвиль, он не знает «другой страны, где бы любовь к деньгам занимала столь прочное место в сердцах людей и где бы «высказывалось столь глубокое презрение к теории о неизменном имущественном равенстве. Однако состояния обращаются в этой стране с невероятной быстротой, а опыт свидетельствует о том, насколько редко случается, чтобы два поколения подряд пользовались привилегией быть богатыми» [15, с. 59]. То есть в плоскости социально-экономических отношений для жителей Америки на первом плане возможности, предопределяющие имущественную мобильность, что в купе с протестантским духом может считаться отличным подспорьем для

либеральной идеологии. Отсюда минимизация влияния в американском обществе представителей родовой аристократии. Хотя аристократы и пользуются некоторым уважением, им приходится приспосабливаться к ситуации, когда «каждый человек обладает равной долей этой власти, и каждый в одинаковой степени участвует в управлении государством» [15, с. 68].

Политико-правовое равенство выступает предпосылкой для более масштабного фактора, способствующего народовластию. Речь идет о рассредоточении власти по различным институтам, что позволяет привлечь к делам социального управления большее число людей. Америке присуща четкость и определенность властных функций – любой служащий действует только в рамках законодательно определенных компетенций. Представителей исполнительной власти все жители (общины, округа) избирают исключительно из своей среды, тем самым распределяя полномочия среди множества людей. Отсюда следует вывод, что «правительство постоянно чувствует свою изначальную связь с народом и повинуетея той силе, которая создала его», а само общество свободно, но при этом хорошо управляется [15, с. 63, 71].

А. де Токвиль предложил глубокий анализ демократического (гетерархического) народовластия, на основании которого можно предположить основные трудности для данного вида народовластия.

Во-первых, непримиримым врагом здесь выступает устойчивая иерархия, которая видится мыслителю в юридических привилегиях родовой аристократии (что имело место во Франции на родине А. де Токвиля), а также неработающих каналах социальной мобильности. Закрепляющие за собой высокий иерархический статус группы одновременно утверждают и собственное привилегированное политическое положение. Подтверждает мысль А. де Токвиля развитие событий в древней Спарте, где народовластие констатируется большинством историков [1, с. 36]. Ликурговская система, стремясь к обеспечению внутреннего единства спартиатов, делала ставку на относительное экономическое равенство. Пока его удавалось поддерживать, спартанское общество отличалось внутренней консолидацией, было весьма эффективно в военном отношении, претендуя на гегемонию в античном мире. Но будучи частью последнего Спарта так и не смогла полностью оградить себя от товарно-денежных отношений. После принятия в IV в. до н.э. закона, разрешающего куплю-продажу земли (строго запрещенных законами Ликурга), спартанское общество стало быстро дифференцироваться в сторону социальной поляризации, что отразилось во внешнем политическом упадком.

Во-вторых, общинной независимости, а стало быть, местному народовластию, таит потенциальную угрозу государство. Пока власть функционально рассредоточена по различным органам и институтам, народовластие проявляет себя достаточно свободно в обозначенных им для себя локальных рамках (община, округ). Однако по ходу государственной централизации полномочия сосредотачиваются в одном центре, что актуализирует угрозу народовластию. Принцип государственной суверенизации предполагает распространение централизованного контроля за общественными процессами, тем более управленческого характера, выросшими снизу. В то же время абсолютный государственный суверенитет, по выражению Н. Боббио, есть теоретическая фантазия [17, с. 15–16]. Параллельные центры власти и управления всегда будут существовать, пусть и в наиболее урезанном виде.

При всем при этом следует учесть, что наблюдения А. де Токвиля касались первой половины XIX в., когда

американская государственность находилась в стадии становления. Кроме того, высокой социальной мобильности во многом способствовали оставшиеся не использованными к тому времени богатые природные ресурсы Америки (Дикий Запад), позже вовлеченные в капиталистическое производство и оборот.

Подход А. де Токвиля сохраняет серьезные методологические позиции, предлагая некоторый перечень критериев установления народовластия в форме демократии. Большинство современных авторов усматривают корреляцию между реальной демократизацией и иерархическими процессами. Например, Ч. Тилли пишет, что демократизация означает «расширение и уменьшение неравенства в отношениях между агентами правительства и населением, подчиненным власти правительства» [7, с. 96].

В то же время следует ли ограничиваться в ходе рассмотрения сущности народовластия только демократической формой (гетерархией), опирающейся на горизонтальные связи и множественность центров принятия политических решений? Политико-историческая рефлексия показывает, что образование элиты (В. Парето), правящего класса (г. Москва), процессы неизбежные и где-то самодовлеющие. Исходя из данных обстоятельств немецко-итальянский ученый Р. Михельс выдвинул, так называемый, «Железный закон олигархии» [18]. Но насколько процессы иерархообразования противоречат народовластию? Определенный ответ на это дает подход В. Полосина, где проблема народовластия выдвигается в более расширительном ключе. В работе «Миф. Религия. Государство» предлагается анализ различных политических форм через аспект их легитимации в общественном сознании.

Названный автор классифицирует имеющийся перечень национальных политических структур, относящихся к типу народовластия (народоправство, республика, охлократия, народоводительство) или к типу политическо-элитизма (иерократия, теократия, олигархия, самодержавия, демократия, бюрократия, военная аристократия). В первом случае народ является самостоятельным субъектом политической истории, осознавая себя в подобном качестве, в то время как элиты являются народными органами, не отделимыми от него и подконтрольные ему. Во втором случае над народом существует конкретный господин – политическая фигура или социальная группа. Это уже иной субъект и источник волеизъявления, и в той степени, в какой он действует от имени собственно народа, последний теряет политическую субъектность.

В. Полосин не исключает возможности образования на уровне национального государства политического строя, базирующегося на импульсах и практических инициативах, идущих снизу. Однако устойчивость и долговечность такого рода образований жестко зависят от ряда трудновыполнимых условий, в силу чего трансформация народовластия в политический элитизм, как правило, все же происходит.

Названный автор предлагает четыре варианта народовластия как политического строя.

1. *Народоводительство* есть строй, когда народ в качестве полноправного носителя и распорядителя власти, облакает доверием конкретную харизматическую личность, наделяя ее властными полномочиями. Зачастую в ситуациях революции, религиозной реформации или природных и военных катастроф, когда народ инициирует смену правящей элиты или политического строя, им формируется та власть, которой он действительно доверяет, актуализируя фигуру народного вождя.

2. *Республика* предполагает демократический строй по сути в его первозданной сущности, то есть когда на-

род реализует свои высшие суверенные функции посредством делегирования законодательных и управленческих функций профессиональным элитам, которые пользуются его доверием, и контролируются им. То есть в этой трактовке республика являет собой нечто вроде «выборной аристократии».

3. *Охлократия* есть такой политический строй, когда осуществляется непосредственная власть «безэлитной» толпы, количественного большинства. Народное правление здесь происходит на основе признака один человек = один голос. Согласно В. Полосину, охлократия есть обратная сторона народоправства, которая может иметь как положительные (формирование народной аристократии), так и негативные (демагогократия, объективно ведущая к тирании) последствия.

4. *Народоправство* – вид народовластия, в котором сочетаются формы народоводительства и республики. Здесь народом осуществляются собственные высшие политические функции посредством многоступенчатого делегирования управленческих, военных, правовых функций профессионалам, наиболее продвинутым в собственной сфере; тогда как верховные судебные функции, а также общий контроль поручаются конкретному лицу, наиболее облаченному народным доверием (императору, халифу, судье, президенту и т.п.), при том, что не прекращается полный народный контроль за деятельностью всех властных институтов [12, с. 247–284].

Из приведенного перечня типов народовластия совершенно отчетливо классифицируются недемократические формы, имеющие гомоархическую основу (народоводительство), а также варианты скорее дисфункционального свойства (охлократия), что помогает взглянуть на данный феномен более беспристрастно. Нет никакого смысла идеализировать народовластие, отрицая вероятность социально негативных последствий его определенных форм, например, той же охлократии. Увеличивающаяся политическая субъектность народных масс нередко сопровождается выдвиганием псевдолидеров – либо людей случайных, либо преследующих вовсе не общественные цели, хотя и рядящихся в тугой народных вождей. Так, античная история, для которой была характерна аутентичная модель народной демократии, знает множество подобных случаев. Например, главный виновник поражения римлян при Каннах в 216 г. до н.э., бездарный консул Гай Терренций Варрон являлся именно народным выдвигенцем, пользуясь среди римских масс «славою чрезвычайно даровитого и энергичного деятеля» [11, с. 56].

Соглашаясь с указанным автором по поводу существования как авторитарного народовластия с гомоархическим уклоном, так и демократического с предпочтением горизонтальных связей, следует отметить определенные методологические трудности, причем в обе стороны. Так, выхолощивание демократических систем, в том числе и на Западе, зашло уже настолько далеко, что некоторые исследователи считают необходимым прибегать к новым более точно характеризующим положение дел категориям, как, например, вышеупомянутый концепт постдемократии (К. Крауч); другие следуют иным путем, заявляя о разных национальных пониманиях демократии (можно полагать, здесь кроются корни концепта «суверенной демократии»), что дает возможность, с помощью этой нехитрой уловки, объявлять в той или иной степени «демократичным» практически любой режим, поскольку он есть результат определенной политической культуры, и обладает какой-никакой легитимацией [7].

С другой стороны, можно ли определять как народовластие ряд известных авторитарных политических режи-

мов XX в.? Речь о гитлеровской Германии и сталинском СССР, фашистском режиме Б. Муссолини. Ведь во всех трех случаях имелись основные признаки народоводительства – легитимная фигура харизматического лидера, опирающаяся на безусловное доверие большинства. А первые два продемонстрировали завидное национальное единство в ходе тотальной войны. Тем не менее, нам представляется, что одной только легитимации пусть и в сознании подавляющего социального большинства будет недостаточно для подлинного народовластия. Эта категория все же должна носить объективное содержательное наполнение.

Заключение

На основании изложенного материала уместно предположить, содержательную изменчивость народовластия в пространстве и времени, при том, что в целом возможно сохранение им определенного постоянства форм. Исторические факты дают нам право предположить классификацию более или менее устойчивых и распространенных форм народовластия, более подробное рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи. Это формы корпоративности, общественных движений и местного самоуправления, для каждой из которых вполне допустим гетерархический или гомоархический содержательные уклоны.

Вместе с тем, несколько оппонирова концепции В. Полосина, имеющей уклон в метафизику, мы полагаем целесообразным применение диалектического подхода к анализу феномена народовластия, поскольку невозможно вынести за скобки контекст все ускоряющейся социально-исторической динамики. Собственно, властные ресурсы были неизбежно представлены в любом человеческом сообществе, задолго до появления первых государственных образований. Первоначальное формирование структур власти происходило «снизу», имея характер самоуправления, и лишь много веков спустя процессы политогенеза привели к образованию отдельной от остального общества властно-управленческой системы. Нам представляется, что государственную власть можно рассматривать одновременно в качестве как тезиса, так и антитезиса народовластия. С одной стороны, несомненна первичность народовластных форм перед государственными, а социокультурное рассмотрение сущности конкретной политической системы обязательно заставит увидеть народовластную составляющую у любой и даже самой деспотической государственной власти. С другой стороны, каждое государство действует с позиции внутреннего суверенитета, тем самым определяя допустимые рамки для институтов народовластия, вместе с тем не будучи в силах добиться их полного упразднения.

Литература

1. Андерсон П. Переход от античности к феодализму. – Москва: Территория будущего; 2007. – 288с.
2. Бондаренко Д.М. Гомоархия как принцип социально-политической организации (постановка проблемы и введение понятия) // Раннее государство, его альтернативы, аналоги: Сборник статей. – Волгоград: Учитель; 2006. – С. 164–183.
3. Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Альтернативы социальной эволюции// Раннее государство, его альтернативы, аналоги: Сборник статей. – Волгоград: Учитель; 2006. – С. 15–36.
4. Волох О.В. Публичная служба как институт народовластия. Вестник Томского государственного

университета. Юридические науки. 2006. № 292. II. С. 253–255.

5. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. – Москва: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики; 2010. – 320 с.
6. Зенин С.С. Народовластие в конституционной системе демократического государства. Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10 (59). С. 70–74.
7. Иванов В. Теория государства. – Москва: Территория будущего, 2010. – 272 с.
8. Классен Х. Дж. М. Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы, аналоги: Сборник статей. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 71–84.
9. Крауч К. Постдемократия. – Москва: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 192 с.
10. Лукьянчикова Л.В. Непосредственное народовластие в России XVI–XX вв. (Историко-методологическое исследование). Дисс. ...д-ра юрид. наук. – Москва, 2018. – 425 с.
11. Моммзен Т. История Рима. – Санкт-Петербург: Ленинздат, 1993. – 270 с.
12. Полосин В.С. Миф. Религия. Государство. – Москва: Ладомир, 1999. – 440 с.
13. Российское народовластие: развитие, современные тенденции и противоречия: коллективная монография. – Москва: Новое издательство, 2005. – 368 с.
14. Селихов Н.В. Народовластие как основа социального единства российского государства. Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2019. № 1 (19). С. 48–54.
15. Токвиль А. Демократия в Америке. – Москва: Прогресс, 1992. – 554 с.
16. Яковлева Е.В. Современные аспекты развития философско-правового мировоззрения. Наука и инновации в современном мире: Сборник научных статей. Ч. IV. – Москва: Издательство «Перо», 2019. – 252 с.
17. Bobbio N. La crisi della democrazia e la lezione dei classici//N. Bobbio, G. Pontara, S. Veca. Crisi della democrazia e neocontrattualismo. – Rome, 1984.
18. Huntington S.P. The Tird Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – Norman, 1993.
19. Michels R. Zur Soziologie des Parteilbens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. – Stuttgart, 1970. – P. 351–369.
20. Sartori G. Political Development and Political Engineering // Public Policy. Vol. 17. Eds. J.D. Montgomery and A.O. Hirschman. – Cambridge, 1968.

DEMOCRACY: CONCEPTUALIZATION OF THE PHENOMENON

Ivanenko I.N.

Kuban State University

Conceptualization of the phenomenon of democracy involves the use of an extended methodology involving, in addition to political and legal approaches, models of sociology, political anthropology, social psychology. Democracy manifests itself in various forms, both based on homoarchic (vertical) ties, which result in variants of authoritarian democracy; and based on the foundation of horizon-

tal relations (democracy). Democracy is defined as spontaneously formed social practices and institutions associated with the organization of power and management, necessarily involving broad collective (mass) participation, as well as the consent and approval of the majority of others. The author states the substantial variability of democracy in space and time, while maintaining a certain constancy of forms, in connection with which the expediency of a dialectical approach to the analysis of democracy as a historical phenomenon is emphasized. At the same time, it is appropriate to consider state power both as a thesis and as the antithesis of democracy.

Keywords: democracy; homoarchy; heterarchy; state; political centralization; politogenesis.

References

1. Anderson P. Transition from antiquity to feudalism. – Moscow: Territory of the future, 2007. – 288 p.
2. Bondarenko D.M. Homoarchy as a principle of socio-political organization (problem statement and introduction of the concept) // Early state, its alternatives, analogues: Collection of articles. – Volgograd: Uchitel, 2006. – pp. 164–183.
3. Bondarenko D.M., Grinin L.E., Korotaev A.V. Alternatives to social evolution// Early state, its alternatives, analogues: Collection of articles. – Volgograd: Uchitel, 2006. – pp. 15–36.
4. Volokh O.V. Public service as an institution of democracy. Bulletin of Tomsk State University. Legal sciences. 2006; No. 292. II. – P. 253–255.
5. Dzolo D. Democracy and Complexity: a Realistic approach. – Moscow: Ed. House of the State University – Higher School of Economics, 2010. – 320 p.
6. Zenin S.S. Democracy in the constitutional system of a democratic state. Actual problems of Russian law. 2015. № 10 (59). P. 70–74.
7. Ivanov V. Theory of the state. – Moscow: Territory of the future, 2010. – 272 p.
8. Klassen H.J. M. Was the emergence of the state inevitable? // The Early state, its alternatives, analogues: A collection of articles. – Volgograd: Teacher, 2006. – pp. 71–84.
9. Crouch K. Postdemocracy. – Moscow: Ed. House of the State University – Higher School of Economics, 2010. – 192 p.
10. Lukyanchikova L.V. Direct democracy in Russia of the XVI–XX centuries. (Historical and methodological research). Diss. – Moscow, 2018. – 425 p.
11. Mommsen T. The History of Rome. – St. Petersburg: Leninzdat, 1993. – 270 p.
12. Polosin V.S. Myth. Religion. State. – Moscow: Ladomir, 1999. – 440 p.
13. Russian democracy: development, modern trends and contradictions: a collective monograph. – Moscow: New Publishing House, 2005. – 368 p.
14. Selikhov N.V. Democracy as the basis of the social unity of the Russian state. Bulletin of the S.Y. Witte Moscow University. Series 2. Legal Sciences. 2019. № 1 (19). P. 48–54.
15. Tocqueville A. Democracy in America. – Moscow: Progress, 1992. – 554 p.
16. Yakovleva E.V. Modern aspects of the development of philosophical and legal worldview. Science and innovation in the modern world: A collection of scientific articles. Part IV. – Moscow: Publishing House «Pero», 2019. – 252 p.
17. Bobbio N. La crisi della democrazia e la lezione dei classici//N. Bobbio, G. Pontara, S. Veca. Crisi della democrazia e neocontrattualismo. – Rome, 1984.
18. Huntington S.P. The Tird Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – Norman, 1993.
19. Michels R. Zur Soziologie des Parteilbens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. – Stuttgart, 1970. P. 351–369.
20. Sartori G. Political Development and Political Engineering // Public Policy. Vol. 17. Eds. J.D. Montgomery and A.O. Hirschman. – Cambridge, 1968.

Особенности миграционного образовательного дискурса в глобальной информационной системе

Лысова Ольга Васильевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры филологии Бирского филиала Башкирского государственного университета
E-mail: lysova_olga@inbox.ru

Абдуллина Амина Шакирьяновна,

доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Бирского филиала Башкирского государственного университета
E-mail: aminaabdullina@mail.ru

Лысов Олег Игоревич,

студент Бирского филиала Башкирского государственного университета
E-mail: oleg-lysov@list.ru

В статье рассматриваются коммуникативные стратегии образовательного мигрантского дискурса на основе источников российской глобальной сети Интернет. На основе анализа более 100 текстов данного вида дискурса выделены 2 группы: «толерантные», выражающие терпимость по отношению к ученикам-мигрантам, и «интолерантные», в которых проявляется национальная нетерпимость, мигрантофобия и преобладает эретизм – повышенная нервнопсихологическая возбудимость и раздражительность.

Ключевые слова: мигрантский образовательный дискурс, толерантные и интолерантные тексты, эретизм, конфликтная (конфронтационная) коммуникативная стратегия, кооперативная тактика.

На сегодняшний день одной из социально острых проблем являются миграционные процессы, активно протекающие во всех странах, в том числе и в России. На наш взгляд, назрела необходимость исследования данного явления не только с экономических и социальных позиций, но рассматривать влияние миграционных процессов на языковую ситуацию и национальную безопасность как в мире, так и в нашей стране.

Отмечая социальную обусловленность мигрантского дискурса, который рядом лингвистов определяется как особый вид политического дискурса, «поскольку его формируют социальные структуры и социальные агенты» [1, с. 31].

В рамках миграционного дискурса принято рассматривать коммуникативную деятельность в сфере устного и письменного общения, в которой определяется позиция общества по отношению к разным аспектам миграционного процесса. Таким образом, миграционный дискурс представлен различными текстами речевого общения мигрантов, а также устными и письменными высказываниями о мигрантах.

Сфера миграционного дискурса довольно обширна, поскольку мигранты участвуют в разных формах социального взаимодействия (образование, медицина, религия и т.д.) с представителями титульного народа.

На этом основании в рамках мигрантского дискурса целесообразно выделить миграционный или мигрантский образовательный дискурс. Вслед за авторами статьи «Мигрантский образовательный дискурс: коммуникативные стратегии и тактики» считаем возможным определить мигрантский образовательный дискурс «как совокупность текстов, созданных мигрантами, для мигрантов и о мигрантах на тему их обучения и образования» [3, с. 6].

Нами проанализированы источники в российской научной и периодической печати, электронных СМИ, статьи в блогах учителей и родителей, посвященные проблемам обучения детей мигрантов в российских образовательных учреждениях: детских садах, школах, вузах, представленные в российской глобальной информационной системе.

На основе анализа мы выделили несколько групп в миграционном образовательном медиадискурсе:

- 1) в высказывания официальных лиц (президента РФ, министров, депутатов Государственной думы и т.п.);
- 2) публикации в средствах массовой информации (газеты, журналы, блоги);
- 3) научные статьи, посвященные обучению детей мигрантов;
- 4) частные высказывания (учителя, родители, учащиеся).

Все рассмотренные тексты можно разделить на 2 группы: «толерантные», выражающие терпимость по отношению к ученикам-мигрантам, к их образу жизни, культуре, поведению, и «интолерантные», к которым мы отнесли высказывания, в которых проявляется национальная нетерпимость, мигрантофобия.

Большинство текстов (90%), составляющих мигрантский образовательный дискурс, в том числе высказывания официальных лиц, публикации в средствах массовой

информации, частные высказывания характеризуются общей тенденцией мигрантофобией и выражают конфликтную (конфронтационную) позицию, которая характеризуется пренебрежением, предубеждением к иной культуре, этнической группе на основе отрицательных характеристик, выраженной ксенофобией в форме мигрантофобии (неприязнь к представителям других культур и групп, убеждение в том, что «чужаки» вредны для общества, преследование «чужаков»:

«Эти люди не собираются интегрироваться, они собираются переделывать нас, нашу страну под себя. Ну, по крайней мере, в тех рамках, которые они контролируют. В Москве, например, существует целый «Киргиз-таун» – с собственной сетью кафе, клубов и так далее» [<https://riafan.ru/1414961-ukraincy-tadzhiki-i-uzbeki-otreaigirovali-na-slova-putina-o-detyakh-migrantov-v-shkolakh>].

«А зачем здесь должны находиться люди из чужой страны? И им же тяжело. И то же касается школ. Как только в какой-то школе будет слишком много детей мигрантов, они начинают себя вести в соответствии с их убеждениями» [<https://riafan.ru/1420542-obsuzhdaya-migrantov-v-rf-zhirinovskii-vspomnil-o-svoih-shkolnyh-godah-v-alma-ate>].

Кандидат на пост губернатора Петербурга Владимир Бортко заявил во время теледебатов в 2019 году: *«В школе в спальном районе 70% – дети мигрантов, которые по-русски не говорят, но их обязаны принять!.. Они кучкуются и начинают бить наших. Ребята, мы хотим Париж получить?»*

В группе медиадискурса, представленного высказываниями представителей СМИ, к которым мы отнесли и блогеров, также чаще всего выражается негативное отношение, внимание обращается прежде всего на негативные явления, проблемы, которые возникают в образовательном процессе у детей-мигрантов.

Мигранты воспринимаются обществом как источник проблем, а не блага для государства. Тексты, посвященные вопросам обучения детей мигрантов, имеют очевидно негативный характер и несут в себе образ врага на уровне интенций. Дети мигрантов изображаются, как нежелательный элемент, необразованный, некультурный, чужой:

багаж или уровень знаний, который у них есть, не соответствует; гетто нелегальных мигрантов, становится вызовом, риски роста межнациональной конфликтности, отток белых, даже недругу своему не пожелал, чтобы его дети учились в таких «публичных» школах, ростом преступности, антисанитарией, нелегальной торговлей, в том числе, наркотиками и оружием и т.д.

Подобное отношение характерно разным категориям населения: учителям, одноклассникам, родителям.

В приведенных нами высказываниях представлен спектр различных видов мигрантофобии: *«их – мигрантов слишком много», «они покушаются на нашу территорию, постепенно вытесняют нас»; «они ведут себя нагло, как хозяйева, устанавливают у нас свои порядки»; «они чужды нам, угрожают нашей культуре»; «они претендуют на созданное нами, принадлежащее нам»; «они криминальны, угрожают нашей безопасности».*

Учащиеся часто повторяют мысли и высказывания, которые встречаются в российских СМИ: мы встречаем немало примеров использования дискриминирующей лексики – от жестких поощрений насилия и дискриминации *«они покушаются на нашу территорию, постепенно вытесняют нас», «они криминальны, угрожают нашей безопасности», «Как мигранты вытесняют коренное население России из школ»* до более «мягких» проявлений языка вражды (*«они претендуют на созданное нами, принадлежащее нам»*).

Анализ текстов позволяет сделать вывод, что в большинстве из них преобладает эретизм – повышенная нервнопсихологическая возбудимость и раздражительность, прежде всего это касается вопросов обучения и трудности языковой и культурной адаптации.

Среди них наиболее актуальными являются языковой и социокультурные барьеры, мешающие успешному вовлечению детей мигрантов в различные виды образовательной, культурнодосуговой и социальной деятельности. Наиболее часто звучат тревожность и озабоченность более низким уровнем знаний учащихся-мигрантов по сравнению с детьми коренного населения, состоянием социального неравенства в сфере образования, поскольку дети мигрантов имеют более низкие шансы доступа к качественному образованию; обостряющиеся противоречия между мигрантами, их детьми и коренным (местным) населением (взрослым и детским) стран на трудовой, этнической, религиозной и иной почве, доходящие до конфликтов и др.

Часто в информационном цифровом пространстве встречаются высказывания следующего типа, создающие негативное отношение к мигрантам, обучающимся в российских школах: *«знания детей мигрантов не соответствуют тем оценкам, с которыми они приходят к нам. Тот багаж или уровень знаний, который у них есть, не соответствует нашей программе»; «с учащимися-мигрантами, единственным выходом остается пока наличие классов коррекции («вся индивидуальная программа может предполагать следующую: это только классы коррекции!»); «У большинства детей – мигрантов культурный шок осложнен плохим владением русским языком. Часто, даже если такие дети и говорят по-русски, пишут они с трудом. Кроме того, освоению разговорного языка препятствуют артикуляционные, фонематические, грамматические различия»* [<https://nsportal.ru/detskii-sad/vospitatelnaya-rabota/2015/09/03/>]; *«Мигранты приносят с собой особую культуру, которая воспринимается большинством в обществе как чужеродная и социализируется в первую очередь с языковыми и образовательными проблемами»* [<https://www.webkursovik.ru/kart/>] и др.

Анализ текстов мигрантского образовательного дискурса позволяет выделить языковые средства создания эретизма, используемые с целью повышения нервнопсихологической возбудимости и раздражительности читателей:

- использование антитезы:
 - мы наводим здесь четкий и ясный порядок, сначала граждане РФ или те, кто приехал и платит налоги;*
 - Русским не входить – места для мигрантов* и др.
- оценочные слова, формирующие ярлыки: *«мигранты тупые», «их дети-воры»* и др.
- элементы сниженной лексики, эмоционально окрашенные разговорные слова и выражения: *сидели бы дома, получить все на халяву, понаехали* и т.п.
- прием «драматизации» в заголовках для усиления негативной позиции темы: *«ФСБ: мигранты вышли из-под контроля», «Мигрантов признали «валютным насосом», «Украинские гастарбайтеры выкачивают деньги из РФ», «Гастарбайтеры вывозят из РФ национальные бюджеты».*

К сожалению, лишь незначительная часть высказываний образовательного мигрантского дискурса (менее 10%) можно отнести к группе «толерантных», в которых дети-мигранты и их родители характеризуются как положительное явление, не создающее препятствий и проблем для образовательного процесса в школах России. Приведем примеры данных текстов:

Мы убеждены, что ошибочным и даже опасным является представление о детях-мигрантах как источнике проблем;

Исследования показывают, что дети-мигранты в большинстве ориентированы не просто на успешную учебу, но на получение высшего образования, поэтому учатся много и с особым усердием [<https://vogazeta.ru/articles/2021/4/26>];

Дети мигрантов помогают школе;

Дети мигрантов часто как раз вытягивают школы из маргинальности, – замечает Деминцева. – У трудовых мигрантов нет поддержки ни от государства, ни от кого бы то ни было. Это сложно для них, но они все-таки привозят ребенка с целью дать ему будущее». В таких семьях детей настраивают на хорошую учебу, чтобы они могли устроить свое будущее;

Когда я прихожу в подмосковную школу и смотрю на доску почета, фамилии в основном таджикские и узбекские [<https://isp.hse.ru/news/298870802.html>] и др.

Как видим, в миграционном образовательном медиадискурсе коммуникативные стратегии, прежде всего, выражают конфликтную (конфронтационную) позицию.

Но в ряде текстов и высказываний данного дискурса представлена кооперативная (бесконфликтная) стратегия, которая отражает попытки интеграции мигрантов в новую лингвокультуру и принятия их ее представителями.

Дружелюбный характер носят только небольшой процент текстов о мигрантах, чаще всего авторами данных текстов являются учителя:

«У меня в классе учатся по большей части дети мигрантов, которые родились в России. Тех, кто переехал в Петербург с родителями из стран СНГ, стало меньше, – рассказывает учитель начальных классов Светлана Нагорная. – При этом отношение к ним в школах изменилось в лучшую сторону, многие уже привыкли к интернациональному составу класса. Хотя, безусловно, некоторых трудностей во взаимодействии не избежать»; Петербургские учителя бурно возмущаются, говоря о приезжих-мигрантах, «но... очень любят своих учеников, не знающих русского языка. Их хвалят за стремление учиться, послушание, уважение к школе» и др.

Как видим, анализ источников в российской научной и периодической печати, электронных СМИ, посвященных проблемам обучения детей мигрантов, свидетельствует о том, что в них преобладает негативное отношение к данной группе учащихся, обучающихся в российских школах. Лишь незначительная часть текстов данного дискурса ориентирована на кооперативную тактику, направленную на развитие лингвоинтерактивности в поликультурном образовательном пространстве. Пока ситуацию с интеграцией и обучением детей мигрантов называть благополучной нельзя.

Кроме того, анализируя российский образовательный мигрантский дискурс, необходимо отметить, что антимиграционные настроения, сформированные в том числе и под действием медиа.

СМИ, учитывая запросы социума и конструируя особую медиареальность, создают образ мигранта, в том числе и образовательного, определяя отношение принимающего, российского общества к приезжим. С появлением социальных сетей эта функция значительно актуализируется.

При этом средства массовой информации, в том числе и Интернет-источники, не только транслируют сложившиеся на данный момент стереотипы и установки на восприятие «чужого», но и сами способствуют появлению и трансформации этих стереотипов.

Примечательно, что в последние годы откровенно антимиграционных материалов в проанализированных

нами источниках становится меньше. В целом, процесс миграции признается российскими СМИ необходимым и, скорее, положительным. В то же время школьники-мигранты как представители других национальностей, религиозных исповеданий и культур оцениваются отрицательно. При этом стоит отметить, что в материалах, в фокусе внимания которых оказывается не мигрант вообще, а конкретный человек с его человеческой историей, проблемами и переживаниями, образ мигранта складывается совершенно иначе. Журналист, читатель и герой объединяются общечеловеческими ценностями, национальные отличия отходят на второй план.

Таким образом, результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что коммуникативные стратегии мигрантского образовательного дискурса, которые формируются в российском обществе, характеризуются «социальной напряженностью» между участниками образовательного процесса. Необходимо минимизировать социальные риски, связанные с обучением детей мигрантов в российских школах, снизить конфликтность и способствовать социальной и культурной адаптации и интеграции детей мигрантов.

На наш взгляд, дальнейшее изучение функционирования мигрантского образовательного дискурса будет способствовать установлению эффективной межнациональной коммуникации в мультикультурной медийной среде, ориентируясь на кооперацию и развитие терпимости в российском поликультурном образовательном пространстве.

Литература

1. Зубарева Е.О. Номинативное поле концепта «Мигрант» // Мир науки, культуры, образования. 2018, № 4(71). – С. 420–422.
2. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
3. Шустова С.В., Исаева Е.В. Миграционная лингвистика: становление и развитие / Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: монография. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2019. – С. 5–64.

FEATURES OF MIGRATION EDUCATIONAL DISCOURSE IN THE GLOBAL INFORMATION SYSTEM

Lysova O.V., Abdullina A. Sh., Lysov O.I.
Birk branch of the Bashkir State University

The article deals with communication strategies of educational migrant discourse based on the sources of the Russian global Internet network. Based on the analysis of more than 100 texts of this type of discourse, 2 groups were identified: “tolerant”, expressing tolerance towards migrant students, and “intolerant”, in which national intolerance, migrant phobia is manifested and erethism prevails – increased neuro-psychological excitability and irritability.

Keywords: migrant educational discourse, tolerant and intolerant texts, erethism, conflict (confrontational) communication strategy, cooperative tactics.

References

1. Zubareva E.O. Nominative field of the concept “Migrant” // World of science, culture, education. 2018, No. 4(71). – P. 420–422.
2. Karasik V.I. On types of discourse // Linguistic personality: institutional and personal discourse: Sat. scientific tr. – Volgograd, 2000. – S. 5–20.
3. Shustova S.V., Isaeva E.V. Migration linguistics: formation and development / Migration linguistics in the modern scientific paradigm: monograph. Perm: Publishing House “Perm State National Research University”, 2019. – P. 5–64.

Проскурина Александра Сергеевна,

к.с.н., доцент Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, младший научный сотрудник Международного центра социальной экспертизы и развития Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: asproskurina@fa.ru

Констатируемая сегодня сложность социальной реальности проявляется особенно ярко в моменты её «поломки» – радикальных изменений привычного ритма и организации повседневности. Исследовательским ответом на эту сложность может быть комплекс сетевых теорий, объединяющих социологический, технологический и семиотический взгляды. С учётом характеристик, которыми обладают современные катастрофы, именно такая теоретическая рамка имеет ряд существенных прикладных преимуществ. В статье раскрывается их сущность и приводится обоснование актуальности опоры на сетевой подход для анализа современных катастрофических ситуаций – природных, эпидемиологических, техногенных. Сделан акцент на значимости анализа коммуникации между представителями власти и населением именно для задачи анализа катастроф.

Ключевые слова: доверие, катастрофы, пандемия, сетевые теории, социология сетей, массовая коммуникация.

Сетевые модели изучения коммуникации – продукт общего тренда социально-технологического развития, ставший очевидным ещё до становления сетевых в современном смысле технологий: о таких моделях писал М. Маклюэн в 50–60-е годы и Ж. Бодрийяр в 70-е годы XX века, когда технология не имела достаточного объёма обратной связи, чтобы говорить о коммуникативном акте. Сетевой характер коммуникации неразрывно связывается в исследовательской литературе с характером производства, в частности, с капиталистической системой, ставшей отправной точкой для ряда критических теорий [1]. Обращает на себя внимание тот факт, что капиталоцентричность анализа имеет под собой крепкую эмпирическую почву: исследователи констатируют невозможность трактовки капитализма как некоего рационального «духа» (по предположению М. Вебера) и склоняются к тому, что необходимо выявлять конкретных акторов, обменивающихся конкретными ресурсами для достижения конкретных целей [11].

Именно такой взгляд на взаимодействия, то есть обмена ресурсами между расположенными в социальном пространстве акторами, может отразить метафора сети. При обращении к различным словарным определениям слова «сеть» мы выявили ряд характеристик такого понимания коммуникации, которые необходимо учитывать при анализе.

1. Сеть носит *уникальный* характер. Выбирая метафору сети, мы отделяемся в своём понимании коммуникации от других возможных форм взаимодействия.

2. Сеть организована *системно*. В сетевой коммуникации обнаруживаются свойства, характерные для всех систем, в частности, синергичность и целесообразная самоорганизация. Здесь можно обратиться к термину «аутополезис», с помощью которого Н. Луман и другие особо подчёркивают способность сети к мониторингу элементов и самовоспроизводству с учётом изменений [7].

3. Сеть формируется путём пересечения «нитей» и фиксации «узлов» в местах пересечений. Такой способ формирования предполагает ряд логически следующих характеристик: множественность пересечений нитей, взаимозависимость элементов структуры, соответствие направлений взаимодействий существующим нитям, ограничения свободы перемещений и взаимодействий.

4. Внутри сети формируются *ячейки* – зоны расположения близких по положению, содержанию, функционалу, зависимости узлы. Ячейка предполагает гомогенность, повторяемость и функциональное единство [6].

5. Сеть выполняет конкретную задачу, имеет в себе элемент *целеполагания*. Эту характеристику также можно отнести к системным свойствам, если включить цель системы в список характеристик, сохраняющих систему жизнеспособной [4].

6. Структура сети предполагает *ограничение доступа* внешних по отношению к сети элементов внутрь сети. Таким образом сохраняется конечность и замкнутость сетевой коммуникации, несмотря на ощущение множественности её участников. Замкнутость позволяет осуществлять управление обмени, прогнозировать развитие событий в коммуникации и задаёт понятные участникам «правила игры».

Эмпирическое изучение сетевых коммуникаций предполагает изучение характера связей и узлов, ме-

ханизмов отказоустойчивости сетевого пространства, динамики сетевого пространства во времени, логики этой динамики. Также целесообразно ставить вопрос о том, какие элементы являются в сетевом взаимодействии первичными – индивидуальные или структурные, и какие из элементов выполняют интегрирующие функции, сохраняющие сеть в логически-обусловленном и замкнутом состоянии. Отдельно необходимо уточнять, как в исследовании необходимо учитывать технологическую, материальную, инфраструктурную составляющую сетей. Все перечисленные характеристики можно свести к четырём направлениям эмпирических исследований:

- исследование наблюдаемой сети социальных отношений, где сеть является аналитическим конструктом;
- исследование обменов внутри сети с фокусом на то, чем именно обмениваются участники;
- мотивация и смысл в сетевых отношениях – исследование ожиданий внутри сети;
- исследование порядка структурирования обменов в отношениях, то есть моделей, категорий, возможностей, структур [15].

Особенности современных катастроф

Ключевой чертой академического анализа современных катастроф является акцент на внутренней системе катастрофической ситуации, а не на внешних теоретических наработках, которые могут ограничивать анализ [18]. Теория катастроф касается того, как общественные, природные, технологические и гибридные системы реагируют на энтропию – неизбежное планомерное разрушение структур. Анализ внутренней логики, согласно классике теории катастроф Р. Тому, предполагает анализ следующих элементов:

- ключевые точки, фокусирующие динамику – аттракторы и репульсоры;
- характеристики системы, испытывающей катастрофическое воздействие – её внутренний потенциал, энергия;
- векторы воздействия на систему, их направление и пространственное расположение относительно системы;
- акторы локальной регуляции, которых Том называет «пре-программы», то есть элементы системы, активно взаимодействующие с энергией системы.

Обращает на себя внимание тот факт, что такой подход к исследованию катастроф предполагает некую картографию, визуализацию влияний, построение графа. Таким образом, сетевой подход и теория катастроф пользуются общими концепциями для описания и анализа происходящего.

Ещё один термин, актуальный для современного анализа катастроф – это термин «инцидент». Инцидент – это стартовая точка эмпирически наблюдаемой конфликтной ситуации [3]. Конфликт связывается с ситуациями ограниченности ресурсов, конкуренции за них, сложностей в коммуникации, и катастрофа как раз создаёт условия для таких ограничений и сложностей. Таким образом, современную катастрофу в её коммуникативном преломлении следует рассматривать также и в рамках социологии конфликта.

Конфликт представляет собой систему, включающую в себя участников, их групповую принадлежность, цели участников, временное изменение конфликтной ситуации, перешедшей в открытую стадию после инцидента. Дж. Галло предлагает системный подход к исследованию конфликта, в рамках которого требуется описать границы системы, в которой происходит конфликт, пере-

числить переменные состояния и активности (на основе модели ABC Й. Гальтунга [17]), описать каузальные петли и петли обратной связи, выявить подсистемы, а также дать характеристику задержке реагирования [16].

Обращает на себя внимание тот факт, что современная катастрофа оказывает влияние на все системные элементы, предлагаемые к анализу. Она не только катализирует наступление инцидента, но и влияет на скорость реагирования системы, вызывает к жизни подсистемы с компенсаторными функциями, создаёт новые петли обратной связи и причинности, нарушает границы системы. Возможным ответом со стороны системы может быть обращение к *доверию* и *конструктивности* как альтернативным основаниям для коммуникативных взаимодействий взамен нарушенных привычных схем.

Для полноты характеристики современных катастроф дадим краткую характеристику типам катастроф – природным, техногенным и эпидемиологическим.

Согласно докладу Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO), сегодня наблюдается учащение природных катастроф. Связано это с повышением температуры планеты, повышением уровня моря вследствие таяния льдов, что приводит к так называемым «мегапожарам» (пожарами большой площади и интенсивности), не свойственным регионам погодным условиям, землетрясениям. Такие катастрофы имеют деструктивные последствия не только для бизнеса и финансовой сферы, но и для человечества в целом, так как они зачастую приводят к уменьшению количества доступной пищи [14]. Россия сталкивается с такими проявлениями как лавины, землетрясения, пожары, паводки и затопления [2]. Проблема с такими катастрофами заключается в том, что их *невозможно избежать и очень сложно контролировать*; основной комплекс мер связан с наблюдением, предотвращением и смягчением последствий. Роль государственного и местного управления в данных ситуациях особенно велика: отсутствие достаточного уровня финансирования приводит к увеличению частоты случаев особо разрушительных бедствий [9].

Эпидемиологическая катастрофа – термин, который особенно часто встречается в последнее время, хотя не является новым для человечества, особенно в сфере сельского хозяйства. Основные свойства катастроф этого типа – это низкая степень контролируемости, но высокая степень успешности *профилактики*. Следует обратить внимание на то, что, в отличие от природных катастроф, эпидемиологические катастрофы связаны с массовым поведением людей, благодаря чему многие болезни удалось оставить в прошлом вследствие массовой вакцинации и распространённости профилактических осмотров, особенно в России [12]. Для нашей страны остаются актуальными проблемы эпидемий в сельском хозяйстве, а также ряд инфекционных заболеваний человека, среди которых туберкулёз, ВИЧ, кишечные инфекции [2]. Так как развитие катастрофической ситуации связано с поведением людей, здесь для анализа критично состояние массовой коммуникации, то есть *информационное сопровождение* вспышки инфекции. Информация позволяет населению сформировать собственную *оценку* происходящего и принять решение; отсутствие достаточного количества информации или низкое её качество приводит к большому количеству *сомнений*, и, как следствие, повышает риск сохранения эпидемиологической катастрофы.

Третий тип катастроф – техногенные – считается наиболее предотвратимыми [8]. Деятельность человека – единственная причина техногенных катастроф, следовательно, высок уровень их контролируемости,

но и повышается уровень ответственности человека в случае наступления таких катастроф, называемых *man-made disasters* (катастрофы «руками человека»). К этому типу катастроф относят аварии на различных предприятиях (атомных, гидротехнических, промышленных), дорожно-транспортные происшествия, катастрофы на предприятиях в сфере энергетики [2]. Основная проблема в работе с данным типом катастроф сегодня – это коммерческая сторона. К сожалению, риск катастрофы не останавливает предпринимателей, стремящихся к получению прибыли. Усугубляет ситуацию существование организаций, предоставляющих услуги страхования от техногенных рисков: из-за этого организация «делегировать» риск катастрофы, понимая, что устранением последствий и возмещением ущерба заниматься не придётся [10].

Преимущества применения сетевого подхода для анализа ситуации катастрофы

Коммуникативный аспект катастроф играет особенно важную роль в условиях, когда сетевой порядок коммуникации позволяет вести её со значительным объёмом участников, в частности, между участниками различной степени вовлечённости в управленческие процессы. Управленческая (властная) коммуникация становится прикладным аспектом исследований, так как её эффективность и способность к получению обратной связи от населения в ситуациях катастроф становится залогом благополучного итога развёртывания катастрофы и снижению последствий как в короткой, так и в длинной временной перспективе.

Смещение исследовательского фокуса в сторону коммуникации между органами власти и населением требует дополнения приведённых ранее характеристик эмпирического исследования сетевой коммуникации специфическими элементами, значимыми именно для коммуникации в данной области. Такая коммуникация осуществляется на нескольких уровнях, которые можно разместить в системе координат, где ось абсцисс означает движение от индексальности к символичности коммуникации, а ось ординат – движение от аморфности к структурированности коммуникативных взаимодействий (рис. 1).

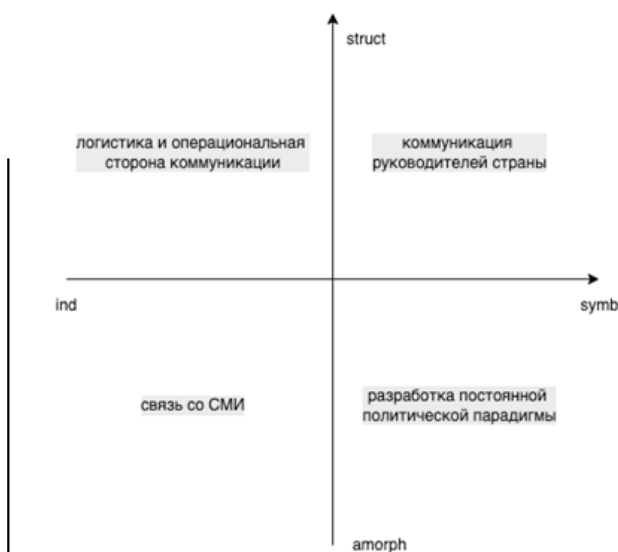


Рис. 1. Сферы властной коммуникации (авторская разработка) на основе источника [19]

Следует обратить внимание на то, что властная коммуникация, как предполагает Н. Луман, имеет особый код [5], который также следует включить в список эмпирически анализируемых элементов.

Формы связей, названные «нитеями», можно разделить на четыре специфических для властной коммуникации формы (табл. 1).

Таблица 1. Формы связи в сетевой властной коммуникации

Форма связи	Эмпирическая реализация	
	Государственный орган – население	Население – государственный орган
Информирующая	Статистика, результаты выполнения национальных проектов	Декларации о доходах, обращения граждан
Электоральная	Агитация, поощрение явки	Голосование, неявка
Индоктринирующая	Пропаганда, государственные СМИ	Повестка в социальных сетях, акции
Силовая	Применение силы	Митинги

Сетевая коммуникация не осуществляется в отрыве от остальной «окружающей среды» существования человека. Как мы определили выше, в ситуации катастрофы эти формы коммуникации должны сочетаться с проявлениями доверия и конструктивности, выступающими компенсирующими механизмами для испытывающей стресс катастрофы системы. В зависимости от типа катастрофы коммуникация между населением и властью играет большую или меньшую роль в деле устранения последствий и уменьшения интенсивности катастрофы, но для всех перечисленных типов эта коммуникация значима. Доверие упрощает коммуникацию в условиях, когда невозможно осуществлять привычное планирование [13].

Таким образом, сетевой социологический анализ формирования доверительной коммуникации между населением и органами государственного управления в условиях катастроф имеет следующие преимущества.

1. Такой подход учитывает, что катастрофа представляет собой инцидент, трансформирующий существующие в системе отношения в конфликтные.
2. Сетевые теории коммуникации позволяют учитывать то, что коммуникация осуществляется на основе информации, её символического содержания. Это особенно важно при анализе эпидемиологических катастроф, исход которых зависит от степени преодоления сомнений у населения.
3. Коммуникация в условиях катастроф действует по логике аттракторов и репульсоров, то есть точек стабильности и нестабильности.
4. Сетевой анализ коммуникации предполагает не только картографическое развёртывание ситуации в моменте, но и изучение предшествующего опыта системы по взаимодействию с ситуациями катастрофы, динамику символического наполнения коммуникации, границ системы.

Литература

1. Бронзино Л.Ю. Критическая социология франкфуртской школы // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2007. № 3. С. 53.
2. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации

от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2020 году» / – Москва: МЧС России. ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2021. – 264 с.

3. Зеленков М.Ю. Конфликтология. – Москва: Литрес, 2021. – С. 55.
4. Зимин И.Н., Картвелишвили В.М. Жизнеспособные системы: концепции и модели // Системное моделирование социально-экономических процессов: труды. 2014. С. 471.
5. Луман Н. Власть. – Москва: Практикс, 2001. – С. 13.
6. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 63.
7. Орлов Д.Е., Орлова Н.А. Аутопойезис техносциальных систем как фактор разрастания социальных рисков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. № 2. С. 61.
8. Петров Ю.П. Расследование и предупреждение техногенных катастроф. Научный детектив. – Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2012. – С. 2.
9. Соповещение по вопросам Борьбы с пожарами // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68373> (дата обращения: 10.05.2022).
10. Страхование от техногенных катастроф: самые крупные страховые выплаты // Открытый журнал. URL: <https://journal.open-broker.ru/strahovanie/krupnye-strahovye-vyplaty/> (дата обращения: 11.05.2022).
11. Шумилов Ю.В. К истории становления международного финансового права // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 5. С. 60.
12. Anderson R.M., May R.M. Infectious diseases of humans: dynamics and control. – Oxford university press, 1992. – С. 90.
13. Cook K. S., Santana J.J. Trust: perspectives in sociology // The Routledge Handbook of Trust and Philosophy. – New York and London: Routledge, 2020. – С. 191.
14. FAO. The impact of disasters and crises on agriculture and food security // Report. 2018.
15. Fuhse J.A. The meaning structure of social networks // Sociological theory. 2009. Т. 27. № 1. С. 51–73.
16. Gallo G. Conflict theory, complexity and systems approach // Systems Research and Behavioral Science. 2013. Т. 30. № 2. С. 156–159.
17. Galtung J. Peace by peaceful means: Peace and conflict, development and civilization. Sage, 1996. С. 72.
18. Morier C. Taking a geometric look at the socio-political functioning schemes of the living. Catastrophe theory and theoretical sociology // Acta biotheoretica. 2013. Т. 61. № 3. С. 354.
19. Sanders K., Canel M.J. (ed.). Government communication: Cases and challenges. A&CBlack, 2013. С. 6.

NETWORK LOGIC OF TRUST IN DISASTERS

Proskurina A.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The complexity of social reality manifests itself especially vividly during moments of disruption – radical changes in the habitual rhythm

and organization of everyday life. A set of network theories combining sociological, technological and semiotic views can be a research answer to this complexity. Given the characteristics of modern catastrophes, this particular theoretical framework has several significant applied advantages. The article reveals their essence and provides reasoning behind reliance on the network approach for the analysis of modern catastrophic situations – natural, epidemiological, man-made. Emphasis is placed on the importance of communication analysis between government representatives and the population for the purpose of analyzing disasters.

Keywords: trust, disasters, pandemic, network theories, network sociology, mass communication.

References

1. Bronzino L. Yu. Critical Sociology of the Frankfurt School // Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2007. No. 3. P. 53.
2. State report «On the state of protection of the population and territories of the Russian Federation from natural and man-made emergencies in 2020» / – Moscow: EMERCOM of Russia. FGBU VNIИ ГОЧС (FTs), 2021. – 264 p.
3. Zelenkov M. Yu. Conflictology. – Moscow: Litres, 2021. – P. 55.
4. Zimin I.N., Kartvelishvili V.M. Viable systems: concepts and models // System modeling of socio-economic processes: works. 2014. – P. 471.
5. Luman N. Power. – Moscow: Praxis, 2001. – P. 13.
6. Nazarchuk A.V. Network society and its philosophical understanding // Questions of Philosophy. 2008. no. 7. P. 63.
7. Orlov D.E., Orlova N.A. Autopoiesis of technosocial systems as a factor in the growth of social risks. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2015. no. 2. P. 61.
8. Petrov Yu.P. Investigation and prevention of man-made disasters. Scientific detective. – St. Petersburg: BHV-Petersburg, 2012. – P. 2.
9. Meeting on Fire Fighting // President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68373> (date of access: 05.10.2022).
10. Insurance against man-made disasters: the largest insurance payments // Open Journal. URL: <https://journal.open-broker.ru/strahovanie/krupnye-strahovye-vyplaty/> (date of access: 05.11.2022).
11. Shumilov Yu.V. On the history of the formation of international financial law // Russian Foreign Economic Bulletin. 2010. No. 5. P. 60.
12. Anderson R.M., May R.M. Infectious diseases of humans: dynamics and control. – Oxford University Press, 1992. – P. 90.
13. Cook K. S., Santana J.J. Trust: perspectives in sociology // The Routledge Handbook of Trust and Philosophy. – New York and London: Routledge, 2020. – P. 191.
14. FAO. The impact of disasters and crises on agriculture and food security // Report. 2018.
15. Fuhse J.A. The meaning structure of social networks // Sociological theory. 2009. Vol. 27. No. 1. P. 51–73.
16. Gallo G. Conflict theory, complexity and systems approach // Systems Research and Behavioral Science. 2013. Vol. 30. No. 2. P. 156–159.
17. Galtung J. Peace by peaceful means: Peace and conflict, development and civilization. Sage, 1996. – P. 72.
18. Morier C. Taking a geometric look at the socio-political functioning schemes of the living. Catastrophe theory and theoretical sociology // Acta biotheoretica. 2013. V. 61. No. 3. P. 354.
19. Sanders K., Canel M.J. (ed.). Government communication: Cases and challenges. A&C Black, 2013. – P. 6.

Воронкова Ольга Алексеевна,

к.п.н., старший научный сотрудник ИС ФНИСЦ РАН
E-mail: olden@lianet.ru

Глобальный переход от модернизированной традиции XX века к новой сетевой реальности XXI века сопровождается противоречивыми социальными явлениями и противоположно направленными процессами. С одной стороны, нельзя не заметить качественное обновление оснований социальных систем. Традиционная социальная система как комплекс правил, норм, установок, регулирующий человеческое поведение и преобразующий его в иерархическую структуру ролей и статусов трансформируется в сетевую социальную систему. Происходит историческая эволюция моделей социального порядка от аффективно-харизматической до рационально-дискурсивной, и, далее, к цифро-сетевой. Очевидны тенденции установления нового «цифрового порядка» в новой сетевой реальности. С другой стороны, заметны процессы сопротивления установлению единой модели социального порядка в глобальном масштабе со стороны традиционалистских обществ, активно отстаивающих консервативные принципы. В статье рассматриваются вопросы, как меняются основы социального порядка, каковы причины и движущие силы, способствующие и препятствующие обновлению принципов социальной жизни.

Ключевые слова: социальный порядок, новая сетевая реальность, цифровой порядок, легитимационный кризис, идеология, социально-политический дискурс.

Модели социального порядка: аффективно-харизматическая

Содержательный объем категории «социального порядка» включает в себя способы организации жизни, механизмы их поддержания и средства легитимации. Социальный порядок определяется внутренним взаимодействием экономических, социальных и политических компонентов социальной системы, складывающимся в процессе исторического развития. Характер социально-политического взаимодействия диктует логику формирования управленческих механизмов, символических обоснований порядка (религиозных, идеологических) и определяет вектор социального развития.

Для слабо и неравномерно материально обеспеченных обществ иерархическая структура является единственно эффективной формой социального существования. Иерархический порядок основывается на том, что группа наиболее способных членов общества берет на себя решение сложных задач общей выживаемости. При этом, неуверенные слои общества делегируют элите права управления и соглашаются с собственным подчиненным статусом. Такой «общественный договор» имеет вполне функциональный характер. Но еще древние философы отмечали разного рода отклонения от «должного» порядка – стремление власть имущих использовать свое высокое положение в личных интересах, с одной стороны, и нежелание отдельных членов общества следовать установленным нормам и законам, с другой. М. Вебер, оценивая исторический опыт, отмечал практическое отсутствие примеров добровольного самоограничения деятельности властных структур рамками служения обществу, подвергая сомнению очевидность рациональных основ любой власти [3, с. 644–706]. Использование преимуществ, даруемых обладанием властью, не в интересах общества, подрывает эффективность исполнения правящих функций. При этом любая властная группа, стремящаяся сохранить власть в своих руках, прилагает усилия по выработке у населения веры в общественную пользу своих целей и намерений, практическую необходимость предпринимаемых действий и истинность политических деклараций. Созданием, таким образом, позитивного имиджа власть добивается авторитетного статуса в глазах подданных.

Признание авторитета, освященного Богом, является основным стержнем построения иерархического социального порядка. В ранних иерархических системах установка на признание авторитета проникает во все сферы массового сознания и поведения. В массовом сознании обладание властью является фактором уже достаточным для признания полномочий функционального носителя власти.

Массовая идентичность, определяемая в значительной степени потребностью в защите, имеет сильное эмоциональное наполнение и оформляется в мифологической религиозной символике. Верховная позиция в иерархии – гарант спасения – наделяется массовым сознанием высшими, даже мистическими качествами, позволяющими успешно справляться с проблемами – необъяснимой силой и могуществом, тайным знанием, недоступным другим. Эмоциональность и нескритичность массового сознания не всегда позволяют отличать ре-

ально выдающиеся качества лидера от случайной удачи в делах, и обеспечивают кредит доверия на долгий период, сохраняющийся даже при явных ошибках, огрехах или проявлениях аморальных действий лидера. Рациональные функции политической элиты, призванной формулировать правила поведения в жестких условиях выживания, сильно перевешиваются как личностными слабостями лидера и его окружения, так и эмоциональной перенасыщенностью массового самоопределения: готовностью к неоправданному самоотречению и экзальтированной жертвенности. Все это дает основания определять иерархическую модель порядка ранних этапов исторического развития как аффективно-харизматическую, основанную на массовом поведении, определяемом М. Вебером как находящимся на границе и часто за пределом того, что осмысленно, осознанно ориентировано [3, с. 602–643]. Такая модель социального порядка способна воспроизводиться до тех пор, пока сакрально обласканным лидеру удается производить эффект на массы, убеждать их в своей силе и способности обеспечивать приемлемую жизнь для подданных.

Потенциал изменения принципов социального порядка во многом связан с историко-географическими особенностями развития материально-экономических отношений. В рамках восточных культур, более или менее самодостаточных в пространственно-территориальных и ресурсно-экономических категориях, социальный порядок, основанный на четком иерархическом строении статусов и положений, мыслится как определенный высшими силами, Небом, и потому вечный и неизменный. Все усилия общества были направлены на консервацию сложившейся структуры. В западной части европейского континента быстрое развитие отношений экономическо-го обмена между небольшими, не располагающими всем необходимым набором экономических ресурсов, но претендующими на политическую самостоятельность странами, сопровождалось поэтапным процессом изменения основ социального порядка. В западноевропейской культуре постепенно обозначилась тенденция становления инструментально-рациональной модели, в терминологии Вебера, в которой развитие «осмысленно ориентированного» и критически настроенного социального поведения меняло характер социально-политических отношений.

Рационально-идеологическая модель порядка

Рациональным социальный порядок можно назвать только при доминировании в обществе определенного типа социального поведения. Рационализм в социальном поведении проявляется уже тогда, когда человек берет на себя функцию распоряжения собственной жизнью, не полагаясь на внешние силы или авторитеты, не перекладывая на кого-то другого решение проблем. Рационализм, как писал М. Оукшот, – это, «прежде всего утверждение независимости разума в любых возможных обстоятельствах, утверждение свободы мысли, отказывающейся преклоняться перед авторитетом и делающей исключение лишь для авторитета разума»: Рационалист в политике – враг авторитетов, предрассудков, всего традиционного, привычного, застойного. Он и скептик, и оптимист: «во всем разнообразии мнений, обычаев, верований (какими бы устоявшимися и общепризнанными они ни были) не находится ничего, что избежало бы его критики, ничего, способного уйти от суда «разума»; в то же время, он «никогда не сомневается в способности собственного «разума» (коль скоро тот правильно применен) определять истинную ценность вещей, справедливость мнений или уместность действий» [4, с. 7–8].

Потребность в широком экономическом обмене на определенном историческом этапе определила характер процесса материального производства – высокую конкуренцию и мотивацию к развитию технических средств, повышению функциональных качеств и привлекательности готовой продукции. Увеличивающиеся возможности творчества и самореализации расширяют спектр потребностей и интересов, развитие которых последовательно приводит к изменению социальных ценностей, норм и, соответственно, основ социального порядка. Возникновение социальных групп и прослоек, способных к самостоятельному распоряжению своей жизнью, неизбежно подрывает монополию власти на диктат принципов социального порядка. Эти принципы теряют беспелляционный характер догматов и приобретают важное качество неоднозначности – разной значимости для различных социальных групп. Под «значимостью» порядка Вебер подразумевает «нечто большее, чем простое единообразие социального поведения, обусловленное обычаем или констелляцией интересов» – это индивидуальные способы ориентации на определенные максимумы – индивидуальные представления о должных принципах социальных отношений. В основе этих представлений лежат различные мотивы, как эмоциональные или рациональные, так и смешанные – «чувство долга» [3, с. 602–643]. Растущая вариативность принципов социальных отношений разрушает монолитные характеристики социальной стабильности, требует поиска новых обоснований и способов поддержания порядка.

Рациональность эпохи модерна задается осознанными социумом целями развития и определяемыми этими целями культурными смыслами и содержаниями жизненных практик. Чем выше уровень материальной обеспеченности, тем сложнее становится организация социальной жизни, и тем более значимый вес приобретает фактор легитимации социального порядка. Легитимация, по определению П. Бергера и Т. Лукманна, это вторичная объективация смысла [2, с. 44]. Процесс легитимации продуцирует новые смыслы, функция которых состоит в переопределении социально-политических отношений: постепенному ослаблению факторов безусловного доверия власти и усилению рациональных требований со стороны общества.

На ранних этапах модернизации обществ основным легитимирующим инструментом становится идеология, как ценностно-рациональная основа нового порядка. Идеологически обосновываемый социальный порядок раннего модерна отличается от религиозного несколько большей степенью свободы от необходимости подчинения мистическим силам, большей степенью веры в социальные возможности управлять ходом жизни, но еще недостаточной степенью индивидуальной ответственности, и, соответственно, сохраняющейся потребностью в лидерах. Лидерство в идеологически-рациональной модели порядка сохраняет харизматическое качество, но лишь отчасти. Усиливается роль политической и культурной элиты, формулирующей концептуальные обоснования порядка и способной в той или иной степени ограничивать лидерский произвол. Политическая элита берет на себя как функцию обеспечения работы механизмов поддержания и воспроизводства порядка, так и символического контроля через определение целей социального движения и средств их достижения.

Идеологическая ценностно-рациональная модель порядка требует поддержания общества в постоянном энтузиастическом напряжении и мобилизационной готовности к реализации общественных целей. Это достигается просветительской работой агентов идеологии, продвигающих в массы идеологические смыслы, объ-

ясняющих их значимость для общества. Цель пропаганды – проникновение этих смыслов в массовое сознание, их интериоризация, то есть внутреннее усвоение и принятие массами, и трансформация в базовую мотивацию социального поведения. Идеология становится важнейшим социокультурным фактором упорядочения социальной жизни, обеспечивая вектор социализации и задавая реперные точки наблюдения за порядком и контроля над любыми отклонениями.

Социальный порядок общества модерна проективно задается идеологической схемой, что часто не соответствует или не полностью соответствует реальной готовности социальных условий – качества материальных ресурсов и уровня массового сознания. Именно поэтому потребность в силовом, равно как и в мифологическом поддержании порядка почти не уменьшается по сравнению с религиозно обосновываемой моделью. Идеологии сохраняют в себе сакральное качество, став светской религией. Мифологическая компонента идеологии работает для верующих, а сила и принуждение – функции государства – необходимы для «несознательных» и «неблагонадежных» граждан. Но неравномерность развития общества – наличие в нем как незрелых до «правильного» понимания должного порядка, так и переросших его – ощущающих ограниченность идеологического коридора легитимации порядка и стремящихся выйти за его рамки – ведет к постепенному развитию системного дисбаланса. Логика функционирования государственных структур расходуется с векторами социальной самореализации – «система» отдалается от «жизненного мира», в терминологии Ю. Хабермаса [6]. Если властным элитам не удастся создать убедительную смысловую основу для согласования множественных и разнообразных социальных интересов, возникает необходимость выработки дополнительных мер поддержания социальной целостности. В случае недостаточности объективных факторов обеспечения стабильности – слабости экономического фундамента – поиск средств поддержания социального порядка переходит в формально-риторическую сферу, где активно продуцируются символические суррогаты смыслов, и укрепляются силовые структуры. Формально-риторическая поддержка социальной интеграции еще больше отдаляет политико-идеологические сферы от социальной практики, достигая критической точки, за которой доверие общества правящим кругам окончательно ослабевает. Консервация идеологических принципов и силовых форм поддержания порядка, препятствующая творческой самореализации, с одной стороны, и рост общественного самосознания, с другой, неизбежно приводят к нарастанию внутренней напряженности и конфликтности и, рано или поздно, к бифуркации системы и легитимационному кризису.

Состояние дезорганизации является важным компонентом развития любой социальной системы, ее обновления и становления на качественно новом уровне. Развитие и самоутверждение альтернативных социальных практик требуют поиска моделей их собственной легитимации. Пути поиска ведут, с одной стороны, к дискредитации окостеневших символических форм доминантной идеологии, реабилитации практических максим «здорового смысла», а с другой, к новым попыткам теоретизации социальных процессов.

Рационально-дискурсивная модель социального порядка

Под воздействием технических инноваций меняется содержание социальных функций – производство материальных благ передается технологическим линиям,

освобождая экономически высокоразвитые общества от необходимости постоянной физической вовлеченности в процессы жизнеобеспечения. Соответственно, высвобождение временных и материальных ресурсов для личного совершенствования и самореализации в очередной раз качественно меняют всю структуру социальных связей и отношений. Ценностно-рациональные, идеологические, равно как и силовые механизмы поддержания порядка уступают место нормативно-правовым, основанным на внутреннем социальном осознании преимуществ соблюдения законов, создающих благоприятные условия для личностной самореализации – в этом ключевой момент эволюции принципов социального порядка в эпоху позднего модерна.

Диверсификация способов социальной самореализации сопровождается развитием коммуникативных практик. Коммуникация, ее структура и качество, становится важнейшим фактором развития социальной системы и поддержания социального порядка. Коммуникативное действие становится базисным элементом социальной структуры. Сохранение целостности и воспроизводство социальной системы попадает в прямую зависимость от успешного синтеза коммуникативных компонентов: способа производства информации, ее доступности, свободы интерпретации и обмена, и степени влияния всех этих факторов на принятие общезначимых решений. Само качество законодательной базы порядка ставится в прямую зависимость от вовлеченности социального актива в дискурсивные процессы совершенствования принципов социально-политических отношений. Инструментальная рациональность раннего модерна, основанная на доминировании единой идеологической концепции, задающей цели, ценности и правила социальной жизни (Вебер), заменяется, таким образом, на дискурсивную модель рациональности (Хабермас). Прагматические способы регулирования общественных отношений вытесняют ценностно-идеологические догматы. Дискурсивная форма рациональности характеризуется принципиальной возможностью равного участия социальных групп в общем социальном и политическом обсуждении, формулировании и согласовании основ построения и способов поддержания социального порядка с учетом текущих и меняющихся интересов.

Характер коммуникативного взаимодействия – социального дискурса – определяет внешне проявляющуюся специфику того или иного общества, его тип, образ, отличающий его от других обществ. Уровень свободы доступа к информации, наличие и качество публичной сферы, где информация может обсуждаться, оцениваться и практически использоваться, прозрачность механизмов принятия решений характеризуют степень открытости социальных систем. Процессы социального развития приводят к усложнению как открытых, так и закрытых моделей социального порядка. От однолинейных построений, поддерживаемых силовыми средствами вкупе с ритуализированными духовными практиками, общество, под воздействием непрерывного накопления как материальных продуктов жизнедеятельности, так и культурного опыта, неизбежно переходит к многомерной шкале разнообразия возможностей, вееру социального выбора. Новые идеи ломают рамки жестких идеологических систем, новые практики подрывают традиции.

Новые информационно-технологические контексты XXI века особенно быстро подчиняют себе повседневные практики, разрушают привычные политические механизмы поддержания социального порядка. Стремительное проникновение информационных технологий во все сферы жизни, сталкиваясь с инерцией традиционных укладов обществ, разбивает эти уклады и, так

или иначе, навязывает новые глобальные стандарты жизни, которые даже не успевают закрепиться под напором очередных технологических обновлений. В то же время технологические инновационные прорывы, проникая в отдельные сферы производства и потребления, изменяя их, пока не способны охватить весь спектр жизненных потребностей. В сфере материального жизнеобеспечения вынуждены сосуществовать традиционные и инновационные потребности и способы производства, что отражается в политико-управленческих процессах и во всей системе взаимодействия политических и социокультурных практик.

Взаимодействие инновационных тенденций с традиционными способами жизни можно охарактеризовать как турбулентный процесс, со своими стадиями ускорения и замедления, порождения хаоса неопределенности и растерянности перед лицом непонятных новшеств и возникновения новых факторов и механизмов стабилизации жизненных практик.

Глобальный цифровой порядок – локальные практики

Процессы столкновения прогрессивных течений с традиционными укладами жизни активно проявляют себя в социально-политическом пространстве. Утверждение какой-либо одной модели социального порядка в глобальном измерении невозможно на данный момент времени, как в силу неразрешенных внутренних противоречий каждой социальной системы, так и по причине крайней степени несоразмерности состояний различных социокультурных систем.

Высокотехнологичные и коммуникативно-рациональные западноевропейские общества вынуждены соседствовать с традиционно иерархическими восточными социальными системами. Это соседство определяет противоречивое проявление политической практики обществ в глобальном пространстве. Процессы внутреннего совершенствования принципов социального порядка сталкиваются с проникновением извне нетипичных для этих систем моделей поведения. Принципы толерантности и открытости получают жесткие вызовы, например, в виде проявлений насилия мигрантов по отношению к населению принимающих стран, что заставляет пересматривать эти принципы и менять стратегии поведения в отношении внешних элементов.

Противоречивыми оказываются и попытки принудительного ускорения развития традиционных обществ путем насаждения жестко прагматичных форм политического порядка. Эти попытки натываются на объективную неготовность массового сознания традиционных обществ, сформированных на других ценностных основах, что вызывает их естественное сопротивление глобальным тенденциям. Тем не менее все убыстряющийся темп технологического развития подтачивает фундаментальные базисы традиционных систем быстрее, чем находят меры по их консервации.

Само понятие «социальной системы» теряет свое классическое содержание как целостной совокупности социальных элементов (индивидов и групп, страт и слоев, авторитетов и статусов) с закрытыми внутренними и внешними отношениями и связями. Новые технологически укореняемые принципы социального порядка все в большей степени утверждают себя как гибкие и открытые во всех смыслах: свободные для творческой самореализации, перемещений, торгового, культурного и информационного обмена. Новая сетевая среда становится динамичным в пространстве и времени социокультурным полем, границы которого становятся все

более условными. Понятие устойчивости такой среды предполагает не консервацию застывших форм, а рассматривается в категориях баланса, достигаемого в условиях поиска и непрерывного обновления механизмов самоорганизации. Открытость социально-сетевых сред к коммуникации и взаимодействию с соседними социальными средами становится необходимым условием поддержания одновременно и факторов устойчивости, и импульсов развития.

Однако поддержание нового сетевого порядка в условиях необходимости балансирования между различными вызовами становится и все более проблематичным. Характер социальных вызовов на ранних этапах становления новой сетевой реальности прогрессирует в сторону ужесточения, являясь ответом на сложности адаптации различных элементов системы к быстро меняющейся среде. Усиление экономической и политической дифференциации, появление новых социальных групп, нетрадиционных образов жизни приводят к новому витку социальной аномии. Чрезмерно резкое технологически продвигаемое ускорение социальной динамики чревато ростом политических потрясений.

Социальная основа современной цифро-сетевой действительности становится все более неоднородной. Цифровизация легко приводит к новым неравенствам. В экономической сфере быстро меняется рынок труда. Внедрение новых технологий вытесняет физический труд и способствует исчезновению многих профессий, а, следовательно, сокращает сферу занятости населения. Такие условия порождают риски потери большей части общества средств поддержания желаемой степени материального благосостояния и при условии введения безусловного базового дохода, обеспечивающего некий минимальный уровень жизни. Как в цифровых условиях должна перестраиваться вся глобальная экономическая система остается открытым вопросом.

В политической сфере возрастают риски перевода манипуляционных механизмов в цифровой формат, значительно облегчающий возможности установления тотального контроля над социальным поведением – установления «цифровой диктатуры». Пример Китая наглядно демонстрирует политические опыты над населением в новых цифровых условиях. По проекту развития Китая, к 2049 году должна полностью быть реализована система «социального кредита», основанная на введении балльной системы контроля, при которой за каждый поступок, идущий на благо общества, китайский гражданин получает плюсовой балл, а за каждый неблагоприятный поступок из суммы баллов вычитается штраф. По такой схеме, чем больше накоплено баллов, тем больше возможностей «правильной» социальной реализации и пользования социальными благами – доступом к образованию, медицинским услугам, транспортными удобствами и пр. При этом, сама процедура «социального кредита» реализуется в обезличенном цифровом формате.

Заявляемые Китайским руководством цели создания «идеального общества» вполне вероятно могут привести к обратному эффекту в результате накопления рисков реализации.

Риски нового «цифрового порядка» содержат в себе множество направлений. Одно из них состоит в возможных и вполне вероятных технических сбоях алгоритмизированной системы. Возникают вопросы достоверности данных, вероятности технических ошибок, таких, например, как принятие системой распознавания лиц изображений на рекламных плакатах за реальных людей. Другой аспект касается реализации самой процедуры поощрений и наказаний. Высоки риски утечки информации

и ее незаконного или несправедливого использования. Например, появлялись жалобы пользователей соцсетей о двойном наложении санкций: за вождение в нетрезвом виде человек и так получал штраф или лишался прав, а в системе «социального рейтинга» к нему еще применялось дополнительное наказание в виде лишения баллов.

По сути новый «цифровой порядок» есть продолжение описанной М. Вебером модернистской тенденции инструментализации управления – то есть создания *безличного* порядка, при котором формировался новый тип бюрократа-профессионала, направляемого в своей деятельности не традиционными устоями или личной волей главы государства, а служебными инструкциями. «Цифровой порядок» – это перевод процесса инструментализации на новый технологический уровень, многократно расширяющий возможности «безличного» управления. Но как справедливо отмечают социологи, такие эксперименты могут привести к новым проблемам. Цифровые системы продвигают «обезличенность» гораздо дальше, становясь «непреодолимым барьером между бюрократией, и гражданами, теряющими саму возможность предъявлять претензии бюрократическим структурам» [5, с. 12].

Важным аспектом является то, что субъективный, человеческий фактор при «цифровом порядке» фактически никуда не исчезает при видимости повышения уровня «объективности» и «беспристрастности». Какие поступки считаются «правильными» решает государство. Оно же наделяет властью применения санкций. Бюрократия определяет показатели, включенные в процедурный алгоритм, но при этом фактически освобождается от ответственности за принятие решений, которая теперь возлагается на алгоритмизированную систему. Искусственным интеллектом так или иначе управляют технологи-специалисты, в конечном счете присваивающие монополию на владение информацией и принятие решений. Отсюда усиливается и политический аспект в случае лояльности технических специалистов властным и управленческим органам. Власть получает дополнительные возможности отслеживания и давления на несогласных и неугодных, используя Big Data в своих интересах.

Внедрение цифровых технологий становится фактором усиления дистанции между властно-бюрократической сферой и обществом. Аналитики указывают на риски социальной дискриминации, когда некоторая часть общества становится фактически бесправной, во-первых, из-за алгоритмического занесения их действия в разряд социально неблагонадежных, а, во-вторых, из-за невозможности оспаривания бюрократических решений. Как отмечает М. Черныш, если в правовом обществе санкции можно оспорить в суде, то в «алгоритмизированном» обществе социального кредита наказание налагается на гражданина автоматически, то есть неправовым образом [5, с. 11]. Вина виновности признается без демократической правовой процедуры обвинений, доказательств и защиты; упраздняется само понятие «презумпция невиновности».

Как отмечают М. Асмоловский и Т. Колпакова, граждане с низким уровнем социального рейтинга фактически становятся «изгоями», попадают в «черные списки» [1]. Их не берут на работу, они не могут купить билеты на комфортный поезд, их детям отказывают в приеме в престижное учебное заведение. Такие люди находятся под постоянным контролем. При этом баллы вычитаются за такие деяния как нарушение правил дорожного движения, участие в антиправительственных акциях, размещение недопустимых, по мнению властей, сообще-

ний в социальных сетях, неудовлетворительная помощь престарелым родителям, распространение недостоверной информации и клеветы в интернете, участие в деятельности незаконных организаций, и т.д. Таких людей может оказаться слишком много, по причине сложности оправдания и исключения из «черного списка». Это может стать огромной проблемой для «цифрового порядка», так как такие слои могут стать источником усиления напряжения и конфликтности в обществе.

Система создания «цифрового порядка», задуманная как способ мотивации людей к «цивилизованному поведению», уже сейчас вызывает социальное недовольство. В соцсетях появляются раздраженные комментарии о попытках власти создания дискриминационного общества, вторжения в личную жизнь граждан.

Известен пример гражданского возмущения попытками китайских властей ввести «Код цивилизации» в городе Сучжоу [7]. Через три дня после запуска системы приложение было удалено. Причиной этому называют массовое недовольство жителей Сучжоу. В 10-миллионном городе в системе добровольно зарегистрировался только 5861 пользователь. Рейтинг приложения «Код цивилизации» был очень низким. Жители Сучжоу и пользователи китайских соцсетей стали задаваться вопросами, как вообще возможно оценивать «цивилизованность» людей путем алгоритмизированной процедуры, и можно ли быть уверенными, что человек с 1000 баллами будет цивилизованным. Социальное возмущение приобрело большой резонанс, к комментариям в соцсетях присоединились журналисты, ученые. При запуске приложения система претендовала на статус «национальной», но неудачная попытка в Сучжоу была свернута и не получила распространения в других областях Китая. Пока в Китае не внедрена общенациональная система социального кредита – она до сих пор тестируется в некоторых районах. Но ясно одно – вводимая властью система «социального кредита» не переходит автоматически в систему «социального доверия». Она требует широкого социального обсуждения и поддержки, и говорить о тотальном контроле над китайским социумом пока рано.

Таким образом, установление «цифрового порядка» в новой сетевой реальности так или иначе и во все большей степени требует учета общественного мнения. Особую важность приобретает разработка механизмов саморегулирования социального порядка вместо усиления государственных функций тотального контроля. Чем более открытыми и прозрачными для общества являются эти механизмы, тем выше шансы на сбалансированное развитие. Активная и критически настроенная часть населения, не согласная со статусом некомпетентного и не разбирающегося в политических вопросах «простого народа», начала играть важную роль в новой сетевой реальности. Процесс легитимации власти становится все более сложным. Политической элите так или иначе приходится объяснять и оправдывать свои действия перед гражданским обществом.

До тех пор, пока политическое доминирование будет поддерживаться лишь формальными легитимирующими механизмами без принятия важных решений по внутренней трансформации политической системы, будут возрастать риски накопления эмоциональной энергии неудовлетворенных слоев общества. Воплощение такой стихийной энергии в различные формы асоциальной активности может стать серьезной угрозой социальной стабильности.

Развитие реального социально-политического дискурса в новой сетевой реальности, в котором могли бы открыто звучать и учитываться мнения и интересы раз-

личных сторон – единственный путь к достижению социального согласия и, как следствие, стабильного развития.

Литература

1. Асмоловский М.Д., Колпакова Т.В. Возможные негативные последствия внедрения системы социального рейтинга в КНР. // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник восточного центра. Забайкальский государственный университет. Чита. 2021. № . 24. С. 28–32.
2. Бергер П., Лукманн Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – Москва: Медиум, 1995. – 323 с.
3. Вебер М. Избранные произведения. – Перевод с немецкого и общая редакция: Ю.Н. Давыдов. – Москва: Прогресс, 1990. – 808 с.
4. Оукшот М. Рационализм в политике. – Москва: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.
5. Черныш М.Ф. Цифровизация и неравенство // ИНАБ. 2021. № 4.
6. Структурные аспекты цифровизации. – С. 4–16. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.1
7. Habermas J. 1991. The Theory of Communicative Action. Vol.1: Reason and the Rationalisation of Society. Polity Press. – 465 p.
8. Бунт против социального рейтинга. Редкий пример гражданского неповиновения в Китае. 10 ноября 2021 г. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/261849503> (дата обращения: 25.07.2022).

SOCIAL ORDER IN NEW NETWORK REALITY

Voronkova O.A.

Institute of Sociology FCTAS RAS

The global transition from the modernized tradition of the XX century to the new network reality of the XXI century is accompanied by contradictory social phenomena and oppositely directed processes.

On the one hand, it is hardly possible not to notice the qualitative renewal of the foundations of social systems. The traditional social system as a set of rules, norms, attitudes that regulates human behavior and transforms it into a hierarchical structure of roles and statuses is transformed into a network social system. There is a historical evolution of models of social order from affective-charismatic to rational-discursive, and, further, to digital-network one. There are obvious trends in establishing a new «digital order» in a new network reality. On the other hand, there are noticeable processes of resistance to the establishment of a single model of social order on a global scale on the part of traditionalist societies that actively defend conservative principles. The article discusses how the social order is historically formed and changed, what are the causes and driving forces promoting and impeding the renewal of principles of social life.

Keywords: social order, new network reality, digital order, legitimation crisis, ideology, socio-political discourse.

References

1. Asmolovsky M. D., Kolpakova T.V. Possible negative consequences of the introduction of the social rating system in the PRC. Russia and China: Problems of Strategic Interaction: A Collection of the Eastern Center. Trans-Baikal State University. Chita. No. 24. 2021. – P. 28–32.
2. Berger, P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. – Moscow: Medium, 1995. – 323 p.
3. Weber M. Selected works. Translation from German and general edition: Y.N. Davydov. – Moscow: Progress, 1990. – 808 p.
4. Oakshot M. Rationalism in Politics. – Moscow: Idea-Press, 2002. – 288 p.
5. Chernysh M.F. Digitalization and inequality // INAB. 2021. № 4. Structural aspects of digitalization. pp. 4–16. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.1
6. Structural aspects of digitalization. – P. 4–16. DOI: 10.19181/INAB.2021.4.1
7. Habermas J. 1991. The Theory of Communicative Action. Vol.1: Reason and the Rationalization of Society. Polity Press. – 465 p.
8. Rebellion against social ratings. A rare example of civil disobedience in China. Nov. 10. 2021. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/261849503>

Социальный капитал как фактор развития современного общества в сельской местности

Ковальчук Валерий Константинович,

к.ф.н., доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: valerikov@mail.ru

В статье автором предпринята попытка рассмотреть социальный капитал как один из значимых элементов, влияющих на конструктивное развитие общества в экономическом, политическом и этическом аспектах. Приводятся взгляды теоретиков данной проблемы, а также понятие 'социального капитала' анализируется посредством описания дихотомии институционального и межличностного типов доверия. Исследуется ценность такого компонента, как доверие в контексте построения взаимовыгодных отношений в пределах социальных сетей и его влияние на уровень социального капитала и благо общества. Формулируются возможные причины неравного распределения социального капитала. Автор рассматривает социальный капитал в качестве инструмента решения проблем как на уровне групп, организаций, так и всего государства в целом.

Ключевые слова: социальный капитал, социальные сети, доверие, структура, ценности.

Социальный капитал представляет собой неотъемлемый элемент быта селян, а интеграция внутригруппового характера, опирающаяся на взаимную поддержку и доверие, делала перспективы освоения природных ресурсов и выживания в кризисные периоды достижимыми. В условиях современной экономической и политической нестабильности опыт коллективного поиска методов и средств выхода из трудных ситуаций в сельской местности особенно необходим и востребован, поскольку большинство сельчан оказались в положении аутсайдеров. Обусловлена такая ситуация лишением большей части сельского населения собственности на землю, деиндустриализацией аграрного комплекса, распадом системы сложившихся связей. «Сельский мир» испытал трансформационные процессы, уклад жизни оказался дестабилизирован, а право сельского жителя на освоение социальной сферы было узурпировано крупными игроками рынка, для которых село представляет источник потенциальной прибыли [3, 26].

Негативно сказалось на формировании социального капитала отчуждение собственности, простимулировав люмпенизацию одной части населения и создав условия для появления немногочисленных групп граждан, из которых только малая часть честным трудом сумела добиться благополучия, большинство достигли подобного положения с нарушением нравственных и правовых норм. Это привело к высокому уровню нестабильности на селе, возрастанию социальных рисков и неопределенности перспектив. Формирование и воспроизводство социального капитала сосредоточилось в узких кругах, что значительно минимизировало его использование представителями среднего и низшего классов.

На фоне усиливающегося поликультурного характера сельского общества повышается вероятность конфликтов, поскольку аккумуляция социального капитала порождает враждебность и недоверие между контрагентами. Неблагоприятные условия для инвестирования социального капитала на селе заставляют его владельцев искать возможности построения партнерских отношений на основе доверия уже за пределами населенного пункта.

В качестве маркеров детерминирования модели продуцирования и восполнения ресурса «социальный капитал» особо актуальны отношения между родственниками, положение в социуме и прагматизм на разных уровнях коммуникации. Социальный капитал на селе формируется посредством совокупности коллективистской системы ценностей, образующейся на основе норм поведения, общепринятых в пределах данного социума; солидарности, руководимой соображениями максимально эффективной реализации компетенций каждого из участников определенного сообщества для образования более крупных сообществ, ориентированных на выполнение программы по конвертации усилий и вложений в финансовую прибыль; взаимодействия с сельскими жителями и содействия их активному участию в деятельности социальных институтов.

Социальный капитал представляет является совокупностью социально-экономических отношений, направленных на получение результата и складывающихся

ся на основе позитивного опыта взаимодействия, репутации, доверия. Результат взаимодействия может быть конвертирован в финансовый или материальный капитал. Разновидностью материального капитала является социальный капитал, который в свою очередь определяет степень консолидации людей, формат социальных взаимодействий, продуктивное осуществление потенциала общества в различных сферах.

Для эффективного руководства различными областями деятельности, глубинного понимания роли социального капитала, основ морально-нравственного развития общества, выявления механизмов социальных изменений необходимо философское осмысление сущности социального капитала. Социальный капитал в современном научном сообществе трактуется как комплекс взаимных ожиданий и обязательств между людьми, сформировавшихся за определенный период времени и способных приносить прибыль. Глобалистические процессы предъявляют к общественным отношениям новые требования, которые характеризуются общностью интересов и целей, ценностей и норм, базирующихся на доверии. Формирование социального капитала в этой связи служит одним из стабилизаторов развития человеческого сообщества.

П. Бурдье, анализируя понятие «социального капитала», описывает его чрез призму отношений индивидумов в пределах определенной общности, где может быть произведен своего рода обмен социальной ценности личности на социальный капитал, выраженный в лояльности и мерах поддержки со стороны прочих участников данной общности [9, с. 32].

Согласно Дж. Коулману, на уровне индивидуума социальный капитал формируется на основе прочных, взаимовыгодных отношений в пределах группы людей, из различных аспектов социальной структуры и выступает в качестве мотиватора личности или коллектива в социальной структуре [4, с. 95]. Ценность социального капитала, по мнению учёного, заключается в том, что в его отсутствие не могут быть достигнуты определённые цели.

Р. Пантэм предлагает трёхкомпонентную модель социального капитала, состоящую из доверия, социальных сетей и норм взаимности, способных повысить эффективность общества посредством содействия продуктивной стратегии коллектива [5, с. 18].

Социальный капитал следует понимать не только как элемент взаимодействия социальных групп и сообществ в экономическом отношении, но и как мотиватор развития общества, включающий многообразие партнерских отношений и видов сотрудничества между людьми. Исследуемое понятие позволяет интерпретировать его в двух плоскостях – с позиции структуры и когнитивистики. В структурном аспекте оно характеризуется институтами, ассоциациями, различными сетями, совокупностью норм и правил, регулирующих их деятельность, а в когнитивном – ценностными установками, инвариантами и нормами поведения, мерой доверия и другими морально-нравственными показателями [2, с. 158]. Общества, в которых уровень социального капитала высок, имеют ряд существенных конкурентных преимуществ в сравнении с располагающими низким уровнем такого капитала обществами.

В первую очередь эффективность действия разного рода рыночных механизмов обусловлена уровнем доверия, формируемым социальным капиталом. Общества, где высокий уровень доверия, за счет снижения затрат на страхование сделок повышается эффективность работы бизнеса. В таких условиях партнёры готовы к расширению деловых связей, поскольку есть уве-

ренность в стабильности и прогнозируемом поведении компаньонов. На следующем этапе все это конвертируется в активный обмен информацией, инвестирование долгосрочных проектов, повышение качества продуктов и услуг и развитие конкуренции.

Социальный капитал, как и физический, требует инвестирования в свое поддержание, которое в перспективе становится вложением в экономику. Ф. Фукуяма отмечает, что формирование социального капитала основано на этическом навыке, на приоритете интересов общества над индивидуальными, а условием приобретения общественного капитала является адаптация к моральным нормам социума и рецепции таких качеств, как надежность, честность и преданность [10, с. 20].

Рассматривая социальный капитал с позиции инструмента для решения насущных для государства и общества вопросов, заслуживающей внимания является та мысль, что в данном случае самоорганизация представляет собой один из решающих факторов жизнеспособности общества. Современные социальные, политические и экономические вызовы носят стихийный характер, и ключом к их успешному преодолению может быть лишь высокая квалификация, экспертность и способность самоорганизоваться. Если три данных показателя находятся на высоком уровне или близки к нему, то кризисные ситуации могут преодолеваются без участия государства. И напротив, низкий уровень самоорганизации не позволит справиться с общественными проблемами эффективно.

Основными элементами социального капитала являются внутригрупповые нормы, социальные сети и доверие. Социальные сети представляют собой такую систему общения в пределах определенной группы людей, которая позволяет пользоваться различными благами и аккумулирует тот или иной объем социального капитала, доступный участникам данной группы и распределяемый внутри нее в зависимости от компетенций и социального веса каждого [8, с. 114].

Социальный капитал – это нематериальная субстанция, существующая в среде общественной деятельности. Залогом эффективности социального капитала служит его правильное инвестирование; его ценность заключается в том, что он облегчает производственную деятельность, а его развитие обусловлено исключительно развитием отношений внутри в масштабах личности или общества.

Феномен «социального капитала» испытал самое тесное влияние идей гуманизма. Парадигма взгляда на мир претерпела множество трансформаций и активный поиск ответа на вопрос о назначении человека и его месте в мире и обществе увенчался учением об антропоцентризме. Ряд исследователей именно эпоху Возрождения считает точкой отсчета подлинного гуманизма, называемого «классическим». В современных условиях эта точка зрения активно пересматривается по причине призыва ЮНЕСКО к «новому гуманизму», где в обязательном порядке необходимо учитывать отношения природы и человека.

На почве т.наз. «нового гуманизма» новые требования предъявляются к экономическим, политическим и социальным процессам, указывающими на необходимость переосмысления идей укрепления мира и взаимопомощи. Применительно к образовательному процессу «новый гуманизм» исповедует всеобщую доступность к знаниям, систему, открытую для каждого участника, возможность участия в универсальной дискуссии, где голос каждого будет услышан. Течение нового гуманизма первостепенное внимание уделяет разнообразию культур и поддержанию СМИ с целью консолидировать новую культуру мира.

В контексте динамично меняющейся системы ценностей по-новому воспринимается и социальный капитал. Он представлен рядом таких факторов, как доверие, солидарность, регламентирующие внутренние и внешние отношения нормы и правила, динамика экономического роста, влияние деятельности человека на экосистему [6, с. 130].

Современная теория гуманизма рассматривает социальный капитал в аспекте индивидуальной позиции, т.е. отдельно взятой личности, жизнедеятельность которой осмысливается в пределах процессов мирового характера, поскольку поступками и убеждениями данная личность способна воздействовать на ход истории. Общество служит носителем компетенций определенного числа людей, реализующих свои навыки в личной, профессиональной и общественной деятельности, формируя таким образом социальный капитал. Уровень социального капитала в свою очередь служит фундаментом для успешной реализации поставленных целей, программ, эффективность которых находится в прямо пропорциональной зависимости от профессионализма команды – деятеля.

В современном научном сообществе одним из центральных является вопрос интерпретации социального капитала. Ученые и специалисты данной области оперируют данным понятием для анализа экономик различных регионов мира и условия, влияющие на их продуктивность, обращаясь к системе социальных отношений, к системе норм и предписаний, координирующих взаимодействие социального и экономического сегментов деятельности государства. Взаимовыгодные отношения внутри групп общества становятся факторами и мотиваторами роста для экономики региона, а следовательно, и повышают социальную ценность и социальный капитал каждого из участников группы.

Таким образом, социальный капитал представляет собой аксиологическую структуру, определяющую степень реализации компетенций, профессиональных и личных качеств каждого из участников определенной группы, объединенной достижением той или иной цели. Чем выше социальная ценность индивидуума, тем эффективнее результат группы, в которой он задействован за период времени, тем выше его социальные дивиденды [1, с. 97].

Осмысление концепции социального капитала сопряжено с анализом таких понятий, консолидация, эмпатия, социальная интеграция. Здесь известный ученый Б. Ротштейн утверждает, что макросоциологическая историческая структура сочетается с причинно-следственным механизмом на микроуровне, что для социальных наук является скорее следствием, чем правилом [11, с. 54].

Ресурсом социального капитала являются человеческие отношения, а важнейшим структурным компонентом культурных ценностей – нравственные ценности, отражающие целесообразный опыт социальной деятельности, раскрывающие существо отношения морального субъекта к реализации своего потенциала в аспекте материализации социальных норм, установок и ориентаций.

Система социальных отношений формируется на основе вовлечения в них социального капитала, где коммуникация представляет элементом, способствующим интеграции и стимулятором роста объемов социального капитала. Контакты, которые носят регулярный характер, способствуют повышению общей эффективности реализуемой программы.

Построение социальных отношений происходит за счет взаимодействия. Объем социального капитала увеличивается по мере его использования. В этой связи

коммуникация является фактором развития и элементом поддержки социального капитала. Взаимодействие в обществе подкрепляется регулярными контактами, общими внутри социальных сетей, а эффективность коммуникаций опирается на общую стратегию.

Возможность вхождения в социальные группы и взаимодействие с другими участниками позволяют индивиду получить доступ к психологическим и материальным ресурсам, такое сотрудничество имеет своей целью завоевать одну из доминирующих позиций в социуме и получение дивидендов от вложений в социальные отношения. Социальный капитал, реализуемый в качестве ресурса индивида, стремится использовать личную сферу другого человека для получения собственной выгоды. В рамках корпоративного ресурса социальный капитал формируется на основе ценности человека как товара.

Современные экономические отношения демонстрируют успешное развитие тех предприятий, где люди не только являются профессионалами своего дела, но и деловые отношения которых построены на доверии друг другу. При сотрудничестве люди к максимальной реализации своего профессионального потенциала и в индивидуальных стратегиях в качестве ресурса используют социальный капитал. Рассматривая понятие 'социального капитала' через призму источников мотивации человеческой деятельности и социальных норм, важно отметить такие принципы отношений, как ответственность, доверие, заинтересованность в расширении сотрудничества. Данные нематериальные ресурсы свидетельствуют об уровне социального капитала в рамках компании, группы людей, общества. Наличие множества деловых связей с другими игроками рынка косвенно свидетельствует о высоком уровне социального капитала. Соотношение личного и общественного социального капитала строится, по мнению научного сообщества, на социальном неравенстве, которое образуется и поддерживается по двум моделям. В первой представлена неравная доступность к благам и выгодам (информация, финансы, социальные лифты) представителей различных социальных групп, находящихся на разных ступенях социальной лестницы. Вторая обусловлена возможностью (или отсутствием таковой) коммуникации с людьми, находящимися в равном положении с индивидуумом в отношении образования, социально-экономических возможностей, культурно-исторических традиций, воспитания и т.д. Представленные факторы порождают целую плеяду вариаций, позволяющих или, наоборот, не позволяющих реализовать программу повышения уровня социального капитала. Так, высокая компетентность в ряде смежных сфер (экономика, политика, безопасность) с большей долей вероятности позволит расширить круг деловых знакомств.

Современное научное сообщество основным свойством любого вида капитала считает возможность конвертации. Социальный и культурный могут быть конвертированы в экономический (данный вид капитала может быть выражен в правах собственности, финансах и т.п.). Важным критерием социального капитала является масштаб сети взаимоотношений, которую можно мобилизовать в короткие сроки наряду с объемами других видов капитала (символического, культурного или экономического) участников этой сети. Внеэкономическая природа социального капитала основана на построении доверительных и эмоционально позитивных связей (уважении, дружбе, чувстве благодарности и т.д.), предполагающих длительные субъективные связи. Современная экономическая ситуация иллюстрирует тот факт, что залогом успешного развития организаций является консо-

лидация в рамках одного коллектива не просто хороших специалистов, а людей, доверяющих друг другу.

Другим неотъемлемым элементом процесса коммуникации является доверие. Оно констатирует результат взаимовыгодных отношений, осуществляемых в пределах сотрудничающих представителей общества (индивидуумы или компании).

Репрезентируя показатели комплекса ценностей, взглядов и норм, концепт «доверие» функционирует на уровне личности и институтов. На первом жидется жизнедеятельность всякого общества, а второе открывает возможности функционированию систем и организаций. Залогом социальной стабильности общества в целом является институциональное доверие. Высокий уровень институционального доверия служит своего рода гарантом позитивного отношения к действующим политикам и организациям, а низкий его уровень сигнализирует о наличии проблем в пространстве формальной коммуникации и возможной угрозе государству и обществу [7, с. 48].

Таблица 1. Возможные модели взаимодействия личного и институционального доверия

Параметры социальных отношений	Высокий уровень институционального доверия	Низкий уровень институционального доверия
Высокий уровень межличностного доверия	Стабильность в обществе за счет значительного социального капитала; власть содействует его сохранению и увеличению	Власть и общество существуют изолированно друг от друга; возникают предпосылки для паралича социального взаимодействия
Низкий уровень межличностного доверия	Общество не способно согласованно организовать внутреннюю деятельность своими силами и нуждается во вмешательстве и инициативах власти.	Полный паралич социального взаимодействия в обществе и неспособность людей к координированным действиям по причине недоверия; власть не имеет возможности контролировать ситуацию

В таблице 1 представлены возможные модели взаимодействия личного и институционального доверия.

Также понятие «социального капитала» коррелирует с понятиями «гражданской автономии» и «гражданской культуры», первое из которых означает возможность организации соответствующих ассоциаций гражданами, осознавшими свои компетенции и устремления в развитии той или иной общественной сферы деятельности, а второе фокусирует внимание на внешней стороне формирования социальных связей путем учреждения саморегулирующихся организаций. Степень развития гражданских институтов служит показателем уровня социального капитала.

Индивиды и социальные группы стремятся реализовать свои интересы, достичь успехов и социального благополучия, и в этой связи предпринимают попытки поиска возможностей актуализации наличествующих компетенций, а также принять участие в преобразовании социума в соответствии с личными представлениями.

Каждый индивид способен повысить личный уровень социального капитала при посредстве тех возможностей и навыков, которыми обладает. Для этого достаточно осуществить коммуникацию в пределах окружения, го-

тового к коммуникации, а также возможен контакт на основе долгосрочной программы сотрудничества с контрагентами в лице физлиц или юридических лиц.

Обладание социальный капитал высокого качества является движущей силой предоставляет приоритет при решении вопросов самого разного рода, как частных, так и социально значимых. В этой связи первоочередной задачей в отношении субъекта является повышение уровня социального капитала в контексте расширения коммуникации и обоюдовыгодного перспективного сотрудничества.

Исходя из ситуации восполнения запасов социального капитала на уровне личности следует обратить внимание на возможность каждого участника конвертировать собственные компетенции в повышение собственной ценности для общества и государства. Ряд причин (образование, воспитание, положение, занимаемая должность и т.п.) определяют конкурентность личности и ее способность к наращиванию социального капитала. Акторы, которые не предпринимают эффективных действий, занимают положение на нижних ступенях социально-экономической иерархии.

На селе социальный капитал формируется главным образом исходя из групповой сплоченности. В результате согласованных действий участники данной модели получают возможности реализации своей жизненной стратегии в условиях соответствия культурной и исторической традиции, надежности, функциональности, ответственности, возможности использовать связи в пределах семьи и рода. Формирование и воспроизводство социального капитала на селе сопровождается таким рядом изменений, как сокращение потребности сельских жителей в социальном капитале, изменение системы ценностей доминированием индивидуальных вместо коллективистских, переориентация на взаимодействие вне села и исключением из отношений параметра земли. Однако следует учитывать фактор барьеров для повышения объема социального капитала, состоящий в сокращении возможностей личности и риске возникновения конфликтов, из которых наиболее опасными являются конфессиональные и этнические.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать ряд выводов. Понятие 'социального капитала' сочетает в себе взаимосвязь материального и идеального, национального и глобального, общественного и индивидуального, включает политическую, экономическую и этическую составляющие. Индикатором сохранения, развития и использования социального капитала является общественное благо. Социальный капитал может рассматриваться как ресурс индивида или коллектива через призму формирования запаса и источника доходов, ведущих к достижению общественного блага. Роль социального капитала сложно переоценить в решении вопросов соотношения вопросов прагматики и вечных ценностей, капитала и духовности. Существенным образом социальный капитал влияет на повышение конкурентоспособности, т.к. обусловлен уровнем знаний, умений и навыков каждого индивида. Характеризуется социальный капитал межличностными связями, имеющимися в обществе.

Наряду с этим социальный капитал раскрывает взаимосвязь и взаимоотношение таких определяющих категорий, как понимание, партнерство, доверие, гуманизм, раскрывающих специфику определенной культуры, он является интенсификатором и катализатором социальных связей. В социокультурном пространстве села социальный капитал выполняет функцию увеличения материальных ресурсов личности, расширению степени свободы человека, функцию самореализации, выражающую

юся в осуществлении жизненных планов и получении дополнительных возможностей социально себя идентифицировать, интегрирующую функцию через включение в референтную среду и построение стабильных, доверительных, безопасных отношений с сохранением условий сотрудничества в кризисные периоды.

Повышение уровня социального капитала на селе находится в непосредственной зависимости от нейтрализации рисков, подрывающих атмосферу доверия, развития социальных сетей, расширении возможностей построения отношений. Значимость социального капитала состоит в обеспечении индивидуума ресурсами для реализации жизненной стратегии. В аспекте содержания ценность социального капитала заключается в перспективе построения системы отношений, основанной на принципах солидарности, что является для российского села наиболее оптимальным вариантом организации взаимоотношений.

Литература

1. Бюссе С. Социальный капитал и неформальная экономика в России // Мир России. 2002. № 2. С. 93–104.
2. Градосельская Г.В. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 156–163.
3. Ковальчук В.К. Проблема социальной несправедливости в сельской местности: социологический анализ // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 1. С. 21–29.
4. Коулман Дж. Социальный капитал в создание человеческого капитала // Американский журнал социологии. 1988. № 94. С. 95.
5. Патнэм Х., Леонарди Р. Демократия работает: гражданское традиции в современной Италии // Princeton University Press. 1993. С. 14–20.
6. Тартаковская И.Н. Социальные сети и поведение на рынке труда // Социологический журнал. – 2004. № 1/2. С. 129–144.
7. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. Т. 2. № 4. С. 28–55.
8. Чураков А. Анализ социальных сетей // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 109–121.
9. Bourdieu, P. (1986). The forms of capital. In: Richardson, J., Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. Westport, CT: Greenwood. P. 24–58.
10. Fukuyama F. Social capital, civil society and development// Third World Quarterly. 2001. № 22. P. 17–22.
11. Rothstein B. Social capital, economic growth and quality of government: The causal mechanism // New Political Economy. 2003. № 8. P. 49–71.

SOCIAL CAPITAL AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

Kovalchuk V.K.

Lomonosov Moscow State University

In this article, the author attempts to consider social capital as one of the significant elements influencing the constructive development of society in economic, political and ethical aspects. The views of the theorists of this problem are presented, as well as the concept of 'social capital' is analyzed through the dichotomy of institutional and interpersonal types of trust. The article examines the value of such a component as trust in the context of building mutually beneficial relationships within social networks and its impact on the level of social capital and the welfare of society. Possible reasons for the unequal distribution of social capital are formulated. The author evaluates social capital as a tool for solving problems both at the level of groups, organizations, and the whole state as a whole.

Keywords: social capital, social networks, trust, structure, values.

References

1. Busse S. Social capital and the informal economy in Russia // World of Russia. 2002. No. 2. – P. 93–104.
2. Gradoselskaya G.V. Social networks: exchange of private transfers // Sociological journal. 1999. No. 1/2. – P. 156–163.
3. Kovalchuk VK The problem of social injustice in rural areas: a sociological analysis // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2018. – V. 13. No. 1. – P. 21–29.
4. Coleman J. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. No. 94. P. 95.
5. Putnam X., Leonardi R. Democracy Works: Civic Traditions in Modern Italy // Princeton University Press. 1993, pp. 14–20.
6. Tartakovskaya I.N. Social networks and behavior in the labor market // Sociological journal. – 2004. No. 1/2. pp. 129–144.
7. Fligstin N. Fields, power and social skills: a critical analysis of new institutional trends // Economic sociology. Volume 2. No. 4. P. 28–55.
8. Churakov A. Analysis of social networks // Sociological research. 2001. No. 1. P. 109–121.
9. Bourdieu, P. (1986). The forms of capital. In: Richardson, J., Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. Westport, CT: Greenwood. P. 24–58.
10. Fukuyama F. Social capital, civil society and development// Third World Quarterly. 2001. No. 22. P. 17–22.
11. Rothstein B. Social capital, economic growth and quality of government: The causal mechanism // New Political Economy. 2003. No. 8. P. 49–71.

Факторообразующие процессы трансформации управления электронно-цифровым обществом

Исаева Кира Вадимовна,

научный сотрудник Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: kkiraisaeva@gmail.com

В статье анализируется современное социальное управление в новых условиях электронно-цифровой цивилизации. Электронно-цифровая цивилизация диктует новые методы и технологии управления, которые качественным образом отличаются от управления индустриальной эпохи. Автор уделяет особое внимание факторам трансформации современной системы управления и определяет основные социальные процессы, повлекшие за собой масштабные изменения человечества. Подобные трансформации требуют системное научное исследование рисков и угроз, которые несет в себе социальная реальность, сформированная в условиях хаоса и нелинейного развития. Основной вывод заключается в том, что наблюдаемые сегодня технологические тренды – результат социального управления в условиях глобализации, цифровизации и виртуализации общественной жизни.

Ключевые слова: глобализация, виртуализация, Интернет, управление, факторы трансформации, цифровизация, цифровые тренды, электронно-цифровая эпоха.

Введение

Современная социальная реальность диктует новые качественно отличные от индустриальной эпохи правила и способы жизни социума. Согласно показателям за предыдущие два года (2020–2021), приведенным Всероссийским центром исследования общественного мнения, более ¾ россиян пользуются Интернетом ежедневно [1]. Робототехника (Robots), «Умный дом» (Smart Home), Цифровое телевидение (DVB-T), Искусственный интеллект (AI) и еще внушительное число технологических трендов, ежемесячно пополняющееся новыми, – продукты электронно-цифровой эпохи.

Исследуемая в статье «электронно-цифровая цивилизация» в современной научной мысли имеет ряд синонимов или похожих понятий (цифровая цивилизация, метавселенная, постиндустриальная эпоха и др.). Впервые термин «электронно-цифровое общество» ввел в научный оборот канадский ученый и государственный советник Д. Тапскотт. Ученый определил ключевые характеристики общества нового типа, среди которых: цифровая, виртуальная форма социального развития, акцент на обмен знаниями, инновационная деятельность по производству благ, глобализация торговли, динамичное развитие и др. [2].

В современной отечественной социологии термин «электронно-цифровой цивилизации» возродил академиком РАН Г.В. Осипов. Ученый выделяет важнейшую характеристику электронно-цифровой цивилизации – возникновение планетарной социосистемы, которая, как и другие социальные элементы, например, поведение человека, подвержены быстрым, порой хаотичным, изменениям [3].

Интернет и электронно-цифровые технологии качественным образом изменили социальные процессы, в том числе процессы управления. Однако, встает глобальный вопрос, какие масштабные процессы формируют факторы трансформации системы государственного управления современным обществом?

Факторы масштабной трансформации

Если сегодня наибольшее число научных материалов по вопросам социального развития и управления посвящены процессу цифровизации, то еще десять лет назад на острие актуальности стоял вопрос глобализации, который по своему масштабу и силе сравним и с цифровизацией, и виртуализацией.

В широком смысле, факторами трансформации социального управления стали три масштабных социальных явления: *глобализация, цифровизация и виртуализация.*

Глобализация

Результаты анализа исторического развития общества в контексте технологических революций доказывают, что первым важнейшим масштабным социальным процессом, послужившим созданию глобального общества – общества, для которого фактически были разрушены границы для обмена товарами и услугами является про-

цесс «глобализации» (Globalization). Предпосылки глобализации мира берут начало еще в конце XIX в., когда началось развитие транспортных и коммуникационных сетей. Однако говорить о появлении «глобального общества» стало возможным только в середине XX в. после Первой мировой войны. Произошло оживление мировой торговли, которое к 1980 г. позволило произвести выход на международный рынок товаров и услуг промышленного назначения за счет информационной революции [4].

В социологии исследованию процессов «глобализации» посвящено внушительное число работ видных ученых прошлого столетия. В дискуссиях о том, что понимать под «глобализацией» рассматриваются все аспекты явления: как социальные и культурные, так политические и экономические. Так, в своей книге «Что такое глобализация?» [5] немецкий социолог и политолог У. Бек указывает на открытость «глобального мира», одновременно с тем нарастание рисков и угроз обществу.

С конца XX в. активное развитие рыночной торговли товарами и услугами привело к возникновению рынка инвестиций, а последствие «рынку знаний». Так, за созданием корпораций последовало распространение рыночных отношений по всему миру. Ярким и уже наиболее часто используемым в научной литературе примером выхода на новые рынки является история компании «Coca-Cola». Начиная с 1928 г., компания постепенно захватывала рынки Северной Америки, а чуть позже за счет успешного маркетингового хода на олимпийский играх в Нидерландах стала известна на весь мир. Сейчас же существует более 200 фабрик, производящих продукцию под товарным знаком «Coca-Cola» находятся в различных странах по всему миру. Глобализация представляет из себя достаточно сложный процесс. Этот процесс охватывает все сферы жизни, как общества, так и государства в целом. В целом, важно выделять виды глобализации по сфере ее охвата: информационная, культурная, финансовая, экономическая, политическая, производственная.

Глобализация – это процесс, связанный с постоянным развитием и движением. В ходе данной деятельности происходит расширение форм взаимодействия государств на мировой арене и как следствие расширение и увеличение полномочий и ответственности страны перед своими гражданами. С каждым годом взаимодействие государства в политике, экономике, производстве, финансовой и культурной сфере принесло для человечества множества полезных реноваций.

На рубеже XX и XXI вв. масштабные процессы глобализации, связанные с быстрыми темпами развития экономических, и как следствие, культурных и социальных, взаимоотношений между странами, столкнулись с резким скачком развития высоких технологий, которые вызвали масштабное социальное явление – цифровизацию.

Цифровизация

С начала 2010-х годов большинство развитых и развивающихся стран мира приняли решения о внедрении повсеместной цифровизации, начиная с экономики, разработав и приняв программы развития высоких технологий на основе внедрения «Индустрии 4.0» на национальном уровне.

В широком смысле, понятие «цифровизация» позволяет описать процессы перехода человечества на качественно новую стадию развития общества. В узкой смысле, цифровизация определяет процесс перехода от аналоговых и физических ресурсов на цифровые. Ярким примером внедрения цифровых технологий в социум выступает смартфон, который стал не только средством

общения, но и коммуникации с выходом в бесконечное информационное поле, для оплаты услуг, сервисом для предоставления государственных услуг и т.д.

Согласно данным, представленной экспертами международной аналитической компании Digital McKinsey, в 2017 г. внедрение цифровых технологий (DT – Digital Technology) достигло таких масштабов, что к Интернету подключился каждый второй житель Земли, а по прогнозам экономистов и политологов, ВВП российской экономики до 2025 г. может увеличиться на 4–9% трлн руб., что составит 19,5–35% от роста ВВП за счет цифровизации [6].

Для современной России важнейшей задачей является внедрение цифровых технологий и платформ в сферу государственного управления, что является предпосылками для трансформаций форм, видов, методов и технологий управленческой деятельности в стране и мире. Разработаны и реализовываются Национальные программы, содержанием которых является этапы внедрения цифровых технологий, прежде, в экономическую сферу жизни, затем, в социальную, культурную, правовую. Согласно Указу Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» приоритетными задачами правительства России являются решение задач национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», включающей в себя повышение эффективности оказания государственных услуг за счет платформенных решений.

Рядом современных ученых исследуются риски и угрозы, которые несёт себе цифровизация и информатизация мировых экономик. Основные из них лежат в скорости и неравномерности изменений сфер труда и занятости. Целые отрасли, легко поддающиеся автоматизации, сократили долю занятости в десятки и сотни раз.

Трансформированная современная система управления позволила государствам сформировать целые концепции и экосистемы жененных укладов. Так, например, в России активно развивается «Цифровая экосистема» с внедренным Электронным Правительством, в Германии – «Индустрия 4.0, в США – «промышленный интернет»; в Японии – «Общество 5.0», в Китае – «Система социального кредита». Так, ключевым фактором выступает спрос на высокие технологии как на государственном уровне, так и в бизнес- и гражданском уровнях.

Сегодня оценкой и анализом внедрения высоких технологий в повседневную жизнь, в том числе в сферу управления, заняты тысячи научно-исследовательских, информационных, консалтинговых и др. центров и агентств. Обширными статистическими данными располагают такие мировые организации как Всемирный Банк (World Bank), Организация Объединенных Наций (United Nations), Международный союз электросвязи (ITU) и др.

Однако, цифровизация коснулась не только экономической сферы общественной деятельности. Сегодня все чаще исследуются проблемы «цифровизации науки и образования», также требующего особый новый методов управления. Так, в России целью программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» является изменение качества предоставляемых государственных услуг и системы госуправления за счет нематериальных средств (интеллектуального капитала).

Виртуализация

Продуктом цифровых технологий (DT – Digital Technology) стали технологии виртуальной реальности (VR – Virtual

Reality). Большая часть современных ученых под виртуальной реальностью (VR – Virtual Reality) понимают смоделированную с помощью компьютерных технологий часть социальной реальности, в которую пользователь может погрузиться с помощью специальных сенсорных устройств. Современными учеными все чаще исследуются такие явления как «виртуальное общение», «виртуализация социума», «Мета-вселенная».

Несмотря на то, что виртуализация явилась следствием информатизации и цифровизации, уделяется отдельное внимание внедрению виртуальных технологий в управленческую деятельность, поскольку подобный процесс качественным образом отличает методы и технологии от уже существующих. Кроме того, сегодня ведутся социологические исследования, посвященные готовности принятия системами управления подробных технологий.

Так, по мнению современных аналитиков, роль виртуализации государственного управления заключается в применении виртуальных технологий в управлении на государственном уровне. Так считают более 80% опрошенных экспертов. Чуть более 14% полагают, что виртуальная система государственного управления не может быть ни в каком виде. При этом, большинство экспертов, более 50%, довольно низко оценивают профессиональную готовность к внедрению технологий виртуальной среды в систему социального управления. [7].

Сегодня ярким примером применения государственными структурами технологий виртуальной реальности (VR – Virtual Reality) стал Китай. Так, с 01 января 2021 г. в Китае принят новый гражданский кодекс, официально узаконивший «Систему социального кредита» [8]. Суть идеи китайских специалистов, тщательно изучивших зарубежный опыт в этой области, заключалась в предложении наделить обитателей условного города определенной суммой баллов. Эта изначальная сумма, гарантировавшая всем жителям равные стартовые условия, могла либо расти, либо уменьшаться – в зависимости от того, что полезного или вредного делал обладатель своеобразного «кошелька». Аналогичная система действует и в отношении юридических лиц – компании проверяют на соответствие экологическим, юридическим нормам. Оценке также подвергаются условия и безопасность труда на предприятиях, их финансовая отчетность.

Еще одним ярким примером сегодняшнего дня – упомянутая выше проблема социальной жизни в условиях распространения коронавирусной инфекции Covid-19. Так, во время пандемии коронавируса государственные власти управления многих стран, включая европейские, активно использовали различные технологии, позволяющие отслеживать перемещения и контакты зараженных людей; системы распознавания лиц, в том числе и в маске; а также приложения для смартфонов, информирующие о нахождении рядом подозрительных, с точки зрения инфекции, лиц. Также использовались электронные пропуска и QR-коды для доступа в места массового скопления людей. Пример Covid-19 наглядно продемонстрировал, как процессы виртуализации позволили мировой системе управления освоить новые технологии и перестроить образ жизни всего человечества [9]. Процесс виртуализации как особая форма социальной трансформации и коммуникации носит инновационный характер и потому позволяет демонстрировать многообразие форм и методов управления.

Заключение

Делая вывод проведенного анализа в статье, необходимо отметить важность изучения современной системы

государственного управления. Современное социальное управление как составная часть трансформированной социальной реальности претерпевает почти ежедневные качественные изменения. Ярким примером новых возможностей трансформированной за крайние 10 лет системы управления для всех людей стало введение режима самоизоляции в условиях распространения пандемии Covid-19.

В широком смысле, факторами трансформации системы управления в условиях электронно-цифровой цивилизации стали масштабные процессы: глобализация, цифровизация и виртуализация. Все изученные процессы, несомненно, взаимосвязаны. Так, за развитием рыночных отношений последовала глобализация, охватившая мировое торговое сообщество, после чего с возникновением Интернета и «глобальных» систем мир погрузился в масштабную, высокоскоростную и нелинейную цифровизацию, продуктом которой стала, в том числе, виртуализация.

Современная система социального управления сформировала ряд мировых концепций такие как «Промышленный Интернет» – в США; «Индустрия 4.0» – в Германии; «Всепроникающее Общество» и «Общество 5.0» (Society 5.0, Super Smart Society, ubiquitous society) – в Японии; «Система социального кредита» – в Китае. Однако, современные высокие технологии (DR, VR, смарт-системы и т.п.) выступая одновременно продуктом управленческой деятельности человека и субъектом управления над человеком, становятся не просто фактором качественных изменений в социуме, но и носителем рисков и угроз для развития и безопасности человека.

Литература

1. ВЦИОМ: Всероссийский центр изучения общественного мнения: [сайт]. – Москва. – Обновляется в течение суток. URL: <https://wciom.ru/ratings/polzovanie-internetom> (дата обращения: 18.03.2022). – Текст: электронный.
2. Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта / Пер. с англ. И. Дубинского. Под ред. С. Писарева. – Киев: INT Пресс; Москва: Релфбук, 1999. – 432 с.
3. Садовничий В.А., Осипов Г.В. Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. – Санкт-Петербург: Нестор-История. 2020. – 152 с.
4. Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. – Москва: Изд. Дом «Новый век», 2003. – С. 97.
5. Бек У. Что такое глобализация? / Общ. ред. и послесл. А. Филиппова. – Москва, 2001 – С. 56.
6. Доклад «Цифровая Россия: Новая реальность». Экспертная группа Digital McKinsey. 2017. – Москва – Обновляется в течение суток. – URL: <https://mckinsey.com/global-locations/europe-and-middleeast/russia/ru/our-rk/mckinsey-digital> (дата обращения: 24.02.2022). – Текст: электронный
7. Абдрахманова Г.И. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 239 с.
8. Ваганов А. Цифровой тоталитаризм с человеческим лицом. Обновляется в течение суток. – URL: https://www.ng.ru/science/2021-01-26/9_8066_totalitarianism.html (дата обращения: 18.03.2022). – Текст: электронный.

9. Хабриева Т.Я., Осипов Г.В. Цифровизация: социология и право, концепция и практика социализации // Экономические стратегии. 2022. Т. 24. № 1(181). С. 1–23.

FACTOR-FORMING PROCESSES OF ELECTRONIC AND DIGITAL SOCIETY MANAGEMENT TRANSFORMATION

Isaeva K.V.

Lomonosov Moscow State University

The article analyzes modern social management in the conditions of electronic-digital civilization. The Digital Age dictates new methods and technologies of management that are qualitatively different from the management of the Industrial Age. The author pays special attention to the factors of transformation of the modern management system and defines the main social processes that led to large-scale changes in mankind. The transformations require a systematic scientific study of the risks and threats posed by social reality, formed in the conditions of chaos and non-linear development. The conclusion is the technological trends observed today are the result of social management in the context of globalization, digitalization and virtualization of public life.

Keywords: globalization, virtualization, the Internet, management, Digital Age, transformation factors, digitalization

References

1. VTsIOM: All-Russian Public Opinion Research Center: [website]. – Moscow. – Updated throughout the day. – URL: [https://](https://wciom.ru/ratings/polzovanie-internetom)

wciom.ru/ratings/polzovanie-internetom (date of access: 03.18.2022). – Text: electronic.

2. Tapscott D. Electronic-digital society: Pros and cons of the era of network intelligence / Per. from English. I. Dubinsky. Ed. S. Pisareva. – Kyiv: INT Press; Moscow: Relfbuk, 1999. – 432 p.
3. Sadovnichiy V.A., Osipov G.V. Social sciences and education in the conditions of the formation of an electronic-digital civilization. – St. Petersburg: Nestor-History. 2020. – 152 p.
4. Pantin V.I. Cycles and waves of global history. Globalization in the historical dimension. – Moscow: Ed. House «New Age», 2003. – p. 97.
5. Beck U. What is globalization? / Common ed. and after. A. Filipova. – Moscow, 2001 – p. 56.
6. 6Report «Digital Russia: New Reality». Digital McKinsey Expert Group. 2017. – Moscow – Updated during the day. – URL: <https://mckinsey.com/global-locations/europe-and-middleeast/russia/ru/our-rk/mckinsey-digital> (Accessed: 02.24.2022). – Text: electronic.
7. Abdrakhmanova G.I. Digital transformation of industries: starting conditions and priorities: report. to XXII Apr. intl. scientific conf. on Problems of Development of the Economy and Society, Moscow, 13–30 April. 2021 – Moscow: Ed. house of the Higher School of Economics, 2021. – 239 p.
8. Vaganov A. Digital totalitarianism with a human face. Updated during the day. – URL: https://www.ng.ru/science/2021-01-26/9_8066_totalitarianism.html (date of access: 03/18/2022). – Text: electronic.
9. Khabrieva T. Ya., Osipov G.V. Digitalization: sociology and law, the concept and practice of socialization // Economic strategies. 2022. V. 24. No. 1(181). P. 1–23.

Управление цифровой репутацией бизнес-организации: стили лидерства

Сиротин Вячеслав Андреевич,

аспирант Волгоградского института управления, филиала РАНХиГС

В статье дано определение цифровой репутации, описаны критерии её оценки. Проведен анализ стилей лидерства в рамках управления цифровой репутацией бизнес-организации с опорой на теорию П. Херси и К. Бланшара. Выявлена особенность управления цифровой репутацией бизнес-организации: в процессе постановки задач, связанных со взаимодействием компании с целевой аудиторией в интернете, руководителю необходимо учитывать готовность сотрудников взять на себя ответственность за выполнение конкретного задания.

Ключевые слова: цифровая репутация, интернет, социальные сети, бизнес-организация, социология управления, ситуационный подход.

В настоящее время в научной литературе есть множество различных определений понятия «цифровая репутация». В статье «Компании перед лицом новых ценностных сообществ» Николая Шазо определяется цифровую репутацию компании как «когнитивное, коллективное и субъективное представление о ее деятельности и поведении, складывающееся с течением времени у определенной группы причастных сторон (стейкхолдеров) под влиянием как личного и непосредственного опыта контактов с компанией данных стейкхолдеров, так и сведений, которыми обмениваются члены группы между собой и с другими группами стейкхолдеров для устранения информационной асимметрии между их группой и компанией» [1]. Обмен сведениями происходит при условии схождения у адресата и получателя оценки цифровой репутации и ценностей, лежащих в её основе.

Достоинством определения Н. Шазо является акцент на коммуникации внутри групп стейкхолдеров. Сегодня примерами данных стейкхолдеров могут послужить сообщества в социальных сетях или форумы. Благодаря разработанному функционалу социальных сетей, пользователи могут создать обсуждение (отдельную ветку с сообщениями) на волнующую их тему. В созданном разделе участники группы делятся собственным опытом взаимодействия с компанией и дают различные рекомендации.

Помимо этого, относительно недавно в социальной сети «Вконтакте» появилась возможность отправлять сообщения администраторам сообщества через личные сообщения на странице группы. Она позволяет пользователям оперативно получить официальную информацию от представителя бизнес-организации на интересующее их вопросы. Снижение времени ожидания реализуется с помощью чат-ботов – специально написанных программ. Благодаря им, администратору сообщества не нужно отвечать на самые популярные вопросы самому. Для корректной работы чат-бота необходимо заранее подготовить базу данных с ответами. Недостатками данного программного решения является игнорирование в большинстве случаев контекста сообщения пользователя, который выходит за рамки заранее заготовленной фразы. В результате участник сообщества вынужден искать информацию в обсуждениях сообщества или переходить к диалогу с представителями компании в оффлайн формате. Таким образом, итоговая оценка пользователем репутации бизнес-организации формируется на основе результатов коммуникации с другими пользователями или официальными представителями компании в сети Интернет.

О социальной оценке писали также исследователи-социологи, определяя понятие репутации. В своей статье Пьер-Мари Шовен пишет о репутации как социальной репрезентации, разделяемой большинством, носящей временный и локальный характер, ассоциирующейся с определенным именем и основывающуюся на более или менее влиятельных и более или менее формализованных социальных оценках [2]. В первой части определения Пьер-Мари Шовен акцентирует внимание на социальном характере репутации, проявляющимся в схождении мнений широкого круга акторов. Вторая часть данного определения указывает на три типа

отношений к взаимосвязи репутации и оценки: оценка создает репутацию, связь между оценкой и репутацией не поддается выявлению, все зависит от контекста. Исследователь предполагает, что социолог обязан выявить корреляционные взаимосвязи и показать силу влияния различных факторов на репутацию конкретного объекта.

Возвращаясь к анализу цифровой репутации, необходимо подчеркнуть, что Э. Филлиас и А. Вильнёв определили ряд критериев её оценки [1]. Во-первых, весь контент, опубликованный от имени организации, должна быть непротиворечивым. Это необходимо для корректного формирования имиджа компании. Во-вторых, создаваемые материалы (фотографии, видеоролики, статьи и т.д.) должны быть подготовлены с опорой на реальное положение дел и факты, а не домыслы и фантазию. В-третьих, у организации должна быть собственная площадка для размещения контента. В качестве примера можно привести сайт, сообщество в социальных сетях или канал в мессенджерах. Площадки нужны для того, чтобы пользователям было удобно делиться контентом со своими знакомыми, друзьями или родственниками. Если клиенту понравился приобретенный товар, то ему будет проще рассказать о нём в социальных сетях, указав ссылку на официальное сообщество или сайт организации вместо перечня гиперссылок на различные ресурсы. В-четвёртых, на цифровую репутацию оказывает значительное влияние деятельность организации не только в настоящем, но и в прошлом. Пользователи интернета склонны больше доверять организациям, которые существуют не первый год на рынке. Следовательно, при посещении сообщества в социальных сетях или сайта потенциальный клиент захочет посмотреть материалы, которые были опубликованы несколько лет назад. Если компания приняла решение удалить все старые публикации, то уровень доверия к ней будет ниже.

Для соблюдения вышеперечисленных критериев оценки цифровой репутации руководителю организации необходимо принимать управленческие решения, учитывая уровень «зрелости» профильных специалистов. Согласно ситуационной теории П. Херси и К. Бланшара, зрелость исполнителей – это показатель, который включает в себя уровень ответственности за выполнение конкретной задачи, желание достигнуть поставленной цели, имеющийся опыт работы и образование [3]. Исследователи выделяют 4 стиля лидерства руководителей в зависимости от уровня зрелости их сотрудников.

Если сотрудник организации не может или не хочет брать на себя ответственность за выполнения конкретного задания, то его зрелость находится на очень низком уровне. В данном случае руководителю во время постановки задачи необходимо подробно объяснить подчиненному её содержание, способы и сроки выполнения. В рамках управления цифровой репутацией организации примером может послужить постановка задания дизайнеру разработать оформление сайта организации. Для его успешного выполнения руководитель составляет техническое задание с подробным описанием необходимых растровых или векторных изображений. Данный стиль управления называется «указывающий».

Если сотрудник организации не может, но хочет взять на себя ответственность за выполнения конкретного задания, то его зрелость находится на низком уровне. Руководителю в таком случае необходимо использовать второй стиль лидерства («продать»): подробно описать задачу и поддержать готовность подчиненного взять на себя ответственность. Примером этого стиля лидерства может послужить ситуация, когда дизайнер

получает техническое задание с указанием количества и размеров растровых или векторных изображений для оформления сайта, но их стиль разрабатывается специалистом самостоятельно. Отличие от «указывающего» стиля лидерства заключается в замене подробного описания задачи на перечень общих требований.

Если сотрудник организации может, но не хочет взять на себя ответственность за выполнения конкретного задания, то его зрелость находится на среднем уровне. Руководителю в таком случае следует предоставить исполнителю возможность участвовать в принятии решения. Примером этого стиля лидерства может послужить ситуация, когда руководитель совместно с дизайнером определяет стиль растровых или векторных изображений для оформления сайта.

Если сотрудник организации может и хочет взять на себя ответственность за выполнения конкретного задания, то его зрелость находится на высоком уровне. Руководитель в таком случае оказывает подчиненному только необходимую поддержку. Примером этого стиля лидерства может послужить ситуация, когда руководитель составляет краткое техническое задание для дизайнера с общим описанием растровых или векторных изображений для оформления сайта. Стиль данных изображений, их количество и размер специалист определяет самостоятельно.

Таким образом, в данной статье были проанализированы определения понятия «цифровая репутация» и описаны стили лидерства, которые могут быть использованы в управлении цифровой репутацией бизнес-организаций. Особенность управления цифровой репутацией заключается в том, что руководителю во время постановки задач своим подчиненным необходимо учитывать не только критерии оценки цифровой репутации, но и готовность сотрудников взять на себя ответственность за выполнение конкретного задания.

Литература

1. Стаф, И.К. Как и зачем управлять сетевой репутацией. (Реферат книг: *Influence et réputation sur Internet. Communautés, crises et stratégies*; Fillias E., Ville-neuve A. *E-réputation. Stratégies d'influence sur Internet*) / И.К. Стаф // Отечественные записки. – 2014. – № 1(58). – С. 138–157.
2. Шовен, П.М. Социология репутаций / П.М. Шовен // Отечественные записки. – 2014. – № 1(58). – С. 85–99.
3. Hersey, P. *Situational Leadership, Perception, and the Impact of Power* / P. Hersey, K.H. Blanchard, W.E. Natemeyer // *Group & Organization Management*. – 1979. – Vol. 4. – No 4. – P. 418–428. – DOI 10.1177/105960117900400404. – EDN JMEHCP.

DIGITAL REPUTATION MANAGEMENT OF A BUSINESS ORGANIZATION: LEADERSHIP STYLES

Sirotnin V.A.

Volgograd Institute of Management

The article defines digital reputation, describes the criteria for its evaluation. The analysis of leadership styles in the framework of digital reputation management of a business organization based on the theory of P. Hersey and K. Blanchard is carried out. The peculiarity of managing the digital reputation of a business organization is revealed: in the process of setting tasks related to the company's interaction with the target audience on the Internet, the manager needs to take into account the willingness of employees to take responsibility for performing a specific task.

Keywords: digital reputation, internet, social networks, business organization, sociology of management, situational approach.

References

1. Staf, I.K. Kak i zachem upravljat' setevoj reputaciej. (Referat knig: Influence et réputation sur Internet. Communautés, crises et stratégies; Fillias E., Villeneuve A. E-réputation. Stratégies d'influence sur Internet) / I.K. Staf // Otechestvennye zapiski. – 2014. – № 1(58). – P. 138–157.
2. Chauvin, P.M. Sociology of reputations / P.M. Chauvin // Otechestvennye zapiski. – 2014. – № 1(58). – P. 85–99.
3. Hersey, P. Situational Leadership, Perception, and the Impact of Power / P. Hersey, K.H. Blanchard, W.E. Natemeyer // Group & Organization Management. – 1979. – Vol. 4. – No 4. – P. 418–428. – DOI 10.1177/105960117900400404. – EDN JMEHCP.

Социально-управленческий подход к анализу патриотизма и военно-патриотической подготовке граждан

Капустин Владимир Владимирович,

к.с.н., докторант, ФГКВОУ ВО «Военный университет»
имени князя Александра Невского МО РФ
E-mail: kapustinww@list.ru

Автор статьи применяет теоретико-методологические положения и инструментарий социологии управления к анализу процессов управления военно-патриотической подготовкой, а также формированием патриотической личности как социально-управленческого процесса взаимодействия объективных условий и субъективных факторов. Раскрываются элементы и средства макро и микросреды организационно-управленческого воздействия на патриотическое сознание личности. Военно-патриотическая подготовка рассматривается ещё и как сложная, целостная, самоуправляемая, активная и развивающаяся система, требующая комплексного социально-управленческого подхода к её организации. Раскрывается содержание социально-управленческого подхода к решению проблем военно-патриотической деятельности с учетом исторических условий существования, а также обосновываются основные звенья проблем, решение которых обеспечит эффективность управления процессом военно-патриотической подготовки. В заключении автор формулирует основные условия эффективности применения социально-управленческого подхода к военно-патриотической подготовке граждан.

Ключевые слова: Патриотизм, военно-патриотическая подготовка, военно-патриотическое воспитание, социология управления процессом формирования патриотизма.

В российском обществе остро назрела необходимость ускорения и укрепления процессов формирования у граждан, особенно у молодёжи, высоких нравственных качеств, сознательности, культуры, патриотизма, готовности к защите Родины. Конечно, система образования располагает немалым опытом военно-патриотического обучения и воспитания. Однако, анализ этого опыта поможет вскрыть неиспользованные ресурсы, резервы, а также спрогнозировать, спроектировать оптимальную с нашей точки зрения, модель системы управления военно-патриотической подготовки граждан с учётом изменяющейся социальной реальности. В этой связи можно отметить, что анализом различных социальных проблем современного российского общества, в том числе и проблем связанных с военно-патриотическим воспитанием граждан, занимались многие российские ученые, такие как: Аванесова Г.А. [1], Бердникова В.А. [2], Лутовинов В.И. [4], Миронов А.В. [5], Топчий А.Ю. [7], и др. Но несмотря на это, автор хотел бы указать на недостаточный учёт всей совокупности факторов формирования патриотизма, недооценка системности военно-патриотической подготовки ведут к неправильному истолкованию её сущности и основных направлений. В раскрытии системы военно-патриотической подготовки нельзя недооценивать роль практической деятельности субъекта, а также самовоспитание как фактора формирования патриотизма, так как если сводить для личности только роль объекта воздействия среды и высокий уровень патриотизма личности оказывается лишь следствием, и военно-патриотическая подготовка сводится лишь к внесению в сознание личности определённой суммы знаний об Отечестве, все это резко ослабляет эффект управленческого военно-педагогического воздействия. Методологически это объясняется необходимостью учёта взаимодействия объективных условий и субъективных факторов в развитии социальных явлений и социальной практике, выступающей основой преобразования не только социальной среды, но и самой личности. Формирование военно-патриотической личности не ограничивается одним лишь целенаправленным воздействием внешней среды на личность, данный процесс необходимо рассматривать как взаимодействия всех объективных условий и субъективного фактора, в том числе учитывать её собственный опыт социального взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности.

В системе военно-патриотической подготовки происходит формирование патриотической личности и среди факторов, оказывающих воздействие на формирование всесторонне и гармонически развитого гражданина, можно выделить: объективные социальные условия среды, целенаправленное воздействие субъектов управления, преобразующих военно-патриотическую деятельность объекта патриотической подготовки. Патриотическое сознание личности индивида формируется в определённой среде и испытывает влияние многих факторов. Человек может быть верным защитником Отечества и не знать общественных наук, и наоборот, при отличном знании общественных наук не быть таковым. В данном случае автор рассматривает зависимости вза-

имодействия личности с социальной средой от степени превращения знаний в патриотические убеждения, в результате сложного и активного отражения социальной среды личности как части этой природной и социальной реальности, патриотического общественного сознания, общественных традиций, прошлого опыта, знаний, ценностных ориентации, своего отношения к внешней социальной среде.

Обозначим некоторые понятия и термины, применяемые автором. Кафтан В.В. наиболее точно по мнению автора определил понятие – «Патриотизм (от др.-греч. πατρις – земля отцов), понимаемый как ценность, означает высокую значимость для личности, родного края, бережное отношение к национальным традициям, символам, языку и решимость активно действовать во имя интересов своей страны, невзирая на угрозу своему здоровью и самой жизни» [3]. Под социальной средой личности понимается совокупность объективных условий и субъективных факторов, влияющих непосредственно или опосредованно как положительно, так и отрицательно на формирование сознания. Объективные условия понимаются, как не зависящее от субъекта и существующие вне его. Субъективный фактор – условия, которые связаны с субъектом и его деятельностью. При определении объективных условий и субъективных факторов формирования патриотизма необходимо учитывать также относительный характер их взаимодействия: субъективный фактор для одного процесса может быть объективным условием для другого. Для процесса формирования патриотизма личности объективными условиями выступает макросреда (общественное сознание, социальные организации, институты, повседневная жизнь и деятельность данной социальной группы, патриотическая деятельность на благо Отечества, средства массовой информации, литературы и искусства); микросреда (коллектив, семья, неформальные группы). Значение семьи играет большую роль, ведь «семья – это не только «ячейка» государства с точки зрения продолжения рода, прочных уз и имущественных отношений, но и средство реализации духовных связей между поколениями, нравственных устоев, прежде всего таких, которые воплощаются в формуле «сыновний долг» и являются могучей движущей силой общественного развития» [6].

Так, с одной стороны на сознание патриотической личности оказывает воздействие необходимость развития и защиты Отечества, с другой стороны наличие негативного психологического воздействия агентов влияния информационной гибридной войны средствами информационного воздействия через виртуальное социальное пространство интернета и необходимость сопротивление этому. Субъективными факторами формирования патриотизма личности является военно-патриотическая и социальная (избирательная) активность воспитуемых. Разные компоненты социальной среды, а также социальные ценности Отечества по-разному влияют на формирование патриотизма личности. Общественное сознание, влияет на личность ещё и как духовная среда, через систему воспитательных воздействий, ценностными элементами каждой формы общественного сознания.

Такие элементы макросреды как социальные институты и организации политики, образования, науки и культуры, средств массовой информации, литературы и искусства, являются также и средствами организационного управленческого целенаправленного влияния на личность. Микросреда как совокупность объективных факторов, с которыми индивид встречается и взаимодействует непосредственно и повседневно, также имеет существенное значение для формирования патриотизма личности. Без учёта микросреды невозможно эффектив-

но формировать патриотическое сознание личности, так как коллектив, группа служат носителями знаний о ценностях Отечества, их развитии и защите. Это среда формирует и устанавливает личности свою систему оценок данного Отечества. Направленность и степень воздействия социальной группы, коллектива и неформальных структур зависит от ряда факторов: под системы принятых социальных ценностей группы; от положения личности в коллективе; от характера социального взаимодействия коллектива и личности. Поэтому входе формирования патриотизма личности важно не только учитывать влияние коллектива, но и создавать благоприятную социально-психологическую атмосферу для восприятия патриотических идей, а также развивать правильные социальные взаимоотношения в коллективе. Перечисленные выше объективные факторы макро и микросреды и субъективные факторы процесса военно-патриотической подготовки действуют не изолированно, а тесно переплетаются друг с другом, сложно порой противоречивым взаимодействием, каждый по-своему образует интегральный воспитательный эффект военно-патриотической подготовки. В связи с этим хотелось бы отметить, что одной из сложнейших задач организации военно-патриотической подготовки является понимание социальных связей, факторов, организации их воздействия на личность одновременно и эффективно. Социальная практика и опыт показывает, что влияние макросреды и социально-управленческих мер может быть значительно эффективнее там, где уделяется должное внимание формированию позитивной микросреды, где постоянно проявляется забота о создании здорового микроклимата в коллективе, индивидуальная забота о каждом, оказание поддержки друг другу. И наоборот там, где микроклимат, социальная повседневная практика и жизненный опыт людей входят социальные противоречия с пропагандой ценностей Отечества или непосредственным влиянием объективных факторов макросреды, вероятность аномалий военно-патриотического обучения и воспитания повышается. Получая в повседневной жизни из микро социальной и трудовой среды определённый социальный опыт, личность делает выводы оценивает полученный опыт социального взаимодействия, и как закономерность имеет свойство личности придавать своим оценкам и выводам слишком широкий характер. Столкнувшись повседневной практике с безнравственным поведением или негативным несправедливым результатом, личности свойственно представлять данные факты отрицательного опыта социального взаимодействия как свойственные и присущие всему образу жизни. Так объективные социальные условия являются в конечном итоге определяющими, потому что они влияют на возникновение, функционирование и развитие субъективных факторов. Дальнейшее развитие и реализация уже сложившихся объективных условий формирования патриотизма личности, в значительной степени зависит от субъективных факторов, роль которых возрастает на современном этапе развития общества и в обстановке информационно-идеологического противостояния и противоборства.

Таким образом, военно-патриотическая подготовка представляет собой сложную, целостную, самоуправляемую, активную и развивающуюся систему, функционирующую на всех основных направлениях патриотической деятельности, требует комплексного социально-управленческого подхода к её организации.

Социально-управленческий подход к военно-патриотической подготовке предусматривает организационное проектирование программирование и планирование целей и основных направлений военно-

патриотической деятельности; конструирование внешней среды и координацию всех средств военно-патриотической подготовки; осуществление постоянного взаимодействия семьи, школы, коллектива; внедрение технологий социологического исследования, учёт и целенаправленное использование различных факторов; постоянный контроль проводимой деятельности и оказание помощи. Такой подход представляется правомерным если учитывать интегральный характер каждого из указанных направлений и их функции. Знание законов социального развития общества помогает вникнуть в сложные и динамические социальные процессы, задать активную жизненную позицию, сознательное отношение к труду, моральную упругость к враждебной идеологии и морали. Военно-патриотическая подготовка носит интегральный характер в силу комплексности состоит из обучения и воспитания, каждое направление воспитательной работы формируют не одну какую-то черту личности, а многообразные свойства и качества всесторонне развитого человека.

Трудовое воспитание способствует повышению эффективности качества работы, формируют такие важные черты личности как трудолюбие, коллективизм, бережливость, непримиримость к тунеядству, хищениям.

Нравственное воспитание, превращая нравственные принципы в личные убеждения, активно влияет на результативность как патриотического так трудового воспитания. Каждая конкретная форма военно-патриотической работы также предполагает обращение прежде всего к личности в целом. Также военно-патриотическое обучение в ходе которого личность получает знания основ социального устройства общества, национальных и семейно-брачных отношений, внутренней и внешней политики России, юриспруденции, социальных взаимоотношений личности и государства, общества и природы. При этом одновременно осуществляется дальнейшее развитие мировоззрения личности, а также её правовое, нравственное, патриотическое, религиозное и экологическое воспитание.

Социально-управленческий подход к военно-патриотической подготовке предполагает формирование целостной патриотической личности и дополняется формированием осознанного отношения к труду, общественной деятельности, стремлением человека руководствоваться в своём поведении системой принятых в обществе социальных норм. Иначе как через сочетание всех направлений военно-патриотического воспитания и обучения невозможно добиться сознательного отношения личности к будущему своего Отечества, того сплава идейности, знаний, убеждений и практического действия, который составляет основу активной жизненной позиции личности. Социально-управленческий подход военно-патриотической подготовки особенно необходим в силу интегрального характера патриотизма и системности военно-патриотической подготовки. Основная идея социально-управленческого подхода состоит в том, чтобы сформировать всю совокупность патриотических качеств личности и целевое единство всех взаимодействующих элементов процесса военно-патриотической подготовки как внутри системы (цели, принципы, направления, средства, формы, методы), так и с внешними системами (экономика, политика, социальные и духовные сферы, возможно идеология). Рассматривать систему военно-патриотической подготовки необходимо с учётом исторического опыта и в связи с другими системами, а также реалиями настоящего.

Применительно к военно-патриотической подготовке требования социально-управленческого подхода к познанию и преобразование настоящего, с учётом опы-

та прошлого и направленного в будущее, предполагают организацию управленческих воздействий в целостную упорядоченную систему:

- определение и взаимное согласование оптимальных целей, задач и основных направлений военно-патриотической подготовки исходя из цели системы, в которую входит военно-политической подготовка, как части в целом, структуры патриотизма, особенностей международной обстановки и объекта военно-патриотической подготовки;
- осуществление военно-патриотической подготовки на всех направлениях образования;
- организация оптимального функционирования и развития системы учёта обеспечение многосторонности всех управленческих воздействий, а также самовоспитание и самоуправление, самообучение согласованное использование наиболее эффективных средств форм и методов военно-патриотического подготовки, включая средства массовой информации, литературу и искусство;
- непрерывности, преемственности военно-патриотической подготовки в семейных, школьных, вузовских, научных, трудовых, армейских коллектива;
- обеспечение единства патриотического и интернационального воспитания;
- охват военно-патриотической подготовкой трудовой сферы во всех сферах деятельности, в рабочее и свободное время;
- учёт обратной связи, проверка эффективности функционирования системы и приведения её к оптимальному состоянию на основе полученной обратной связи.

Одно из гипотез философии о выделении основного звена в цепи событий применительно к военно-патриотической подготовке означает выявления таких проблем, решение которых обеспечивало бы реализацию всех остальных, развитие системы в нужном направлении, высокую эффективность процесса военно-патриотической подготовки. К таким звеньям по мнению автора относится:

- а) в организации военно-патриотической подготовки: комплексный характер перспективного и текущего планирования, определение главных задач в организации, содержании и методике военно-патриотической подготовки; обеспечение формирования патриотизма с учётом особенностей различных групп граждан;
- б) в содержании патриотического воспитания: идейно-политического компонента патриотизма; концепции Отечества и его защиты;
- в) в методике военно-патриотической подготовки: обеспечение единства содержания и формы, а также всех наиболее эффективных направлений, средств и методов.

Социально-управленческий подход к военно-патриотической подготовке предполагает анализ социальных явлений с учётом конкретных социально-исторических условий функционирования системы военно-патриотической подготовки и реализации данного подхода, таких как: особенности развития государства в данный исторический период; состояние всех внутренних и внешних социально-управленческих (для системы военно-патриотической подготовки, воспитательных) факторов; требования государства к военно-патриотическому оборонному сознанию личности гражданина в современных условиях информационного противоборства в цифровой эре; учёт будущей функциональной роли объектов военно-патриотического управленческого воздействия в обеспечении военной защиты; постоянный мониторинг объекта военно-патриотической

подготовки, эффективности направлений, средств, форм, методов и всей системы военно-патриотической подготовки; корректировка функционирования системы подготовки в соответствии с постоянно изменяющимися условиями.

Таким образом в заключении хотелось бы отметить что, к основным условиям эффективности применения социально-управленческого подхода военно-патриотической подготовки относятся: строгая последовательность в проведении всех видов военно-патриотической подготовки; профессионализм и компетентность управленческих кадров; применение проверенных практикой форм и методов руководства военно-патриотической подготовкой; умение управленческих органов анализировать объективные и субъективные условия осуществления процесса военно-патриотической подготовки.

Литература

1. Аванесова Г.А. Консервативный анализ России, как гетерогенного сообщества / Г.А. Аванесова, А.В. Миронов // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. С. 8–25.
2. Берникова В.А. Опыт военно-патриотического воспитания Санкт-Петербурга / В.А. Берникова // Гражданско-патриотическое воспитание молодежи: материалы международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайн. 2017. – С. 30–32.
3. Кафтан В.В. Терминологическое противоборство вокруг патриотизма как ценности российского общества / Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8. № 3 (33). С. 36–43.
4. Лутовинов В.И. Военно-патриотическое воспитание российской молодежи в системе патриотического воспитания: новые вызовы, требования и направления развития / В.И. Лутовинов // Идея патриотизма в системе воспитания подрастающего поколения: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2019. – С. 11–21.
5. Миронов А.В. Место и роль социально-гуманитарного знания и образования в модернизации российского общества / А.В. Миронов // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 2. С. 39–49.
6. Петрий П.В. Формирование духовных ценностей российской молодежи: проблемы и поиск решений. Научная мысль. 2017. № 2 (24). С. 20–25.
7. Топчий А.Ю. Патриотизм как объект социально-философского анализа / А.Ю. Топчий // Социально-политические науки. 2019. № 5. С. 197–203.

SOCIO-MANAGERIAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF PATRIOTISM AND MILITARY-PATRIOTIC TRAINING OF CITIZENS

Kapustin V.V.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The author of the article applies theoretical and methodological provisions and tools of sociology of management to analyze the processes of management of military-patriotic training, as well as the formation of a patriotic personality as a socio-managerial process of interaction between objective conditions and subjective factors. The elements and means of macro and micro environment of organizational and managerial influence on a patriotic consciousness of the individual are revealed. The military-patriotic training is also considered as a complex, holistic, self-governing, active and developing system that requires a comprehensive socio-managerial approach to its organization. The contents of the socio-managerial approach to solving the problems of military-patriotic activity taking into account the historical conditions of existence are revealed, and the basic links of the problems, the solution of which will ensure the effectiveness of management of the military-patriotic training process, are substantiated. The author concludes by formulating the main conditions for the effectiveness of the socio-managerial approach to the military-patriotic training of citizens.

Keywords: Patriotism, military-patriotic training, military-patriotic education, sociology of patriotism formation management.

References

1. Avanesova G.A. Conservative Analysis of Russia as a Heterogeneous Community / G.A. Avanesova, A.V. Mironov // Socio-Humanitarian Knowledge. 2021. № 4. С. 8–25.
2. Bernikova V.A. Experience of military-patriotic education of St. Petersburg / V.A. Bernikova // Civic-patriotic education of youth: proceedings of the international scientific-practical conference. – St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design. 2017. – С. 30–32.
3. Kaftan V.V. Terminological confrontation around patriotism as a value of Russian society / Humanities. Vestnik (Herald) of Financial University. 2018. Т. 8. № 3 (33). С. 36–43.
4. Lutovinov V.I. Military-patriotic education of Russian youth in the system of patriotic education: new challenges, requirements and directions of development / V.I. Lutovinov // The idea of patriotism in the system of education of the younger generation: Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference. – Penza: Penza State University, 2019. – С. 11–21.
5. Mironov A.V. The place and role of socio-humanitarian knowledge and education in the modernization of Russian society / A.V. Mironov // Socio-humanitarian knowledge. 2016. № 2. С. 39–49.
6. Petriy P.V. The formation of spiritual values of Russian youth: problems and search for solutions. Scientific Thought. 2017. № 2 (24). С. 20–25.
7. Topchy A. Yu. Patriotism as an object of socio-philosophical analysis / A. Yu. Topchy // Socio-political Sciences. 2019. № 5. С. 197–203.

Социологическое исследование феномена семейного образования

Ляликова Софья Викторовна,

научный сотрудник лаборатории исследования здоровья населения и системы здравоохранения Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
E-mail: lyalikova@socio.msu.ru

Антонов Анатолий Иванович,

д. филос. н., зав. кафедрой социологии семьи и демографии, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: antonov_ai@mail.ru

В статье рассматривается понятие семейного образования и обрисовываются перспективы данного феномена в контексте разработки концепции по поддержанию высокой ценности семейно-детного образа жизни, актуализирующейся в условиях низкой рождаемости. Статья демонстрирует особенности социально-демографического портрета родителей, отдающих предпочтение семейной форме обучения. Отдельное внимание уделяется содержанию понятия «семейное образование» с использованием различной методологии. Респондентов не только просили выразить свое согласие или несогласие с рядом суждений об альтернативных формах обучения, наилучшим образом отражающих сущность исследуемого феномена, помимо этого применен метод ассоциаций. Результаты социологического исследования показывают, что выбор семейного образования как альтернативной формы обучения обусловлен желанием родителей повысить качество школьного образования и углубить знания обучающегося, а также воспитывать ребенка в традициях семейной преемственности. Названные аспекты в той или иной мере нашли отражение в восприятии семейного образования практикующими хоумскулерами, выраженном в трактовках семейного образования и соответствующих ему ассоциациях.

Ключевые слова: семейное образование, альтернативные формы обучения, родители, дети, семья.

Сегодня в семейной структуре населения большинства малодетных стран однодетность составляет свыше 60%, при этом в среднем на одну женщину репродуктивного периода жизни приходится 1,5–1,6 ребенка. Отсюда, центральной проблемой становится внесемейный настрой населения, его безразличие и даже враждебность по отношению к фамилистическим и наталистическим призывам. За статистикой роста внесемейных форм жизни стоит не стереотип «ухудшения» материальных и жилищных условий жизни, – постоянно оживляемый большинством журналистов и политиков, а научно установленный факт потери привлекательности семейно-детного образа жизни в сравнении с одиночно-холостяцким существованием. Причем, в каждом новом поколении привлекательность для личности собственно семейности т.е. ценности семьи, брака, воспитания нескольких детей – снижается [10]. Эта особенность заставляет задуматься о семейном образовании подрастающих поколений, о незаменимости семейного опыта воспитания детей и подростков именно в семьях, а не в разного рода детских учреждениях дошкольного и школьного типа.

Практику семейного образования сегодня сложно назвать чем-то новым для нашей страны, она легализована на протяжении последних 30 лет. Однако, несмотря на рост приверженцев данной формы обучения, хоумскулинг по-прежнему не является широко распространенным явлением. В дореволюционной России семейное образование рассматривалось как привилегия интеллигенции [1], в то же время сегодня любая российская семья, имеющая желание обучать ребенка самостоятельно, может его реализовать. Возможность получения образования в семье была зафиксирована в первом постсоветском законе «Об образовании» от 1992 года [3], в 2012 году был принят новый Федеральный закон N273-ФЗ (далее – закон об образовании), который закрепил за гражданами право получения образования в организациях, осуществляющих образовательную деятельность в очной, очно-заочной или заочной формах, так и вне таковых посредством самообразования или семейного образования, свидетельствует статья 17 [11]. Также за ребенком сохраняется право перехода на любую форму обучения на протяжении всего календарного года, в том числе возможность сочетать несколько форм получения образования и обучения (ч. 4 ст. 17) [11].

Феномен семейного образования на данный момент изучен недостаточно, особенно в России. Однако уже сейчас в научных публикациях и ряде официальных документов выделяют несколько подходов к трактовке данного понятия. Помимо закона об образовании, который определяет семейное образование как форму получения образования вне образовательной организации, из письма Министерства образования и науки РФ становится очевидным, что его можно понимать как «целенаправленную организацию деятельности обучающегося» родителями [7]. Коцкиенко И.В. и Покровская Л.И. определяют семейное образование в качестве «вариативной формы обучения ребенка, основанной на желании родителей (законных представителей) дать своему ребенку образование в семье» [4, с.186], А.Н. Якунина как «процесс освоения учащимся общеобразовательных программ в семье» [13, С.85]. Обобщив ряд характеристик, определим семейное образование как альтерна-

тивную форму получения общего образования вне образовательной организации (в семье), при которой ответственность за качество получаемого ребенком образования возложена на родителей, чаще всего являющихся основными организаторами образовательного процесса и учителями для своих детей.

Методология

Эмпирической базой выступило исследование на тему: «Опыт семейного образования в России» реализованный во II–III квартале 2020 года среди родителей, практикующих семейную форму обучения со своими детьми. Целевая выборка сформирована для получения наиболее полной и качественной информации о предмете исследования, сбор данных посредством «снежного кома». В исследовании приняло участие 656 человек из 56 регионов РФ, соотношение представителей городской и сельской местности в рамках исследуемого массива в целом повторяет структуру генеральной совокупности, отражающую число детей, прикрепленных для сдачи аттестации к образовательной организации в городской и сельской местности. Данные опроса проанализированы в IBM SPSS Statistics версия 26.0, допустимая погрешность $\pm 4\%$ при доверительном интервале 95%. Попарные сравнения осуществлялись с использованием z-статистики для сравнения распределений ответов ($p < 0,05$), применялась поправка Бонферрони для компенсации эффекта множественных сравнений, каждое из описанных ниже отличий является статистически значимым.

Социально-демографический портрет родителя, обучающего детей в форме семейного образования

Результаты исследования показывают, что большая часть участников опроса – это отцы и матери, состоящие в официальном браке (85,2%), сожительствуют всего 2,6% опрошенных. Среднее число детей в семьях хоумскулеров составило 2,6 ребенка (с 3 детьми – 25,9%, с 4–11,7%, с 5 и более детьми – 8,9%), что существенно отличается от общероссийских показателей (например, в 2020 году (год опроса) суммарный коэффициент рождаемости по данным Росстат равнялся 1,5 ребенка). Большая часть респондентов, принявших участие в исследовании – женщины, это обусловлено не только тематикой опроса, но и тем, что матери смогут дать более точную информацию об особенностях организации семейного образования, в силу того что женщины, как правило, больше времени уделяют заботе о детях и уходу за ними, в сравнении с мужчинами [2, С.271].

Уровень образования хоумскулеров оказался весьма высоким, обнаружено свыше 80% респондентов с высшим образованием (81,7%), причем по ответам о супругах, доля, окончивших высшие учебные заведения, также оказывается весьма высокой (64,3%). Неоконченное высшее имеют примерно 6% респондентов, столько же заявили, что супруг или супруга имеет данный уровень образования. Согласно Росстат, среди занятых россиян доля лиц с высшим образованием среди женщин составила 39,0%, среди мужчин – 29,7% (среди безработных – 21,4% по обоим полам) [8, с.97]. Таким образом, высокий уровень образования можно считать отличительной чертой российских хоумскулеров, принявших участие в исследовании. Наличие педагогического или психологического образования, напротив, не характерно для родителей, обучающих детей в семье. Большинство опрошенных сообщило, что они не имеют педагогического образования (60,5%), а 77,9%

заявили, что не получали психологического образования. В 6,4% семей педагогическое образование имеют оба супруга, еще треть отметила, что хотя бы один из супругов окончил образовательное учреждение соответствующего профиля. При этом примерно 86% родителей, принявших участие в опросе, заявили, что не собираются повышать уровень квалификации или получать образование по направлению педагогики или психологии.

Исследование показало, что группа хоумскулеров в большинстве своем представлена родителями со средним уровнем дохода, или более обеспеченными гражданами. Оценить уровень достатка респондентов предлагалось, используя пять суждений, характеризующих возможности респондентов в приобретении определенного рода товаров для хорошей жизни. Чуть больше половины респондентов (52,7%) отнесли себя к средней группе не вполне обеспеченных лиц, но не испытывающих трудностей в повседневных расходах, 16,5% – испытывают затруднения в повседневных расходах, но не бедствуют. Меньше трети опрошенных отмечают, что являются вполне обеспеченным людьми и имеют все необходимое для хорошей жизни. Остальные примерно поровну поделились между крайними категориями – условно очень бедных и очень богатых. Значительная часть хоумскулеров, участвующих в опросе, проживает в Центральном Федеральном округе (33,9%). В разрезе по регионам можно увидеть, что около 30% родителей представляют Москву и Московскую область, согласно официальной статистике на начало 2019/20 уч.г. на данные регионы приходилось порядка 40% хоумскулеров.

Таким образом, социально-демографический портрет хоумскулера, принявшего участие в исследовании, представляется нам многодетным родителем, который состоит в зарегистрированном браке и, как правило, имеет доход выше среднего. Родитель, обучающий ребенка в семье, проживает в одном из городов Центрального Федерального округа, вероятнее всего в Москве, имеет высшее образование, однако специального профильного (педагогического или психологического) диплома не получал. На момент исследования обучал одного или двоих детей на семейном образовании, о котором узнал через интернет (47,0%) или от близких друзей и знакомых (37,3%). Ключевыми причинами выбора семейного образования в равной степени часто оказывались низкое качество школьного образования (49,2%) и желание воспитывать ребенка в традициях семейной преемственности (48,8%) [см.подробнее: 5].

Понятие семейного образования

Инструментарий исследования позволял узнать у родителей какое из предложенных суждений наилучшим образом соответствует их представлениям о семейном образовании. Результаты показывают, что хоумскулинг воспринимается родителями, в первую очередь, как возможность научить ребенка учиться, осмысливать и критически оценивать обнаруженный им материал, треть респондентов посчитала данное суждение наиболее подходящим для описания своего восприятия СО. Каждый четвертый участник исследования понимает семейное образование как форму, способствующую индивидуальному развитию ребенка, причем доля разделяющих данную позицию выше среди участников с высшим образованием (24,7% к 15,2%), а также среди не состоящих в браке (32,0% к 21,8%). Мужчины вдвое чаще женщин отзываются о хоумскулинге как основании для объединения семьи (20,7% к 9,1% среди женщин), а также возможности получения альтернативного взгляда на мир (13,8% к 4,3% среди женщин) (рис. 1).



Рис. 1. Понятие семейного образования (Ответ на вопрос: «Какое из утверждений наиболее соответствует Вашему представлению о семейном образовании?»), в%

Каждый десятый убежден, что семейное образование – это ответственность родителей за качество получаемого образования. Результаты исследования ФОМ фиксируют снижение качества российского школьного образования, 46% россиян придерживаются данной позиции. Респонденты отмечают, что ухудшилась не только программа обучения (16%), но и качество образования снизилось (дети стали меньше знать) (11%) [6]. Подобные тенденции прослеживаются и в пресс-релизах, опубликованных в 2020 году, например, Ромир зафиксировал, что в 1,5 раза увеличилось число тех, кто считает школьное образование современной молодежи хуже образования их родителей (с 39% в 2003 году до 68% в 2020 году [9]).

Анализ ассоциаций, возникающих у респондентов с термином «семейное образование» показал, что сущность данной формы обучения заключается в первую очередь в свободе во всех ее проявлениях (46,5%) (см. рис. 2). Вдвое чаще данный вариант ответа называла молодежь (до 35 лет) в сравнении с теми, кто перешагнул 45-летний рубеж (55,7% к 28,3%). Второй по популярности ассоциацией стало «качество и глубина знаний» (30,2%), что отражает одну из наиболее важных причин выбора семейной формы обучения. Описывают опыт семейного образования через качество образовательного процесса чаще всего малодетные семьи (1 ребенок – 29,4%, 2 детей – 36,7%) в сравнении с четырехдетными родителями (13,3%), а также родители с детьми младшего школьного возраста (6–10 лет) (73,0%) в сравнении с семьями, где воспитываются представители старшей (16–18 лет) школы (2,6%). Спокойствие (24,4%), индивидуальность (19,4%) и комфорт (16,0%) замыкают пятерку наиболее значимых ассоциаций семейного образования.

Желание воспитывать ребенка в традициях семейной преемственности оказывается одной из ключевых причин выбора данной формы обучения (наравне с «низким качеством школьного образования»), а высокий уровень семейных ценностей является неоспоримым атрибутом практикующих хоумскулеров. При анализе ассоциаций хоумскулинга было обнаружено, что семейное образование – это прежде всего «семья и дом» (13,6%), «традиционные ценности» (5,8%), а также «совместное времяпрепровождение и совместная деятельность» родителей и детей (5,6%).



Рис. 2. Топ-10 ассоциаций, связанных с понятием «семейное образование» (Ответ на вопрос: «Назовите 3 слова или словосочетания, с которыми у Вас ассоциируется семейное образование»)

Анализ иерархии жизненных ценностей респондентов показал, ведущую роль фамилистических ориентаций и установок. Согласно полученным данным наиболее значимой категорией для участников опроса стала «семья, дети и заботливые близкие», ее выбрали 81,7% опрошенных, на втором месте с большим отрывом расположилось «здоровье» (65,5%), на третьем – душевное благополучие и согласие с собой (54,3%). Интересно, что в межрегиональном исследовании СеДОЖ-2019 «здоровье» возглавило иерархию жизненных ценностей с рангом 2,9 (на первое место данную ценности поставили 50,0% опрошенных), в то время как ценность семьи расположилась на второй строчке, но с более низким рангом – 3,7 (лишь 21,8% супружеских и сожительствующих пар расположили семейные ценности на первой строчке) [12]. Подобный результат может быть обусловлен эффектом социально-одобряемого ответа, так, семейные ценности указываются в числе значимых, но поведенческими практиками не подтверждаются. Иначе дело обстоит с представителями семейного образования, данные социологического исследования показывают, что участники исследования не только сами высоко ценят семью, характеризуются более высоким уровнем реализации репродуктивных ориентаций в сравнении с общероссийскими показателями, они стараются транслировать значимость семейных ценностей своим детям,

воспитывая их в традициях семейной преемственности и тесного взаимодействия родителей и детей. Респонденты предпочли бы, чтобы их дети высоко ценили семью (73,8%), здоровье (71,8%), а также свободу и самостоятельность в жизни (57,2%).

Семейное образование – это не просто альтернативная форма обучения, это стиль жизни, пропитанный духом фамелизма. Это возможность конструировать не только свой день, но и всю свою жизнь в соответствии с целями семьи и интересами ребенка, фокусируясь на поистине важных и значимых вещах, реализуя намеченный план в комфортной, гармоничной, семейной обстановке под предводительством любящих и заботливых родителей без чрезмерных нагрузок, без привязки к времени и месту, образовательным программам, онлайн-платформам, персоналиям и т.п.

Одной из важнейших задач социально-демографического развития общества является конструирование новой и привлекательной для людей модели семьи в духе тоффлеровского семейного домохозяйства, базирующегося на компьютерной технологии и на интернет-сетевой коммуникации, мультимедийной вовлеченности в производство и творчество. Именно крах совместной деятельности родителей и детей явился причиной институционального упадка семьи. Новая модель семьи-школы и семьи-офиса в связи с её полифункциональностью, позволит соединить труд родителей и детей в рамках совместного семейного производства и образования. Семейное образование и обучение детей непосредственно родителями – новыми учителями, позволит серьезно продвинуться в направлении воссоздания семьи как совместной жизнедеятельности родителей и детей, нуждающихся в друг друге на всем протяжении семейного цикла жизни.

Литература

1. Белоусов К.Ю., Яшина М.Н. Развитие семейного образования в России // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-semeynogo-obrazovaniya-v-rossii> (дата обращения: 10.06.2022)
2. Борисова О.Н. Отцовская вовлеченность: индивидуальные и межстрановые различия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 260–283. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.13.
3. Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10.07.1992. N3266–1 (последняя редакция) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/ (дата обращения: 15.06.2022)
4. Кощенико И.В., Покровская Л.И. Семейное образование как вариативная форма обучения // Знание. Понимание. Умение. № 4, 2015. С. 187–193. doi: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.4.17>.
5. Ляликова С.В., Карпова В.М. Основные вопросы семейного образования: результаты социологических исследований // Социология. – 2022. – № 2. – С. 143–153.
6. О школьном образовании. ФОМ. 20 сентября 2016. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/12868> (дата обращения: 10.06.2022)
7. Об организации получения образования в семейной форме. Письмо Минобрнауки РФ от 15.11.2013 г. № НТ-1139/08, 2013. URL: http://273-фз.пф/akty_minobrнауки_rossii/pismo-minobrнауки-rf-ot-15112013-noit-113908 (дата обращения: 10.06.2022)
8. Россия в цифрах-2020: Крат. стат. сб./Росстат. М., 2020. – 550 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/me->

diabank/GOyirKPV/Rus_2020.pdf (дата обращения: 12.06.2022)

9. Россияне пессимистично оценивают современное школьное образование. Ромир. 26 августа 2020. URL: <https://romir.ru/studies/rossiyane-pessimistichno-ocenivayut-sovremennoe-shkolnoe-obrazovanie> (дата обращения: 11.06.2022)
10. Семья, дети – жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России. Колл. монография Антонов А.И., Жаворонков А.В., Карпова В.М. и др. М.: ФАП и ЦНС, 2015.
11. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012. N273-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 11.06.2022)
12. Ценности семейно-детного образа жизни (СЕДОЖ-2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / под ред. А.И. Антонова / А.И. Антонов, В.М. Карпова, С.В. Ляликова и др. – М.: МАКС Пресс, 2020. – 486 с. URL: <https://clck.ru/spXeF> (дата обращения: 11.06.2022)
13. Якунина А.Н. Семейное образование: мифы и реальность // Социальная педагогика. 2015. № 4. С. 85–90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynoe-obrazovanie-mify-i-realnost> (дата обращения: 10.06.2022)

SOCIOLOGICAL RESEARCH OF THE PHENOMENON OF HOMESCHOOLING

Lyalikova S.V., Antonov A.I.

Institute of Social and Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences, Lomonosov Moscow State University

The article discusses the concept of family education and shows the prospects of this phenomenon in the context of developing a concept for maintaining the high value of the family and children's lifestyle, which is actualized in conditions of low birth rates. The article demonstrates the features of the socio-demographic portrait of parents who prefer the family form of education. Special attention is paid to the content of the concept of "family education" using different methodology. Respondents were not only asked to express their agreement or disagreement with a number of judgments about alternative forms of education that best reflect the essence of the phenomenon under study, in addition, the association method was used. The results of a sociological study show that the choice of family education as an alternative form of education is due to the desire of parents to improve the quality of school education and deepen the knowledge of schoolchildren, as well as educate a child in the tradition of transmitting family values. These aspects are to some extent reflected in the perception of family education by practicing homeschoolers, expressed in the interpretation of family education and its corresponding associations.

Keywords: homeschooling, alternative forms of education, parents, children, family.

References

1. Belousov K. Yu., Yashina M.N. Development of family education in Russia // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2016. Vol. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-semeynogo-obrazovaniya-v-rossii> (date of the application: 10.06.2022)
2. Borisova O.N. Father's involvement: individual and cross-country differences. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2017. Vol. 6. pp. 260–283. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.13.
3. Law of the Russian Federation "On Education" dated 10.07.1992. N3266–1 (latest edition) URL: <http://www.consult->

- ant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/ (date of the application: 15.06.2022) (In Russia)
4. Koshchienko I.V., Pokrovskaya L.I. Family education as a variable form of education // Knowledge. Understanding. Skill. Vol.4, 2015. PP. 187–193. doi: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.4.17>.
 5. Lyalikova S.V., Karpova V.M. Main Issues of Family Education: Results of Sociological research // Sociology. – 2022. – Vol. 2. – PP. 143–153.
 6. About school education. FOM. September 20, 2016. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/12868> (date of the application: 10.06.2022) (In Russia)
 7. On the organization of education in the family form. Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of November 15, 2013 № NT-1139/08, 2013. URL: http://273-fz.rf/akty_minobrnauki_rossii/pismo-minobrnauki-rf-ot-15112013-no-it-113908 (date of the application: 10.06.2022) (In Russia)
 8. Russia in Numbers – 2020: Brief. stat. Sat/Rosstat. M., 2020. – 550 p. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GOyirK-PV/Rus_2020.pdf (date of the application: 12.06.2022) (In Russia)
 9. Russians are pessimistic about modern school education. Romir. August 26, 2020. URL: <https://romir.ru/studies/rossiyane-pessimistichno-ocenivayut-sovremennoe-shkolnoe-obrazovanie> (date of the application: 11.06.2022) (In Russia)
 10. Family, children – life values and attitudes: results of a sociological survey of the population in the regions of Russia. under general editorship of Antonov A.M.: FAP and TsNS, 2015. (In Russia)
 11. Federal Law “On Education in the Russian Federation” of December 29, 2012. N273-FZ (as amended on December 30, 2021) (as amended and supplemented, effective from March 1, 2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of the application: 11.06.2022) (In Russia)
 12. The family-child lifestyle values (SeDOJ-2019): an analytical report on the results of an interregional sociological and demographic study: Moscow, MSU, Faculty of Sociology / under general editorship of Antonov A.I. – M.: MAKS Press, 2020. – 486 p. URL: <https://clck.ru/spXeF> (date of the application: 11.06.2022)
 13. Yakunina A.N. Family education: myths and reality // Social Pedagogy. 2015. Vol 4. PP.85–90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynoe-obrazovanie-mify-i-realnost> (date of the application: 10.06.2022)

Социальные трансформации в условиях институционализации процессов цифровизации национальной экономики

Игумнов Олег Александрович,

кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Московский педагогический государственный университет»
E-mail: oleg_igumnov@mail.ru

В статье представлены результаты анализа отдельных социальных последствий цифровизации экономики России, которые автор рассматривает с позиции их обусловленности процессами цифровизации, а также сопровождающих их новых явлений социальной жизни (динамика структуры рынка труда, прекаризация, сужение сфер продуктивной, творческой деятельности человека вследствие роботизации и т.п.). На основе анализа указанных процессов автор приходит к выводу о необходимости усиления внимания к проблемам развития социального управления в условиях цифровизации и поворота от «умного регулирования» (как фиксации контролирующей функции) и имитации управленческой деятельности к «умному управлению», реализующему технологию социально ориентированного управления. Одним из средств преодоления социального отчуждения индивидов в условиях цифровизации автор предлагает рассматривать социальный капитал организации, в частности, его реляционный компонент.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые технологии, цифровизация, стадия экономического развития, социальные отношения, социальный капитал, социальное взаимодействие, прекаризация, социально ориентированное управление.

Термин «цифровая экономика» находится в научном обороте с 1995 года после публикации работы Н. Негропonte [18]. В настоящее время в экономическом дискурсе нет, пожалуй, более популярного термина, чем «цифровая экономика». Так, по запросу данного термина система Яндекс по состоянию на 15 августа 2022 года предоставила 5 млн записей содержащих понятие «цифровая экономика» (47 тыс. показов в месяц); поисковая система Яндекс – 3 млн записей).

Широкая представленность цифровых технологий в реальном секторе экономики и экономическом дискурсе, тем не менее, не получила полного теоретического осмысления феномена цифровой экономики. В частности, не сложилось общепринятое определение цифровой экономики; нет однозначного представления об использовании термина «цифровая экономика» в качестве характеристики стадии развития экономики. Только начата работа по системному описанию рисков активного развития цифровой экономики, хотя ещё в работах Э. Гидденса содержится предостережение о том, что цифровые технологии и конвергенция несут не только большие возможности, но и непредвиденные риски [4]. Аналогичной точки зрения придерживается и академик РАН В.В. Ивантер: «цифровые технологии не решают новые проблемы – они их создают» [Цит по: 6, с. 21].

Для понимания сущности концепта «цифровая экономика» как одной из стадий экономического развития целесообразно определить стадию как способ производства, предполагающий совокупность орудий, предметов и технологий труда. В перечень указанных факторов, по мнению Г.Б. Клейнера, логично включить и результаты производства. По его мнению, если «основными результатами производства являются материальные продукты, работы или услуги, то экономика находится в стадии индустриального способа производства. Если же непосредственным результатом производства являются нематериальные ценности – данные, информация, знания и т.п., то целесообразно говорить о постиндустриальном способе производства. В развитой цифровой экономике основной результат производства – это цифровые образы реальных товаров, работ или услуг. Соответственно, основными объектами распределения, обмена и потребления также служат цифровые образы товаров, работ, услуг» [10, с. 12].

Основной характеристикой информационного общества выступает персонализация продуктов производства, его ориентация на конкретного индивидуального потребителя [3]. Указанная особенность является ключевой, отличающей производство на стадиях информационного общества и индустриального общества, ориентированного на массовое производство однородной продукции для массового потребления и выступает одной из существенных тенденций экономики первых десятилетий XXI века.

Для определения стадии экономического развития, именуемой цифровой экономикой, необходимо чтобы изменилась не только производственная, но и потребительская функция, в результате чего основным предметом потребления становятся цифровые образы продуктов. Следовательно, цифровую экономику можно было

интерпретировать как стадию общественного развития, необходимо, как минимум, сочетание нескольких принципиальных характеристик: а) цифровые технологии должны стать основой всех процессов экономического цикла, а также связанных с ними процессов логистики и производственных коммуникаций; б) цифровые модели замещают реальные экономические процессы и объекты; в) основным результатом производства выступают не реальные товары, работы и услуги, а их цифровые образы.

Иными словами, по мнению Г.Б. Клейнера, «в основе цифровой экономики лежит технология построения, анализа и применения цифровых моделей экономических, социальных, инженерно-технических и природно-экологических систем. В таких моделях должны концентрироваться знания о человеке, природе, обществе» [10, с. 13]. По сути, в социальном мире активно распространяется символическое потребление, порождённое «символическим» производством, что приводит к утрате подлинных ценностей, связанных с реальными потребностями, а индивидам навязываются ценности статусного потребления.

С позиций социологии данного процесса его можно интерпретировать на основе идеи Ж. Бодрийера о наступлении новой эпохи, когда «люди в обществе окружены не столько, как это было во все времена, другими людьми, сколько объектами потребления», эпохи «неразличимости вещей социальных отношений» [2, с. 5,16], замены социальной реальности симулякрами, а реальному – виртуальным.

Как и любой неустоявшийся концепт, цифровую экономику пытаются определить с различных теоретических подходов. Так, Р. Мещеряков, профессор РАН, доктор технических наук, полагает, что для определения термина «цифровая экономика» возможны 2 подхода. С точки зрения «классического» подхода, цифровая экономика – это «экономика, основанная на цифровых технологиях и при этом правильнее характеризовать исключительно область электронных товаров и услуг». С позиции «расширенного» подхода, «цифровая экономика» – это экономическое производство с использованием цифровых технологий» [20].

Приведённые определения представляются чрезмерно широкими, поскольку содержат понятия с достаточно общим смыслом («экономическое производство», «цифровые технологии») или трудно определяемые понятия («область электронных товаров и услуг» (сочетание «область товаров» представляется крайне некорректным)).

По нашему мнению, отсутствие системы ключевых дефиниций и теоретико-методологических подходов к оценке цифровой трансформации экономики и социальной сферы во многом обусловлены недостаточной операционализацией концепта «цифровая экономика» и его отграничением от аналогичных концептов, осуществление которой позволило бы создать систему статистического измерения, мониторинга и оценки цифровой экономики. Данная научная задача является вызовом для научного сообщества с учётом приоритетности развития цифровой экономики в РФ.

В нашем подходе в рамках заявленной темы статьи мы исходим из понимания *экономики как системы отношений*, прежде всего, социальных, образующих «социальную ткань» отношений собственно экономических (в теории марксизма называемых «производственными отношениями»), а также *экономики как процесса социального взаимодействия*, присутствующего и делающего возможным её функционирование на любых стадиях развития.

При этом мы опираемся на понятие «деятельность» как совместный процесс, в котором индивиды содей-

ствуют. Понятие «со-действие» не просто дополняет понятие «деятельность»; оно, по сути, определяет перспективу анализа, в котором традиционные понятия раскрываются через новые способы их видения и интерпретации. Со-действие логично предполагает со-бытие с другими субъектами, которое, в свою очередь, ведёт к со-изменению и сотворчеству в многообразии взаимодействий и «полифонии связей и зависимостей» [9, с. 57].

Таким образом, со-действие формирует особый фон социальных отношений в организации для формирования её социального пространства и конкурентного преимущества, представленного её социальным капиталом, что даёт возможность трактовать организацию как социальное пространство «со-бытия и со-действия многих» и выделить два аспекта предлагаемой трактовки.

Первый аспект затрагивает взаимодействие различных субъектов, их деятельность, предметные условия, её средства и результаты. В этом взаимодействии субъекты выступают в качестве условий существования друг друга в рамках организации, так или иначе, влияя на результаты деятельности друг друга. Второй аспект имеет более важный, концептуальный характер. В условиях указанного выше социального пространства (в совокупности и связях различий субъектов), дополненного возможностями цифровых технологий, формируется и воспроизводится само поле деятельности организации, то есть контур, в котором реализуется её динамика, о чём писал и К. Маркс, отмечая, что «условия и предметные воплощения процесса сами в одинаковой мере являются его моментами, а в качестве его субъектов выступают только индивиды, но индивиды в их взаимоотношениях, которые они как воспроизводят, так и производят заново» [12, с. 222].

Таким образом, организация как поле деятельности различных, но взаимосвязанных субъектов, функционирование которых взаимообусловлено, может быть представлена как пространство, но не в физическом смысле, а как пространство социальное, образуемое ими и воспроизводимое их взаимообусловленным бытием, в рамках которого и формируется её социальный капитал как совокупность специфических социальных отношений, обуславливающих социальную эффективность и конкурентоспособность.

Реляционное измерение социального капитала непосредственно выражает сущность социального капитала как организационной ценности, основанной на доверии и нормах. Доверие предполагает готовность делиться информацией, уверенность в достоверности получаемой информации, готовность обратиться за помощью и оказать эту помощь коллегам. Управленческому персоналу необходимо использовать технологии управления, направленные на фасилитацию взаимных обменов и обязательств, что чрезвычайно важно в условиях «цифровой отчуждённости».

Интеграция социального капитала как актива в систему управления обеспечит позитивное качественное изменение социальных отношений в организации, развитие и укрепление социального партнёрства, формирование социальной солидарности и общего благоприятного организационного социально-психологического контекста, повышение уровня удовлетворённости и лояльности работников.

Индикаторами сформированности социального капитала организации, по нашему мнению, могут выступать: склонность членов организации доверять друг другу, определяющей способностью к ассоциации и основанной на нормах и ценностях, разделяемых всеми ее членами; делегирование полномочий (оптимум «централиза-

ция – децентрализация»), определяемое уровнем доверия в коллективе: доверие добросовестности работников и наделение их полномочиями и правом на участие в принятии решений обуславливают более ответственное отношение к труду; информированность сотрудников об организационных процессах, знание ими как можно большего количества коллег, определяемые степенью разветвлённости горизонтальных и вертикальных социальных связей (степенью связности) в организации и готовностью к активному взаимодействию; развитие неформальных отношений в организации, обеспечивающих быстрое получение и распространение информации в силу доступности большему количеству работников.

С указанных позиций цифровая экономика может быть интерпретирована и как *система социальных отношений*, основанных на использовании возможностей цифровых технологий. В представленной трактовке сфера анализа процессов цифровизации расширяется, позволяя рассматривать цифровую экономику не в «чистом» виде, а как предмет социологического анализа, который предполагает поиск и интерпретацию «социального в экономическом». Кроме того, подобный подход актуален в связи с повышением интереса к роли социального фактора в процессах трансформации общества, к которым, несомненно, может быть отнесена и его цифровая трансформация.

Цифровизация обуславливает фундаментальные преобразования во всех сферах жизнедеятельности человека. Важно, что технологии при этом становятся не только драйверами формирования и развития новых отраслей и способов производства, но и способствуют трансформации социальных ролей субъектов. Формирующееся «умное» общество основано на ценностях ориентации на потребности человека, гибкости, креативности кардинально меняет как производство и рынок товаров, так и структуру рынка труда, и структуру потребления, трансформируя системы здравоохранения, образования, а также пространственное развитие РФ.

Одним из следствий цифровизации является усложнение технологий производства, приводящее к исчезновению ряда традиционных профессий, автоматизации отдельных трудовых операций и появлению новых профессий. Серьёзным социальным последствием выступает и рост спроса на неалгоритмизируемый труд и творчество, определяемое как «человеческое в человеке» [13], что лишний раз даёт повод констатировать неоднозначность социальных последствий процесса цифровизации.

Не менее серьёзной проблемой является и прекаризация – процесс формирования нового социального слоя, образованного работниками с временной или частичной занятостью, которая носит постоянный и устойчивый характер. Являясь продуктом неолиберализма, предполагающего гибкость рынка труда, изменение размера заработной платы (преимущественно в сторону её снижения) и регулирования уровня занятости, прекаризация представляет собой, по сути, своеобразный внутренний «аутсорсинг», в результате которого собственники средств производства развитых стран предоставляют части экономически активного населения условия труда, сравнимые разве что с условиями труда в странах третьего мира.

Поскольку речь идёт о коренном о населении стран, процесс прекаризации А. Эткинд сравнивает с процессом «внутренней колонизации», под которым понимается «осуществление власти, структурированное различиями» [16, с. 18], апеллируя к работам В.И. Ленина о развитии капитализма в России. Справедливости ради отметим, что ссылки А. Эткинды на работы В.И. Ленина, употреблявшего аналогичный термин, нельзя признать

корректными в силу разности социально-исторического контекста, в условиях которых рождались труды классика.

В частности, В.И. Ленин в своём фундаментальном труде «Развитие капитализма в России» предположил, что в больших континентальных странах, таких как Россия или США, неравномерность внутреннего развития играет роль неравенства между метрополиями и колониями. В этих странах собственные «излишки» должны уходить на колонизацию их внутренних пространств, обеспечивая развитие капитализма. Внутренние неравенства, таким образом, могут играть ту же роль, что и внешние.

Рассуждая о слабо развитых пространствах на Волге, в Сибири и других частях России, В.И. Ленин активно использовал термины «внутренняя колонизация» и «внутренняя колония» [11, с. 593–596]. Очевидно, что В.И. Ленин употреблял данные термины в совершенно ином, более широком, смысле, анализируя не только движение потоков капитала, но и демографические потоки миграции на территориях внутренней колонизации.

Динамика прекаризации представляется достаточно тревожной, поскольку по состоянию на 2018 год средний класс, формировавшийся долго и не без сложностей, и достигший пика своего положения в социально-экономической системе в 70–80-х гг. XX века, фактически приобрёл черты прекариата: неустойчивость социального положения, слабая социальная защищённость, отсутствие многих социальных гарантий, нестабильный доход и депрофессионализация. Данная тенденция имеет характер долгосрочного тренда социального развития, способствуя расширению нового социального слоя – «рикши XXI века». Прекаризация как социальный феномен подтверждает сложность и глубинную связь явлений социальной жизни и амбивалентный характер социально-технического прогресса: прекаризация занятости неизбежно переводит указанный процесс в другие сферы жизни, повышая её нестабильность, сложность жизненных проблем и уровень социального пессимизма.

С развитием цифровых инструментов взаимодействия значительная часть трудовых отношений и целых сегментов занятости переводится в виртуальную среду, что обеспечивает, с одной стороны, повышение гибкости форм занятости, а, с другой стороны, является причиной проблем управления персоналом в дистанционной форме, организации его труда и взаимодействия в условиях, исключающих непосредственные социальные контакты и традиционные формы социального взаимодействия.

Указанные процессы дополняются и сменой трудовых поколений, поскольку уже в ближайшее время рынок труда будет пополняться работниками-представителями поколения Z (1995–2010 гг. рождения), для которых цифровые технологии знакомы практически с рождения. Они имеют практически неограниченный доступ к информации и обладают развитыми цифровыми компетенциями, в связи с чем их называют «цифровыми аборигенами» (*digital natives*), «линкстерами», «iПоколением», «центе-ниалами» и т.п. По данным Бостонской консалтинговой группы, их доля в общей численности занятых в мире к 2025 г. достигнет 25% [21]. Ключевым мотивирующим фактором для представителей поколения Z является возможность личностного развития (прежде всего, не связанного с работой), а не только карьерный рост и уровень оплаты труда, как у предыдущих поколений. Это требует от менеджмента организаций поиска новых источников, изменения тактики подбора и отбора, а также методов мотивации и вовлечённости представителей поколения Z.

Увеличение скорости обмена и расширение средств обмена информацией обострило проблему повышения информационной грамотности, а также и проблему цифрового неравенства и риска «цифрового раскола». Снижение стоимости технологий, вызванное их масштабированием, привело к появлению гаджетов, обеспечивающих активную вовлечённость в социальное взаимодействие людей с ограниченными возможностями здоровья, одиноких пожилых граждан и других категорий.

Вместе с тем, повышение степени «интеллектуальности» цифровых устройств повышает и степень уязвимости их обладателей. Распространение технологий «интернета вещей», по сути, делает каждого потребителя транспарентным для любых заинтересованных лиц и структур, что логично продуцирует спрос на развитие технологий цифровой безопасности, противопоставляемых технологиям хакинга и цифровой преступности.

Отметим и другую социальную проблему, связанную с активизацией процессов роботизации и внедрения искусственного интеллекта. Выводы многочисленных исследований проблем замещения человека роботами в различных отраслях и странах, несмотря на разность концептуальных подходов, достаточно схожи. Так, по данным экономистов К. Фрея и М. Осборна, в США к 2033 году под «натиском» роботизации могут исчезнуть 47% рабочих мест, существовавших в 2018 году. По данным Мирового банка, для Китая эта доля может составить и вовсе 77%. Международная организация труда считает, что даже в таких странах, как Камбоджа, Индонезия, Филиппины, Вьетнам и Таиланд 56% работников подпадают под риск автоматизации [19].

Есть и иные гипотезы. Так, футуролог М. Какку предполагает, что трудовая деятельность будущего (речь идёт о 2050 году) **не будет предназначена для** выполнения роботами, поскольку, прежде всего, будут цениться работники с высоким интеллектом, креативностью, инновационностью и стратегическим мышлением. Это серьёзный вызов системе современного профессионального образования, которое только в 5% стран планеты полностью соответствует социальному заказу со стороны экономики, и ориентировано на формирование компетенций как способностей, а не качеств как предпосылок успешности [7].

Мы не разделяем «цифрового оптимизма» ряда российских экономистов, полагающих, что опасения по поводу указанных процессов преувеличены, поскольку, по их мнению, процесс автоматизации мировой экономики проходит непрерывно и приводит к созданию новых рабочих мест. Кроме того, наши оппоненты, как нам представляется, не в полной мере осознают, что искусственный интеллект способен заместить специфические навыки, выделенные М. Поланьи, которые до недавнего времени рассматривались как исключительно человеческие (распознавание изображений и звука, их алгоритмическая обработка и трансформация, а также тонкая моторика). Это означает сужение перечня сфер деятельности, где человек может быть продуктивнее машины.

Подобные представления отражают, по нашему мнению, оптимистическое искажение, отмеченное в работах Д. Канемана, которое будет полезно напомнить экспертам-«цифровым оптимистам»: «Оптимистическое искажение, возможно, наиболее сказывается на принятии решений. Оно может стать как и удачей, так и бедой, поэтому, если вы оптимист по характеру, вам следует быть настороже» [8, с. 334].

По нашему мнению, доступность и открытость с использованием цифровых технологий, повышая, в определённой степени, качество жизни, приводят и к негативным последствиям, разрушая личное социальное

пространство субъектов, которое ограничивает публичное, социальное, от личного, без которого сложно сохранить субъектность как принципиальное свойство каждого человека. Преодоление границы субъектного и социального с любой целью вряд ли возможно признать обоснованным и корректным по отношению к носителю субъектности.

Отметим, что ещё не проведены исследования социальных последствий постоянного пребывания человека, по сути, в параллельной реальности, «дополненной» и «визуализированной» (в терминах цифровизации), которое в условиях отсутствия непосредственных социальных контактов может привести к появлению и развитию симптомов «социального аутизма», обусловленного невозможностью разграничить реальное и виртуальное пространство. Ряд исследователей для указанной ситуации предлагают термин «цифровой неокапитализм» (Е.И. Наумова, П. Мейсон) или «цифровой авторитаризм» (Д.А. Руцзин).

Цифровые сервисы, формирование и развитие «умных» пространств, несомненно, меняют качество жизни людей, делая её относительно более комфортной. «Умные» пространства представляют собой специфическую эргатическую среду, в которой люди и технико-технологические системы открыто взаимодействуют в связанных и синхронизированных интеллектуальных экосистемах [15].

Подобное взаимодействие обозначает ещё одну проблему – проблему взаимодействия человека с цифровыми инструментами, которые прежде выполняли роль инструмента-посредника, а теперь становятся фактически равноправными «участниками» взаимодействия. В данном случае речь идёт не столько о возможностях инструментов и компетентности пользователей, а об изменении структуры коммуникационного цикла, его когнитивного (содержательного) и реляционного компонентов. Иными словами, привычные паттерны коммуникации, которые позволяли понимать, кто с кем, о чём и по поводу чего коммуницирует, сменяются новыми коммуникационными паттернами, в которых утрачивается то, что А. де С. Экзюпери называл «роскошью человеческого общения», отмечая, что «нет в мире драгоценнее уз, соединяющих человека с человеком».

Указанные выше черты цифровой экономики, как нам представляется, выводят на первый план проблему социально ориентированного управления процессами, порождаемыми цифровизацией. Идея социально ориентированного управления исходит из примата интересов конкретных людей, их социальных групп в рамках социума и постоянного анализа последствий принимаемых управленческих решений.

Проблема управления в условиях цифровизации осложняется гибридизацией форм технического и социального регулирования обратных связей, поскольку рассматривается с двух позиций: концепции «умного регулирования», ориентированной на цифровой контроль, и концепции «умного управления», отличающегося явной социальной ориентацией.

В современной российской управленческой практике (подтверждённой личным опытом работы автора статьи менеджером в бизнес-структурах) достаточно часты факты подмены функций реального социально ориентированного управления функциями цифровой отчётности, основанной на статистическом обобщении данных. По сути дела, в социологии управления актуализирована проблема осуществления социально-ориентированного поворота от цифрового регулирования к «умному управлению» в условиях расширяющейся цифровизации общественной жизни, для

Термин «умное регулирование» (*smart regulation*) предложен австралийскими исследователями Н. Ганнингемом, П. Грабовски и Д. Синклером в 1998 г. [17] в качестве коннотации форм регуляторного плюрализма, включающего гибкие, оригинальные и инновационные формы административного контроля. Под «умным управлением» в социологии управления принято понимать «социально ориентированное управление», который в практике управления фактически подменяется цифровым контролем, или «умным регулированием» [14, с. 75].

Перенесённый в российскую действительность, данный термин, по мнению А.В. Тихонова и В.С. Богданова, стал отражать искажённое понимание цифровизации: не столько как «выверенная концепция социально ориентированных преобразований, выстроенная на научно-исследовательских программах», сколько как «инструмент сбора и фиксации больших данных, с которыми до сих пор не вполне понятно, что делать и как их использовать» [14, с. 76–77].

Некорректное представление о сущности цифровизации и её влиянии на социальную среду способствовало формированию «нового класса» высококвалифицированных управленцев, которых Э. Тоффлер называл «датакратами». Более того, появился целый слой «креативных» технократов, манипулирующих информацией на всех уровнях после того, как информация, полученная с использованием цифровых технологий, прошла процедуру «очистки» и «подгонки» под требуемые критерии.

Помимо искажения самой информации, что само по себе представляется проявлением непрофессионализма, налицо и феномен имитации управленческой деятельности, заключающийся в фактическом искажении социальной ситуации, «подмене предметно-смысловой реальности путём конструирования символической социальной реальности, создания видимости, «кажимости» [5].

Как справедливо отмечает В.П. Бабинцев, «имитация бурной деятельности – одна из типичных черт бюрократического управления. И типичность её нашла свое выражение даже в том, что аббревиатура «ИБД» представляет собой своеобразный маркер в повседневных коммуникациях служащих, свидетельствующий о принадлежности контрагентов к одной профессиональной корпорации» [1, с. 24]. Так, цифровые технологии, призванные выполнить роль инструмента управления, стали, по сути, фактором производства и воспроизводства негативного социального феномена в социальном управлении.

Анализ указанных обстоятельств даёт основание констатировать, что назрела необходимость поворота от имитации управленческой деятельности («умного регулирования») к действительно «умному управлению», которое мы рассматриваем как технологию социально ориентированного управления. В условиях цифровой экономики подобный поворот имеет экзистенциальный характер, обеспечивая институциональную сущность управления как социального феномена, в котором человек выступает в роли субъекта совместной деятельности и обратной связи с другими субъектами процесса.

Особых материальных затрат данный поворот не требует, поскольку его осуществление связано с реализацией социальных программ, направленных на решение актуальных социальных проблем. От по-настоящему профессиональных управленцев потребуются, как минимум, интенция к занятию реальной управленческой деятельностью, а также актуализация знаний об объекте управления как субъекте, сущности, функциях и методах социально ориентированного управления и организации обратной связи в этом процессе.

Литература

1. Бабинцев В.П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // *Власть*. – 2012. – № 5. – С. 24–29.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления / Жан Бодрийяр; [перевод с французского Е.А. Самарской]. – Москва: Издательство АСТ, 2021. – 384 с.
3. Бойченко А.В. Причины возникновения и особенности информационного общества // *Учёные записки Института социальных и гуманитарных знаний*. – Казань. – 2016. – Вып. № 1 (14). – С. 87–92.
4. Гидденс Э. *Неспокойный и могущественный континент: что ждёт Европу в будущем?* – М.: Дело, 2015. – 237 с.
5. Зимин М.В., Виняр В.А. Имитации в системе муниципального управления // *Современные проблемы науки и образования*. – 2012. – № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7753> (дата обращения: 15.08.2022).
6. Иванов В.В. На пороге глобальной гуманитарно-технологической революции. – М.: РАН, 2017. – 33 с.
7. Какку М. *Будущее Разума*. – М.: Альпина Нон-Фикшн, 2020. – 319 с.
8. Канеман Д. *Думай медленно. Решай быстро/ Двигатель капитализма*. – Москва.: Издательство АСТ, 2020. – 653 с.
9. Кемеров В.Е. *Общество, социальность, полисубъектность*. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2012. – 252 с.
10. Клейнер Г.Б. Системные основы цифровой экономики // *Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Специальный выпуск. Декабрь, 2017*. – С. 11–20.
11. Ленин В.И. *Развитие капитализма в России / / Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 3*. – М.: Политиздат, 1967.
12. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* – Т. 46. – Ч. II.
13. Музыченко Е.Р. *Цифровая экономика: перспективы и последствия // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки. Материалы Международной научно-практической конференции.г. Таганрог. 11 июля 2019 года*. – Уфа: ОМЕГА-САЙНС, 2019. – 328 с. – С. 128–131.
14. Тихонов А.В., Богданов В.С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизация обратных связей // *Социологические исследования*. – 2020. – № 1. – С. 74–81.
15. Черкесова Э.Ю., Миронова Д.Д. Состояние и перспективы цифровой трансформации экономики Российской Федерации // *Экономика и предпринимательство*. – 2019. – № 6(107). – С. 107–114.
16. Эткинд А. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Александр Эткинд; авториз. пер. с англ. В. Макарова*. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.
17. Gunningham N., Grabowsky P., Sinclair D. *Smart Regulation: Designing Environmental Policy*. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 494 p.
18. Negroponte N. *Being Digital*. – N. Y.: Knopf, 1995. – 243 p.
19. Прекариат. URL: <https://www.tadviser.ru/a/418007> (дата обращения: 13.08.2022).
20. *Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин*. URL: <https://ria.ru/20170616/1496663946.html> (дата обращения: 8.08.2022).

21. BCG. Россия 2025: от кадров к талантам. URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf (дата обращения: 10.08.2022)

SOCIAL TRANSFORMATIONS IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONALIZATION OF THE PROCESSES OF DIGITALIZATION OF THE NATIONAL ECONOMY

Igumnov O.A.

Moscow Pedagogical State University

The article presents the Russian economy digitalization social consequences analysis results which the author considers from the standpoint of their conditionality by the processes of digitalization as well as the accompanying new phenomena of social life (of the structure of the labor market dynamics, precarization, narrowing of the human productive creative activity due to robotization, etc.). Based on these processes analysis the author comes to the conclusion that it is necessary to increase attention to the social management development problems in the digitalization conditions and a turn from «smart regulation» (as a fixation of the controlling function) and managerial activity imitation to «smart management» implementing the socially oriented management technology. The author suggests considering the social capital of an organization, in particular, its relational component as one of the means of individuals social alienation in the digitalization conditions overcoming.

Keywords: digital economy, digital technologies, digitalization, economic development stage, social relations, social capital, social interaction, precarization, socially oriented management.

References

1. Babintsev V.P. Simulation practices in state and municipal management // *Power*. – 2012. – No. 5. – S. 24–29.
2. Baudrillard J. *Consumer society* / Jean Baudrillard; [translated from French by E.A. Samara]. – Moscow: AST Publishing House, 2021. – 384 p.
3. Boychenko A.V. Causes of emergence and features of the information society // *Scientific notes of the Institute of Social and Humanitarian Knowledge*. – Kazan. – 2016. – Issue. No. 1 (14). – S. 87–92.
4. Giddens E. Restless and powerful continent: what awaits Europe in the future? – M.: Delo, 2015. – 237 p.
5. Zimin M.V., Vinyar V.A. Simulations in the system of municipal management // *Modern problems of science and education*. –

2012. – No. 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7753> (date of access: 15.08.2022).
6. Ivanov V.V. On the threshold of a global humanitarian and technological revolution. – M.: RAN, 2017. – 33 p.
7. Kakku M. *Future of Reason*. – M.: Alpina Non-Fiction, 2020. – 319 p.
8. Kahneman D. *Think slowly. Decide quickly / The engine of capitalism*. – Moscow.: AST Publishing House, 2020. – 653 p.
9. Kemerov V.E. *Society, sociality, polysubjectivity*. – M.: Academic project; Fund “Mir”, 2012. – 252 p.
10. Kleiner G.B. System bases of digital economy // *Philosophy of economy. Almanac of the Center for Social Sciences and the Faculty of Economics of Moscow State University. M.V. Lomonosov. Special issue. December, 2017*. – S. 11–20.
11. Lenin V.I. *The development of capitalism in Russia / Lenin V.I. Full composition of writings. T. 3*. – M.: Politizdat, 1967.
12. Marx K., Engels F. *Op.* – T. 46. – Part II.
13. Muzychenko E.R. *Digital Economy: Prospects and Consequences // Modern Problems and Perspective Directions of Innovative Development of Science. Materials of the International scientific-practical conference. Taganrog. July 11, 2019*. – Ufa: OMEGA-SCIENCE, 2019. – 328 p. – S. 128–131.
14. Tikhonov A.V., Bogdanov V.S. From “smart regulation” to “smart management”: a social problem of digitalization of feedback // *Sociological research*. – 2020. – No. 1. – S. 74–81.
15. Cherkesova E. Yu., Mironova D.D. *State and prospects of digital transformation of the economy of the Russian Federation // Economics and Entrepreneurship*. – 2019. – No. 6 (107). – S. 107–114.
16. Etkind A. *Internal colonization. Imperial experience of Russia / Alexander Etkind; authorization per. from English. V. Makarova*. – M.: New Literary Review, 2013. – 448 p.
17. Gunningham N., Grabowsky P., Sinclair D. *Smart Regulation: Designing Environmental Policy*. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 494 p.
18. Negroponte N. *Being Digital*. – N.Y.: Knopf, 1995. – 243 p.
19. Precariat. URL: <https://www.tadviser.ru/a/418007> (date of access: 08/13/2022).
20. Digital economy: how experts understand this term. URL: <https://ria.ru/20170616/1496663946.html> (date of access: 08/08/2022).
21. BCG. Russia 2025: from personnel to talents. URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf (Date of access: 08/10/2022)

Исследование социального здоровья военнослужащих как фактор профилактики риска воздействия деструктивных факторов

Кифичак Тамара Юрьевна,

адъюнкт кафедры социологии, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: lis.9301@yandex.ru

В статье рассматривается понимание социального здоровья личности и перспективы ее развития. Рассматриваются исторические предпосылки развития данного подхода, а также оценивается его перспективность. Автор обосновывает тезис о том, что существуют профессиональные сферы, в которых имеют место развитые предпосылки ухудшения социального здоровья включенных в них членов общества. В статье обосновывается точка зрения, согласно которой профессиональная сфера военной службы несет в себе значительные предпосылки нарушения социального здоровья военнослужащих, что, в свою очередь, приводит к интенсификации социальных рисков и нарушении целостности и эффективности института армии. На основании проведенного анализа факторов риска и возможных деструктивных форм проявления нарушения социального здоровья военнослужащих, автор обосновывает необходимость углубленного изучения проблематики социального здоровья личности военнослужащих.

Ключевые слова: социальное здоровье, личности, армия, военнослужащие, потребности членов общества, общество, социальное самочувствие, социальные нарушения, социальные риски.

Одним из векторов развития общества на протяжении всей его истории является создание условий для реализации потребностей включенных в него людей, причем, по ходу истории спектр данных потребностей расширяется, начиная с базовых, витальных потребностей, и заканчивая потребностью в самореализации личности. Обратной стороной данного явления становится то, что функции основных общественных институтов ориентированы на минимизацию деструктивных факторов, угрожающих потребностям и интересам членов общества. В этом контексте высокую актуальность приобретает концепция социального здоровья личности, раскрывающая взаимосвязь между биологическим, психологическим и социальным аспектами жизни человека, а также дающая ключ к пониманию приоритетов в развитии и трансформации отдельных институтов, с учетом важности достижения социального здоровья членов общества.

На протяжении длительного времени вопросы психического здоровья, физической целостности организма и социальных условий существования человека рассматривались независимо друг от друга, что породило три обособленных ветви научного познания – медицинские, психологические, социальные науки. Между тем, аспекты существования человека, которые раскрываются на уровне данных направлений научного познания, представляют собой тесно взаимосвязанные явления, которые оказывают существенное влияние друг на друга, и в ряде случаев не могут быть полноценно раскрыты в отрыве друг от друга. Уже в середине XX-го века наметилась тенденция к интеграции данных областей познания, что получило выражение в формировании исследований на стыке социологии и психологии, к числу которых можно отнести работы К. Юнга [10], Э. Фромма [9], а также работ, посвященных биологическим детерминантам социального поведения (например, этологические исследования К. Лоренца [3]). В рамках данных работ происходит постепенное развитие идеи взаимосвязи социального, биологического и психологического аспектов существования человека, что, впоследствии, заложило предпосылки для развития концепции социального здоровья личности.

Понятие социального здоровья личности связывает воедино психологический, социальный и биологический аспекты жизни человека и охватывает, с одной стороны, оптимальное состояние человека в определенный момент времени, с другой – характер внешних и внутренних факторов, собственно, определяющих это состояние. Такого рода комбинированное, комплексное рассмотрение человека позволяет увидеть опосредованное влияние различных факторов и, в том числе, позволяет в рамках оказания помощи отдельным субъектам или целым социальным группам реагировать не на социальные симптомы определенного нарушения, но на область его причин и оснований. Уже это характеризует высокую перспективность исследования социальных проблем с точки зрения концепции социального здоровья личности. Вместе с тем, следует отметить, что сама по себе категория социального здоровья или социального самочувствия носит, во многом, размытый и неопределенный

характер в силу того, что отражаемое ей явление само по себе является сложным. Социальное здоровье – это совокупность факторов внутренней устойчивости субъекта, его реализованная способность к социальной адаптации, сочетающаяся с благоприятным для реализации интересов и потребностей субъекта состоянием внешних факторов.

Исходя из сказанного выше можно заключить о том, что социальное здоровье представляет собой сложную категорию, важнейшими аспектами которой является возможность удовлетворения ключевых потребностей личности, детерминируемая внешними условиями и характером адаптации человека, а также устойчивость по отношению к деструктивным внешним воздействиям. При этом, ранее мы отмечали тот факт, что общество стремится к максимизации социального здоровья включенных в него людей (причем это обосновывается не только соображениями гуманизма, но и прагматическими установками, сообразно которым благоприятные условия существования и наличие позитивных стимулов выступает в качестве одного из мощных факторов эффективности деятельности человека и его конформности). В данном контексте приобретает особый интерес то, что, различные профессиональные сферы характеризуются разным уровнем риска, а также неоднородностью уровня вознаграждения трудовой деятельности. Исходя из этого, можно сделать закономерный вывод о том, что существуют профессии, занятость в которых предполагает высокую интенсивность воздействия деструктивных факторов, и применительно к людям, задействованным в подобного рода профессиях, наибольшую актуальность приобретает вопрос социального здоровья. В данном контексте мы хотели бы обратить внимание на проблематику социального здоровья военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

Для начала следует дать общую характеристику профессиональной среде военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. Прежде всего, следует отметить, что данная профессия сопряжена с высоким уровнем риска получения увечий или смерти, что является, с одной стороны, серьезным показателем деструктивных воздействий, с которыми сталкиваются военнослужащие-контрактники, с другой – выступает в качестве мощного психологического фактора, связанного с переживанием опасностей, с которыми приходится сталкиваться. При этом, психологическое давление, связанное с переживанием потенциальной возможности боестолкновения, может сочетаться с травмирующим опытом, полученным непосредственно в процессе боевых действий. В частности, одним из сравнительно хорошо изученных результатов участия в боевых действиях является посттравматическое стрессовое расстройство, которое определяет деформацию картины мира человека, нарушение восприятия окружающей действительности, формирование неадекватных реакций на «триггерные» явления, похожие на элементы травмирующего опыта (например, взрывы петард), возникновение психосоматических нарушений [5] и т.д.

Помимо обозначенного выше аспекта, непосредственно проистекающего из функциональной определенности профессии военнослужащего, следует отдельно обратить внимание на то, что сами по себе Вооруженные Силы представляют собой общественный институт, в рамках которого реализуются специфические отношения и практики взаимодействия, отличные от социальных практик, реализуемых в гражданской среде. И в данном случае мы хотели бы обратить внимание на два ключевых аспекта социального здоровья военнослужащих:

- социальные условия, детерминированные институциональной структурой института армии и формальными регуляторами, определяющими форму и порядок взаимодействия военнослужащих;
- неформальные практики, реализуемые в рамках взаимодействия военнослужащих между собой.

Что касается первого аспекта, следует обратить внимание на то, что армия представляет собой иерархически организованную структуру, в которой права и возможности субъекта в значительной мере определяются его статусом, а само по себе поведение военнослужащего в значительной мере детерминировано уставом, должностными инструкциями и приказами вышестоящих. В данном контексте следует отметить, что включенность в подобного рода жесткую структуру уже оказывает значительное давление на военнослужащих; в свою очередь, наличие человеческого фактора в данном случае может играть как смягчающую, так и усугубляющую роль, в зависимости от личных качеств представителя командного состава. И последнее может являться источником существенных рисков для военнослужащих. В свою очередь, сфера неформального взаимодействия военнослужащих также таит в себе существенные риски, связанные с возникновением конфликтных ситуаций между военнослужащими, обладающими сходным формальным статусом, однако располагающими разным уровнем опыта пребывания в структуре Вооруженных Сил. Попытки формирования неформальной иерархии в среде военнослужащих порождают неблагоприятные ситуации, зачастую, сопровождающиеся открытым конфликтом и проявлениями насилия [6], что также не способствует сохранению психического и физического здоровья военнослужащих.

Таким образом, мы приходим к пониманию того, что военнослужащие сталкиваются с воздействием многочисленных факторов риска, связанных с возможностью нарушения их социального здоровья. Уже это свидетельствует о том, что детализация проблематики социального здоровья применительно к профессиональной сфере воинской службы имеет высокую степень значимости, поскольку мы говорим о социальной группе, в значительной степени уязвимой по отношению к деструктивным социальным факторам в силу рискогенного характера выбранной профессии. Вместе с тем, помимо этого следует обратить внимание на то, что социальное самочувствие [8] военнослужащих является, в том числе, одним из серьезных факторов адекватного и эффективного выполнения ими возложенных на них должностных обязанностей. Рассмотрим данный аспект подробнее.

Ранее сама по себе тематика социального здоровья личности рассматривалась нами исключительно в контексте интересов конкретного рассматриваемого человека. Исходя из этого рассмотрение различного рода неблагоприятных состояний осуществлялось, прежде всего, с целью демонстрации их воздействия на конкретного субъекта, чье социальное самочувствие ухудшилось по причине нарушения адаптации или воздействия неблагоприятных внешних факторов. Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что нарушение социального здоровья – это, в том числе, явление, определяющее изменение социальной активности субъекта и, в частности, создающее предпосылки для отклонения его действий от нормы. Мы можем выделить в данном контексте следующие неблагоприятные состояния:

- нарушение мотивации, впадение в апатичное, неактивное состояние;
- радикальная переоценка ценностей, сопровождающаяся утратой моральных ориентиров или их изменением;

- проявление агрессии как форма выражения социальной неудовлетворенности субъекта;
- реализация делинквентного поведения, направленного на окружающих или самого себя [1].

Прежде всего, следует отметить, что нарушение мотивации военнослужащего, утрата им боевого духа – это очень серьезное состояние, определяющее снижение эффективности выполнения им боевых задач. Неслучайно отдельные исследователи ставят знак равенства между боевым духом и боеспособностью военнослужащих [7]. В этом контексте наличие социальных факторов, подрывающих мотивацию военнослужащих к адекватному выполнению служебных обязанностей, представляет собой одну из значимых угроз боеспособности вооруженных сил. Именно поэтому, в частности, деморализация противника, начиная с древних времен, выступает в качестве одного из элементов эффективного ведения военных действий [2].

Что касается радикальной переоценки ценностей, следует отметить, что в данном случае изменения могут носить вариативный характер, начиная с утраты причин для действия (что восходит к первому из рассмотренных неблагоприятных сценариев), и заканчивая легитимацией отклоняющегося поведения в сознании субъекта. Чаще всего подобного рода изменения сопровождаются трансформацией мировоззрения, предполагающей обоснование приемлемости отклоняющегося поведения несовершенством окружающей социальной среды. В частности, например, речь может идти о злоупотреблении служебными полномочиями, хищении государственной собственности и т.д.

Одной из важных проблем является риск активизации социальной агрессии в среде военнослужащих и, в том числе, их переход к делинквентному поведению. Это может проявляться как в развитии конфликтных ситуаций между военнослужащими, обладающими равным статусом, так и в проявлении агрессивного поведения по отношению к нижестоящим или вышестоящим. Последнее может принимать крайнюю форму в виде физической расправы, примером чему может выступить инцидент в Воронежской области, произошедший в 2020 году [4].

В этом контексте следует обратить внимание на несколько важных моментов, определяющих специфику проявления обозначенных выше «симптомов» нарушения социального самочувствия в среде действующих военнослужащих, а также людей, оставивших военную службу. Во-первых, профессиональная сфера воинской службы предполагает повышенную меру ответственности, связанную с допуском к оружию и военной технике, что определяет необходимость неукоснительного следования должностным инструкциям. Во-вторых, армия представляет собой иерархически устроенную организацию, что определяет наличие властных полномочий у ряда военнослужащих, что также налагает на них значительную меру ответственности. Наконец, военнослужащие в рамках прохождения службы не только получают доступ к оружию, но также приобретают разнообразные боевые навыки и проходят активную физическую подготовку, в связи с чем приобретают расширенные боевые возможности, что, в свою очередь, несет в себе значительные риски при условии столкновения бывшего или действующего военнослужащего с кем-либо в рамках конфликтной ситуации. Все это в совокупности позволяет сделать два важных вывода:

- военнослужащие характеризуются повышенным риском нарушения социального здоровья;
- нарушение социального самочувствия военнослужащих несет в себе значительно большие социаль-

ные риски, нежели ухудшение социального самочувствия людей, занятых в других сферах, что связано со спецификой института армии, а также ресурсами, доступными и потенциально доступными военнослужащим.

Исходя из этого становится понятно, что изучение социального здоровья военнослужащих и, в частности, условий формирования их социального самочувствия, как факторов, нарушения его, входит в число приоритетных направлений исследовательской деятельности ввиду высокой социальной значимости данной проблематики.

Литература

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. Текст. /Э. Дюркгейм. Пер. с фр. с сокр.: Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. – 399 с.
2. Касюк А.Я. Информационное противоборство: генезис и первые шаги // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 3 (836). – с. 157–172.
3. Лоренц К. Так называемое зло / пер. с нем. А.И. Федорова. – М.: Культурная революция, 2008. – 350 с.
4. Нервный срыв: срочник расстрелял сослуживцев под Воронежем / информационный портал gazeta.ru // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/11/09/13353061.shtml> (дата обращения: 14.08.2022)
5. Смекалкина Л.В. Психосоматическая патология и механизмы её развития у военнослужащих в отдаленном периоде боевого стресса // Известия ЮФУ. Технические науки. 2009. № 7. – с. 124–130.
6. Сыпачев С.В. Институциональные предпосылки неуставных отношений в армии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 3. – с. 112–118
7. Торкунова О. И., Петровская М.В., Емельяненко А.А. Психолого-педагогический анализ понятия «честь» в сознании курсантов военного вуза // КПЖ. 2018. № 3 (128). – с. 179–185.
8. Филимонов О.В. Социальное самочувствие офицеров внутренних войск – участников боевых действий в Северо-Кавказском регионе: сущность, состояние и пути повышения. М., ВУ. 2003 г.с. 18–19.
9. Фромм Э. Бегство от свободы. Пер. с англ. А. Лактионова. – М.: АСТ; АСТ Москва, 2009. – 284 с.
10. Юнг К. Архетип и символ. – М, 1991. – 304 с.

THE STUDY OF THE SOCIAL HEALTH OF MILITARY PERSONNEL AS A FACTOR IN THE PREVENTION OF THE RISK OF EXPOSURE TO DESTRUCTIVE FACTORS

Kifichak T. Yu.

Military University named after Prince Alexander Nevsky

The article discusses the understanding of social health of the individual and the prospects for its development. The historical prerequisites for the development of this approach are considered, as well as its prospects are evaluated. The author substantiates the thesis that there are professional spheres in which there are developed prerequisites for the deterioration of the social health of the members of society included in them. The article substantiates the point of view according to which the professional sphere of military service carries significant prerequisites for the violation of the social health of military personnel, which, in turn, leads to the intensification of social risks and violation of the integrity and effectiveness of the institute of the army. Based on the analysis of risk factors and possible destructive forms of manifestation of violations of the social health of military personnel, the author justifies the need for in-depth study of the problems of social health of the personality of military personnel.

Keywords: social health, of the individual, army, military personnel, needs of members of society, society, social well-being, social disorders, social risks.

References

1. Durkheim E. Suicide: A sociological study Text. /E. Durkheim. Per. from fr. with abbr.: Ed. V.A. Bazarov. M.: Thought, 1994. – 399 p.
2. Kasyuk A. Ya. Information confrontation: genesis and first steps // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2019. No. 3 (836). – With. 157–172.
3. Lorenz K. The so-called evil / trans. with him. A.I. Fedorova. – M.: Cultural Revolution, 2008. – 350 p.
4. Nervous breakdown: a conscript shot his colleagues near Voronezh / gazeta.ru information portal // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/11/09/13353061.shtml> (date of access: 08/14/2022)
5. Smekalkina L.V. Psychosomatic pathology and mechanisms of its development in military personnel in the late period of combat stress. Izvestiya SFU. Technical science. 2009. No. 7. – With. 124–130.
6. Sypachev S.V. Institutional prerequisites for hazing in the army // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 3. – With. 112–118
7. Torkunova O. I., Petrovskaya M.V., Emelianenko A.A. Psychological and pedagogical analysis of the concept of “honor” in the minds of cadets of a military university // KPZh. 2018. No. 3 (128). – With. 179–185.
8. Filimonov O.V. Social well-being of officers of the internal troops – participants in hostilities in the North Caucasus region: essence, state and ways of improvement. M., VU. 2003 pp.18–19.
9. Fromm E. Escape from freedom. Per. from English. A. Laktionova. – M.: AST; AST Moscow, 2009. – 284 p.
10. Jung K. Archetype and symbol. – M, 1991. – 304 p.

Особенности социального поведения поколения Z в цифровой среде: сравнительный анализ студентов и старшеклассников

Толстикова Ирина Ивановна,

кандидат философских наук, доцент факультета технологического менеджмента и инноваций НИУ ИТМО
E-mail: tolstikova_irina@mail.ru

Игнатъева Ольга Анатольевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры политического управления, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: o.a.ignatyeva@spbu.ru

Кондратенко Константин Сергеевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры политического управления, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: kondratenkoks@inbox.ru

Плетнев Александр Владиславович,

кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
E-mail: venger.vin@rambler.ru

Цифровая среда оказывает все большее влияние на социализацию молодежи. Современные школьники были вовлечены в цифровую коммуникацию с рождения и считают её неотъемлемой частью жизненного мира. Это обстоятельство отличает современных школьников от современных студентов, которые сохраняют элементы «аналогового» мышления, свойственного более старшим поколениям. Целью представленного исследования был анализ различий социального поведения внутрипоколенческих возрастных страт и выявление характера влияния цифровой социализации как главной причины данных различий. Ранняя цифровая социализация современных школьников привела к восприятию ими виртуальной реальности как естественной части социального взаимодействия и появлению практик самоорганизации с целью нормативного регулирования поведения в цифровой среде. Цифровое взаимодействие тесно связано также с особенностями современной экономики, которая крайне динамична и чутко реагирует на быстрое изменение трендов потребительского поведения. Это приводит к распространению индивидуалистических ценностей среди современных школьников, формированию у них готовности быть мобильными и постоянно находиться в курсе всех происходящих изменений. Младшие представители поколения Z относятся к образованию крайне прагматично, желают получать актуальные знания, которые можно быстро использовать для получения дохода. Они серьезнее старших относятся к последствиям виртуальной коммуникации, однако ответственность за совершенные поступки рассматривают с прагматической, а не с аксиологической точки зрения.

Ключевые слова: поколение Z, цифровая социализация, внутрипоколенческие различия, коммуникативные практики, цифровая культура, социальные нормы.

Введение

В данной статье рассматривается трансформация поведения старшей и средней возрастной когорты поколения Z (студенты и школьники). Базовой гипотезой исследования является существование сдвига социального поведения средней когорты поколения Z по сравнению со старшей в сторону нормативности, адаптивности и сужения круга коммуникации в цифровом пространстве. Вторая гипотеза исследования заключается в обосновании специфики принятия решений представителями средней возрастной когорты поколения Z в качестве базового компонента готовности к коммуникации в цифровой среде. Для подтверждения этих гипотез коллективом исследователей проведен сравнительный анализ данных опроса старшей и средней возрастных когорт «цифрового поколения», а также факторный анализ ответов, полученных в результате опроса. Коллектив авторов полагает, что полученные результаты имеют значимость как для углубления понимания социальных процессов, так и для изучения развития человеко-машинного взаимодействия в современном обществе.

Обзор литературы

Исследования поколенческой проблематики имеют давние корни, но особую актуальность они приобрели после выхода в свет работ Н. Хоува и В. Штрауса [2], ныне базовых, а также публикаций современных ученых Д. Тапскотта, Дж. Палффри и У. Гассера, Д. Стиллмана, Дж. Смолл и Г. Воргана [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9], внесших вклад как в теорию поколений в целом, так и введением понятий, обозначающих первое полностью цифровое поколение – поколение Z [10] («генерация сети») (NET-generation или N-generation); первое цифровое поколение и его тенденции рассматриваются Дж. Палффри и У. Гассером и т.д.).

В настоящее время изучение нового феномена – цифрового поколения Z, переживающего сложный период своей социализации в обществе, в котором доминирует поколение с меньшей цифровой укорененностью, – обращает внимание исследователей к междисциплинарному подходу. Но, практически, междисциплинарные исследования отсутствуют, а комплексные исследования еще весьма малочисленны [11, с. 419–443; 12; 13; 14] – системные исследования по России и странам СНГ были начаты в 2003 г. в рамках проекта «RuGenerations – Теория поколений в России» под руководством Е. Шамис и Е. Никонова [15]; в 2015–2017 реализовано комплексное междисциплинарное исследование по теме «Цифровое поколение. Портрет в контексте образования» под руководством М.Р. Мирошкиной [16], и некоторые другие (к примеру, исследования авторов данной статьи [17]). Факторы, определяющие специфику поколения Z, определены в работах Н.В. Богачевой и Е.В. Сивак «Мифы о поколении Z» [18].

Исследование новой информационно-коммуникативной практики в цифровых сетях, присущей phygital-поколению Z, с новыми характеристиками свободы, самодентификации и самореализации, приводит к формированию новых направлений исследований, в том

числе и изучение логики изменения когнитивных процессов под воздействием новой цифровой среды. Так, теме просоциального и асоциального цифрового поведения, которые различаются способами построения коммуникации в цифровой среде и имеют специфические характеристики когнитивной, мотивационной и эмоциональной сфер, посвящено исследование московских психологов [19], которые поставили целью определить логико-категориальные характеристики антисоциального цифрового поведения, связанного с особенностями мотивационной сферы интернет-пользователей. При этом важно отметить существенное замечание авторов, проанализировавших зарубежный контент по тематике, что термин «цифровое поведение» еще не определен и обладает неустойчивым статусом субъективно определяемого и «как перечень характеристик, описывающих активность пользователей в цифровой среде в виде целостной системы действий, связанных с особенностями коммуникативной, когнитивной, мотивационной и эмоциональной сфер человека, в проанализированной литературе мы не встретили» [19, с. 62]. К сожалению, подобных исследований, ориентированных на выявление специфики выходящего на авансцену экономической и политической жизни поколения Z, нет. Одной из попыток является исследование, результаты которого предлагаются в данной статье и являющееся частью лонгитюдного исследования социализации поколения Z.

Теоретико-методологические основания исследования

Эта статья представляет собой третий этап исследования поколения Z. Серия исследований в этом направлении началась в 2019 году. На этот раз цель данного исследования – выявить особенности социального поведения студентов и старшеклассников в цифровой среде.

Программа исследования и анкета разрабатывались с учетом теоретической концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана [20], являющейся выражением теоретико-методологического подхода социального конструктивизма. Интерпретация, для которой характерна индуктивная логика исследования, заложила основы гносеологической направленности нашего исследования.

Мы использовали два опроса. Первый опрос состоялся в 2019 году среди студентов первого и второго курсов Санкт-Петербурга. Выборку составили 300 студентов (респонденты в возрасте 18–20 лет, обучающиеся в вузе). Текущий опрос с использованием того же инструментария был проведен осенью 2021 года среди младшей возрастной группы поколения Z – школьников десятых и одиннадцатых классов общеобразовательных школ Санкт-Петербурга. Объем выборки составил 231 респондент. Небольшой размер выборки обусловлен трудностью доступа к этой возрастной группе. На всех этапах гендерное распределение выборки было следующим: 45% респондентов составляли женщины и 55% мужчины. Эта доля выборки соответствует гендерной структуре жителей России в возрасте от 15 до 30 лет [21]. Выборка, составленная из жителей Санкт-Петербурга (особенно студентов), в целом отражает интересы студенчества в России, поскольку на протяжении всей истории северная столица служила аттрактором для активной и талантливой части населения нашей страны. Среди школьников также высока доля жителей других регионов, так как рост населения Санкт-Петербурга в течение последних двадцати лет также происходит за счет регионов.

Ограничения исследования были связаны со спецификой объекта. Сложно отделить особенности восприя-

тия и изменения действительности поколением Z, связанные со спецификой этой когорты, от процесса первичной и вторичной социализации под влиянием социальных институтов. Мы понимаем эти ограничения.

Особенности социального поведения поколения Z в цифровой среде

В рамках анализа результатов анкетного опроса проводилось сравнение возрастных групп, составляющих поколение Z. При сопоставлении ответов представителей фиджитал поколения, относящихся к школьному и студенческому возрасту, одной из главных задач было выявление таких отличий этих возрастных страт, которые являются социально обусловленными, а не возникшими как следствие возрастных изменений, характерных для любого поколения.

Представители младшей возрастной страты поколения Z демонстрируют более выраженные индивидуалистические и прагматические ценностные ориентации. Об этом в частности свидетельствуют ответы на вопрос о том, готовы ли респонденты скачать книгу или фильм с пиратского бесплатного ресурса (рис. 1). О недопустимости подобного поведения заявили 5,3% студентов и 12,1% старшеклассников. Воспользуются в случае крайней необходимости «пиратским» контентом 41,3% студентов и 43,7% старшеклассников, а воспользуются в любом случае 5,3% и 12,1% респондентов соответственно. Данные результаты являются следствием особенностей цифровой социализации младших представителей поколения Z, которые ощущают себя не только пользователями, но и наполнителями интернета. Если в интернете первого поколения пользователь мог быть только пользователем в собственном смысле этого слова, то каждый современный старшеклассник имеет опыт создания контента и при ответе на указанный вопрос неизбежно ставит себя на место автора, которому не будет выплачен гонорар.

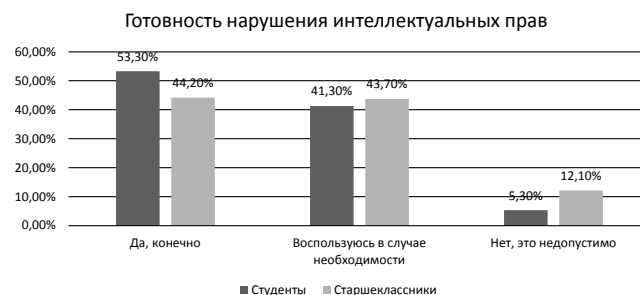


Рис 1. Соблюдение интеллектуальных прав

Другим свидетельством индивидуалистических ориентаций старшеклассников являются ответы на вопрос о том, чье мнение для них важно при решении проблем через социальные сети. Свое мнение, но с учетом мнения других, назвали наиболее важным 74% респондентов в обеих возрастных группах. Мнение участников взаимодействия считают наиболее важным 13% студентов и 10% старшеклассников, а только собственное мнение считают самым важным 13% студентов и 16% старшеклассников. Рассмотренная тенденция индивидуализации младших представителей цифровых аборигенов является следствием не только социализации в киберпространстве, но и распространения коронавирусной инфекции. Перевод школьников на дистанционное обучение и отрыв от непосредственного общения со сверстниками способствовал тому, что старшеклассники стали в большей степени опираться на собственное мнение.

При изучении последствий цифровой социализации младших представителей поколения Z были получены крайне интересные результаты в сфере профессиональной мотивации (рис. 2). Главной причиной выбора карьеры для 40,7% студентов и 39% старшеклассников стало желание заработать много денег и быстро, а наличие актуальных мест в экономике определило выбор карьеры для 29% студентов и 27,3% старшеклассников. При этом тенденции массовой культуры (престижные профессии) стали решающим фактором для 29,3% студентов и 33,3% старшеклассников. Влияние государственных СМИ на выбор карьеры поколением Z находится на уровне статистической погрешности. Эти результаты свидетельствуют о несколько ином понимании своих прагматических интересов младшими представителями фиджитал поколения. Как уже было отмечено выше, они ощущают себя творцами контента интернета и подлинными цифровыми аборигенами. Они высоко ценят популярность в интернете «хайп» и полагают, что подобную популярность можно быстро превратить в реальные деньги. Этим старшеклассников мотивируют истории успеха молодых людей, получивших финансовый успех именно таким образом.

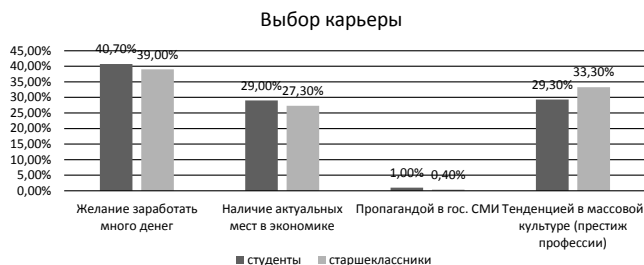


Рис 2. Причины выбора карьеры

Представителям поколения Z был также задан вопрос об их отношении к троллингу в сети (рис. 3). Допустимыми по отношению к любому человеку практики троллинга считают 30,3% студентов и 26,8% старшеклассников, а допустимыми по отношению к категорически отрицательной личности 23,3% студентов и 18,2% старшеклассников. Недопустимым по отношению к любому человеку троллинг считают 46,3% студентов и 55% старшеклассников. Отрицательное отношение старшеклассников к практикам троллинга вызвано их большей включенностью в виртуальное пространство в целом и в виртуальные сообщества в частности. Представители виртуальных сообществ вынуждены сами осуществлять модерацию и устанавливать правила поведения в сообществе. Указанные обстоятельства порождают самоорганизацию в интернете и способствуют большей ориентации младших представителей поколения Z на этические нормы.



Рис 3. Отношение к троллингу

Аналогичные результаты были получены при ответе респондентов на вопрос о том, как они определяют гра-

ницы того, что можно делать в интернете. На основании закона определяют границы дозволенного 16,7% студентов и 22,9% старшеклассников в то время как нормы морали являются определяющими для 71,3% студентов и 69,3% старшеклассников. «По понятиям» определяют границы дозволенного 12% студентов. Ориентация младших представителей цифрового поколения на закон является следствием все большей формализации социальных отношений. Этому способствует и внедрение цифровых технологий, позволяющих государству лучше контролировать каждого индивида. Вероятно, это приведет к тому, что в российском обществе постепенно будет исчезать понятие «решать по справедливости» и люди станут чаще обращаться к формальным нормам и институтам.

Студенты из числа поколения Z существенно лучше старшеклассников осознают цели своего пребывания в интернете (рис. 4). Для коммуникации его используют 28,3% респондентов, а для поиска информации 33,7%. В то же время среди старшеклассников только 1,7% респондентов используют интернет для коммуникации и 6,5% для поиска информации, а подавляющее большинство (91,7%) не смогли определить то, для каких целей они используют интернет. Этот результат свидетельствует о большей рефлексивности старших представителей поколения Z и является естественным следствием взросления.



Рис 4. Цели использования интернета

В результате опроса были получены следующие ответы на вопрос «Сколько времени Вы проводите в Интернете?» (рис. 5) 36,10% студенческой молодежи ответили, что проводят в Интернете от 4 до 6 часов, тогда как среди школьников этой когорты 39,40% проводят в Интернете от 4 до 6 часов. Другая часть респондентов проводит в Интернете в среднем от 1 до 3 часов в день. Ответы распределились следующим образом: 31,40% опрошенных среди студентов и 34,20% среди школьников. Вариант «Все время, кроме сна, провожу в Интернете» выбрали 7,70% студентов и 9,10% школьников. Таким образом, можно утверждать, что у нижнего конца поколения Z наблюдается тенденция к увеличению времени, проводимого в Интернете.



Рис 5. Количество времени, проводимого в Интернете

Также в ходе анкетирования младшей и старшей возрастной границы было выявлено, что возраст начала пользования Интернетом и гаджетами почти совпадает для обеих возрастных групп. Пользоваться интернетом до 3 лет начали 1% студентов и 1,7% старшеклассников. В возрасте от 3 до 5 лет начали использовать интернет 8% студентов и 3,9% школьников. В период 6–8 летнего возраста приобщились к интернету 36% студентов и 37,7% школьников. Чуть больше половины студентов и школьников (55% и 56,8% соответственно) начали использовать Интернет и гаджеты в возрасте от 9 до 12 лет.

Помимо этого, считаем необходимым привести данные о склонности к использованию анонимного стиля общения у представителей поколения Z в разных возрастных категориях, так как это будет важным моментом в выстраивании отношений между молодежью и властью, представленной в социальных сетях. Так, на вопрос «Как Вы предпочитаете общаться в сети?» вариант «анонимно» выбрали 3,30% опрошенных студентов и 4,80% опрошенных школьников. Общаться под вымышленным именем. Готовность к общению открыто и под своим именем проявили 85% учащихся. Среди школьников доля респондентов, готовых общаться под своим именем ниже и составляет 73,20%. Выявленная тенденция в результате опроса видно, что старшая группа поколения Z более открыта к общению и готова брать на себя ответственность за поведение в социальных сетях, так как имеет большую десятку склонность к общению под своим именем, в отличие от представителей нижней границы этой когорты.

На вопрос о важности одобрения ваших слов окружающими 20,30% опрошенных студентов и школьников ответили, что им все равно. 57,30% студентов выбрали вариант, что им важно одобрение близких друзей. Этот показатель ниже у школьников и составляет 46,30% опрошенных. Интересно, что для школьников мнение и одобрение близких гораздо важнее, чем для студентов. Это соотношение составляет 29,90% среди опрошенных школьников и 13,30% среди опрошенных студентов. Очевидно, что влияние семьи на представителей нижней границы поколения Z сильнее, чем на студенческую молодежь, что, скорее, связано не с внутренними различиями между возрастными группами, а с особенностями, в целом характерными для взросления. Вариант о важности одобрения слов онлайн-знакомыми выбрали 9% опрошенных студентов и только 1,3% опрошенных школьников. Важность мнения учителей выбрали 2% школьников. Таким образом, для обеих возрастных групп поколения Z важна поддержка «других», но это «близкие другие», поэтому необходимо усилить работу в рамках молодежной политики, делая акцент внимания не только на молодежь, а на их семьи.

И, наконец, обратимся к последнему вопросу этого блока. Это вопрос «Вам важно оценивать свои действия в Интернете (например, лайки)?». Вариант «лайк» и другие способы одобрения действий в Интернете очень важны для 5,3% студентов и 3,9% школьников. 45,30% студентов выбрали вариант ответа «Да, скорее важно». Доля школьников, выбравших этот вариант, составила 32,9%, т.е. ниже, чем у представителей старшей возрастной группы этого поколения. Среди старшеклассников очень высока доля (63,20%) тех, кому не важны лайки, репосты и другие способы одобрения в Интернете. Доля студентов значительно ниже и составляет 48%. Если для учащихся еще важны «лайки», то нижняя граница поколения Z более индивидуализирована. Поэтому тенденцию к индивидуализации внутри поколения Z как новой возрастной когорты, приобретающей все большее

влияние в обществе, необходимо учитывать при разработке молодежной политики, а также выстраивании стратегии поведения представителей власти в социальных сетях и их модераторы.

Представленные результаты позволяют охарактеризовать младших представителей поколения Z как прагматиков и индивидуалистов, уважающих моральные нормы и законы государства. Они еще более плотно вовлечены во взаимодействие в цифровом пространстве, чем нынешние студенты. Социальные характеристики описанной возрастной группы внутри поколения Z аналогичны соответствующим характеристикам представителей западного общества больше, чем у представителей любого другого российского поколения.

Анализ результатов факторного анализа склонности принятия плюрализма мнений старшеклассниками

Факторный анализ будет использован для данных опроса старшеклассников (нижней границы поколения Z), поскольку студенты были исследованы нами в предыдущих публикациях. Для выявления латентных факторов, объединяющих наблюдаемые переменные, характеризующие склонность старшеклассников к принятию плюрализма мнений, был проведен факторный анализ с использованием статистического пакета SPSS. Для проведения факторного анализа переменные были преобразованы в бинарные по принципу 1-изучаемое качество присутствует и находится в фокусе внимания исследователя, 0 – изучаемое качество выражено слабо или отсутствует. База данных для факторного анализа сформирована на основе анкетирования старшеклассников в октябре 2021 года.

Предварительное тестирование данных показало, что эти данные могут быть использованы для проведения факторного анализа с учетом значений КМО (критерий Кайзера-Майера-Олкина) и критерия сферичности Бартлетта. Результаты факторного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1. Матрица компонентов после вращения

Матрица повернутых компонент^a

	Компонента				
	1	2	3	4	5
Представление абстрактных понятий	0,682		0,337		
Совет для устройства в ТНК	0,649				
Способы подготовки доклада		0,782			
Готовность к обсуждению серьезных тем		0,748			
Отношение к старым идеологиям			0,693		
Решение об использовании легких наркотиков			-0,634		
Отношение к экстремистским лозунгам друга в интернете				0,781	

	Компонента				
	1	2	3	4	5
Желание поделиться личными проблемами	-0,385			-0,634	
Выбор карьеры					0,821
Выбор отношения к эвтаназии					0,591

Метод выделения: Анализ методом главных компонент.
Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера.
а. Вращение сошлось за 10 итераций.

Проведенный факторный анализ позволил вскрыть пять латентных факторов, влияющих на склонность старшеклассников к принятию плюрализма мнений в процессе социального конструирования реальности. В каждый фактор были включены переменный с факторной нагрузкой выше 0,4.

Первый фактор можно обозначить как «Способность к абстрактному мышлению и специфика принятия решений», поскольку он включает наблюдаемые переменные «Представление абстрактных понятий», «Совет для устройства в ТНК».

Следующий фактор можно определить, как «Степень погружения в проблему». Он включает такие переменные как «Способы подготовки доклада», «Готовность к обсуждению серьезных тем».

Третий фактор можно обозначить как «Принятие новых ценностей». В этот фактор входят наблюдаемые переменные «Отношение к старым идеологиям», «Решение об использовании легких наркотиков».

Четвертый фактор «Дифференциация личного и публичного» базируется на таких наблюдаемых переменных как «Отношение к экстремистским лозунгам друга в интернете», «Желание поделиться личными проблемами».

Пятый фактор «Решение важных проблем» состоит из переменных «Выбор карьеры», «Выбор отношения к эвтаназии».

Данные, используемые в выявленных факторах получены в результате факторного анализа и представляют собой стандартизованные величины со средним ноль и стандартным отклонением единица. Таким образом, факторный анализ позволил выявить основные факторы, влияющие на склонность младшей возрастной группы поколения Z к принятию плюрализма мнений. Это способность к абстрактному мышлению, степень погружения в проблему, способность к принятию новых ценностей, дифференциация личного и публичного, решение важных проблем. Способность поколения Z к оценке разных мнений и самостоятельному мышлению необходимо учитывать при разработке направлений молодежной политики.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило сформулированные во введении гипотезы. Сравнительный анализ данных опросов показал расхождения в оценках старшей и средней возрастных когорт поколения Z в сторону нормативности (меньшая готовность к нарушению интеллектуальных прав, недопустимость троллинга в сети, меньшее количество времени, проводимого в интернете, более позднее начало использования гаджетов), адаптивности (использование интернета для коммуникации и поиска информации, лучшее усвоение тенденций для карьерно-

го роста, большая склонность к анонимности) и сужению круга общения в интернете (меньшая значимость «внешнего» одобрения посредством лайков или высказывания мнения). Эти тенденции указывают одновременно на несколько аспектов. Во-первых, виртуальная коммуникация постепенно перенимает социальные нормы реального мира. Убежденность пользователей в том, что «в интернете можно позволить себе больше», постепенно уходит в прошлое. Школьники, по сравнению со студентами, более умеренны в таких высказываниях. Во-вторых, большая адаптивность указывает и на процесс социального привыкания к новым технологиям. В 2018 году коллективом авторов был проведен анализ российских научных публикаций, связанных с цифровой социогуманитаристикой, который показал, что большая часть работ в качестве отправной точки имеет негативную оценку воздействия интернета на человека и на молодежь, в частности [21]. Вероятно, период изоляции во время пандемии COVID-19 повлиял на смягчение оценки российского общества цифровых технологий. Наконец, в-третьих, сужение круга общения в интернете у школьников может быть объяснено как влиянием родителей на процесс воспитания и обучения, так и на тенденцию российского общества, связанную с дефицитом социального доверия. По всей видимости, доверчивость homo soveticus уступает место недоверчивости нового российского общества.

Коллектив авторов достаточно четко фиксирует поведенческий сдвиг в российском обществе, отчетливо наблюдаемый в молодежной среде: поколение Z не желает, чтобы кто-либо принимал решения за него и его судьбу. Желание самостоятельности и ответственности, выявленное в результате факторного анализа, заставляет думать о последствиях собственных поступков как в виртуальном, так и реальном мире. Надо полагать, что интернет вносит существенный вклад в такое видение реальности «цифровыми аборигенами». Возможно, выбор понимается молодежью не в экзистенциальном или ценностном аспектах, а в утилитарном и потребительском, в следствие чего угроза увязнуть на этом уровне ответственности может стать вполне реальной. Однако пролить свет на эти вопросы смогут уже другие исследования.

Литература

1. Ignatjeva O., Kondratenko K., Pletnev A., Tolstikova I. Generation Z and Its Value Transformations: Digital Reality Vs. Phygital Interaction // Digital Transformation and Global Society. DTGS 2020. Communications in Computer and Information Science. St. Petersburg, Russia. 2020. Revised Selected Papers. Springer, 2020. Vol. 1242. P. 47–60.
2. Strauss W. Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. NJ: Morrow, 1991. 538 p.
3. Tapscott D. Grown up Digital: How the Net Generation is Changing Your World. NJ: McGraw-Hill, 2008. 384 p.
4. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. Vol. 9. № 5. P. 1–6.
5. Bauerlein M. The Dumbest Generation: How the Digital Age Stupefies Young Americans and Jeopardizes Our Future (Or, Don't Trust Anyone Under 30). NJ: Tarcher, 2009. 272 p.
6. Carr N. Is Google Making Us Stupid? What the Internet is doing to our brains! // The Atlantic: сайт. [2008]. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868/> (дата обращения: 23.07.2022).
7. Carr N. The Shallows: What the Internet is Doing to Our Brains. NJ: W.W. Norton and Co, 2010. 295 p.

8. Small G., Vorgan G. *iBrain: Surviving the Technological Alteration of the Modern Mind*. NJ: HarperCollins Publishers, 2008. 256 p.
9. Стиллман И., Стиллман Д. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. М.: МИФ. 2018. 272 с.
10. Ignatjeva O., Kondratenko K., Pletnev A., Tolstikova I. *Generation Z and Its Value Transformations: Digital Reality Vs. Phygital Interaction // Digital Transformation and Global Society*. DTGS 2020. Communications in Computer and Information Science. St. Petersburg, Russia. 2020. Revised Selected Papers. Springer, 2020. Vol. 1242. P. 47–60.
11. Синергетическая парадигма: когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания: сборник научных трудов / отв. ред. Л.П. Киященко; Российская Академия Наук, Институт философии РАН. М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 561 с.
12. Никонорова Е.В. Культура и устойчивое развитие: основания взаимовлияния и контуры интеграции // *Обсерватория культуры*. 2016. Том 13, № 6. С. 644–651.
13. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.
14. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // *Вопросы философии*. 2013. № 1. С. 74–84.
15. Шамис, Е., Никонов Е. Теория поколений: необыкновенный Икс. М.: Университет «Синергия», 2016. 140 с.
16. Мирошкина М.Р. Интерпретации теории поколений в контексте российского образования // *Ярославский педагогический вестник*. 2017. № 6. С. 30–35.
17. Tolstikova I., Ignatjeva O., Kondratenko K., Pletnev A. *Designing educational trajectories for generation Z: identifying cognitive factors // Communications in Computer and Information Science*. 2022. Vol. 1503. P. 266–279.
18. Богачева Н. В., Сивак Е.В. Мифы о «поколении Z». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.
19. Погожина И.Н., Подольский А.И., Идобаева О.А., Подольская Т.А. Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей: логико-категориальный анализ. Обзор зарубежных исследований // *Вопросы образования*, № 3, с. 60–94.
20. Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. Hamb.: Anchor, 1966. 219 p.
21. Население России по полу и возрасту 2022 (на 2021): статистика, распределение // *Statdata.ru*: сайт. [2022]. URL: statdata.ru/nasel_pol_vozr (дата обращения: 24.07.2022).
22. Анализ развития публикационной активности в России по теме: «Интернет и современное общество» (1990–2017 гг.): отчет о НИР (итог.). – СПб.: НП ПРИОР Северо-Запад, 2018. 31 с.

FEATURES OF THE SOCIAL BEHAVIOR OF GENERATION Z IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: COMPARATIVE ANALYSIS OF STUDENTS AND HIGH SCHOOL STUDENTS

Tolstikova I.I. Ignatjeva O.A. Kondratenko K.S. Pletnev A.V.
ITMO University, Saint-Petersburg State University, SPb University of Internal Affairs Ministry

The digital environment has an increasing impact on the socialization of young people. Modern schoolchildren have been involved

in digital communication since birth and consider it an integral part of the life world. This circumstance distinguishes modern schoolchildren from modern students, who retain elements of the “analog” thinking characteristic of older generations. The purpose of the presented study was to analyze the differences in social behavior of intragenerational age strata and to identify the nature of the influence of digital socialization as the main reason for these differences. The early digital socialization of modern schoolchildren led to their perception of virtual reality as a natural part of social interaction and the emergence of self-organization practices in order to regulate behavior in the digital environment. Digital interaction is also closely related to the features of the modern economy, which is extremely dynamic and sensitive to the rapid change in consumer behavior trends. This leads to the spread of individualistic values among modern schoolchildren, the formation of their readiness to be mobile and constantly be aware of all the changes that are taking place. The younger representatives of generation Z are extremely pragmatic about education, they want to receive relevant knowledge that can be quickly used to generate income. They are more serious than the elders about the consequences of virtual communication, but they consider responsibility for committed actions from a pragmatic, and not from an axiological point of view.

Keywords: generation Z, digital socialization, intragenerational differences, communication practices, digital culture, social norms.

References

1. Ignatjeva O., Kondratenko K., Pletnev A., Tolstikova I. *Generation Z and Its Value Transformations: Digital Reality Vs. Phygital Interaction // Digital Transformation and Global Society*. DTGS 2020. Communications in Computer and Information Science. St. Petersburg, Russia. 2020. Revised Selected Papers. Springer, 2020. Vol. 1242. P. 47–60.
2. Strauss W. Howe N. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. NJ: Morrow, 1991. 538 p.
3. Tapscott D. *Grown up Digital: How the Net Generation is Changing Your World*. NJ: McGraw-Hill, 2008. 384 p.
4. Prensky M. *Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon*. 2001 Vol. 9. No. 5. P. 1–6.
5. Bauerlein M. *The Dumbest Generation: How the Digital Age Stupifies Young Americans and Jeopardizes Our Future (Or, Don't Trust Anyone Under 30)*. NJ: Tarcher, 2009. 272 p.
6. Carr N. *Is Google Making Us Stupid? What the Internet is doing to our brains! // The Atlantic: website*. [2008]. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868/> (accessed 07/23/2022).
7. Carr N. *The Shallows: What the Internet is Doing to Our Brains*. NJ: W.W. Norton and Co, 2010. 295 p.
8. Small G., Vorgan G. *iBrain: Surviving the Technological Alteration of the Modern Mind*. NJ: HarperCollins Publishers, 2008. 256 p.
9. Stillman I., Stillman D. *Generation Z at work. How to understand him and find a common language with him*. М.: МИФ. 2018. 272 p.
10. Ignatjeva O., Kondratenko K., Pletnev A., Tolstikova I. *Generation Z and Its Value Transformations: Digital Reality Vs. Phygital Interaction // Digital Transformation and Global Society*. DTGS 2020. Communications in Computer and Information Science. St. Petersburg, Russia. 2020. Revised Selected Papers. Springer, 2020. Vol. 1242. P. 47–60.
11. Synergetic paradigm: cognitive and communicative strategies of modern scientific knowledge: collection of scientific papers / ed. L.P. Kiyashchenko; Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy RAS. М.: Progress-Tradition, 2004. – 561 p.
12. Nikonorova E.V. *Culture and sustainable development: grounds for mutual influence and contours of integration // Observatory of Culture*. 2016. Volume 13, No. 6. S. 644–651.
13. Reingold G. *Smart crowd: a new social revolution*. М.: FAIR-PRESS, 2006. 416 p.
14. Emelin V.A., Tkhostov A. Sh. *Babylonian Net: Erosion of Truth and Diffusion of Identity in the Space of the Internet // Problems of Philosophy*. 2013. No. 1. S. 74–84.
15. Shamis, E., Nikonov E. *Theory of Generations: Extraordinary X.M.*: Synergy University, 2016. 140 p.
16. Miroshkina M.R. *Interpretations of the theory of generations in the context of Russian education // Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2017. No. 6. P. 30–35.

17. Tolstikova I., Ignatjeva O., Kondratenko K., Pletnev A. Designing educational trajectories for generation Z: identifying cognitive factors // Communications in Computer and Information Science. 2022 Vol. 1503. P. 266–279.
18. Bogacheva N. V., Sivak E.V. Myths about the “Generation Z”. M.: NRU HSE, 2019. 64 p.
19. Pogozhina I.N., Podolsky A.I., Idobaeva O.A., Podolskaya T.A. Digital behavior and features of the motivational sphere of Internet users: logical-categorical analysis. Review of Foreign Studies // Educational Issues, No. 3, p. 60–94.
20. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge. Hamb.: Anchor, 1966. 219 p.
21. Population of Russia by sex and age 2022 (as of 2021): statistics, distribution // Statdata.ru: website. [2022]. URL: statdata.ru/nasel_pol_vozr (date of access: 07/24/2022).
22. Analysis of the development of publication activity in Russia on the topic: “Internet and modern society” (1990–2017): research report (total). – St. Petersburg: NP PRIOR North-West, 2018. 31 p.

Система гражданской экспертизы в социальном управлении вооружённых сил Российской Федерации

Евенко Сергей Леонидович,

доктор псих. наук, профессор, зав. кафедры социологии, ФГК ВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: slevenko@yandex.ru

Гореликов Евгений Сергеевич,

кандидат военных наук, докторант кафедры социологии, ФГК ВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: general85@yandex.ru

В данной статье подробно раскрываются основные научные подходы в рамках исследования системы гражданской экспертизы в социальном управлении вооружённых сил как в современной России, так и в других странах в настоящие дни. Проведенный теоретический анализ исследований отечественных и зарубежных ученых в области изучения гражданской экспертизы как социологического явления позволил выделить в рамках этой статьи существующие фундаментальные принципы функционирования гражданской экспертизы в отношении вооружённых сил Российской Федерации с точки зрения современной методологии социологической науки. В процессе проведения анализа были произведены выявление и систематизация ключевых моделей, по которым формируется экспертный состав для реализации общественной экспертизы, а также основных факторов социального значения гражданской экспертизы, оказывающих непосредственное влияние на успешность процесса социального управления Вооружённых сил Российской Федерации в условиях современной глобальной геополитической обстановки.

Ключевые слова: гражданская экспертиза, социальное управление, вооружённые силы, военная социология, социология управления.

Актуальность проблемы

В новейшей российской истории становление и реализация деятельности демократических институтов столкнулись с рядом существенных затруднений. В процессе их преодоления, Российская политическая система претерпела значительные институциональные изменения в течение последних десятилетий. В числе целого ряда различных направлений в научных дисциплинах, изучающих данные явления, данный процесс привел, в частности, к повышению теоретико-методологического и практического интереса в отечественной науке к тематике гражданской экспертизы, выступающей в роли одного из институтов современной демократии.

Исследование гражданской экспертизы дает возможность получить комплексное представление о процессах возникновения, развития и укрепления современных отечественных демократических институтов и государственных организаций, включая Вооружённые Силы Российской Федерации, что обусловлено тесной взаимосвязью между гражданской экспертизой и методами общественного контроля над действиями властей. Гражданская экспертиза является высокоэффективным инструментом, с помощью которого общество может привлекать дополнительные ресурсы и направлять их на усиление процесса выработка властью управленческих решений, отвечающих интересам социума [4].

Руководство Российской Федерации в настоящее время строго придерживается ранее заявленного интензивного курса на модернизацию общества. Однако для его полной реализации видится целесообразным привлечение существенных дополнительных ресурсов. В их числе находится и активизация потенциала граждан страны, объединённых в структуры гражданского общества [1].

Для выявления актуально действительных моделей и практик гражданской экспертизы в демократическом процессе, а также для учёта связи её содержания и форм с различными факторами, включающими в себя историческое развитие, целевой институциональный дизайн, политический строй и т.д., используется анализ барьеров социокультурного и институционального характера, исследующий процессы развития и функционирования гражданской экспертизы. Поскольку в Российской Федерации на сегодняшний день идёт проектирование и конструирование гражданского общества по элементам, достаточно важным и актуальным с научной точки зрения представляется исследование процесса становления и развития гражданской экспертизы в нашем обществе. Её особенности, такие как социокультурные, политико-институциональные и организационно-правовые, важны для понимания как с институциональной точки зрения, так и с практической, касающейся непосредственно применения связанных с ней специфических социальных технологий.

Научное понятие экспертизы в наибольшей степени применяется к конкретно определённым областям человеческой деятельности. В большинстве случаев оно выражает ключевой признак, характеризующий суть исследования, например: медицинская, оценочная, экологиче-

ская, судебная, гендерная и т.д. Экспертиза занимается анализом различных законодательных сводов и разделов права, таких как конституционное, трудовое, семейное, пенсионное, уголовное, а также законодательная база, связанная с женскими репродуктивными правами.

Гражданская экспертиза не зависит от органов государственной власти. Данное явление представляет собой анализ общественно значимых практик с целью проверки их на соответствие интересам общества. Заказчиком и исполнителем экспертизы является непосредственно само общество. По сути своей, понятия гражданской и общественной экспертизы практически тождественны. Единственная разница между ними заключается в том, что понятие гражданской экспертизы имеет несколько более высокий уровень политической ангажированности; она направлена на анализ практик с точки зрения соответствия интересам граждан, тогда как общественная экспертиза изначально несколько более нейтральна [6].

Гражданский мониторинг является частью комплекса гражданской экспертизы. Он представляет из себя систематический, постоянно или регулярно проводимый сбор информации, касающейся вопросов соблюдения законных интересов и гражданских прав представителями органов местного самоуправления и государственной власти. При этом данный процесс обязан осуществляться негосударственными субъектами. В тесной связи с мониторингом выступает гражданский контроль, то есть постоянное непосредственное наблюдение за соблюдением законных интересов и прав граждан [7].

Средства массовой информации, такие как газеты, журналы, радио, телевидение и веб-сайты, играют значительную роль в организации гражданского контроля и мониторинга. При этом СМИ могут выражать интересы определённых организаций, общественных структур и даже политических партий. Органы Федеральной службы государственной статистики предоставляют информацию, на которой базируется деятельность общественного контроля. В первую очередь здесь имеются в виду данные от счётных палат, деятельность которых принципиально связана с гласностью.

Согласно Указа Президента Российской Федерации Владимира Путина, по приказу министра обороны РФ Сергея Иванова в декабре 2006 года был создан Общественный совет при министерстве обороны РФ [1]. Перед данной организацией в качестве основных задач были поставлены необходимость максимального учёта интересов общества в ходе разработки и реализации государственной оборонительной политики. Фактически, это означало внедрение реального гражданского контроля над армией, последовательно вписывающегося в демократические институты современного российского государства.

Президент РФ при этом лично руководит деятельностью совета, который функционирует в качестве совещательного органа. Его решения носят исключительно рекомендательный характер, поскольку в противном случае чрезмерное усложнение структуры командования вооружёнными силами могло бы привести к коллапсам или даже коллапсу в непредвиденных и неконтролируемых обстоятельствах.

В данный совет входят шесть комиссий. Их области деятельности посвящены различным направлениям жизнедеятельности ВС РФ, а именно:

- общественная экспертиза проектов нормативных правовых актов и федеральных законов, разрабатываемых в МО РФ;
- социальная и юридическая поддержка и защита военнослужащих и гражданского персонала;

- культурное шефство и различные виды взаимодействия с общественными организациями и религиозными структурами;
- обеспечение безопасности воинской службы;
- контакты со средствами массовой информации;
- повышение привлекательности и престижа воинской службы.

Для обеспечения гражданского контроля над вооружёнными силами необходима транспарентность всего, что не засекречено в целях государственной безопасности. Граждане демократического государства имеют право знать о положении дел в вооружённых силах, которым доверена важнейшая задача по защите страны и её населения, и которые содержатся на средства, получаемые из уплачиваемых гражданами государства налогов. При этом значительная часть информации о вооружённых силах, не относящаяся к категории государственной тайны, тем не менее, удерживается от широкой огласки в обществе и в социальных институтах, таких как средства массовой информации, общественные организации, исследовательские центры и даже государственная дума. К этой информации относятся, в частности, структура и состав вооружённых сил, расположение и планы мероприятий, программы реформирования и оснащения. Не обладая подобными сведениями, не представляется возможным выяснить, например, насколько эффективно используются выделенные на вооружённые силы средства, и в должном ли объёме они выделяются.

Неполная доступность информации потенциально может открывать возможности для манипулирования ресурсами, которые были выделены для решения задач, стоящих перед вооружёнными силами. Однако в последние годы наметилась тенденция к расширению открытости оборонной сферы, которую большинство экспертов оценивает положительно [4, 7]. В литературе можно найти существенное количество материалов, в которых раскрывается текущее положение дел в вооружённых силах [7, 9]. В частности, в них представлены сводки расходов федерального бюджета в области государственной обороны, с детализацией сведений об обеспечении личного состава вооружённых сил, организации боевого и материально-технического обеспечения, расходов на вооружение и т.д. Это свидетельствует об актуальности исследования системы гражданской экспертизы в контексте социального управления вооружённых сил РФ.

Краткий обзор литературы

В настоящее время в научной среде уже нет серьёзных возражений относительно необходимости учитывать экспертные мнения в процессе принятия управленческих решений. Однако на практике руководители зачастую учитывают рекомендации экспертов довольно выборочно. Существует несколько вариантов моделей взаимодействия между властью и экспертами, а также задействованных в этих процессах экспертных функций.

Этот вопрос в своих работах рассмотрели, в частности, М.Е. Карягин и А.Ю. Сунгуров (2017) [7]. С их точки зрения, понятие экспертизы подразумевает констатацию заключений специалистов в определённых областях, изложенных со всей соответствующей данной проблематике аргументацией по поручению уполномоченных структур власти. При этом в отдельных случаях, непосредственно властных поручений не было зафиксировано. Экспертизу специалисты проводили по собственной инициативе, исходя из соображений гражданской ответственности. Таким образом, встает вопрос: являются ли подобные ситуации случаями гражданской экспертизы?

В настоящее время как в государствах со стабильной демократией, так и в странах с гибридным политическим режимом обсуждается необходимость вовлекать в процессы подготовки управленческих и политических решений не только народных избранников, но и рядовых граждан. Подразумевается, что эти граждане не являются в полной мере буквально «рядовыми» с точки зрения эгалитарности системы отбора. Они должны обладать некоторым представлением как минимум о сути тех вопросов, которыми им предстоит заниматься. Некоторые исследователи считают, что в таких случаях одним из способов достижения цели может выступать концепция так называемой делиберативной демократии, которую развивают К. Фишкин, Дж. Бассет и другие исследователи [5, 8]. Данная концепция предполагает, что представители гражданского общества в ходе взаимодействия с приглашёнными экспертами при совместном обсуждении общественно-значимых проблем постепенно приобретают некоторый уровень экспертной компетентности, тогда как сами эксперты обогащаются более «приземлёнными» компетенциями, позволяющими им лучше понимать нужды гражданского общества за пределами академических учреждений.

Д. Кин [10] предложил похожую концепцию мониторинговой демократии. Её смысл заключается в том, что для последовательного грамотного мониторинга или системного контроля деятельности управляющих структур, занимающиеся данным вопросом гражданские активисты обязаны обладать некоторым уровнем компетенции как в сути проблем, решаемых властью, так и в устройстве самих властных структур, в их механизмах, закономерностях и ограничениях. Освоение такого рода знаний возможно только в результате регулярного и конструктивного сотрудничества между гражданскими активистами и представителями экспертного сообщества.

Цель исследования

Данная статья обобщает результаты зарубежных исследований и отечественных исследований на тему практик общественной и/или гражданской экспертизы. Это обобщение применяется на практике к социальному управлению структурами Вооружённых Сил Российской Федерации.

Обсуждение результатов

Ещё в начале 2000-х гг. среди учёных, политиков и гражданских активистов начались дискуссии на тему понятия общественной экспертизы. Ее начало прослеживается с момента формирования сообщества негосударственных организаций, которое провело в 2001–2004 годах ряд различных гражданских форумов. В этих мероприятиях принимали участие лидеры наиболее заметных общественных организаций, что в свою очередь привело к тому, что руководство страны обратило внимание на данное движение. В ноябре 2001 г. в Москве состоялся первый из этих форумов, в котором принял участие лично Президент РФ Владимир Путин [6]. Три последующих форума были проведены в Приволжском федеральном округе. Их принимали следующие города: Тольятти в 2002 г., Нижний Новгород в 2003 г. и Пермь в 2004 г.

В ходе дискуссий на этих форумах были поставлены следующие вопросы: кто является общественными экспертами и что из себя представляет общественная экспертиза? Предполагалось провести некоторое разделение между общественной и профессиональной экспертизой, но Г. Павловский поставил значимый для данной проблематики вопрос: не является ли в этом случае общественная экспертиза малопрофессиональной, от-

носящейся ко второму сорту, и если так, то является ли ее проведение целесообразным? [6].

В. Бакштановский и Ю. Согомонов [4] в итоге выдвинули свою точку зрения на итоги данной конференции. Им принадлежит замечание об опасности и нежелательности придания интерпретации институционального или организационного видения природы гражданского общества абсолютного характера. Такой подход приводит к восприятию общества безлюдно-механистичным образом, поскольку в такой парадигме оно состоит не из живых граждан, а из обезличенных организаций.

Также эти специалисты обратили внимание на существование двух основных моделей общественной экспертизы (табл. 1).

Таблица 1. Основные модели общественной экспертизы по В. Бакштановскому и Ю. Согомонову

№	Тип модели	Сущность модели
1	Меритократическая	Традиционно используется в профессиональных экспертных сообществах, основана на принципах меритократии, т.е. «власти достойных». В качестве экспертов здесь выступают граждане, обладающие требуемыми экспертными компетенциями, т.е. признанные способными к оценке, которая была бы признана авторитетной
2	Демократическая	Используется широкими слоями гражданского общества. При этом граждане, проводящие экспертизу, не обязаны обладать никакими компетенциями, а подбор экспертов осуществляется из принципов эгалитаризма и широкой доступности всем слоям населения

Значительный экспертный потенциал демократической экспертизы наилучшим образом проявляется в гуманитарных вопросах, когда акцент ставится на ценностных основаниях морального выбора, стоящего перед субъектом любых масштабов, будь то индивидум, группа или общество [4, 8].

М.К. Горшков [6] также выделяет ряд форм гражданского участия в общественной деятельности. Это гражданские форумы, общественные советы, гражданский контроль, гражданское лоббирование, публичные слушания, законодательная инициатива граждан и т.д. Одной из сравнительно новых и не слишком подробно изученных разновидностей такого участия является гражданская экспертиза. Несмотря на довольно широкую распространённость практики применения данного термина как в современной публицистике, так и в научных работах, остаются не до конца ясными как вопросы его сущностного наполнения, так и методы практического применения в деятельности по управлению общественными процессами. Нередко на практике возникает ситуация, в которой гражданская экспертиза лишь формально упоминается в рамках некоторого рабочего процесса. При этом отсутствует определённость, не существует указания на конкретные нормативные акты, которые могли бы регламентировать гражданскую экспертизу как таковую и предоставить гражданам более осязаемые возможности по непосредственному управлению государством. В то же время, на социальное значение гражданской экспертизы оказывает существенное влияние ряд факторов, которые необходимо принимать во внимание как при организации институтов экспертизы, так и при проведении исследований (табл. 2).

Таблица 2. Факторы социального значения гражданской экспертизы

№	Фактор	Влияние фактора
1	Общественный характер гражданской экспертизы как таковой	Хотя гражданскую экспертизу можно проводить в рамках любой темы или проекта, её первоочередной фокус направлен на оценку общественно значимых последствий принимаемых решений и возможных результатов деятельности. Также существенным является тот факт, что граждане участвуют в управлении обществом благодаря использованию социальных механизмов, таких как сама гражданская экспертиза
2	С помощью гражданской экспертизы возможно лоббирование интересов конкретных общественных групп	В современной Российской Федерации недостаточно сильно представлены возможности лоббирования общественных интересов, которые слишком часто остаются не услышанными. Различные организации, проводящие гражданскую экспертизу, занимаются сбором и выражением интересов определённых социальных групп
3	Гражданская экспертиза формирует и проявляет гражданскую активность	Фактически гражданская экспертиза является социальной технологией, с помощью которой проводится институционализация взаимодействия общественных организаций с органами власти, что позволяет учитывать общественное мнение в ходе принятия управленческих решений
4	Гражданская экспертиза выдаёт внешнюю независимую оценку общественно важных результатов возможных управленческих решений	Когда гражданская экспертиза становится частью процесса принятия решений, оказывается необходимым её специальное изучение как с позиции органа или лица принимающего решения, так и с позиции исполняющего работу по гражданской экспертизе

Когда гражданская экспертиза применяется в региональном управлении, становится важным наличие возможности определить такое понятие как социальный результат, или же эффект ее проведения. Смыслом и сутью гражданской экспертизы является выявление общественно значимых результатов или социальных эффектов управленческих решений различного масштаба, принимаемых на разных уровнях, и имеющих к ним отношение причинно-следственных связей. Эти решения могут находиться на любом этапе управленческого цикла в рамках конкретной темы или проекта. Специфика гражданской экспертизы в каждой отдельной области имеет свои особенности, поскольку социальные проявления управленческих решений могут радикально отличаться друг от друга.

В рамках гражданской экспертизы именно эксперты находятся в субъектном статусе. В обычном понимании экспертами могут быть квалифицированные специалисты в определённой области, которых привлекают для проведения экспертизы, консультирования и т.д., но в рамках гражданской экспертизы также находят своё применение общественные деятели, обладающие

скорее контекстуальным пониманием происходящего и более широким, нежели глубоким взглядом на рассматриваемую ими проблематику. Работа гражданских экспертов позволяет получить дополнительные сведения об объекте экспертизы, спрогнозировать результаты потенциальных управленческих действий и, если это возможно, скорректировать их в целях общественного блага.

В Центральном регионе РФ проводились исследования, показавшие, что не только население в целом, но и эксперты с представителями власти готовы видеть в качестве возможных экспертов, приглашённых для оценки вопросов регионального управления, не только «учёных-экспертов», но и «общественные объединения» и даже «любых граждан». Однако наблюдения показывают, что отнюдь не все органы государственного и муниципального управления проявляют интерес во взаимодействии с подобными участниками гражданской экспертизы [5]. Этот факт можно объяснить тем, что вышеозначенные эксперты могут дать действительно объективную оценку деятельности органов власти, что не всегда соответствует субъективным интересам некоторых лиц, принимающих решения на местах. Подобная практика приводит к тому, что ни общественность, ни политическое руководство страны не оказываются удовлетворёнными деятельностью государственного аппарата в отдельных частях государства. Аналогичная проблема возникает и в управлении вооружёнными силами.

В посланиях Президента РФ, адресованных Федеральному Собранию РФ, данный вопрос неоднократно поднимался [2]. Компетентный и ответственный общественный контроль имеет потенциал быть одним из самых влиятельных факторов, улучшающих деятельность работы государственных структур, как гражданских федерального или регионального значения, так и военных. Благодаря развитию и распространению подходящих для той или иной области экспертных навыков граждане могут более активно влиять на политику органов власти, а также воздействовать на общественный дискурс. Экспертное сообщество, интегрированное в системы управления должным образом, способно благотворно повлиять на поддержание демократических принципов, соблюдение прав человека, продвижение важных для общества ценностей.

Общественные организации и объединения, действующие на уровне регионов, в наибольшей степени тяготеют к различным разновидностям взаимовыгодного и конструктивного взаимодействия со структурами власти. Опрос, проведённый в 2018 году, выявил, что 74,13% участников таких организаций стремятся к сотрудничеству с органами власти [2]. Эти региональные общественные организации могут проводить гражданскую экспертизу в таких областях как соблюдение прав человека в тех или иных сценариях, последствия реализации различных местных проектов и влияние их на качество жизни населения, социально-психологический климат в коллективе или ином общественном срезе и т.д.

Но, соответственно социологическому исследованию от 2019 года [8], более 60% членам общественных организаций не приходилось принимать участие в проведении гражданских экспертиз. В экспертизе областных законопроектов не участвовало 69,01%. В проектах решений, которые были приняты государственными или муниципальными органами, экспертизу не проводили 61,97%. Региональные или муниципальные программы остались без внимания 60,56% экспертов. Экспертизу кадровых решений не проводили 69,01% экспертов.

В демократическом государстве государственные институты, включая вооружённые силы, должны обла-

дать транспарентностью. Это необходимое условие для наличия гражданского контроля над их деятельностью. Обширная мировая и, к сожалению, отечественная практика убедительно демонстрирует, что в изолированных государственных структурах, лишённых общественных проверок и не дающие обратной связи, рано или поздно возникают коррупционные схемы и прочие нарушения, негативно влияющие на эффективность данных структур. Для вооружённых сил государства подобный результат в особенности недопустим.

Положение дел в вооружённых силах, деятельность оборонной промышленности и оборонной сферы в целом желательно нужно приводить к большей открытости. Например, статья 208 Бюджетного кодекса предусматривает, что секретные статьи федерального бюджета должны рассматриваться в ходе закрытых заседаний палат Федерального Собрания РФ [3]. Однако без доступа к актуальным статистическим данным становится затруднительно оценивать российские расходы на оборону. В большинстве государств сведения такого рода не являются засекреченными. При этом Россия предоставляет необходимые данные о расходах на оборону в соответствии с международными договорённостями, например в ежегодник СИПРИ. Отечественные специалисты, пытающиеся дать гражданскую экспертизу того или иного аспекта оборонной промышленности, порой бывают вынуждены пользоваться открытыми зарубежными источниками [9]. Подобная ситуация с точки зрения исследования данной тематики представляется неоптимальной.

Исходя из анализа научной литературы по данному направлению представляется, что современная система гражданского контроля должна распространять секретность лишь на те сведения, которые должны храниться в тайне от возможного противника на случай потенциального военного столкновения. Например, на сайте Минобороны США любой посетитель может ознакомиться с перечислением техники, которую закупила армия США за последние финансовые годы [6]. Военная тайна распространяется лишь на определённые значения характеристик техники, тогда как сам факт наличия того или иного танка или самолёта не скрывается. Число действительно секретных программ и статей в США очень невелико, большая часть информации находится в открытом доступе. Благодаря этому становится возможным оценка эффективности и обоснованности расходов по военным статьям.

Подобные меры секретности в отдельных случаях в значительной мере исключают возможности проведения независимой экспертизы по вопросам эффективности и рациональности расходов военного бюджета и их обоснований, а также контроля исполнения бюджета, в первую очередь целевого использования выделенных по документам средств.

В 2007 году в открытый доступ попали сведения по некоторым подразделам в определённых объёмах [7]:

- Вооружённые Силы Российской Федерации – 62,3%;
- мобилизационная и вневойсковая подготовка – 100%;
- реализация международных обязательств в сфере военно-технического сотрудничества – 54,4%;
- прикладные научные исследования, ведущиеся в области национальной обороны – 6,4%;
- другие вопросы в области национальной обороны – 74,6%.

В это же время подразделы «мобилизационная подготовка экономики», «подготовка и участие в обеспечении коллективной безопасности и миротворческой деятельности» и «ядерно-оружейный комплекс» засекречены

ны целиком и полностью, что исключает общественный контроль в этих областях.

Финансовый контроль в ВС РФ одновременно осуществляется как государственными органами, так и ведомственными органами Министерства Обороны Российской Федерации. Его суть заключается в регулярной систематической проверке состояния финансово-хозяйственной деятельности вооружённых сил. Государство и общество должны иметь возможность контролировать и анализировать эффективность и законность использования ресурсов, которые выделены на национальную оборону.

Для проверок хозяйственных субъектов используется как ведомственный, так и вневедомственный контроль [5]. Органы вневедомственного контроля игнорируют ведомственную подчинённость проверяемых организаций, что позволяет добиться независимости и повысить объективность таких проверок. В ВС РФ вневедомственный финансовый контроль ведут высшие органы государственной власти. Этой деятельностью заняты главное контрольно-ревизионное управление при Президенте РФ, счётная палата РФ, Министерство РФ по налогам и сборам и некоторые другие организации высокого уровня. Также в ВС РФ ведётся общественный финансовый контроль, который выполняют представители военнослужащих и гражданского персонала. Он осуществляется через участие в проверках и ревизиях, которые назначаются и проводятся командованием на местах или спускаются от вышестоящих военно-финансовых органов. Внутренние комиссии являются ключевым элементом общественного контроля. В их обязанности входит анализ финансово-экономической деятельности воинских частей в установленные командованием сроки.

Выводы

Общественная или гражданская экспертиза как таковая является важным и полезным инструментом, с помощью которого общество развитой демократической страны, такой как Российская Федерация, может и должно контролировать различные области государственной деятельности. В том числе в этот список попадает и деятельность оборонительных ведомств. Фактически применяющийся в настоящее время уровень секретности, возможно, является чрезмерным, что может приводить к неоптимальному функционированию отдельных частей ВС РФ. Финансовые расходы не могут относиться к секретным требованиям, которые должны распространяться преимущественно на характеристики новейших видов вооружения.

В настоящее время формирование гражданского контроля над вооружёнными силами в России развито на достаточном для современного демократического государства образом, однако есть пространство для улучшений ситуации в этом направлении. Для повышения стабильности государственных структур и эффективности их работы необходимо приведение ряда используемых практик в соответствие с актуальным законодательством, что позволит продвинуть гражданский контроль в сфере обороны на следующую ступень развития.

Литература

1. Указ Президента РФ от 4 августа 2006 г. N 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных

этим федеральным министерствам» (с изменениями и дополнениями)

2. Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию 2018 г.: «Ноосферные критерии гражданской экспертизы государственных актов России»
3. БК РФ Статья 208. Рассмотрение федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период Советом Федерации (в ред. Федерального закона от 26.04.2007 N 63-ФЗ)
4. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. (2013) «Тихая революция?: год спустя. Заметки об экспертной конференции // Идея гражданского общества. Ведомости. Вып. 22. Тюмень: НИИ ПЭ. С. 109–117.
5. Бассет Дж.М. (2011) Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти. М.: РОССПЭН.
6. Горшков М.К. Гражданское общество и гражданское сознание в современной России // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1. С. 12–22.
7. Сунгуров А.Ю., Карягин М.Е. (2017) Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия // Полис. № 3. С. 144–159.
8. Fishkin J.S. (2009) *When the People Speak: Deliberative Democracy and Public Consultation* Oxford e.a., Oxford Univ. Press.
9. Keane J. (2013) *Global Civil Society?* Cambridge: Cambridge Univ. Press.

THE SYSTEM OF CIVIL EXPERTISE IN THE SOCIAL ADMINISTRATION OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Evenko S.L. Gorelikov E.S.

FSO MEI HE "Military University named after Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

This article details the main scientific approaches in the framework of the study of the system of civilian expertise in the social management of the armed forces both in modern Russia and in other countries today. The theoretical analysis of the studies of domestic and foreign scientists in the field of studying civil expertise as a sociologi-

cal phenomenon made it possible to single out, within the framework of this article, the existing fundamental principles of the functioning of civil expertise in relation to the armed forces of the Russian Federation from the point of view of modern methodology of sociological science. In the process of conducting the analysis, the key models were identified and systematized, according to which the expert staff is formed for the implementation of public expertise, as well as the main factors of the social significance of civil expertise that have a direct impact on the success of the process of social management of the Armed Forces of the Russian Federation in the conditions of modern global geopolitical situation.

Keywords: civil expertise, social management, armed forces, military sociology, sociology of management.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of August 4, 2006 N 842 "On the procedure for the formation of public councils under federal ministries, federal services and federal agencies, which are managed by the President of the Russian Federation, under federal services and federal agencies, subordinated to these federal ministries" (with amendments and additions)
2. Message from the President of Russia V.V. Putin to the Federal Assembly 2018: "Noospheric criteria for civil examination of state acts of Russia"
3. RF BC Article 208. Consideration of the federal law on the federal budget for the next financial year and planning period by the Federation Council
4. Bakshtanovskiy V.I., Sogomonov Yu.V. (2013) "Quiet revolution?: a year later. Notes on the expert conference // Idea of civil society. *Vedomosti*. Issue. 22. Tyumen: NII PE. pp. 109–117.
5. Basset J.M. (2011) Quiet voice of reason. *Deliberative democracy and the American system of government*. M.: ROSSPEN.
6. Gorshkov M.K. Civil society and civil consciousness in modern Russia // *Humanitarian of the South of Russia*. 2016. No. 1. S. 12–22.
7. Sungurov A. Yu., Karyagin M.E. (2017) Russian expert community and authorities: main forms of interaction // *Polis*. No. 3, pp. 144–159.
8. Fishkin J.S. (2009) *When the People Speak: Deliberative Democracy and Public Consultation* Oxford e.a., Oxford Univ. Press.
9. Keane J. (2013) *Global Civil Society?* Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Свобода как субстанция права

Полозова Ирина Владимировна,

д.ф.н., профессор Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
E-mail: polozova-irina@mail.ru

В статье в качестве субстанции права рассматривается свобода. Показывается, что рассмотрение свободы в качестве правовой субстанции не может сводиться исключительно к ее либеральному, исторически обусловленному пониманию, но должно учитывать ее иррациональность и антиномичность, что позволяет объяснить противоречия, лежащие в основе права.

Ключевые слова: свобода, субстанция права, антиномии свободы.

Право является важнейшей сферой жизни людей, регулирующей и упорядочивающей всю социальную жизнь. Философское рассмотрение права, в отличие от теоретико-правовых подходов, предполагает исследование вопросов о бытии права, его субстанции и сущности. Постановка подобных вопросов может различаться в зависимости от эпохи, быть обусловленной категориальным аппаратом философии, преобладающим в определенный исторический период.

Философия обозначает место права в реальности, которое традиционно принадлежит сфере социального бытия, но, вместе с тем, право также выражает действие в обществе высшего, ценностного порядка, так как оно представляет собой сферу идеальных отношений, призванных упорядочить человеческое общество, и в этом смысле право в значительной мере относится и к духовному, идеальному бытию. Право, таким образом, обозначает присутствие ценностного порядка в социальном мире. Данная идея основывается изначально на учении Фомы Аквинского о вечном законе, отражением которого является закон человеческий, она также лежит в основе концепции естественного права, согласно которой право всегда содержит указание на ценность нравственного характера [9, с. 12]. К подобной трактовке склонялось множество выдающихся отечественных исследователей права, таких как П.И. Новгородцев, Б.П. Вышеславцев, Ф.А. Степун и другие. Сторонники правового позитивизма пытались ограничить бытие права исключительно социальной реальностью, но неполнота подобного подхода является очевидной.

Если говорить о *субстанции права*, то в качестве таковой видится человеческая свобода. Рассмотрение свободы в качестве основы права утвердилось на основе либерального правопонимания в философии Нового времени, начиная с Д. Локка [7]. В полной мере обоснование данной идеи было представлено у Гегеля [5]. И, несмотря на всю сложность данного понятия и множественность его трактовок, именно свобода в ее целостности и многообразии проявлений может быть понята как подлинная основа права.

Следует отметить, что свобода представляет собой именно субстанцию, но не сущность права, так как сама по себе она содержит право лишь в его потенциальности, являясь основой всех существующих в истории человечества правовых построений. Форму и сущность права, то есть его действительность, заключает в себе закон. Собственно право, по словам отечественного либерального мыслителя Б.Н. Чичерина, и представляет собой свободу, определяемую законом [12, с. 84]. Вместе с тем, положения закона представляют собой лишь самые верхний слой права, они не исчерпывают его действительного содержания, которое определяется в значительной мере именно свободой. Свобода, далее, содержит в себе и возможность уклонения от права, что связано с ее природой, не подвластной жесткой детерминации. Субстанциальность свободы была в свое время с достаточной полнотой исследована Н.А. Бердяе-

вым, трактующим ее как подлинное начало бытия, в том числе и социального [2, с. 95].

Понятие свободы не может отождествляться с понятием правовой ценности, так как она не может быть противопоставлена праву в некотором отвлечении, но является его подлинной основой. Со свободы могут быть как «сняты оковы», так и наложены ограничения, но ее присутствие в правовой реальности неизбежно, она, собственно, и является субстанциальной «тканью» права. Свобода не является «идеей» права, так как она сама по себе бесформенна и неограниченна и нуждается в определенном оформлении.

Идея свободы как субстанции сохраняет свое значение при альтернативных подходах к праву: легистском и юридическом, представляющих собой некие «идеальные типы», идейные полюса, к которым, так или иначе, тяготеют различные философские и теоретико-правовые концепции. Так, подход к праву с точки зрения легистского подхода предполагает рассмотрение его, прежде всего, со стороны ограничения свободы. Так, отечественный правовед А.Ф. Черданцев пишет: «Что же касается права как формы, меры свободы, то можно с большим основанием утверждать, что право форма, мера несвободы. Свобода может существовать и без права. Если она нуждается в праве, то только для своего собственного ограничения» [11, с. 8]. Данная позиция подтверждается историей возникновения права и нормативных систем, первыми нормами которых были запреты (табу). «В праве...основную долю составляют нормы-запреты, нормы-обязанности, ограничивающие свободу. В любой и современной правовой системе эти нормы представлены в большинстве» [11, с. 9].

При юридическом же понимании права, представленном либеральными доктринами от Локка до возрожденных концепций естественного права, говорится преимущественно о гарантиях и защите свободы [10, с. 327–362]. С позиции либертарного правопонимания, утвердившегося в отечественной теории права начиная с 90-х годов XX века, право трактуется как форма и мера свободы, как нормативная форма выражения свободы, определяющая посредством принципа формального равенства справедливую меру свободы людей в общественных отношениях [8, с. 127].

Право, таким образом, понимается как духовная сфера, в которой свобода осознает свои границы, и оно является, в силу этого, защитой, гарантией, но, вместе с тем, и разумным ограничением человеческой свободы. Формами ограничения свободы выступают те или иные нормы права, трактовка которых вполне соответствует аристотелевскому пониманию сущности, понимаемой как ограничивающей материю формы. Норма права, поэтому, может трактоваться как исходный элемент права, в котором в полной мере проявляется его сущность.

Следует отметить, что понятие свободы, лежащее в основе либерального правопонимания, восходящее к философии Нового времени, является исторически и идеологически обусловленным. Речь идет об идее свободы, которая способна вмещаться в рамки сознания европейского буржуа, быть доступной для рационального истолкования, являться своего рода рациональной проекцией свободы. Так, Д. Локк в своих знаменитых «Трактатах о правлении» понимает свободу, ориентируясь именно на здравый смысл человека своего времени [7, с. 264].

Вместе с тем, свобода является субстанцией, по отношению к которой говорить о ее подвластности принципу формального равенства, ее согласованности с законами разума особенно сложно. Свобода является метафизической категорией, по отношению к которой идея равенства и выраженная в праве «математика свобо-

ды», применимы с очень большой оговоркой. Понятие свободы включает в себе порой самые разные и нередко противоположные смыслы [3, с. 95].

Противоречие в понимании свободы легло в основу формулировки сформулированной И. Кантом антиномии, согласно тезису которой, «причинность по законам природы не есть единственная причинность, из которой могут быть выведены явления мира в целом. Для их объяснения необходимо признать еще и свободную причинность» [6, с. 277]. Антитезисом данной антиномии является утверждение, согласно которому «нет никакой свободы, но все в мире происходит исключительно по законам природы» [6, с. 278].

Можно увидеть, что, как тезис, так и антитезис в понимании свободы, могут абсолютизироваться различными философскими, идеологическими и теоретико-правовыми учениями. В сфере идеологии, например, либеральная трактовка представляет свободу как действие собственной воли индивида, как отсутствие влияния извне, как «независимость». Консервативная же трактовка, напротив, обращает внимание на то, что люди с самого рождения встроены в жесткую сеть соглашений и условностей, обуславливающих их поведение в обществе, а провозглашаемая либералами свобода является лишь декларацией. В этой связи консерваторы предпочитают говорить только о большей или меньшей несвободе, ибо свободы как абсолютной независимости не существует.

В области теории права тезису антиномии соответствует юридический подход, опирающийся на понятие свободы, как на особую реальность, и, поэтому, утверждающий и защищающий права и свободы личности. При легистском рассмотрении права, трактующего свободу как видимость, указывающего на ее ограниченность и иллюзорность, утверждается антитезис. Таким образом, как в идеологической, так и в правовой сферах понимание свободы задается взаимоисключающими подходами.

Покажем, что подобная противоречивость свободы не является формально-логической, но имеет метафизические основания, она обусловлена наличием различных онтологических уровней, на которых может проявляться. Подобные уровни проявления свободы, рассматриваемой нами в качестве субстанции права, могут быть представлены в соответствии с действиями воли на разных уровнях бытия, в которые включен человек: 1) природный, физический уровень, на котором свобода проявляется как стихийное, природное начало в человеке; 2) уровень индивидуального бытия, на котором свобода проявляется через индивидуальную волю, устремления отдельного индивида; 3) уровень коллективного бытия, где свобода проявляется как воля коллектива, группы, сообщества; 4) макросоциологический уровень, где свобода видится как «воля нации», «воля народа», и более широко – как воля всего человечества, «родового существа»; 5) универсальный, космический уровень, на котором свобода может рассматриваться как проявление Божественной воли, воли Универсума.

Либеральное представление о свободе предполагает ее рассмотрение преимущественно на индивидуальном уровне, где она понимается как свободная воля индивида, соотносящаяся с волями других атомарных индивидов и предполагающая определенную независимость от действия воли более высокого порядка, например, со стороны государства. Подобное понимание не исключает сведение свободы воли к более низкому, природному уровню, ведь кажущееся проявление собственной воли индивида может являться, на деле, его полной зависимостью от желаний, потребностей, привычек, которые философами древности характеризовались как страсти,

и в победе над которыми они усматривали подлинную свободу человека.

Кажущееся свободным проявление индивидуальной воли, так называемая «внешняя свобода», предполагает независимость человека от высших уровней, но в то же время может означать его зависимость от низшего, например, от чувственной природы и от страстей души. В то же время, воздействие на человека воли более высокого уровня, которое трактуется либерализмом как зависимость, несвобода, может быть представлено как проявление подлинной свободы, когда человек свободно и ответственно делает собственный выбор с тем, чтобы стать проводником воли народа, нации или высшей Божественной воли. Консервативная трактовка исходит из подобного понимания, и кажущееся ограничение индивидуальной свободы на деле может являться свободным служением человека ценностям более высокого ранга.

Разумеется, абсолютизация крайних позиций несет в себе угрозы: пренебрежение индивидуальной свободой, ее полное подчинение внешней воле ведет к тоталитаризму, но безоговорочное утверждение индивидуальной свободы также содержит в себе немало опасностей.

Во-первых, свобода в силу своей природы является принципиально ненасытной, она пытается отвоевать себе все новые области. Если говорить о поступательном процессе расширения свобод в человеческом обществе, то вслед за требованием гражданских прав и свобод (совета, слова), политических прав и свобод (всеобщего избирательного права), пришло время экономических свобод, обеспеченных социальными гарантиями. Сейчас, видимо, наступает период очередной волны расширения свобод, когда свобода начинает вторгаться в сферу человеческой идентичности, ставя под вопрос половую принадлежность, биологическую природу человека, его тождественность самому себе.

Во-вторых, свобода вовсе не обязательно направлена ко благу. Данное обстоятельство было особенно отмечено в трудах целого ряда мыслителей, начиная от апостола Павла и Августина Блаженного, среди которых следует выделить отечественного мыслителя Ф.М. Достоевского. По отношению к свободе, поэтому, особое значение приобретает ее направленность. Свобода не может быть абстрактной или нейтральной, она всегда обращена либо в сторону Добра, либо в сторону Зла. В этой связи нельзя говорить о том, что свобода, однозначно, является для человека благом, и, чем больше пространство свободы, тем лучше для него. Свобода в себе самой содержит противоположно направленные устремления, она может являться как благом, так и злом, служить как утверждению, так и разрушению человека [1, с. 46].

Согласно отечественному мыслителю-правоведу Б.П. Вышеславцеву, свобода является идеально детерминированной, но реально не обусловленной ценностным, в том числе правовым, порядком, ведь у человека всегда остается возможность отказаться от любой и даже самой высокой ценности, противопоставив ей свою свободу. Свободная воля, как произвол, исходящая из своих эгоистических соображений, может активно противостоять ценностному, нравственному и правовому порядку. Направленная против ценности свобода, таким образом, является злом и проявлением злой воли; свобода, направленная против правовой ценности, выраженной в законе, является нарушением закона, преступлением [4, с. 95]. Таким образом, свобода как субстанция не порождает право автоматически, но лишь в том случае, когда она направлена по отношению к правовой ценности.

Таким образом, понимание негативного потенциала свободы становится особенно актуальным. Представ-

ление о свободе как субстанции права должно основываться на ее антиномичности и должно учитывать не только благую, но и разрушительную стихию человеческой свободы, способную вести к разрушению человека, если она не будет ограничена ценностями высшего порядка.

Литература

1. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского// Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства в 2-х томах. Т. 2. – Москва: Искусство, 1994. – С. 46.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества – Москва, 1989.
3. Берлин И. Философия свободы. – Москва, 2001.
4. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. – Москва, 1994. – С. 95.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – Москва, 1990.
6. Кант И. Критика чистого разума. – Москва: Мысль, 1994. – С. 277.
7. Локк Д. Два трактата о государственном правлении// Локк д. Соч. в 3-х т. Т. 3. – Москва, 1989.
8. Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник для вузов. – Москва, 1997. – С. 127.
9. Уакс Р. Философия права. Краткое введение. – Москва, 2020. – С. 12.
10. Хайек Либерализм// Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. – Челябинск, 2010. – С. 327–362.
11. Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права// Журнал российского права, 2016. № 10. С. 8.
12. Чичерин Б.Н. Философия права. – Москва, 1900. – С. 84.

FREEDOM AS A SUBSTANCE OF LAW

Polozova I.V.

Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.J. Kikot

The article considers freedom as the substance of law. It is shown that the consideration of freedom as a legal substance cannot be reduced solely to its liberal, historically conditioned understanding, but must take into account its irrationality and antinomy, which allows us to explain the contradictions underlying law.

Keywords: freedom, substance of law, antinomies of freedom.

References

1. Berdyaev N.A. Dostoevsky's Worldview// Berdyaev N. Philosophy of creativity, culture and Art in 2 volumes, Vol. 2. – Moscow: Iskusstvo, 1994. – P. 46.
2. Berdyaev N.A. Philosophy of Freedom. The meaning of creativity. – Moscow, 1989.
3. Berlin I. Philosophy of Freedom. – Moscow, 2001.
4. Vysheslavtsev B.P. Ethics of the transformed Eros. – Moscow, 1994. – P. 95.
5. Hegel G.V.F. Philosophy of Law. – Moscow, 1990.
6. Kant I. Criticism of pure reason. – Moscow: Thought, 1994. – P. 277.
7. Locke D. Two treatises on State Government// Locke D. Op. in 3 volumes, vol.3. – Moscow, 1989.
8. Nersesyants V.S. Philosophy of Law. Textbook for universities. – Moscow, 1997. – P. 127.
9. Uaks R. Philosophy of Law. Brief introduction. – Moscow, 2020. – P. 12.
10. Hayek Liberalism// Hayek F. Individualism and economic order. – Chelyabinsk, 2010. – pp. 327–362.
11. Cherdantsev A.F. Integrative misunderstanding of law// Journal of Russian Law, 2016, No. 10. P. 8.
12. Chicherin B.N. Philosophy of Law. – Moscow, 1900. – P. 84.

Евангельская нравственность как основа этического кодекса старообрядческих предпринимателей XIX века

Аторин Роман Юрьевич,

к.ф.н., старший преподаватель Государственного университета управления
E-mail: nrpsc@yandex.ru

Представленная статья посвящена анализу процессов формирования этики бизнеса в российском старообрядчестве. Автор рассматриваются факторы и основные принципы, формирующие предпринимательскую этику старообрядцев в условиях современной социально-экономической действительности. Выявлены особенности этико-религиозного сознания старообрядцев-предпринимателей. Отмечены характерные черты ведения предпринимательской деятельности приверженцами старой веры и их высокая деловая активность. Бизнес-этика старообрядчества представлена как уникальное явление, формируемое на основе культурно-национального менталитета и религиозного мировоззрения.

Ключевые слова: бизнес-этика, старообрядчество, предпринимательская деятельность, религия, традиции.

Современная Россия испытывает глубокие социально-экономические и духовно-нравственные изменения. К настоящему времени коренным образом трансформировались хозяйственно-экономическая и мировоззренческая парадигмы общества.

У России, избравшей демократическое направление в развитии, в приоритете стоят ценности демократии и свободных рыночно-экономических отношений, стремление к строительству гражданского общества. На этом фоне модифицируются морально-нравственные ценности, возрастает степень социально-нравственной ответственности. Формирование институтов бизнеса и возникающих там проблем, определяет становление и развитие этики. При этом создаются этико-нормативные системы, регулирующие отношения в бизнесе, и представляющие собой комплекс этических норм и правил поведения. Требования нравственности вырабатываются в процессе коммуникации и выступают отражением практического опыта предпринимателей.

Этика бизнеса – важнейшая составляющая культуры предпринимательства в контексте социально-исторических преобразований, таких как рост уровня корпоративности и информационно-коммуникационных процессов. Этика бизнеса как комплекс морально-этических принципов, норм, стандартов, которыми должны руководствоваться институты бизнеса и их участники – основной компонент предпринимательской культуры в рамках развития корпоративности и информационно-коммуникационных процессов современности. Она включает в себя: профессиональную мораль, моральный климат; стереотипы морального поведения; нормы и требования делового этикета.

Этика бизнеса представляет собой совокупность морально-этических принципов, норм, стандартов, которыми должны руководствоваться институты бизнеса и их участники. Важным фактором, влияющим на предпринимательскую деятельность, может выступать религиозное мировоззрение. В этой связи особое внимание привлекает такое уникальное явление российской действительности как старообрядчество, представляющее многочисленную группу консервативно настроенного населения, отделившегося от Русской Православной Церкви в XVII веке в связи с реформами патриарха Никона [3, с. 59].

Вся история старообрядческого движения тесным образом связана с сохранением культурно-духовной традиции. Старообрядчество уже более трехсот веков упорно пытается противостоять процессам модернизации, секуляризации, выступает хранителем и носителем древнерусских духовных форм и традиций. Старообрядчество оказало существенное влияние на формирование отечественной экономической культуры. История и культура старообрядчества представляет собой борьбу за сохранение ранее устоявшихся религиозно-культурных ценностей и нравов. Старообрядчество стремится к сохранению традиций, повседневного быта и уклада древней Руси в условиях действующего светского мировоззрения, разрушающего прежде существовавшие религиозные основы жизнепостроения.

«Старообрядчество, как попытка сохранения прежде существовавших церковных укладов и идейных ориен-

тиров, представляет собою особенный культурный тип с религиозным мировоззрением, в меньшей степени подверженным влиянию секуляризации» [1, с. 27].

Старообрядцы – носители самобытности. «Понимание своей религиозной группы как народа-богоносца вытекает из феноменологически возникшей мессианской идеи: «Москва – Третий Рим», характерной русскому суперэтосу и доминирующей в сознании крестьянства. Мессианские убеждения старообрядцев обусловлены выполнением генеральной функции, возложенной на них Богом – сохранение старой веры и обрядов» [7, с. 187]. Старообрядцы провозглашают культурную и религиозную самоидентичность. «Основную парадигму духовной жизни старообрядцы видят в вероучительных представлениях, осознающихся через призму древнерусско-византийской православной (или древлеправославной) традиции. Религиозный консерватизм, выраженный в концепте: «старая вера является субстанциональным элементом сохранения религиозной идентичности данного религиозного объединения» [8, с. 33].

Старообрядцы отличаются преданностью старым (древнерусским) заветам и приверженностью традициям. Почти в неприкосновенности они сохранили старую веру, национальный быт, обычай и дух предков, что ярко свидетельствует о наличии у старообрядцев средневекового (древнерусского) православно-христианского менталитета. Все это дает основание говорить о старообрядчестве как об уникальном самобытном объекте, выделившемся из основного и преобладающего инновационного культурного контекста России. Важно подчеркнуть, что старообрядцы сохранили традиционные виды хозяйственной деятельности. Они являются прямыми наследниками древнерусской хозяйственной традиции.

Фундаментальными факторами сохранения хозяйственно-культурных традиций у старообрядцев выступает институт традиционной семьи и церковная община, которая представляет собой духовную микроструктуру религиозного пространства, и является формой духовного союза старообрядцев. Главная функция старообрядческой общины заключается в сохранении христианской традиции, духовных установок, нравственных норм и стандартов. Бизнес-этика старообрядчества представляет собой определенный комплекс стереотипов поведения и ценностных установок, вышедших из древнерусской культурной традиции и вырабатывающихся на протяжении веков. Старообрядческая бизнес-этика зиждется на библейских предписаниях и на Евангельских заповедях. Именно на Евангельских заповедях основана вера в Бога как Высшую ценность.

Религиозные, или духовные, ценности, религиозная культура в существенной степени регулируют предпринимательскую деятельность, задают определенные нормы делового поведения: отказ от всего материального во имя приобщения к Богу. Отличительные особенности предпринимательской этики старообрядцев заключаются в том, что финансовая прибыль не является самоцелью, а на первое место выходят Евангельские нормы и ценности. «Святое Евангелие и заповеди Христовы – вот свет, который освещает жизнь каждого из нас, придает ей смысл, помогает с молитвой и упованием на милость Божию преодолевать любые жизненные трудности, и – никогда не отчаиваться и не унывать» [6]. Для старообрядцев бизнес – это не средство наживы; главное в процессе трудовой деятельности – сохранение истинного благочестия, следование религиозно-нравственному закону, идея служения Отечеству и обществу. Нарушение морально-нравственных принципов ради достижения прибыли является категорически не приемлемым. Старообрядцам свойственна «духовная

концепция дела» [4, с. 36]. Религиозная этика коррелирует с трудовой этикой. Трудолюбие как христианская добродетель, самоотверженная деловая активность – стержневые морально-нравственные императивы старообрядчества, обусловленные идеей душеспасения личности. «Отсюда доверие, взаимопомощь и взаимовыручка в предпринимательстве» [5, с. 63] – отмечает Д.Е. Расков.

Этико-нравственной мотивацией активной предпринимательской деятельности старообрядцев – христианский долг перед Господом и окружающим миром. Служение Богу и Церкви – основной критерий успешности дела. Жизнь в религии, отразившаяся в предпринимательской деятельности, – основа того духовного единства, которое связывает не только жизни сегодняшних старообрядцев, но и их сегодняшнюю жизнь с прошлой. Принадлежность старообрядчеству активность жизненной, в том числе деловой позиции, активность мировоззрения, способствуют ориентации в конкретной среде, в конкретном мире. Старообрядцы-предприниматели неуказательно апеллируют к системе христианских ценностей и добродетелей. Основным духовно-нравственным фактором генезиса православно-старообрядческого мировоззрения являются дела милосердия. Милосердие – прямое следствие духа Евангелия, духа любви. В христианско-старообрядческом понимании, милосердие представляет собой одну из главных добродетелей, выполняемую посредством дел милости телесной и духовной. Первоисточником представлений о милосердии выступает Нагорная проповедь Христа, провозглашающая идеал нравственной личности. Одна из заповедей блаженства восславляет милостивых (Мф. 5:7). Блаженство получит только тот человек, который оказывает милость другим людям. Это самая важная для практической жизни заповедь блаженства. Здесь Спаситель говорит о милосердии. Христианское милосердие является базовой характеристикой в сотериологической перспективе, то есть играет основополагающую роль в деле спасения человека. Милосердие – целенаправленное выражение человеколюбия, неотъемлемая часть нравственной жизни предпринимателей из старообрядческой церковной общины. Милосердие является мощнейшим средством, очищающим душу приверженца старой веры. Оно направлено как на личное спасение, так и на общественное преобразование (обеспечение религиозной общины).

Ключевая нравственная цель старообрядческой модели бизнеса заключается в передаче финансовых средств церковной общине, благотворительности. Дела благотворительности (милосердия) – важнейшая составляющая старообрядческой бизнес-этики. Одним из главных подходов к исследованию благотворительности выступает философское обоснование милосердия и благотворительной деятельности в религиозно-нравственно-этическом аспектах. Это определяется тем, что благотворительность, входящая в нравственно-этическую сферу старообрядческой религиозной системы, имеет длинную культурно-историческую традицию. Традиция помощи больным, пожилым, нуждающимся, инвалидам – неотъемлемая характеристика нравственной культуры и социальных норм старообрядцев, занимающихся предпринимательской деятельностью.

Благотворительность как духовно-практическая ценность, играет доминирующую роль в старообрядчестве. Благотворительность является практическим выражением милосердия. Благотворительность (дела милосердия) в понимании старообрядца-предпринимателя – это готовность ставить интересы других выше собственных, готовность к самопожертвованию. Те люди, которые спо-

собны искренне полюбить других, проявлять к ним милосердие, будут и сами помилованы Богом. Милосердие открывает путь к Божией благодати, поскольку есть предпосылка для принятия милости от Бога в Царствии Небесном. В старообрядчестве считается, что человек, творящий доброе дело, должен руководствоваться только одним началом – любовью к Богу и любовь к ближнему. Человек должен быть свободным от всякого самолюбования по поводу осуществления благих дел. Следовательно, милостыня должна выступать, не только тайной для других людей, но и в каком-то роде тайной для самого благотворителя, чтобы избежать повода к самопревознесению. Милосердие отражает основную идею христианства: Бог – есть Любовь, Боговоплощение выступает истинным милосердием. В качестве обоснования призыва к делам милосердия являются слова Христа о любви к ближнему. В старообрядчестве любовь – способность человека пожертвовать самим собой ради других и выражается в самых разных формах: взаимопомощь, сочувствие, помощь нуждающимся. Понимание любви как жертвы связано с Богом, который принес Себя в жертву, спасая человечество от власти греха и вечной смерти. Итак, из жертвенного осмысления любви, вытекает милосердие, как готовность помочь нуждающимся людям. С идеей милосердия генетически связано учение о жертвенной любви, как оптимальном типе отношений между людьми. Основа этих отношений заключается в «Золотом правиле» – человек должен так относиться к другим людям, как бы он хотел, чтобы они к нему относились (Мф. 7: 12); (Лк. 6.31). «Золотой стандарт» или «Золотое правило нравственности» – фундамент бизнес-этики старообрядцев. Золотое правило, сформулированное на основе Священного Писания, звучит: «Не делай другим (партнерам, конкурентам и пр.) того, что не желаешь себе», «поступай со своими коллегами, подчиненными, конкурентами так, как бы ты хотел, чтобы они поступали с тобой».

Совесть – категория императивная, согласно концепции И. Канта, исходящая из внутреннего убеждения предпринимателя в необходимости поступать этично: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как цели, и никогда не относишься к нему только как средству» (И. Кант). Итак, старообрядческая этика бизнеса – уникальное явление.

Старообрядцы-предприниматели являются продолжателями и носителями традиций православной церковной культуры. Феномен старообрядческого предпринимательства выступает ярким примером жизни во Христе, образцом высокого служения людям и России. В основе бизнес-этики старообрядчества находятся Евангельские заповеди о любви к Богу и ближнему, определяющие систему христианской нравственности. Специфика ведения дел осознаются старообрядцами исключительно через религию, Евангелие.

Литература

1. Аторин Р.Ю., Хирьянова Л.В. Традиционный субэтнос в контексте модернизации/секуляризации: философско-культурологический анализ. Монография /Р.Ю. Аторин, Л.В. Хирьянова. – Тюмень: Ист-Консалтинг. – 2011. – 52 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе – любое издание
3. Долгих Ф.И. История отечественного государства и права: учебное пособие. Москва: Московский финансово-промышленный университет «Синергия». – 2012. – 336 с.

4. Козловцева Н.В. Старообрядческая православная этика и «дух русского капитализма» (по материалам Нижегородской губернии XIX века) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 107. С. 31–38.
5. Расков Д.Е. Хозяйственная жизнь русского старообрядчества: Новаторство в рамках традиций // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 1999. вып. 3 (№ 19).
6. Старообрядцы Украины. – URL: <https://sites.google.com/site/staroobradcestvo/> (дата обращения: 05.10.2020).
7. Хирьянова Л.В. Старообрядческий субэтнос как носитель традиционного крестьянского менталитета // Общероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные вопросы современной науки и образования». – Красноярск. – 2010. – С. 186–191.
8. Хирьянова Л.В. К проблеме религиозности и православной идентичности в культурном континууме современного старообрядчества // Московское научное обозрение. – № 6 (22) июнь. – Москва: ИНГН. – 2012. – С. 30–36.

EVANGELICAL MORALITY AS THE BASIS OF THE ETHICAL CODE OF OLD BELIEVERS ENTREPRENEURS OF THE XIX CENTURY

Atorin R. Yu.
State University of Management

The presented article is devoted to the analysis of the processes of formation of business ethics in the Russian Old Believers. The author examines the factors and basic principles that form the entrepreneurial ethics of Old Believers in the conditions of modern socio-economic reality. The features of the ethical and religious consciousness of Old Believers-entrepreneurs are revealed. The characteristic features of doing business by adherents of the old faith and their high business activity are noted. The business ethics of the Old Believers is presented as a unique phenomenon formed on the basis of cultural and national mentality and religious worldview.

Keywords: business ethics, Old Believers, entrepreneurial activity, religion, traditions.

References

1. Atorin R. Yu., Hiryanova L.V. Traditional sub-ethnos in the context of modernization/secularization: philosophical and cultural analysis. Monograph /R.Yu. Atorin, L.V. Khiryanova. – Tyumen: East Consulting. – 2011. – 52 p.
2. Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments in Russian translation – any edition.
3. Dolgikh F.I. History of the domestic state and law: textbook. – Moscow: Moscow Financial and Industrial University «Synergy». – 2012. – 336 p.
4. Kozlovtsseva N.V. Old Believer Orthodox Ethics and the «Spirit of Russian Capitalism» (Based on Materials from the Nizhny Novgorod Province of the 19th Century) // Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen. 2009. No. 107. P. 31–38.
5. Raskov D.E. Economic life of the Russian Old Believers: Innovation within the framework of traditions // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 5. 1999. issue. 3 (No. 19).
6. Old Believers of Ukraine. – URL: <https://sites.google.com/site/staroobradcestvo/> (accessed: 05.10.2020).
7. Khiryanova L.V. Old Believer sub-ethnos as a carrier of the traditional peasant mentality // All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation «Actual Issues of Modern Science and Education». – Krasnoyarsk. – 2010. – P. 186–191.
8. Khiryanova L.V. On the problem of religiosity and Orthodox identity in the cultural continuum of modern Old Believers // Moscow Scientific Review. – No. 6 (22) June. – Moscow: INGN. – 2012. – P. 30–36.

Имитация как тотальная характеристика системообразующих процессов

Арчибасов Максим Евгеньевич,
аспирант ФГБОУ ВО «Башкирский государственный
университет»
E-mail: Maksarchi45@mail.ru

Информационное общество, основанное на высоких технологиях и внедрении искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности, характеризуется большой степенью имитации. Имитация становится атрибутивным свойством всех сфер социальной системы, т.к. динамичная социальная среда претерпевает множество изменений и преобразований, осмысление которых приобретает ценностный характер. Имитацию следует рассматривать как социально значимую характеристику современного полицентричного общества.

Ключевые слова: социальная имитация, система, социальная парадигма, симулятор, интерпретация.

Современный социум является свидетелем скоротечно развивающихся событий прогрессивного характера, атрибутивно-стержневым показателем которых является процедурно-преобразовательная направленность методов и средств, а также прецедентов социально-имитационного толка, реализуемых в различных отраслях жизнедеятельности граждан. Алгоритмы выступают значимой частью в имитационной стратегии, поскольку имеют связь с социокультурной реальностью и понятны, а, порой, и принимаемы обществом. В воззрениях Т. Парсонса, имитации отводится функция, контролирующая все социальные системы, с целью удержания эталона для сохранения внутри социальных систем отдельных компонентов культуры [4, с. 124]. Отмечается, что дальнейшее воспроизводство ценностных образцов, должно происходить из коллективного согласия, в основе которых содержатся коллективные представления. Имитация, по мнению Парсонса, выступает системообразующим процессом, качественно определяющим дальнейшую жизнедеятельность общества. Выявлена необходимость осмысления возможности существования имитации без форм индивидуального и коллективного восприятия.

Коллективная форма репродуцирует определенные алгоритмы взаимодействия для следующих поколений, что является некой формой константы, необходимой для имитационной стратегии. Идея Э. Шилза о том, что для общества характерна преемственность и механизмы воспроизводства помогают идентифицировать общество как таковое, редуцирует то, что процессы имитации также значимы для информационного общества, в целом [3, с. 42]. Соответственно, формируется запрос на выявление закономерностей алгоритмов социального взаимодействия и процессов социальной деятельности. Логично, что механизмы воспроизводства выступают фундаментом для общественных алгоритмов. Теоретическое обоснование границ и всех корреляций в приведенных процессах, представляет особую ценность. Именно алгоритмы социального взаимодействия, их противостояние и противоборство, при определенном взаимодействии друг с другом, могут порождать имитации социальных парадигм.

Имитация, это не простое копирование или подражание, это замещение определенных установок, качественно изменяющие сферы социальной активности. Социальные парадигмы изменяются под воздействием закрепления новых алгоритмов. Таковыми могут быть нормы, закрепленные общественными паттернами поведения, рассматриваются в сопоставлении с социокультурными особенностями, мировоззренческими аспектами и другими факторами, имеющими ценность для конкретной общности, но не для всего человечества. Разумеется, стандартизированные нормы, гарантирующие безопасность, будут иметь одинаковую ценность в практически во всех общностях. Однако процесс глобализации характерен искажением ценностей и наличием структуры идентификации общностью того или иного явления, предмета как характерной для нее ценности. Соответственно, возникает вопрос об использовании технологии симулирования мышления, как имитации процессов трансформации в обществе. Учитывая, что симулирование мышления базируется на перебирании

клише, шаблонов и стереотипов, то социальные парадигмы могут выступать катализатором имитационного процесса. [6, с. 328].

Необходимость фиксации акцента на имитационной деятельности, которая может быть выражена в социальной, политической и культурной сферах обусловлена актуализацией изучения социально-философских аспектов данного вопроса. Философское познание мира преисполнено теориями, объясняющими алгоритмичность социальных взаимодействий и индивидуальных адресных поступков с точки зрения формальных качеств, например, этики, логики и т.д. Философское воззрение, отчасти обращено к социальному пониманию тех или иных явлений, интерпретация образов же – остаточное действие присуще аналитической активности индивида. В таком ключе, зачастую хаос или же порядок воспринимается с точки зрения понимания упорядоченности определенных критериев, именно исходя из социального восприятия. Возникает вопрос о процессе понимания имитации: главенствующая роль отходит обществу или индивиду? В первом случае, можно говорить о коллективном разуме, основанном на таких социальных регуляторах как мораль, закон или стереотипах; а во втором случае, индивидуальная интерпретация и мифологическое мировоззрение. В изучении процесса имитации необходимо сформировать именно «понимание», в то время как для претворения имитации необходимо уже «осмысление». По своей структуре имитация может быть представлена определённым набором (например, фраз, правил) и носить лишь теоретический характер, значимый для определения границ познания относительно того или иного явления. Практическое же значение имитация приобретает после наделения, исключительными возможностями, которое и происходит после индивидуального осмысления.

Связка «индивидуальность» и «коллективность» позволяет оценить определение явление, действие, событие и поставить под сомнение определенную имитацию, но объективным методом оценки реальности быть не может. Если мы исходим из того, что для субъективного восприятия, имитация должна базироваться на алгоритмах социального взаимодействия, то для коллективного восприятия, подобных алгоритмов недостаточно. Подражанию, как механизму социализации, уделял внимание Э. Дюркгейм, выделяя созависимость клише социальных ролей и паттернов поведения индивидуумов [1, с. 253]. Главным здесь ставится необходимость обучения социальным ролям, детерминирующих жизнеобеспечение в той социальной среде, в котором оказался индивид. Учитывая данный факт, влияние «коллективности» на индивидуалистические начала достаточно обширно. Философы античности, осмысляя феномен имитации, ввели понятие «симулякр», для описания копий вещей и образов, выражающих душевное состояние. Постмодернисты отмечали разницу копии от симулякра, именно в создании чувственного образа, впечатления. [2, с. 57]. Процесс глобализации унифицирует критерии индивидуального восприятия, формируя восприятие коллективное. Риторическим остается вопрос, о том, сможет ли персональная идентификация по определенным личностным критериям, предостеречь индивида от попадания в имитационную реальность, поскольку дуалистичность функциональной природы формирования общественного мнения подчёркивает двойственную разнородность социальной имитации.

Также стоит обратить внимание и на группы противоположностей: что именно противопоставляется имитации в социальной реальности? Классическое противостояние «истина-ложь» не влечет конечного резуль-

тата, равно как и сам процесс социализации. Конечный результат динамичных социальных преобразований мы можем предугадать или, используя технологии моделирования, приблизиться к пониманию совершенно новой структуры общественного сознания, взаимоотношений, формаций.

Однако между имитацией и процессом современных трансформаций есть общая основа – социальные взаимоотношения. Как известно, для имитации характерно свойство «отзеркаливания» определенных структурных элементов. Предположим, что определенные социальные нормы могут получить диспозицию дальнейшего развития, тогда приведет ли непосредственно процесс трансформации к общественной консолидации? Вероятность развития сценариев, по законам обратной логики, может содержать не только позитивные последствия для общества, но и негативные.

Имитация интересна и в методологическом плане, поскольку может привести к определенному результату. Однако при неизменной переменной вариации имитации могут носить как положительный, так и отрицательный характер. Предугадать проявление имитации проблематично, поскольку при ее запуске можно исходить из уже знакомых факторов таких как упомянутые общественные правила либо интерпретации. Однако имитация приобретает плавающую структуру, внутри которой каждый фактор взаимодействует не просто друг с другом по очереди, а со всеми вместе, порождая свои вариации дальнейшего развития [5, с. 205]. Иными словами, закладывая смысл конкретной ситуации, имитация может являть как минимум диспозицию дальнейших сценариев при неизменных переменных. Учитывая данное свойство, возникает вопрос о возможности использования имитации в гуманитарной сфере, где, создавая несколько вариаций можно выбирать ту, которая наиболее полно отвечает заданным автором имитации требованиям.

Современные трансформационные процессы, наиболее приближены к имитационным стратегиям за общие структурные компоненты. Например, общим является прогнозирование образа жизни, вектора развития, идеологических предпочтений. Происходит унификация многообразия, создается единая социальная платформа, которой присуще имитация и подражание отдельных компонентов структуры. Социальная имитация содержит в себе большой потенциал, при последующем креативном осмыслении в этом процессе фиксируется очень много положительных аспектов сохранения и приумножения качества социальной системы.

Таким образом, в качестве выводов проведенного анализа процессов трансформирующегося социума и социальной имитации можно отметить следующие.

1. Процесс трансформации как политический, культурный и социальный феномен подлежит осмыслению с различных междисциплинарных воззрений, в данном исследовании с позиций социально-философского осмысления, для поиска большего числа алгоритмов социальных взаимоотношений и установления взаимосвязей с ними.

2. Современный трансформационный процесс позволяет продемонстрировать пути возможной имитации в социальном пространстве, востребованной для прогнозирования, создания и управления имитационными стратегиями.

3. Алгоритмы социальных взаимоотношений – значимая часть имитационной стратегии, поскольку отвечает принципам информативности и имеет связь с социокультурной реальностью, а при определенном взаимодействии или противостоянии предоставляет актуальный материал о специфике проявления имитации в социальной системе.

Литература

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. – Москва: Канон, 1995. – 352 с. – (История социологии в памятниках).
2. Мельникова Т.П. Феномен социальной имитации как фактор, влияющий на состояние национальной безопасности // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. 1:53–59.
3. Парсонс Т., Бейлз Р., Шилз Э. Рабочие тетради по теории действия = Working Papers in the Theory of Action (1953) // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып.1 (34).
4. Парсонс Т. Социальная система. – Москва: Академический проект, 2018. – 529 с.
5. Хабибуллина З.Н. Роль коммуникации в ситуации неопределенности // Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика: материалы X1 Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 31 октября 2019 г.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. – 244 с. – С. 203–207.
6. Хабибуллина З.Н. Трансформация ценностей общественного сознания // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. С. 328–333.

IMITATION AS A TOTAL CHARACTERISTIC OF SYSTEM-FORMING PROCESSES

Archibasov M.E.

Bashkir State University

The information society, based on high technologies and the introduction of artificial intelligence in all spheres of life, is characterized by a high degree of imitation. Imitation becomes an attribute property of all spheres of the social system, because the dynamic social environment undergoes many changes and transformations, the understanding of which acquires a value character. Imitation should be considered as a socially significant characteristic of a modern polycentric society.

Keywords: social imitation, system, social paradigm, simulator, interpretation.

References

1. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose / Trans. from French, compilation, afterword and notes by A.B. Hoffman. – Moscow: Canon, 1995. – 352 p. – (History of Sociology in monuments).
2. Melnikova T.P. The phenomenon of social imitation as a factor influencing the state of national security // Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2020. 1:53–59.
3. Parsons T., Bales R., Shils E. Workbooks on the theory of action = Working Papers in the Theory of Action (1953) // Personality. Culture. Society. 2007. Issue 1 (34).
4. Parsons T. Social system. – Moscow: Academic project, 2018. – 529 p.
5. Khabibullina Z.N. The role of communication in a situation of uncertainty // Actual problems of communication: theory and practice: materials of the X1 All-Russian Scientific and Practical Conference (Ufa, October 31, 2019). – Ufa: RIC BASHGU, 2019. – 244 p. – P. 203–207.
6. Khabibullina Z.N. Transformation of values of public consciousness // Social and humanitarian knowledge. 2020. No. 5. pp. 328–333.

Симулякры массового сознания как новое средство ведения вооруженной борьбы

Петряков Кирилл Сергеевич,

адъюнкт Военного университета имени князя Александра Невского
Министерство обороны Российской Федерации
E-mail: kirill-petryak@mail.ru

В статье рассматривается феномен симулякров, то, как они создают образы-копии и формируют сознание масс. Автор показывает, как видоизменялись симулякры в различные исторические отрезки в решении вопросов человеческого жизнебытия, и как они используются в настоящий момент времени факторами общественного развития в решении своих геополитических и стратегических целей достижения национальных интересов. В качестве примера приведены события в период проведения Россией специальной военной операции на территории Украины.

Ключевые слова: симулякры; идолы; фантазмы; образы-копии; гиперреальность; информационное пространство.

Современная геополитическая обстановка в мире, борьба различных стран и их коалиций за влияние на ход и исход мирового развития заставляют каждого человека по-новому смотреть на происходящие события и строить свое отношение к ним на основе имеющихся и вновь создаваемых технологий и средств воздействия, особенно на сознание и мировоззрение народа. Не стали исключением и события, связанные с проведением специальной военной операции России в Украине, направленной на денацификацию и демилитаризацию украинского государства.

Но начало и ход специальной военной операции затронули не только две страны – Россию и Украину, а практически все страны мирового сообщества, поделив их на два противоположных лагеря. В одном – страны коллективного Запада (преимущественно члены блока НАТО во главе с США), которые на протяжении последних лет не только «закрывали глаза» на происходившие в Украине события, а именно: государственный переворот и силовой захват власти, военные преступления против мирного населения, возрождение и предвосхищение фашизма, ксенофобию русскоязычного населения, подмену контекста исторических событий в части касающихся заслуг советского народа в победе над немецко-фашистскими войсками, но и всячески потворствовали украинским властям в проведении оголтелой антироссийской политики, активно применяющие «социальные технологии» [6, с. 291]. Главной целью для стран данной группы является использование территории Украины для создания военных баз НАТО и расширение блока на восток к границам Российской Федерации.

И с другой стороны – это Россия и ряд поддерживающих ее стран в целях проведения специальной военной операции, а также тех, кто занимает нейтральную позицию по отношению к событиям в Украине. Во всяком случае, представители официальных властей данной группы практически открыто заявляют свое позитивное отношение к позиции России, которая не намерена больше терпеть продвижение «западных партнеров» в рамках блока НАТО к своим границам, ксенофобию русскоязычащего населения, геноцид граждан Донецкой и Луганской народных республик за их исторический выбор, перспективу создания вдоль своих границ иностранных военных баз и размещения на них оружия массового поражения и угрозу его применения киевским режимом по первому приказу своих покровителей.

В продолжающемся открытом противостоянии между Россией и Украиной, где в привычном понимании вооруженной борьбы помимо того, что используется личный состав частей и подразделений армий двух стран, применяются вооружение и военная техника, осуществляется зачистка территории от противника, гибнут люди, в том числе и мирное население, противостояние также развивается и на других плацдармах жизнебытия – в информационном, финансово-экономическом, духовно-нравственном, аксиологическом и иных пространствах. Так, основная поддержка, оказываемая Западом украинским властям в контексте проведения Россией специальной военной операции на территории Украины, выразилась в объявлении финансово-экономических санк-

ций и заявлениях ряда стран, в частности, Британией, о полном «разрушении» российской экономики в целях принуждения России к прекращению военных действий.

Но огромный интерес все же представляют события, разворачивающиеся в информационном и духовно-ценностном пространствах, где, как создается впечатление, происходят события в абсолютно иной реальности. В подконтрольных правительствам двух стран масс-медиа во всеуслышание публикуется информация, достоверность которой вызывает сомнение, а на известных новостных каналах и в популярных социальных сетях, таких, как Instagram, Telegram, YouTube и др., в открытую размещаются «фейковые» новости. Некоторые популярные блогеры, имеющие тысячную и миллионную аудитории, обращаясь к своим подписчикам, публикуют призывы (в нарушение ст. 20.2 КоАП РФ) выходить на улицы своих городов и проводить несогласованные акции протеста и, таким образом, бороться с нынешней «антинародной властью». Во всех этих событиях и в их освещении большой интерес вызывают симулякры, которые начинают возникать в сознании масс и находят свое воплощение в конкретных поступках и действиях части населения как одной, так и противоположной сторон.

Что же такое симулякр и как он проявляется в массовом сознании населения? *Симулякр* (фр. *simulacre* от лат. *simulacrum* – подобие, копия) – это ключевой термин постмодернистской философии, который означает изображение, копию того, чего на самом деле не существует. Сегодня это понятие, введение в научный оборот которого и применение его для интерпретации реалий окружающего мира приписывается французскому философу Жану Бодрийяру, разумеется, как социокультурное событие или произведение, копирующие форму исходного образца. Симулякр может касаться каких угодно вещей и смыслов. В действительности симулякр – это понятие философского дискурса, которое впервые появилось в античной научной мысли для характеристики наряду с образами-копиями вещей таких образов, которые далеки от подобия вещам и выражают душевное состояние, фантазмы, химеры, фантомы, призраки, галлюцинации, репрезентации снов, страхов, бреда [8, с. 542]. Остановимся более подробно на истории возникновения и использования данного феномена в различных ситуациях жизнебытия человека и общества.

Так, в античной философии проблему возникновения симулякров начали рассматривать в связи с необходимостью поиска соответствия образа сущности вещи или ее образу. Акцент делался на оригинальности подобия, а образы-копии, далекие от подобия, по мнению мыслителей, вели к заблуждениям. В частности, Аристотель в своих работах подчеркивал, что «мыслящее мыслит формы в образах (*phantasmata*)», которые могут быть двоякого рода – возникающие при наличии предметов, данных в ощущениях (*aisthemata*) и без них, проясняя то, «к чему следует стремиться и чего следует избегать» [1, с. 101].

В Средние века велись длительные споры о том, как понимать, что такое человек – образ (*imago*) или подобие (*similitudo*) Бога, который после грехопадения остается образом, но не подобием Бога [7, с. 296]. Так, Боэций утверждал, что человеческий ум имеет дело с неопределимостью вещи через родовидовые отношения и с непостижимостью умом Бога. Не приемля мистического отказа от рационального постижения мира природы, он подчеркивает, что и «праздное воображение» рисует то, чего нет, измышляя несуществующее силой воображения (*imaginatio*), и мысль, благодаря актам абстрагирования, «мыслит не то, что есть на самом деле» [3, с. 80].

Философия Нового времени направлена на постижение природы как системы естественных тел и на очище-

ние разума от того, что мешает познанию. Среди такого рода препятствий на пути человеческого познания – идолы, создаваемые или усваиваемые человеком. К примеру, учение о приобретенных и врожденных идолах развертывает Ф. Бэкон [4, с. 307–311], который трактует идола как призраки, как заблуждения человеческого ума.

Современный постмодернизм обратился к понятию симулякра, чтобы подтвердить идею о том, что творчество человека – это творчество образов, далеких от подобия вещам и выражающих состояния души человека (надежды, страхи, способы видения и т.п.), и ничего более. Уже язык представителями постмодернизма трактуется как «высочайший из симулякров», о чем писал Ж. Делез [5, с. 371]. Если в античной философии симулякр – это образ вещи, правда, далекий от подобия, то современный постмодернизм проводит различие между копией и симулякром, положив в качестве его источника концепт, производящий впечатления и чувственные образы, не изображающие чего-то внешнего, а симулирующие идею. Симулякр – результат воплощения в слове, художественном произведении и инсталляциях невыразимого, мистического «внутреннего опыта». Симулякр рассматривается как образ, лишенный сходства с предметом, но создающий эффект подобия.

Ж. Бодрийяр, например, характеризуя современность как истерию производства и воспроизводства реального, связывает симуляцию и симулякр. Представление становится симулякром, если оно отражает глубинную реальность, маскирует или денатуризирует ее, маскирует отсутствие глубинной реальности или вообще не соотносится с какой-либо реальностью [2, с. 87].

Очевидно, что симулякры как образы-копии в различные времена по-разному воспринимались в своем влиянии на людей и имели различный эффект от их применения. Это позволяет заключить, что *симулякр* – это *образ-копия вещи или события, которые далеки от оригинала или реальности, возникающие самостоятельно или под воздействием извне и направленные на формирование определенного настроения или отношения к какому-либо действию или событию*. Как представляется, данное определение отражает все имеющиеся свойства симулякра и наглядно представляет его использование в современных условиях.

Для подтверждения данной мысли приведем наглядный пример возникновения и демонстрации симулякра и гиперреальности в период проведения операции армии США «Буря в пустыне» в качестве поучительного информационного фейка.

10 октября 1990 года 15-летняя кувейтская девушка по имени Наира ас-Сабах перед Комиссией по правам человека Конгресса США эмоционально, со слезами на глазах, рассказала, что, работая в одной из кувейтских больниц, видела, «как вооруженные иракские солдаты ворвались в больницу, выбросили из инкубаторов новорожденных детей и оставили их умирать на холодном полу» [14]. Показания Наиры много раз цитировались сенаторами и Президентом США Джорджем Бушем и способствовали росту голосов за поддержку Кувейта вооруженным путем в войне против Ирака (известную как война в Персидском заливе). Но впоследствии, уже после интервенции США в Ирак, выяснилось, что Наира является дочерью кувейтского посла в Соединённых Штатах Сауда Нассера ас-Сауда ас-Сабах. Также стало очевидным, что ее «показания» были выдуманы американским PR-агентством Hill&Knowlton, нанятым правительством Кувейта в целях дезинформации и манипуляции общественным мнением.

В настоящее время «показания Наиры» считаются классическим примером фальсификации и дезинформации, но это событие следует рассматривать в первую

очередь как классический пример создания симулякра. Наира рассказала душещипательную историю со своим сюжетом, своим отношением к происходящему, придавая краски тем моментам, которые она считала наиболее важными и значимыми, и опуская, на ее взгляд, ненужные детали. Все это привело к возникновению симулякров – образов-копий, далеких от действительности, с целью вызвать у слушателей/зрителей определенные эмоции, в нашем случае – жалости, сочувствия и сострадания, сформировать определенное отношение к конкретной ситуации. В данном случае это было использовано в целях осуждения действий иракской армии и правящего режима Президента Ирака Саддама Хусейна, желания оказать помощь, пусть даже вооруженным путем. И это сработало! Пусть и в дальнейшем было доказано, что слова Наира были ложью, цель была достигнута – американские войска вторглись на территорию Ирака, дабы помочь «несчастному» кувейтскому народу и «нести свою демократию» в государство-тиранию (Ирак).

Еще один наглядный пример создания симулякров, но уже в другом месте и в другое время – применение химического оружия в Восточной Гуте.

Так, 21 августа 2013 года в пригороде сирийской столицы Дамаска – Гуте – по жилым кварталам, находящимся под контролем правительственной оппозиции, был произведен пуск нескольких ракет с боеголовками, содержащими отравляющее вещество нервно-паралитического типа – зарин. По данным различных источников, число жертв данной атаки составляло от «не менее 281» до 1429 сирийцев, в том числе 426 детей [9].

После произошедшего в мировых СМИ началась полномасштабная информационная баталия, в ходе которой сирийские власти в ужасающем факте убийства мирных жителей винили правительственную оппозицию, оппозиция, в свою очередь, в атаке мирного населения обвиняла официальную власть [10]. В данном информационном противостоянии, результатах отношения к событиям со стороны мирового сообщества вновь наблюдается возникновение симулякров – начало возникновения определенных образов, далеких от действительности.

И вновь это сработало. В развернувшуюся информационную баталию включились страны мирового сообщества (Россия, США, Франция, Великобритания, Израиль и др.), поддерживающие одну из сторон и преследующие в сирийском конфликте сугубо свои национальные интересы. Большинство стран заявило о имеющихся у них неопровержимых доказательствах [13; 17], обличающих виновника трагедии, но за исключением России, никто их не представил [11].

Последствия химической атаки, а именно проблемы пострадавших в ней сирийцев больше никого не интересуют. Вся информационная компания свелась к поиску виновника, при этом страны не скупаются на доводы в доказывании именно своей правоты, пусть они зачастую выглядят абсурдно, но все равно продолжают формировать массовое сознание с помощью такого феномена как симулякры.

Точно такие же приемы используются и сейчас, в ходе проведения Россией специальной военной операции на территории Украины. В качестве примера приведем события в украинском городке Буча и его окрестностях – пригороде Киева.

Общеизвестно, что в период с 5 по 31 марта 2022 года город Буча находился под контролем российских войск, где была создана тыловая база для обеспечения наступления на г. Ирпень. После оставления российскими войсками города, 1 апреля в Бучу вошли украинские войска и ведущими мировыми СМИ начала распространяться информация, фото и видеосвидетельства послед-

ствий массовых убийств мирных жителей [12]. По заявлениям украинской стороны, в Буче было найдено свыше 400 тел [15]. Убийства в Буче осудили некоторые активисты, политики и деятели культуры России, Украины и многих стран мира. Президент Украины Владимир Зеленский и ряд европейских политиков данное событие как проявление «геноцида».

Россия, в свою очередь, заявила о непричастности своей армии к гибели мирного населения и обвинила украинскую сторону в фабрикации многочисленных доказательств (включающих фото- и видеоматериалы, свидетельства очевидцев и журналистские расследования). Президент России Владимир Путин назвал сообщения о гибели гражданского населения в Буче от рук российских войск «фейком», сравнив их со свидетельствами применения химического оружия правительственными войсками в Сирии, которые Россия также называет постановочными [16].

Своими обвинениями в адрес России Запад создает в сознании своего народа гиперреальность, где Российской Федерации приписывается роль гегемона, агрессора, убийцы женщин и детей. Это, как уже очевидно, делается для того, чтобы попытаться ослабить российскую экономику и военную мощь страны путем объявлением экономических санкций, дестабилизировать сознание населения России и «посеять» в их умы сомнения относительно правильности принимаемых Правительством решений, оправдать отправку вооружения не для скорейшего прекращения кровопролития между двумя славянскими народами, а наоборот, для затягивания конфликта в целях воевать против России до последнего украинского солдата.

Средства и способы возникновения симулякров в связи с высокой информатизацией населения становятся все более и более технологичными. Сегодня уже больше не нужно, как показано в примере с девочкой Наирой, использовать человека для донесения ложной информации, достаточно просто, как показано в ситуациях в Восточной Гуте и Буче, использовать новостной канал для показа, фото и видеоматериала, раскрывающего какие-либо негативные события, будь то лежащие в результате падения ракеты, издевательства над военнопленными или женщинами и детьми и т.д. Это все вызывает бурные эмоции в массовом сознании, и достаточно просто сказать, что этот видеоролик был снят сегодня или вчера, назвать виновника происходящего, и «вуаля»: симулякр создал новую гиперреальность, на которую можно реагировать, исходя из своих геополитических и стратегических интересов. Со всей очевидностью, следует констатировать о наступлении такого времени, когда человек не представляет своей жизни без Интернета и технических устройств, позволяющих осуществлять выход в интернет-пространство из любой точки земного шара. А это в значительной мере способствует без малейших трудностей созданию симулякров в целях формирования массового сознания, борьбы за умы и ценностные предпочтения народных масс в отношении тех или иных происходящих событий на геополитическом пространстве современной планеты.

Литература

1. Аристотель. О душе / предисловие В.К. Сержникова; перевод и примечания П.С. Попова. – Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 179 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. – Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
3. Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. – Москва: Наука, 1990. – 414 с.

4. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступит. статья А.Л. Субботина. – Москва: «Мысль», 1977. – 567 с.
5. Делез Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. – Москва: Академический Проект, 2011. – 472 с.
6. Кафтан В.В., Петрий П.В. Аксиология воинского служения: монография. – Москва: ВУ, 2017. – 372 с.
7. Неретина С.С. Верующий разум. Книга Бытия и Салический закон. – Архангельск: Издательство Поморского международного педагогического университета им. М.В. Ломоносова, 1995. – 319 с.
8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. III. – Москва: Мысль, 2010. – 692 с.
9. Мартынычев П. Обама замахнулся для удара по Сирии [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2013. 01 сентября. URL: <https://ria.ru/20130901/959948417.html> (дата обращения: 09.04.2022).
10. ООН: Причастность сирийских властей к химической атаке не доказана [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2013. 28 августа. URL: <https://rg.ru/2013/08/28/vistuplenie-anons.html> (дата обращения: 10.04.2022).
11. Россия представила ООН доказательства фальсификации химатаки в Думе [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2020. 21 января. URL: <https://ria.ru/20200121/1563653363.html> (дата обращения: 19.04.2022).
12. Boffey D., Farrer M. 'They were all shot': Russia accused of war crimes as Bucha reveals horror of invasion [«Их всех расстреляли»: Россию обвинили в военных преступлениях, когда Буча раскрыла ужас вторжения] [Электронный ресурс] // The Guardian. 2022. 03 апреля. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/03/they-were-all-shot-russia-accused-of-war-crimes-as-bucha-reveals-horror-of-invasion> (дата обращения: 26.04.2022).
13. French tests confirm Syrian regime used chemical weapons [Французские тесты подтверждают, что сирийский режим использовал химическое оружие] [Электронный ресурс] // The Hindu. 2013. 05 июня. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/world/article60414331.ece> (дата обращения 19.04.2022).
14. Nayirah Kuwaiti girl testimony [Электронный ресурс] // YouTube. 1990. 10 октября. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LmfVs3WaE9Y> (дата обращения: 27.03.2022).
15. Mayor of Ukraine's Bucha says 403 bodies found so far [Мэр украинской Бучи говорит, что к настоящему времени найдено 403 тела] [Электронный ресурс] // Reuters. 2022. 12 апреля. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/mayor-ukraines-bucha-says-403-bodies-found-so-far-2022-04-12/> (дата обращения: 26.04.2022).
16. Putin calls situation in Ukrainian town of Bucha 'fake' [Путин назвал ситуацию в украинском городе Буча «фейковой»] [Электронный ресурс] // Reuters. 2022. 12 апреля. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/putin-calls-situation-ukrainian-town-bucha-fake-2022-04-12/> (дата обращения: 26.04.2022).
17. Sanger D., Rudoren J. Israel Says It Has Proof That Syria Has Used Chemical Weapons [Израиль говорит, что у него есть доказательства того, что Сирия использовала химическое оружие] [Электронный ресурс] // The New York Times. 2013. 23 апреля. URL: <https://www.nytimes.com/2013/04/24/world/middleeast/israel-says-syria-has-used-chemical-weapons.html> (дата обращения: 19.04.2022).

SIMULACRA OF MASS CONSCIOUSNESS AS A NEW MEANS OF CONDUCTING ARMED STRUGGLE

Petryakov K.S.

Military university named after prince Aleksander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article discusses the phenomenon of simulacra, how they create image copies and form the consciousness of the masses. The author shows how simulacra has been modified in various historical periods in solving issues of human existence, and how they are currently being used by actors of social development in solving their geopolitical and strategic goals of achieving national interests. As an example, the events during the period of Russia's special military operation on the territory of Ukraine are given.

Keywords: simulacra; idols; phantasms; images-copies; hyperreal-ity; information space.

References

1. Aristotle. On the Soul / preface by V.K. Serezhnikov; translation and notes by P.S. Popov. – Moscow: State Socio-Economic Publishing House, 1937. – 179 p.
2. Baudrillard Zh. Simulacra and simulations / translated from the French by A. Kachalov. – Moscow: Publishing House «POSTUM», 2015. – 240 p.
3. Boethius. «Consolation by philosophy» and other treatises. – Moscow: Nauka, 1990. – 414 p.
4. Bacon F. Essays: in 2 vols. Vol. 1 / comp., general ed. and will join. article by A.L. Subbotin. – Moscow: Thought, 1977. – 567 p.
5. Deleuze J. Logic of meaning / translated from the French by Ya.I. Svirsky. – Moscow: Academic Project, 2011. – 472 p.
6. Kaftan V.V., Petri P.V. Axiology of military service: monograph. – Moscow: WU, 2017. – 372 p.
7. Neretina S.S. The believing mind. The Book of Genesis and the Salic Law. – Arkhangelsk: Publishing House of the Pomeranian International Pedagogical University named after M.V. Lomonosov, 1995. – 319 p.
8. The New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols. Vol. III. – Moscow: Mysl, 2010. – 692 p.
9. Martynychev P. Obama swung for a strike on Syria [Electronic resource] // RIA News. 2013. September 01. URL: <https://ria.ru/20130901/959948417.html> (accessed: 04.09.2022).
10. UN: The involvement of the Syrian authorities in the chemical attack has not been proven [Electronic resource] // RIA News. 2013. August 28. URL: <https://rg.ru/2013/08/28/vistuplenie-anons.html> (accessed: 04.10.2022).
11. Russia presented to the UN evidence of falsification of the chemical attack in the Duma [Electronic resource] // RIA News. 2020. January 21. URL: <https://ria.ru/20200121/1563653363.html> (accessed: 04.19.2022).
12. Boffey D., Farrer M. 'They were all shot': Russia accused of war crimes as Bucha reveals horror of invasion [Electronic resource] // The Guardian. 2022. 03 April. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/03/they-were-all-shot-russia-accused-of-war-crimes-as-bucha-reveals-horror-of-invasion> (accessed: 04.26.2022).
13. French tests confirm Syrian regime used chemical weapons [Electronic resource] // The Hindu. 2013. June 05. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/world/article60414331.ece> (accessed 04.19.2022).
14. Nayirah Kuwaiti girl testimony [Electronic resource] // YouTube. 1990. October 10th. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LmfVs3WaE9Y> (accessed: 03.27.2022).
15. Mayor of Ukraine's Bucha says 403 bodies found so far [Electronic resource] // Reuters. 2022. April 12. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/mayor-ukraines-bucha-says-403-bodies-found-so-far-2022-04-12/> (accessed: 04.26.2022).
16. Putin calls situation in Ukrainian town of Bucha 'fake' [Electronic resource] // Reuters. 2022. April 12. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/putin-calls-situation-ukrainian-town-bucha-fake-2022-04-12/> (accessed: 04.26.2022).
17. Sanger D., Rudoren J. Israel Says It Has Proof That Syria Has Used Chemical Weapons [Electronic resource] // New York Times. 2013. April 23. URL: <https://www.nytimes.com/2013/04/24/world/middleeast/israel-says-syria-has-used-chemical-weapons.html> (accessed: 04.19.2022).

Волонтерство как проявление проективной активности молодежи

Егошин Вадим Игоревич,

аспирант ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

E-mail: vadim.egoshin@mail.ru

В данной статье рассматривается суть понятия «волонтерство», некоторые аспекты развития волонтерства в России, основные направления развития волонтерского движения, особенности участия студентов в волонтерском движении, специфика влияния волонтерского движения на развитие личности его участников студентов. Также приведены некоторые аспекты мероприятий волонтерского движения, которые реализуются в России, в том числе с участием студентов.

Ключевые слова: волонтерство, студенчество, юношеский возраст, добровольчество, личностное развитие.

Период молодежного возраста – время развития личности во многих аспектах, начиная от профессионального самоопределения, заканчивая формированием восприятия себя в качестве взрослого человека. Данный период можно также охарактеризовать высокой степенью инициативности и желанием проявить себя, активно развиваясь в том или ином направлении.

Педагогическая ценность добровольческой деятельности достаточно велика. Формируется большое количество свойств, специфичных для гармоничной, всецело развитой личности. К примеру, данная деятельность может помочь в профессиональном самоопределении ее участников за счет того, что они имеют возможность действовать в различных профессиональных сферах и наблюдать за действиями представителей той или иной профессии, составляя более полное представление о ней. Кроме того, подобная форма деятельности содействует формированию активной гражданской позиции и развитию патриотизма, так как молодые люди становятся непосредственными участниками, а в некоторых случаях организаторами значимых для страны событий. Другими словами, они участвуют в создании истории России, что, несомненно, становится фактором, стимулирующим развитие чувства гордости за свою страну.

Термин «волонтер» имеет французское происхождение, и означает «желающий», «доброволец». Согласно определению Организации Объединенных Наций, «добровольчество» (волонтерство) как духовное свойство и гражданская добродетель имеет глубокие корни в человеческой духовности, обусловленные общественной природой человека. Чувствовать боль и сопереживать нуждам окружающих людей, проявлять заботу о них, оказывать им добровольную и безвозмездную помощь своими действиями и поступками – все это является проявлением высших альтруистических человеческих побуждений, когда люди помогают друг другу из любви и сострадания [1].

В России добровольческое движение стало энергично развиваться в конце 80-х годов XX века, причем, в том или ином виде оно действовало всегда, например, в виде тимуровского и пионерского движений, разнообразных обществ охраны природы и памятников.

Отечественное волонтерское движение, чаще всего, ориентировано на участие в нем молодежи, которая пока не связана разнообразными семейными и трудовыми обязательствами, следовательно волонтерские организации чаще всего формируются на базе высших учебных заведений. Зачастую их направления работы коррелирует с основным течением деятельности студентов, и будущие педагоги, врачи и социальные работники бескорыстно используют приобретенные знания на практике. Методологической основой всего этого являются образовательные технологии проектно-созидательной модели обучения. Одним из ключевых моментов в этом процессе является развитие мотивационно-смысловой сферы личности [6, с. 70]. Введение проектно-созидательной гуманитарной программы в благие поступки волонтерства во всех сферах жизнедеятельности пронизаны добром и стремлением сделать окружающий мир более человеческим.

В подходах к определению сущности термина «волонтерское движение» можно отметить присутствие некоторых отличий, детерминированных тем фактом, что

разные авторы сосредотачиваются на конкретные нюансы данного многоаспектного общественно-культурного явления. Тем не менее, между разными мнениями не наблюдается противодействия, так как они взаимно дополняют друг друга, в сочетании создавая целостную картину, позволяющую полноценно представить особенно важные его аспекты.

Отдельные исследователи к значимым параметрам деятельности волонтеров причисляют общественную значимость ее результатов. В исследовании Кудринской Л.А. «Добровольческий труд: опыт теоретической реконструкции» [5, с. 16] волонтерство рассматривается как добровольческий труд. Она указывает на то, что добровольческий труд – это непосредственная благотворительная деятельность. Согласно ее представлениям, волонтерская деятельность не связана с возрастом, этнической принадлежностью и общественным положением. Волонтерство можно обозначить как альтруизм, то есть моральный принцип, обуславливающий проявление сострадания и милосердия к другим людям, бескорыстное служение им и готовность к самоотречению во имя их блага [6, с. 67]. Следовательно, можно утверждать то, что добровольчество опирается на участие человека в решении общественно-важных вопросов социума, которое не направлено на решение задач извлечения прибыли, материальной оплаты или карьерного роста за выполняемую работу. Основная задача, решаемая человеком, осуществляющим добровольческую деятельность, содержится в получении удовлетворения своих личных и общественных потребностей путем оказания помощи окружающим людям.

Добровольчество может носить неорганизованный и организованный характер. Неорганизованный характер отмечается в тех ситуациях, когда деятельность обусловлена непосредственным, стихийным выражением желания человека оказать помощь окружающим людям, как правило, в тех случаях, когда происходит чрезвычайная ситуация, стихийное бедствие, техногенная катастрофа.

Управляемая (организованная) волонтерская деятельность реализуется посредством некоммерческих, государственных или бизнес-предприятий в форме спланированного и контролируемого процесса по развитию, управлению предоставлением волонтерских услуг и обучению способам волонтерского управления, реализуемого специально обученными субъектами, действующими на оплачиваемой или на добровольной основе [1].

Добровольческая деятельность молодежи российского общества на сегодняшний день представляет собой один из видов добровольной некоммерческой общественной работы, в первую очередь студентов, как максимально активной и креативной социальной группы. Рассматривая организацию волонтерства со студентами, необходимо помнить о том, что студент будет осуществлять ту деятельность, к которой имеет предрасположенность. Это такие области как окружающая среда (помощь животным, помощь при катастрофах, уборка территории), здоровье (донорство, помощь в медицинских организациях), адвокаты (регистрация избирателей, помощь при проведении выборов, деятельность, связанная с судебной, криминальной системой, гласность), бездомные и голодающие (обеспечение и организация питания, сбор продовольствия, работа в приютах), семьи и дети (критические ситуации), помощь персоналу, фандрайзинг, обучение компьютерным технологиям и т.д.

Большое значение имеет деятельность молодых волонтеров в среде представителей своей возрастной категории. Так, при чтении лекций в центре планирования

семьи по проблемам алкоголизма, наркомании и СПИДа молодые волонтеры описывают ровесникам свой опыт борьбы с вредными привычками или опыт своих родственников, друзей, близких людей, что имеет огромное воздействие и, соответственно, эффект в молодежной среде. Соответственно, волонтерская деятельность постепенно приобретает популярность, становясь массовым [3].

Волонтерские проекты могут иметь весьма различную форму. Это занятия с детьми в школах, сбор консервированных продуктов для голодающих, изготовление игрушек и поделок для детских больниц, посадка деревьев и цветов на территории города, уход за животными, работа в приютах для бездомных, в домах для престарелых, помощь различным общественным организациям. Включению студентов в волонтерское движение помогает и конкретная образовательная методика «обучения служению» (service-learning), которая применяется преподавателями разнообразных предметов [1]. Необходимо заметить, что данная методика обретает все более широкую популярность. Ее сущность заключается в том, что обучающая деятельность соотносится с практикой в течение всего периода изучения конкретной дисциплины.

Студенты с начала семестра посещают определенные компании или предприятия в сопровождении педагога, с целью установления того, какие знания для эффективной деятельности в той или иной области им понадобятся. Считается, что это способствует повышению мотивации в плане изучения программы вуза. Особую значимость приобретают гуманитарные технологии, которые позволяют научиться ориентироваться в разных ситуациях: понимание устойчивости социальных стереотипов, умение работать с установками людей и изменять их сознание, умение управлять командой в отношении нацеленности на результат [7, с. 231].

Направления волонтерской деятельности детско-молодежных объединений довольно разнообразны и охватывают все сферы общественной жизни и деятельности. Это позволяет молодым людям выбрать для себя то направление деятельности, которое в большей степени соответствует их стремлениям.

К наиболее распространенным направлениям деятельности волонтерских движений относятся социальная помощь наиболее незащищенным категориям лиц (пожилые, дети-сироты), помощь в больницах, помощь животным, работа в творческом направлении, помощь в сохранении исторического наследия и достопримечательностей, поддержка разнообразных общественных и спортивных мероприятий. Выбор того или иного направления связан не только с интересами, но и психологическими особенностями волонтеров, такими, например, как способность быстро налаживать положительные контакты с другими людьми, либо переносить большие психологические нагрузки.

Каждый год во всем мире осуществляется несколько весьма важных для молодежного волонтерского движения мероприятий [4], внутри которых интегрируется большое количество небольших мероприятий.

Международный день добровольцев, который отмечается 5 декабря, был установлен Организацией Объединенных Наций 17 декабря 1985 г. С 2017 года добровольцы России начали отмечать этот день вместе с другими странами мира. В России с данного момента сложился новый гражданский обычай отмечать Международный день добровольцев реализацией Недели добровольцев, которая первоначально охватывала две даты: 3 декабря – Всемирный день инвалидов, 5 декабря – Всемирный день добровольцев. Позднее неделя допол-

нилась другими датами: 1 декабря – Всемирный день борьбы со СПИДом, 10 декабря – Всемирный день защиты прав человека и 12 декабря – День Конституции РФ.

В ходе реализации подобных значительных и масштабных мероприятий, а также ежедневной деятельности молодежных объединений и организаций по всему миру и в России огромное количество молодежи осуществляют социально полезную деятельность. Молодежное волонтерское движение в современной России представляет собой один из самых продуктивных методов стабилизации социальной ситуации в обществе. Волонтерство в России не только развивается как часть общемировой тенденции, но и имеет свои собственные веши, уже сформировавшиеся в определенную традицию.

Литература

1. Бочанов М.М., Чернухина Е.Е. Волонтерское движение: российский опыт и мировая практика / М.М. Бочанов, Е.Е. Чернухина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2 (65).
2. Григорьев И.Н. Специфика организации волонтерства в молодежной среде / И.Н. Григорьев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 12 (68).
3. Козодаева Л.Ф. Добровольческая деятельность как основа воспитания нравственных качеств студенческой молодежи / Л.Ф. Козодаева // Вестник ТГУ. Тамбов, 2010. № 11 (91).
4. Минлин, В.Г. Роль волонтерства в общественной жизни (на примере местной молодежной общественной организации «ассоциация волонтеров Уфы») Республики Башкортостан / В.Г. Минлин // Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 29 октября 2020 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 112–115.
5. Молодежное добровольческое движение: факторы развития; условия привлечения и удержания волонтеров / З.А. Хуснутдинова, Э.Н. Сафина, Г.Р. Гареева, Т.Р. Кабиров // Педагогический журнал Башкортостана. – 2017. – № 3(70). – С. 118–124.
6. Хабибуллина З.Н. Особенности внедрения инноваций в современное образование // Философско-методологические аспекты научных и образовательных инноваций: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Уфа: РИЦ БашГУ. 2015. – 102 с. – С. 67–71.

7. Хабибуллина З.Н. «Общество знания» как сфера коммуникации // Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 23 ноября 2016 г.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 228–233.

VOLUNTEERING AS A MANIFESTATION OF THE PROJECTIVE ACTIVITY OF YOUTH

Egoshin V. Ig.
Bashkir State University

This article examines the essence of the concept of «volunteerism», some aspects of the development of volunteerism in Russia, the main directions of the development of the volunteer movement, the peculiarities of student participation in the volunteer movement, the specifics of the influence of the volunteer movement on the development of the personality of its student participants. Some aspects of the volunteer movement activities that are being implemented in Russia, including with the participation of students, are also given.

Keywords: volunteering, students, youth, volunteerism, personal development.

References

1. Bochanov M.M., Chernukhina E.E. Volunteer movement: Russian experience and world practice / M.M. Bochanov, E.E. Chernukhina // Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and social sciences. 2015. No. 2 (65).
2. Grigoriev I.N. Specificity of the organization of volunteering in the youth environment / I.N. Grigoriev // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. 2008. No. 12 (68).
3. Kozodaeva L.F. Volunteering as a basis for educating the moral qualities of student youth / L.F. Kozodaeva // Bulletin of TSU. Tambov, 2010. No. 11 (91).
4. Minlin, V.G. The role of volunteering in public life (on the example of the local youth public organization «Association of Volunteers of Ufa» of the Republic of Bashkortostan) / V.G. Minlin // Actual Problems of Communication: Theory and Practice: Proceedings of the XII All-Russian Scientific and Practical conference, Ufa, October 29, 2020. – Ufa: Bashkir State University, 2020. – P. 112–115.
5. Youth volunteer movement: development factors; conditions for attracting and retaining volunteers / Z.A. Khusnutdinova, E.N. Safina, G.R. Gareeva, T.R. Kabirov // Pedagogical journal of Bashkortostan. 2017. No. 3(70). P. 118–124.
6. Khabibullina Z.N. Features of the introduction of innovations in modern education // Philosophical and methodological aspects of scientific and educational innovations: materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation). – Ufa: RIC BashGU. 2015. – 102 p. – pp. 67–71.
7. Khabibullina Z.N. «Knowledge Society» as a sphere of communication // Actual problems of communication: theory and practice: materials of the VIII All-Russian scientific and practical conference (Ufa, November 23, 2016). – Ufa: RIC BashGU, 2016. – P. 228–233.

Субъективное время индивидов с ограниченными возможностями и проблема становления традиционных ценностей во включающем обществе

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» – Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
E-mail: vitl_2002@list.ru

Дзуба Любовь Михайловна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
E-mail: Dzuba017@mail.ru

Музыка Оксана Анатольевна,

профессор, доктор философских наук, кафедра теории и философии права Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
E-mail: omuzika@gmail.com

Рассматривается проблематика, связанная с теоретическими и практическими вопросами становления включающего общества. Показывается, что систематическое исследование традиционных ценностей в контексте субъективного времени индивида связано со своеобразной аккумуляцией общезначимо-неизменных ценностей и ценностей их субъективного отражения. Демонстрируется, что традиционные ценности индивида с ОВ определяют целерациональный и деятельностный спектр индивидуальных ориентаций и предпочтений, значимых в контексте синтез эмоциональных и рациональных моментов человеческой жизнедеятельности. Выявляются ситуации, в которых традиционные ценности и ценности особой группы людей с ОВ несут специфику восприятия и переживания в рамках субъективного времени индивида особенностей качества своей жизни и формируют основные направления ее позитивной трансформации. Показывается, что индивид в рамках индивидуально-времени реально выходит из переживания периода своего существования в социальном бытии специальной группы, что инициирует перенесение приоритетов на систему традиционных ценностей. Исследуются ситуации повышенной оценки индивидом роли и места особой социальной группы относительно его целерациональной деятельности, он позиционирует свою экзистенцию в этой группе с укреплением и признанием собственной позиции, отражающей специфику становления индивидуально-наличного бытия. Постулируется, что индивид не утрачивает базис характеристик своего уникального существования и комплекса индивидуальных ценностей и предпочтений с учетом особых интеллектуальных и психологических параметров, и с позиции традиционных ценностей, выступающих основой индивидуального существования в группе людей с ОВ. Отмечается, что включающий социум аккумулирует и наполняется комплексами субъективных ценностей, определяющих специфические индивидуально-уникальные основания для становления аксиологической компоненты в поле интересубъективности.

Ключевые слова: традиционные ценности, интересубъективность, индивидуальные ценности, включающее общество, мир повседневности, индивидуальное бытие, ограниченные возможности (ОВ).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00515, <https://rscf.ru/project/22–28–00515/>, в рамках научно-исследовательского проекта «Субъективное время индивидов с ограниченными возможностями во включающем обществе» (Руководитель: профессор В.В. Попов).

Введение

В современных социально-философских и социологических работах активно развивается проблематика, связанная с теоретическими и практическими вопросами становления общества инклюзии, что нашло отражение в интегральных исследованиях, касающихся становления включающего общества. В этой связи естественный интерес вызывает обращение к фундаментальным философским вопросам. Одним из таких вопросов является рассмотрение специфики и роли традиционных ценностей в контексте формирования особых социальных групп индивидов с ограниченными возможностями (ОВ).

Основная часть

Систематическое исследование традиционных ценностей в контексте субъективного времени индивида связано со своеобразной аккумуляцией общезначимо-неизменных ценностей и ценностей их субъективного отражения и представляет интегрированный комплекс взглядов и представлений на совершенное, подлинное социальное бытие. В обществе инклюзии традиционные ценности выражают как базовые, так и производные характеристики наличного бытия индивида с ограниченными возможностями, причем приоритетно – свободу индивида относительно внешнего социального бытия, выступающего источником объективной детерминации. Традиционные ценности индивида с ОВ определяют целерациональный и деятельностный спектр индивидуальных ориентаций и предпочтений, значимых в контексте синтез эмоциональных и рациональных моментов человеческой жизнедеятельности.

Традиционные ценности и ценности особой группы людей с ОВ несут специфику восприятия и переживания в рамках субъективного времени индивида особенностей качества своей жизни и формируют основные направления ее позитивной трансформации. Комплексы традиционных ценностей определяют базовые ценностные предпочтения индивида с ограниченными возможностями в особых социальных группах. В связи с этим аксиологический фактор представляется основополагающим в рамках социализации индивида с ОВ в процессе его вхождения во временном периоде в группу людей с ОВ. Как правило, в ситуациях повышенной оценки индивидом роли и места особой социальной группы относительно его целерациональной деятельности, он позиционирует свою экзистенцию в этой группе с укреплением и признанием собственной позиции, отражающей специфику становления индивидуально-наличного бытия. При этом поле интересубъективности людей с ограниченными возможностями вносит в повседневный мир стереотипов и ценностей новые установки, смыслы и оценки собственно-индивидуального бытия. При комплексной реализации своих ценностных ориентаций и предпочтений в контексте распределения традиционных ценностей индивид достигает осмысления, понимания и интерпретации особенностей индивидуально-наличного бытия. Само индивидуально-наличное бытие касается

спектра человеческих рефлексивно-познавательных возможностей с акцентом на субъективное время, что формирует степень осознания и представления «должности» подобного бытия, отражающего интенциональность определения человеком основных характеристик своей экзистенции.

Специальная социальная группа людей с ОВ выступает своеобразным ценностным основанием бытия социального относительно индивидуально-наличного бытия индивида с ограниченными возможностями. Подобная социальная группа представляется для индивида пространством внешнего бытия, по отношению к которому человек осуществляет внутренне-осознанные темпоральные переживания в контексте проживания индивидуального бытия. Появляется ситуация корреляции индивидов и особой социальной группы, направленная на моделирование значимых направлений их жизнедеятельности. Индивид с ограниченными возможностями аккумулирует такие ситуации в свое субъективно-ценностное переживание и проживание индивидуально-наличного бытия, что предполагает и его одновременно интегральную оценку.

Оценивая наличное бытие особой группы людей с ОВ, индивид в рамках индивидуального времени реально выходит из переживания периода своего существования в социальном бытии специальной группы, что инициирует перенесение приоритетов на систему традиционных ценностей. Однако индивидуальные ценности становятся фактором, не позволяющим индивиду с ограниченными возможностями изменить собственную сущность, постулировать «самость» индивидуально-наличного бытия. Поэтому в сфере особой социальной группы индивид непосредственно включается в процессе осуществления ценностных предпочтений. Индивид не утрачивает базис характеристик своего уникального существования и комплекса индивидуальных ценностей и предпочтений с учетом особых интеллектуальных и психологических параметров, и с позиции традиционных ценностей, выступающих основой индивидуального существования в группе людей с ОВ. В этой связи, аксиологический аспект правомерно постулировать в качестве диалектического синтеза рационального и эмоционального в целерациональной деятельности индивида.

Конечно, ценности синтезируют социальные и личностно-значимые аспекты, что предполагает сочетание традиционных ценностей и системы ценностей особой группы людей с ОВ, аккумулируемых в сфере индивидуальных ценностей индивида с ограниченными возможностями. Отметим, что подобные ценности приобретают самостоятельный статус ценностей всеобщих, и они включают в себя набор ценностных предпочтений и характеристик индивидов, формирующих особую социальную группу. При этом утверждается общезначимость данной системы ценностей. С другой стороны, реализация диалектики единичного и всеобщего в совместном проживании индивидами бытия специальной социальной группы инициирует ситуации, в которых общезначимые традиционные ценности определяют становление локального ценностного пространства индивидов с ограниченными возможностями.

Традиционные ценности представляют системообразующий фактор социального пространства особой группы людей с ОВ. Данный фактор формирует интеллектуальный, нравственный и эмоциональный сегменты духовной сферы индивидов с ограниченными возможностями. При этом традиционные ценности определяют ориентиры, сценарии и направления целерациональной деятельности не только индивида с ОВ, но и особой со-

циальной группы, реализующей социально-значимые формы своего существования. Причем сами традиционные ценности не являются основными детерминантами жизнедеятельности особой группы, однако система традиционных ценностей влияет на направленность интеллектуальной практики в рамках функционирования подобной особой группы людей с ОВ.

Концепт интерсубъективности, как базовой характеристики субъективного времени индивида, предполагает исходно приоритетные задачи и цели ценностно-рациональной деятельности индивидов с ограниченными возможностями. Как следствие, индивиды должны не только осмысливать и понимать подобные задачи, но главное – адекватно интерпретировать их в контексте социально-значимых ценностных предпочтений и установок. В этой связи, правомерно обозначить основные критерии субъективного восприятия и оценки индивидов реальных процессов, реализующихся в повседневном пространстве особой группы, с учетом индивидуальных ценностных характеристик индивидов.

В этом проявляется синтез социально-значимых предпочтений и интерпретаций традиционных ценностей с акцентом на личностно-смысловые параметры. В рамках интерсубъективности осуществляется оценка бытия особой группы людей с ОВ, причем социальное бытие такой группы отражает ценности самого пространства интерсубъективности. В таком аспекте своеобразная корреляция социального бытия группы и субъективно-эмоциональных ценностей проявляется как интерпретация смысловой специфики диалога индивидов в мире повседневности специальной группы. Такая интерпретация определяет особенности познавательного пространства, в сегментах которого взаимодействуют индивиды с ограниченными возможностями. В обществе инклюзии, выступающем в качестве неотъемлемой части современного трансформирующегося общества, традиционные ценности, предпочтения и ориентации, представленные как вид информационно-ориентированной деятельности, непосредственно формируют основания субъективного существования индивида с ОВ. Они выражают его локально-экзистенциальные предпочтения и устремления к приобретению адекватной информации, связанной с пониманием специфики социального бытия группы людей с ОВ.

Заключение

Нелинейная система субъективных ценностей индивида реально оказывает влияние на социальное бытие специальной группы людей с ОВ. Включающий социум аккумулирует и наполняется комплексами субъективных ценностей, определяющих специфические индивидуально-уникальные основания для становления аксиологической компоненты в поле интерсубъективности. Целерациональная деятельность индивида с ограниченными возможностями получает направленность на распределение традиционных ценностей особой социальной группы. Приведенные интенции обозначают проблему, связанную с пониманием экзистенциальных базисных форм синтеза традиционных и индивидуальных ценностей.

Литература

1. Аверина Н.В., Лойтаренко М.В., Попов В.В., Щеглов Б.С. Особенности альтернативности в социальных трансформациях // Фундаментальные исследования. 2014. № 9–9. С. 2115–2119.
2. Вачков И.В. Полисубъективный подход к инклюзивному пространству // Инклюзивное образование: не-

прерывность и преемственность. Москва: МГППУ, 2019. С. 16–20.

3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Москва, Россия: Акад. Проект, 2009. 538 с.
4. Научные исследования: информация, анализ, прогноз // Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Воронина Л.В., Гринь А.И., Гущина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобкова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Парахонский А.П., Попрядухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.
5. Попов В.В. Логические и теоретические модельные аспекты исследования темпоральности в социально-философском дискурсе // Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 24.
6. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 419–421.
7. Попов В.В., Киселев С.А., Уколов А.О. Особенности структуры социального процесса в контексте исторических событий // Общество: философия, история, культура. 2016. № 11. С. 19–22.
8. Попов В.В., Лойтаренко М.В. Самоорганизующиеся системы в контексте постнеклассической науки // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 3–2. С. 177–178.
9. Попов В.В., Агафонова Т.П. Научная рациональность и рациональность в науке // Философия права. 2012. № 5 (54). С. 86–90.
10. Попов В.В., Щеглов Б.С., Усатова Ю.Н. Случайность в системе динамических категорий // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 25–29.
11. Попов В.В., Чаленко М.В. Специфика переходных состояний современного российского общества // Социально-гуманитарный вестник Юга России. – 2011. – № 7–8 (15–16). – С. 39–45.
12. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А., Уколов А.О. Концепция транзитивности в контексте трансформации социума // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Т. 5. № 5А. С. 114–122.
13. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 373–375.
14. Попов В.В., Музыка О.А. Специфика интервальной концепции времени: опыт концептуализации // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3–2. С. 36–39.
15. Шеманов А.Ю. Инклюзия в контексте современных дискуссий: философские и культурологические проблемы / Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография. М.: МГППУ, 2013. С. 25–38.
16. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // Pro et contra. 2015. № 2 (1). P. 6–19.

SUBJECTIVE TIME OF INDIVIDUALS WITH DISABILITIES AND THE PROBLEM OF FORMATION OF TRADITIONAL VALUES IN AN INCLUSIVE SOCIETY

Попов В.В., Дзюба Л.М., Музыка О.А.
А.П. Chekhov (branch) of Rostov State University of Economics (RINH),
Rostov State Economic University (RINH)

The problems associated with the theoretical and practical issues of the formation of an inclusive society are considered. It is shown that the systematic study of traditional values in the context of the individual's subjective time is associated with a kind of accumulation of universally valid and unchanging values and the values of their subjective reflection. It is demonstrated that the traditional values of an individual with disabilities determine the goal-oriented and activity spectrum of individual orientations and preferences that are significant in the context of the synthesis of emotional and rational aspects of human life. Situations are revealed in which the traditional values and values of a special group of people with disabilities carry the specifics of perception and experience within the subjective time of an individual of the features of the quality of his life and form the main directions of its positive transformation. It is shown that the individual, within the framework of individual time, actually leaves the experience of the period of his existence in the social existence of a special group, which initiates the transfer of priorities to the system of traditional values. The situations of an increased assessment by an individual of the role and place of a special social group in relation to its purposeful rational activity are investigated, he positions his existence in this group with the strengthening and recognition of his own position, which reflects the specifics of the formation of individual existence. It is postulated that the individual does not lose the basis of the characteristics of his unique existence and the complex of individual values and preferences, taking into account special intellectual and psychological parameters, and from the standpoint of traditional values that are the basis of individual existence in a group of people with disabilities. It is noted that the inclusive society accumulates and is filled with complexes of subjective values that determine specific individually unique grounds for the formation of an axiological component in the field of intersubjectivity.

Keywords: traditional values, intersubjectivity, individual values, including society, the world of everyday life, individual being, limited opportunities (OS).

References

1. Averina N.V., Loitarenko M.V., Popov V.V., Shcheglov B.S. Features of alternativeness in social transformations // Fundamental research. 2014. No. 9–9. pp. 2115–2119.
2. Vachkov I.V. Polysubject Approach to Inclusive Space // Inclusive Education: Continuity and Continuity. Moscow: MGPPU, 2019. P. 16–20.
3. Husserl E. Ideas towards pure phenomenology and phenomenological philosophy. Moscow, Russia: Acad. Project, 2009. 538 p.
4. Scientific research: information, analysis, forecast // Lipskaya T.A., Aldashova E.N., Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Donskikh T.P., Drozdova N.V., Egorov D.V., Ilchenko I.A., Kameneva I. Yu., Kolobkova N.N., Kondratieva M.V., Kopytina M. Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M., Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2009. Volume 25. 244 p.
5. Popov V.V. Logical and theoretical model aspects of the study of temporality in socio-philosophical discourse // Scientific Thought of the Caucasus. 2006. No. 1. S. 24.
6. Popov V.V., Muzyka O.A., Dziuba L.M. Factor and levels of temporality in the context of human subjective reality // Eurasian Law Journal. 2017. No. 4 (107). pp. 419–421.
7. Popov V.V., Kiselev S.A., Ukolov A.O. Features of the structure of the social process in the context of historical events // Society: philosophy, history, culture. 2016. No. 11. S. 19–22.
8. Popov V.V., Loitarenko M.V. Self-organizing systems in the context of post-non-classical science // International Journal of Experimental Education. 2014. No. 3–2. pp. 177–178.
9. Popov V.V., Agafonova T.P. Scientific rationality and rationality in science // Philosophy of Law. 2012. No. 5 (54). pp. 86–90.
10. Popov V.V., Shcheglov B.S., Usatova Yu.N. Randomness in the system of dynamic categories // Philosophy of Law. 2015. No. 1 (68). pp. 25–29.
11. Popov V.V., Chalenko M.V. Specifics of transitional states of modern Russian society // Social and Humanitarian Bulletin of the South of Russia – 2011 – No. 7–8 (15–16) – P. 39–45.
12. Popov V.V., Muzyka O.A., Kiselev S.A., Ukolov A.O. The concept of transitivity in the context of the transformation of socie-

- ty // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2016. V. 5. No. 5A. pp. 114–122.
13. Popov V.V., Muzyka O.A., Maksimova S.I. Alternative studies in the context of social development // Eurasian legal journal. 2017. No. 4 (107). pp. 373–375.
 14. Popov V.V., Muzyka O.A. The specificity of the interval concept of time: the experience of conceptualization // International Journal of Experimental Education. 2015. No. 3–2. pp. 36–39.
 15. Shemanov A. Yu. Inclusion in the context of modern discussions: philosophical and cultural problems / Psychological and pedagogical foundations of inclusive education: a collective monograph. M.: MGPPU, 2013. S.25–38.
 16. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // Pro et contra. 2015. No. 2 (1). R. 6–19.

«Ризоматическая система» образовательных практик креативных пространств города

Суховская Дарья Николаевна,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник, кафедра исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

В статье проведен социально-философский анализ проблемы креативного пространства как образовательного локуса города через понятие «ризомы» и введение термина «ризоматическое образовательное пространство». Автор рассматривает ризому как радикальную альтернативу статичным и замкнутым системам образовательных практик с жесткой осевой ориентацией, существующих в городском пространстве. В статье выделены и описаны основные принципы проявления ризомности в образовательных практиках города, выделенные на основе анализа креативных пространств: принцип гетерогенности и связности; принцип множественности; принцип разрыва; картографический принцип.

В статье рассмотрены концепции детерриториализации и ретерриториализации, описывающие способность ризомы к постоянным изменениям с позиции описания образовательного пространства.

В статье представлены результаты сравнительного анализа генеалогического и ризоматического подходов к организации образовательного процесса, выделены и описаны преимущества последнего.

Ключевые слова: ризома, креативное пространство, образовательное пространство, образовательный локус города, ризоматическое образовательное пространство.

Одним из ключевых понятий философии постмодернизма является понятие «ризомы», которая на наш взгляд, может быть использована для описания процессов, связанных с презумпцией нарушения традиционных взглядов на образовательные практики в городе. Понятие «ризомы» в педагогической деятельности постмодерна отвергает взгляд на образование как на стабильно определенную и централизованную систему в теле города.

Проведя анализ структур образовательного пространства города и исследуя проблему креативного пространства как образовательного локуса, мы видим в понятии «ризомы» радикальную альтернативу статичным и замкнутым системам образовательных практик с жесткой осевой ориентацией, существующих в городском пространстве [2, с. 6].

Ризомность (от франц. «rhizome» – корневище) за пределами биологического знания может пониматься вариативно – это и концепция знаний, и модель общества, и образ мышления [1]. Несмотря на тот факт, что термин «ризомы» вошел в философский оборот раньше, чем в биологический, благодаря работам Ж. Делёза и Ф. Гваттари [1], само понятие ризомности чаще отождествляется и используется для описания биологических моделей и процессов, нежели процессов общественной жизни. Несмотря на это, на наш взгляд, сетевая структура ризомы, отличная от традиционной древовидной структуры, в полной мере отражает систему построения знания в креативном пространстве города и позволяет нам провести подобное отождествление.

Рассмотрим нами основные принципы проявления ризомности в образовательных практиках города, выделенные на основе анализа креативных пространств (рис. 1):



Рис. 1. Принципы проявления ризомности в образовательных практиках креативных пространств города

1. Принцип гетерогенности (heterogeneity) и связности (connectivity) характеризуется отсутствием центра, иерархичности четких границ пространства трансляции знания [4, с. 103]. Как для биологической, так и для социальной ризомы характерен постоянный рост и появление новых «корней». Рост ризоматических связей происходит в разных направлениях и способен объединять далекий друг от друга объекты и области. «Побеги» ризомы являются независимыми элементами системы, при-

растущими хаотично, вне структурированной схемы, при этом любой элемент ризомы связан с каким-либо другим элементом.

Проявление ризомности в отношении практики обучения может казаться парадоксальным, так как ризоматическая система несет в себе долю неопределённости, при этом традиционное понимание организации образовательных практик неопределённости допускать не должно. Однако именно неопределённость рассматривается как исходная точка в организации ризоматического образования: «Благодаря ризоматической взаимосвязи стало возможным совершить значительное продвижение в стремлении справиться с недостатком правил и критериев с помощью экспертов и знания ценностей, прежде всего там, где нечетко расписаны правила и движущей силой являются знания» [6, с. 51]. Таким образом, с точки зрения ризоматического подхода, знание может иметь объединённую структуру и контекстуально формировать совместный опыт обучения.

В креативных пространствах принципы гетерогенности и связности прослеживаются в самой миссии антропопрактик таких пространств, так как интерес акторов такого пространства является единственным критерием отбора к участию в образовательных практиках, а сами пространства посещают горожане из разных социальных групп. Такая гетерогенность способствует социальному обучению горожан в таких пространствах через ощущение присутствия и сопричастности к сообществу [10, с. 56].

2. Принцип множественности (multiplicity) предполагает, что ризоматическая система не сокращается до единого, но до множественного. Мы понимаем ризому в рамках единого множества, некой самости, которая отлична сама от себя, способна превзойти саму себя, перейти свои границы, постоянно трансформироваться и менять форму. Важно отметить, что разрыв ризомы не приводит к ее уничтожению, а способен создать возможности для нового роста: «Ризома может быть разорвана, изломана в каком-нибудь месте, перестроиться на другую линию... может быть разрушена, продолжая восстанавливаться» [1].

Ризоматические образовательные практики в креативных пространствах могут быть описаны следующим утверждением: пока ризома растёт, она не воспроизводит сама себя, сталкиваясь с городским пространством, она трансформируется под него и способна изменять его. Сама ризома находится в стадии постоянной трансформации, ее множественность становится союзом, который стремится к однородности, но не обретает ее. То есть, акторы креативного пространства состоят из ризом, образуют новые ризомы, само креативное сообщество ризомно, и знание, транслируемое в креативном пространстве способствует легитимации коммуникации и работы в сообществе, в котором ризоматическая модель устраняет необходимость в линейном знании, так и в его валидации у независимого эксперта, как в модели формализованного образования [8, с. 26].

Самостоятельная оценка ценности знания в образовательном пространстве креативных пространств города основывается на критерии полезности для общества или прикладного характера информации. Сообщество акторов креативного пространства, таким образом, получает возможность создания знания все заданного контекста и формирования из него нового звена существующей цепи.

Педагогический опыт в креативных пространствах строится на основе социально-коммуникативных процессов наравне с процессами индивидуального познания акторов через включение в неограниченную систему индивидуального обучения креативного пространства.

3. Принцип разрыва (discontinuity) характеризуется способностью ризомы к прерывистому делению собственной структуры. Корневая система ризомы может быть разорвана в конкретном месте, но будет способна продолжить свое существование в рамках одного из уже существующих ранее разветвлений системы, или в рамках формирования нового «отростка» ризоматической сети. В каждом корневище существуют строки деления, которые регламентируют пределы его расслоения и деления на сектора, а также линии детерриториализации регламентирующие построение ризоматической системы в горизонтальной проекции. В корневище ризомы может возникать такой разрыв, который трансформирует разорвавшиеся сегментарные линии в то, что Ж. Делёз и Ф. Гваттарри называют «линия полета» (ligne de fuite) [1], такие линии ризомы всегда связаны друг с другом, поэтому невозможным становится постулирование принципов дихотомии и дуализма, даже в зачаточном понимании.

Принцип разрыва раскрывается в креативных пространствах через возможность выбора образовательной практики, ее изменения, прерывания или изменения преподавателя. Формат ризоматического обучения позволяет актерам креативных пространств самостоятельно выстраивать образовательную траекторию, наиболее релевантную для них самих.

Ризоматическая модель обучения предполагает коррекцию образовательной практики в режиме реально-го времени в соответствии с запросом обучающихся, это может касаться, как, например, расписания, которое можно конструировать и реконструировать, так и содержательной части изучаемой дисциплины (вариативность тем, форматов, отсутствие жёстких дедлайнов), что на наш взгляд, делает эту систему антиподом генеалогической модели построения знания.

4. Картографический принцип (cartography) заключается в том, что корневая система ризомы не может быть иерархически структурирована [7, с. 12]. Корневая система ризомы представляет собой карту, которая воспроизводится только в тесном контакте с реальным, при этом карта не воспроизводит бессознательное, направленное на себя, но создает бессознательное, обладая способностью к постоянным модификациям. Характеристиками такой корневой системы является то, что она может быть проигнорирована, разорвана или адаптирована к любым форматам монтажа, возникающим в результате интенций от единичного актора или группы.

Здесь важно упомянуть оригинальные термины Ж. Делёза и Ф. Гваттарри – детерриториализация и ретерриториализация, описывающие способность ризомы к постоянным изменениям.

Детерриториализация – это процесс уничтожения предшествующего порядка, возникающий при отсутствии контроля в ризоматической системе. Разрушение в таком случае осуществляется по непредвиденной траектории.

Ретерриториализация – следующий за детерриториализацией процесс по созданию новых форм и моделей ризоматических связей.

В отличие от традиционных форматов обучения, ризоматическое пространство обучения основано на постоянном присоединении новых элементов системы и меняющихся контактах. Обращаясь к историческим аспектам повышения эффективности образовательных практик, в частности касающихся успеваемости обучающихся, традиционные образовательные системы прибегали к ужесточению контроля, так как предполагалось, что знание ограничивается осознанием полученной информации [5, с. 149]. В основе такой «древовидной» схе-

мы знание строится на принципах последовательности и стабильности образовательных практик, а само знание является совокупностью стандартов и требований, транслируемых преподавателями.

Ризоматическое обучение способствует формированию у обучающихся «неявного знания», – знания, которое трудно выразить или извлечь, и, следовательно, труднее передать другим путем его записи или вербализации. Традиционно, в группу таких знаний включают личную мудрость, опыт, пронизательность [5].

Обучение в креативном пространстве не имеет фиксированного начала и конца, но постоянно и вписывается в концепции lifelong learning. Формирующиеся линии полета позволяют устанавливать гибкие сроки для демонстрации образовательного результата обучающимися.

В заключении отметим, что ризоматический способ организации образовательных практик в креативных пространствах представляет собой новый подход к планированию обучения. Обучающая среда креативного пространства среда является динамичной, подвижной и способной подстроиться под участников образовательного процесса.

Преимуществом ризоматического подхода является его приближенность к принципам функционирования естественных сообществ, ориентированность на ответственность и самомотивированность обучающихся, коллективное обучение.

От носителя образовательной практики ризоматическое обучение требует создания условий, при которых образовательный маршрут и знания формируются и меняются в соответствии с изменениями окружающего мира благодаря общим усилиям всех членов группы и вкладу каждого в отдельности.

Литература

1. Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia (Athlone Contemporary European Thinkers). – NY: Continuum International Publishing Group Ltd. 2000. – 629 p.
2. Ellis V. Introducing the Creative Learning Principles: Instructional Tasks Used to Promote Rhizomatic Learning Through Creativity // The Clearing House: A Journal of Educational Strategies, Issues and Ideas. – 2016. – № 89. – PP. 1–10.
3. Huachu L. Tacit Knowledge Management and Its Philosophical Analysis // Proceedings of the 2014 International Conference on Global Economy, Commerce and Service Science [Internet resource]. 2014. URL.: <http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>
4. Kairiene A. The rhizomatic learning from a perspective of poststructuralism // Journal of Education Culture and Society. – 2020. – № 11. – PP. 102–115.
5. Kelly M. Discipline is control: Foucault contra Deleuze // New Formations. – 2015. – № 84. – PP. 148–162.
6. Mbatl L. Rhizomatic Principles in mLearning: A Synthesis of Existing Qualitative Research // mLearn. – 2015. – PP. 46–57.
7. Santos R. The method of cartography and science education: interlocutions // Ensaio Pesquisa em Educação em Ciências (Belo Horizonte). – 2022. – № 24. – PP. 1–17.
8. Архипьев Н.Л. Стандартная трактовка научной теории и формальные модели развития научного знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12–1 (86). – С. 25–30.
9. Горнова Г.В. Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентично-

сти // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – № 3 (17). – С. 43–56.

10. Киенко Т.С. Социальные факторы городской идентичности: по материалам опроса жителей южно-российских городов // Социальная политика и социальное партнерство. – 2019. – № 11. – С. 56–61.
11. Тимофеева Т.С., Родионов Г.А., Шикерина Я.А. Особенности эмоциональной привязанности к городу как компонента городской идентичности у маргинальных молодежных групп // Живая психология. – 2019. – Т. 6. – № 2 (22). – С. 136–143.

«RHIZOMATIC SYSTEM» OF EDUCATIONAL PRACTICES OF CREATIVE SPACES OF THE CITY

Sukhovskaya D.N.

Pyatigorsk State University

The article presents a socio-philosophical analysis of the problem of creative space as an educational locus of the city through the concept of “rhizomes” and the introduction of the term “rhizomatic educational space”. The author considers the rhizome as a radical alternative to static and closed systems of educational practices with a rigid axial orientation existing in urban space. The author identifies and describes the basic principles of the manifestation of rhizomacy in the educational practices of the city, identified on the basis of the analysis of creative spaces: the principle of heterogeneity and connectivity; the principle of multiplicity; the principle of discontinuity; the cartographic principle. The article discusses the concepts of deterritorialization and reterritorialization, describing the ability of the rhizome to constant changes from the perspective of describing the educational space. The article presents the results of a comparative analysis of genealogical rhizomatic approaches to the organization of the educational process, highlights and describes the advantages of the latter.

Keywords: rhizome, creative space, educational space, educational locus of the city, rhizomatic educational space.

References

1. Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia (Atlas of Modern European Thinkers). – New York: Continuum International Publishing Group Ltd. 2000. – 629 p.
2. Ellis V. Introduction to the principles of creative learning: Learning tasks used to promote rhizomatic learning through creativity // Information Center: Journal of Educational Strategies, Problems and Ideas. – 2016. – No. 89. – pp. 1–10.
3. Huachu L. Implicit knowledge management and its philosophical analysis // Proceedings of the 2014 International Conference on Global Economy, Commerce and Science of Services [Internet resource]. 2014. URL.: <http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>
4. Kairiene A. Rhizomatic learning from the point of view of post-structuralism // Journal of Education, Culture and Society. – 2020. – No. 11. – pp. 102–115.
5. Kelly M. Discipline is control: Foucault vs. Deleuze // New Formations. – 2015. – No. 84. – pp. 148–162.
6. Mbatl L. Rhizomatic principles in mLearning: synthesis of existing qualitative research // mLearn. – 2015. – pp. 46–57.
7. Santos R. Method of cartography and natural science education: conversations // Ensaio Pesquisa em Educação em Ciências (Belo Horizonte). – 2022. – No. 24. – pp. 1–17.
8. Hierarchov N.L. Standard interpretation of scientific theory and formal models of the development of scientific knowledge // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. – 2017. – № 12–1 (86). – Pp. 25–30.
9. Gornova G.V. The proportionality of the city and man: problems of urban identity formation // Praxema. Problems of visual semiotics. – 2018. – № 3 (17). – Pp. 43–56.
10. Kienco T.S. Social factors of urban identity: based on a survey of residents of cities in the South of Russia // Social policy and social partnership. – 2019. – No. 11. – pp. 56–61.
11. Timofeeva T.S., Rodionov G.A., Shikerina Ya.A. Features of emotional attachment to the city as a component of urban identity in marginal youth groups // Psychology of Life. – 2019. – T. 6. – № 2 (22). – Pp. 136–143.

Две формы востребованности – зависимая и осознаваемая, и факторы их проявления в природе и обществе

Дробышев Вячеслав Андреевич,

аналитик, философ, член Российского философского общества
E-mail: drobyshev_v_a@list.ru

В статье раскрывается научная сторона русской диалектики, дается пояснение двум формам открытого закона востребованности – зависимой-объективной, и осознаваемой-субъективной, и факторам их проявления в природе и обществе. На фоне материала выделяются дискуссионные стороны западной философии, одной из которых является односторонний догматизм формулы «Бытие определяет сознание», и определению Гегеля «Философия – это эпоха, схваченная в мысли», исключая научное объяснение истоков мышления и внутренней свободы человека. Дается научное обоснование сознанию человека – как фактору востребованности знания, а не особой формы материи. Показано действие закона зависимой востребованности, как мотиватора объективной бесконечности пространства и времени, делающих их структурными звеньями эволюции в синтезе движения и развития.

Ключевые слова: Запад, ложь, зависимая, объективная, осознаваемая, субъективная, догматизм, односторонний, рождение, мысль, бесконечность, пространство, время, структурные, звенья, эволюция, экос, синтез, слово, дело, факторы, формы, закон, Бытие, Гармония, Счастье.

Слово – и в нем зерно, и гений Пушкина А.С.

Подводя некоторые итоги исследования дискуссионности западной философии можно с уверенностью сказать, что спорные суждения просто лежат на поверхности в самом начале вузовского учебника, где дается пояснение, что такое философия, и вот как это звучит: «Претензии философии на обоснование деятельных установок сознания в свете миропонимания, опирающегося на универсальную модель бытия отличают философию от идеологий» [8, с. 14]. У нас возникает вопрос: а какую или чью модель бытия? И кто определил эту модель как универсальную? Не напрягаясь можно вспомнить модель государства от Платона с рабами и их хозяевами, торговцами, мастеровыми, церковь и всей аристократией той эпохи.

Подчеркну, что аристократия уже тогда была господствующей, следовательно, и философия впитала в себя, как они пишут: «осмысливая и перерабатывая мировоззренческие идеи порождаемые нравственным, религиозным, художественным, политическим, научно-техническим сознанием...» [8, с. 15] и здесь же «философия призвана осуществлять интеграцию всех форм деятельности человека в данный исторический период, выступая в качестве самосознания эпохи ... По меткому выражению Гегеля, «философия – это «эпоха, схваченная в мысли».

Отсюда и растут ноги западной общественной мысли, суть которой, как и самой философии, в её главной формуле, «бытие определяет сознание», и которая напрочь отрицает интеллект и физиологию самого человека, и не отвечает на вопрос античной философии «ЭКОС» – как должно. Возвращаясь к Гегелю, получается, что эпоха рождается сама по себе без участия человека с его интеллектом. А выглядит это, видимо так: родилась откуда-то эпоха, встретила с человеком, тот «схватил её в мысль», и опять стал ждать появления новой эпохи, поскольку всем известно, что история человечества складывается из сменяемости эпох. Но, самое интересное в том, а это установлено давно, что человек сам творец истории, а значит он – творец каждой эпохи.

По русской диалектике, философия – это мудрость знаний и смыслов прошлых поколений, СЛОВОМ рождающая новой жизни смысл, и это слово – мировоззрение. Этот взгляд позволил открыть секрет русской души, тающий в незримой связи истоков с будущим, несущий в себе код развития человечества – общинность, язык и знания, объединяемых СЛОВОМ. А для тех, кто в науке занимается русским языком, и не видит его роли в философии, и этому есть подтверждение, скажем просто: СЛОВО – И В НЕМ ЗЕРНО И ГЕНИЙ ПУШКИН А.С.

В нашем определении философии во главу угла ставится не «универсальная модель бытия», не деятельность человека в кем-то данный исторический период, из чего и родилось то самое «меткое выражение Гегеля – «эпоха, схваченная в мысли», а мысль человека через синтез СЛОВА и ДЕЛА, рождающего эпоху, где сло-

во несет правду смыслов поколений прошлого и связующую мысль будущего. А можно сказать иначе: слово, рождающее мысль, и мысль, рождающая дело. И там, и там связующий фактор – востребованность.

И только в этом, русская философия видит преемственность поколений.

Наконец главное. В данном случае, ложность западной философии кроется в смысле одного только слова «миропонимание», которое опирается, по их выражению, на эпоху. Смысл данного слова в контексте философии сводится к примитивной односторонности – понять эту эпоху. Отсюда, их определение внутренней свободы человека – «овнутряемое внешнее», не имеющее научной основы. Исходя из анализа, очевиден системный односторонний подход западных исследователей, и не только их, к оценке феномена человека и истоков его социальности, происхождения и сущности сознания, дающих нам основание для вывода о её лженаучности.

Русская философия, это научное мировоззрение, опирающееся на объективную основу – природную сущность человека (далее – ПСЧ), с гармонией внутреннего мира и её внешними смыслами, что принципиально отличает её от пресловутой субъективно идеализированной западной, тысячелетиями, через религию и лженаучность философской мысли, воздействующей на людей, подчиняя их интересам господствующего аристократизма..

Но время переосмысления уже пришло, о чем было сказано в книге «Правда философии для человека...» [5, с. 364].

Таким образом, процесс развития интеллекта человека является той самой созидающей силой, которая и творит все эпохи развития человечества. И никак иначе – мы видим этот процесс и в качестве основы ведущей к смене общественно-экономических формаций. Вне интеллекта нет развития производительных сил и производственных отношений, из чего следует, что утверждение классиков западной философии «бытие определяет сознание» не совсем научно, мягко говоря.

Здесь вновь всплывает фраза из приведенного текста «миропонимания, опирающегося на универсальную модель бытия ...» [8, с. 14]. А «универсализм модели» мы видим в искусственно созданных производственных отношениях, встроенных в тотальную власть денег, богатства и частной собственности на всё, включая землю и средства производства, тем самым ставя человека – производителя в зависимость от их «универсальной модели бытия». Творцами этой модели и являются её неизвестные нам Платон и Аристотель с его этикой накопления богатств через нещадную эксплуатацию, грабежи и войны, и циничность последующих благоденствий, о чём мы рассказали в 1-й главе книги «Правда философии ...» [5, с. 18].

Суть их диалектики выражена буквально в первой строчке её определения, которая звучит так: диалектика – это искусство вести спор..., доказывать и убеждать...

А наша диалектика, это не искусство вести дискуссию, спорить, убеждать, а наука, открывающая истину ЭКОСА – как должно быть, т.е. из прошлого взгляд, определяющий будущее.

Западный мир, в своем искусстве навязывания чуждых человеку идей, достиг совершенства во ЛЖИ, исключая из жизни общества объективную ПРАВДУ русского мира, как антипода искусственно рождаемой формы существования людей – здесь и сейчас.

Именно с этим боролся М.В. Ломоносов, отстаивая идею создания русской науки и её основы – широкого просвещения всех людей и сословий.

К сожалению, даже в 21 в. российская академическая наука находится в жесткой зависимости от запада. Не опубликуешь научные статьи в их журналах, ты не будешь ученым. Даже стиль написания статей определяется их «лекалами», не будешь опираться на западных классиков, статью не признают научной, а всё научное сообщество, за некоторым исключением, «стоит перед ними в шеренгу». На моё обращение в институт философии стать соискателем и опубликовать статью в журнале «Вопросы философии» ответили советом научиться писать, как ОНИ. Для них важнее, как написано, и насколько подобострастно подано, а не о чем говорит автор. Это свидетельство наличия глубоких проблем в Российском обществе и науке.

Возникает и здесь вопрос: о какой независимости страны может идти речь, когда идеи устройства жизни российского общества напрочь привязаны к западному ученому сообществу и их прогнившей модели существования человечества.

Первым, ярко выраженным, несогласием жить, как они, явилась победа революции 1917 г., подло оболганная либеральной властью, и не намеренной признать это ошибкой, даже в условиях открытого противостояния с западом, проявившегося на территории Украины в феврале 2022 г.

Общинность, язык и знания – ядро природной сущности человека

Условия рождения гражданского общества

Чтобы кратко ответить на этот вопрос, надо вновь вернуться к нашему разговору о природной сущности человека, ядром которой и являются общинность, язык и знания, обосновать которое позволил открытый закон востребованности, лежащий в основе биологической жизни на земле, и ставший русской стороной диалектики.

Западная философия не могла видеть его по причине абсолютизации противоречий и распространение его на человека и общество, и помехам, чинимым религией. Вспомните Джордано Бруно или Леонардо Д. Винчи, открытия которого инквизиция почти пять веков скрывала от науки.

Давайте рассмотрим проявления факторов востребованности в природе, к примеру:

у животных (у щенка), после рождения, и от этого зависит их жизнь, развивается супер нюх, супер зрение, супер слух, при этом память не развивается;

у растений (ржи) – земля, вода, свет, температура;

у человека – язык (СЛОВО) – фактор востребованности знания.

Только с возникновением речи появляется память. Человек помнит себя в лучшем случае с 4–5 лет.

Взаимная востребованность языка и памяти рождает мышление, так возникает сознание уже человека, и которое обеспечивает его выживаемость в этом мире. Таким образом, мы видим проявление двух форм востребованности:

а) объективно – зависимая и б) субъективная – осознаваемая.

Это главное открытие русской философии, указывающее на лженаучность западной. К примеру, из материала семинара на тему: «Сознание, его происхождение и сущность». Вот мнение официальной философии: «Рождаясь, ребенок попадает в мир предметов и вещей, и это находит отражение (в памяти) в его сознании».

Русская философия утверждает: без языка нет сознания, поскольку без него нет памяти. Следовательно, ребенок не может отражать (запоминать) «мир предметов и вещей».

Все происходит в обратном порядке и строго последовательно – сначала рождается язык, который «опредмечивает» этот мир и, только потом, этот мир отражается в большом мозге человека, в формировании которого участвует СЛОВО.

Таким образом, не мир предметов и вещей заполняет человека, делая его «предметным», отрывая от природных начал, а наоборот, ЯЗЫК человека наделяет смысловым и целостным значением этот мир и предметы его труда, которые востребованы им, следовательно, меняется окружающий его мир, но неизменной должна остаться природная сущность человека. Следовательно, основным признаком, отличающим человека от животного, является СЛОВО.

А теперь ответим на вопрос: что было до слова? Возьмём русское слово «подсознание» и расшифруем смыслы, которые оно несет. Приставка «СО» означает со причастие к знанию и им является ЯЗЫК (слово).

Что предшествует языку? Ответ тоже прост – «общинность». Получается, то самое ядро природной сущности человека – общинность – язык – знание, о чем упоминалось выше.

Ещё раз про общинность

Вот утверждение официальной философии: «Биологическое в человеке существует не как рядом положенное с социальным, а в самой сфере социального», здесь человека религиозной волей оторвали от природных начал, поставив его биологию в зависимости от социальной жизни – как «особой формы материи», не имеющей научного обоснования [8, с. 368].

Мы говорим человек социален от природы, и это зафиксировано его генетической памятью ещё в досознательном периоде, когда возникали объективные условия для рождения неокортекса у примата. Мы эти условия относим к структурной части подсознания, главным из которых является общинность.

1. Подсознание общинно, потому что является главным условием выживаемости ВИДА. Только сообщая можно преодолеть негативное бытие.
2. Оно объективно потому, что зарождалось ещё в досознательный период и зафиксировано генетической памятью.
3. Оно связано с социальными инстинктами.
4. Оно является социальным ядром его природной сущности.
5. Общинность подсознания – важнейший фактор взаимной востребованности объективного и субъективного мира.
6. Вопрос: почему генетика хомо-сапиенс отрицает родственные браки? Правильно. И в этом видна природная социализация человека [5, с. 331].

Природная общинность не приемлет ЭГО центризма. Эгоист будет всегда выявлен и осужден в коллективе (семье). Русская общинность – это не продукт воздействия византийского христианства (соборность), это береженная ценность этноса – МИССИЯ русской цивилизации.

Поэтому, мы говорим, что язык – природный механизм, рождающий мышление человека, главная форма общения и взаимодействия людей.

Семья – колыбель человеческого сознания и его основы ЯЗЫКА (слова).

Любовь, как фактор востребованности мужского и женского начала, семейные ценности. Общество – социальный механизм стирания факторов несовершенства человека. Этим механизмом обладает гражданское общество, которое невозможно развить в государстве без:

- 1) наличия в конституции объективной основы, исключающей политические пристрастия и социальное неравенство;
- 2) философии ПСЧ и путей достижения гармонии жизненных обстоятельств;
- 3) объединяющей правды идеи – свобода каждого в единстве всех;
- 4) научного мировоззрения светского государства;
- 5) свободы вероисповедания.

Все названные пункты – это перечень условий перехода общества, зависимого от меньшинства, к осознаваемой востребованности большинства, исключающей необходимость, искусственно созданного западом, института по правам человека.

Все это будет способствовать формированию общинного сознания. Таким образом, смыслы общинного строя – единственно верная форма устройства жизни людей на основе свойств подсознания, его общинности и совести. В этом тайна неразгаданного ЭКОСА античной философии и суть русской правды – человек рожден для создания царства интеллекта, а не господствующего аристократизма, порождающего ложь.

Мы дали ответ на вопрос, как рождалось СЛОВО и, что предшествовало ему. Да, человека рождает СЛОВО, значит ОНО в начале человека. И мы можем говорить только применительно к человеку – «В начале, было слово», тем самым, ставя под сомнение религиозный постулат.

Сделать из человека «богочеловека» молитвами и покаяниями невозможно. Но возвысить человека до идеального «Я» возможно, создав систему обучения и воспитания, направляя его природную сущность к достижению царства интеллекта, создав для этого целесообразные жизненные обстоятельства, способствующих росту словарного запаса, и его интеллекта до уровня осознания единой для всех ПРАВДЫ, исключающей ЛОЖЬ.

Правда о корнях двойных стандартов философии меньшинства

Господство власть имущих, как представителей бога на земле, собственников средств производства и духовной опоры в лице церкви формируют производственные отношения и на этой основе целесообразных своей воле жизненные обстоятельства, в которых церковь взывает к смирению и покорности, а безработица, как вечный спутник этой воли приговаривает людей к покорности. Подобная форма управления обществом актуальна и сегодня, хотя вписана в философию более 2000 лет назад.

Таким образом, аристократия (меньшинство) внутренне свободна, и над ней только бог, от которого откупятся благодеяниями – это один стандарт.

Народ же (большинство), лишенный своей философии жизни, а значит и свободы выбора, поставленный в ЗАВИСИМОСТЬ от денежной воли и замыслов политической и сословной власти – это другой стандарт.

Идею воспитания «аристократов духа» развивал К. Ясперс и Ф. Ницше и др., но каковым оказался результат? Деньги по О. Шпенглеру, в его книге «Закат Европы», съели демократию Европы вместе с честью аристократий ещё в начале XX века, и это не оспоримо [9].

Мы говорим, что гарантом жизненности философии ПСЧ новой элиты общества должен стать её естественный носитель, интроверт – русский интеллигент, не обремененный властью денег и политическими пристрастиями, целью которого станет гармония ПСЧ и жизненные обстоятельства восходящего интеллекта, следовательно, созидательную волю большинства, призвана выразить общественная философия с её объективной

триадой – общинность, жизненная гармония и царство интеллекта, создание которого должно начинаться параллельно с формированием большого мозга у новых поколений людей. При этом должна возрасти ответственность общества и государства за моральный климат и неизбежность статуса семьи. Об этом, было написано в книге «Природная сущность человека», изданной автором ещё в 2020 г. [6].

О «предметных началах» движения, мысли и абсолютности противоречий в западной диалектике – как недомыслии или лжи

Прежде чем начать разговор о пространстве и времени, нам следует раскрыть научную несостоятельность философской трактовке такого понятия, как «движение» [1].

Вот как оно звучит: «Он (Аристотель) дал классификацию видов изменения, среди которых выделяется возникновение, уничтожение и собственно движение, понимаемое как осуществление сущего, переход его из возможности в действительность. Аристотель считал, что движения вне вещей не существует [8, с. 472–473].

А вот сам вывод исследования вопроса раздела «движения и бытия».

«Таким образом, сам факт того, что мы познаем окружающий нас мир, отражает то, что он, по крайней мере, «шевелится», а следствием и одновременно условием этого выступает взаимодействие его элементов. В противном случае, мы бы его не заметили и не смогли бы помыслить [7, с. 481].

Сначала о последней фразе, которая очень напоминает Гегеля и его определение – «философия – это эпоха, схваченная в мысли».

Что говорит нам о неизменности подходов к оценкам бытия западной философией на протяжении более 2-х тысяч лет. Первый говорит – движения вне вещей не существует, не заметим, «не помыслим». Другой – нет предмета, «нет мысли». Именно здесь кроются корни однобокого утверждения – «бытие определяет сознание», о чем мы рассказали выше.

Вдумайтесь в примитивность подхода к оценке действия (работы) сознания человека – если видишь, значит мыслишь. Отсюда и равное им по «научности» утверждение, «Рождаясь ребенок попадает в мир предметов и вещей, и это находит отражение (в памяти) в его сознании». (см. факторы востребованности в природе). При этом они не задумываются над вопросом: что же рождает мысль?! Один раз породив ложь, тиражируют её бесконечно, преграждая путь к правде о человеке, распространяя её на все формы бытия, включая деятельность человеческого общества и управления им.

Их утверждение, что два противоречия разрешаются третьим, следует понимать, как воспроизводство ТОЙ САМОЙ ЛЖИ, которая должна разрешать два противоречия, иного прочтения смысла гегелевской категории «опосредованного знания» просто не существует. ЛОЖЬ – это их универсальное, разрешающей силы, противоречие.

О какой научности философии может идти речь, когда знакомясь с определением их диалектики, читаем: «Возникнув изначально как понятие, обозначающее искусство вести спор, рассуждать, диалектика реализуется как особый философский метод, как некая культура рассуждения, диалога, основанная на выявлении в предмете его противоположных сторон и свойств, усматривающая во внешних противоположных вещах и явлениях моменты единства и взаимосвязи...» [8, с. 476].

Вдумайтесь, сначала «выявить в предмете его противоположные стороны и свойства...», затем усматривать в них «моменты единства и взаимосвязи».

Мы утверждаем – вне единства и взаимосвязи не существует биологической материи и самой жизни [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Надо изучать законы и закономерности этого единства, а не навешивать на них изобретенные мозгом противоречия, и уже через них вновь искать «единство и взаимосвязи», что по русской диалектике и является фактором абсолютизации противоречий, делающих их диалектику абсурдной и полностью соответствующей шуточной медицинской аналогии – изучать железы через прямую кишку.

Но они ЭТО делают в философии:

а) исследуют сознание через особую форму материи;
б) исследуют социальность человека через некую социальную материю;

в) исследуют свободу человека через «овнутряемое внешнее».

Не вижу предела их недомыслия и слепоты, мешающей увидеть природную сущность человека.

Зависимая востребованность, как объективное свойство бесконечности пространства и времени

Начнём с промежуточного этапа исследования пространства и времени официальной философией. Вот их точка зрения:

«В целом же, как видим, понимание пространства и времени можно свести к двум фундаментальным подходам: один из них рассматривает пространство и время, как независимые друг от друга сущности, другой – как нечто производное от взаимодействия движущихся тел», и далее «Они представляют собой как бы вместилище тех материальных вещей, процессов и событий, которые происходят в мире. При этом время рассматривается как абсолютная длительность, а пространство трактуется как абсолютная протяженность» [8, с. 509].

Отсюда вытекает их трактовка космоса, говорящая, что это пустота, в которой размещены объекты со своими атмосферами. В их представлении пространство и время абсолютно автономные сущности, существующие сами по себе, и по необходимости используемые человеческим сознанием, при этом они не объективны.

В нашем определении космоса записано, что это фактор востребованности пространства и времени, где фактором является БЕСКОНЕЧНОСТЬ, рождаемая законом зависимой востребованности, пронизывающим пространство и время.

Мы утверждаем вне зависимой востребованности не существует ни пространства, ни времени, вне которых нет ни движения, ни развития. В мире все подчинено действию объективного закона эволюции – зависимой востребованности.

Мы исходим из понимания того, что нет времени без пространства, ровно так же, как нет пространства вне времени. Только поэтому их окончательный вывод, про своей сути за тысячелетия, не изменившийся, в котором и пространство и время подчинены человеческому сознанию и некой божественной силе безнадежно устарел и далёк от научного знания.

Вот это мнение – «сами пространство и время производны от конкретных событий и взаимодействий» [8, с. 512]. Следовательно, зависимость пространства и времени они связывают с физическими событиями, божественным духом и сознанием человека. По данному утверждению, объективное, рождает субъективное. А как же тогда Бог? Получается, атомный взрыв как фи-

зическое явление рождает нечто божественное? Получается именно так.

Давайте ещё раз внимательнее во вторую часть текста: «Время выступает как мера, фиксирующая изменения ... Пространство также интерпретируется ... Поэтому физическое описание пространственно-временных характеристик представляет собой очень абстрактную (идеализированную) модель, свойства которой не отражают реального разнообразия состояний окружающего мира и его различных слоев» [8, с. 521].

Что мы видим в подчеркнутом тексте? Опять те самые противоречия (характеристик), которые нуждаются в разрешении и весь мир в фокусе такого взгляда.

От “ХАОСА” к “КОСМОСУ”

Объективная сторона универсального закона зависимой востребованности рождающего упорядоченную бесконечность мироздания.



Структура спирали бытия не совместимой с “дурной” бесконечностью западной философии (почти по Гегелю).

Символ бесконечности “0” основа бесконечного ряда цифр в математике, что доказывает диалектическую связь объективного и субъективного мира и их связующую бесконечность. Из чего следует что объективность зависимой востребованности пространства и времени лежит в основе идеи физиков создать макет их бесконечной зависимости. В человеческом обществе объективная бесконечная зависимость природы трансформируется в осознанную востребованность, или ЭКОСА - как должно быть, опирающаяся на природный смысл жизни человека – достижении гармонии внешних смыслов его внутреннего мира с целесообразными жизненными обстоятельствами.

От “КОСМОСА” к “ЭКОСУ”

Субъективная сторона универсального закона - осознаваемой востребованности, как функция человеческого сознания, как эстафета бесконечности познания и созидания гармонии жизни людей.

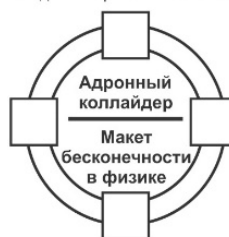


Рис. 1.

Литература

1. Аристотель. Этика. – Москва: АСТ, 2010. – 496 с.
2. Дробышев В.А. Борьба идей – как выбор античной философии // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 12. С. 81–89.
3. Дробышев В.А. Гармония, как смысл жизни и субъект права // Образование и право. 2018. № 9. С. 300–311.
4. Дробышев В.А. О свободе и целесообразности взаимодействия природы, общества и человека // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8. № 1А. С. 207–218.
5. Дробышев В.А. Правда философии для человека. Против лженаучной для себя. – Москва: Вече, 2021. – 382 с.
6. Дробышев В.А. Природная сущность человека. – Москва: Вече, 2020. – 352 с.
7. Дробышев В.А. Секрет русской души и расцвет цивилизаций. – Москва: Вече, 2015. – 127 с.
8. Философия: учебник для вузов / под общей ред. В.В. Миронова. – Москва: Инфра-М, 2011. – 928 с.
9. Шпенглер О. Закат Европы. – Минск: ПД «Беларусь», 2004. – 700 с.

TWO FORMS OF DEMAND – DEPENDENT AND CONSCIOUS, AND THE FACTORS OF THEIR MANIFESTATION IN NATURE AND SOCIETY

Drobyshev V.A.

Russian Philosophical Society

The article reveals the scientific side of Russian dialectics, explains two forms of the open law of demand – dependent-objective, and conscious-subjective, and the factors of their manifestation in na-

ture and society. Against the background of the material, the debatable aspects of Western philosophy stand out, one of which is the one-sided dogmatism of the formula “Being determines consciousness”, and Hegel’s definition “Philosophy is an era captured in thought”, which excludes a scientific explanation of the origins of thinking and inner freedom of a person. A scientific substantiation is given to human consciousness – as a factor in the demand for knowledge, and not a special form of matter.

The effect of the law of dependent demand is shown as a motivator of the objective infinity of space and time, making them structural links of evolution in the synthesis of movement and development.

Keywords: West, lie, dependent, objective, conscious, subjective, dogmatism, one-sided, birth, thought, infinity, space, time, structural, links, evolution, ecos, synthesis, word, deed, factors, forms, law, Genesis, Harmony, Happiness.

References

1. Aristotle. Ethics. – Moscow: AST, 2010. – 496 p.
2. Drobyshev V.A. The struggle of ideas – as a choice of ancient philo-sofia // Socio-humanitarian knowledge. 2019. No. 12. – pp. 81–89.
3. Drobyshev V.A. Harmony as the meaning of life and the subject of law // Education and law. 2018. No. 9. – pp. 300–311.
4. Drobyshev V.A. On freedom and expediency of the interaction of nature, society and man // Context and reflection: philosophy of the world and man. 2019. Vol. 8. No. 1A. pp. 207–218.
5. Drobyshev V.A. The Truth of Philosophy for man. Pro-tive pseudoscientific for yourself. – Moscow: Veche, 2021. – 382 p.
6. Drobyshev V.A. The natural essence of man. – Moscow: Veche, 2020. – 352 p.
7. Drobyshev V.A. The secret of the Russian soul and the flowering of civilization. – Moscow: Veche, 2015. – 127 p.
8. Philosophy: textbook for universities / under the general editorship of V.V. Mironov. – Moscow: Infra-M, 2011. – 928 p.
9. Spengler O. The Decline of Europe. – Minsk: PD «Belarus», 2004. – 700 p.

Ленин и Тарковский – два гения многомерности

Яновский Михаил Иванович,

к.п.н., доцент Донецкого национального университета
E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru

В статье сопоставляются особенности элементов мировосприятия, которые были привнесены двумя известными личностями XX в. – В.И. Лениным и А.А. Тарковским. Автор обосновывает идею, что таким элементом была многомерность как свойство образа мира. Многомерность – свойство, которое можно отождествить с космичностью. У Ленина многомерность реализована в диалектическом политическом мышлении и деятельности, в умении различать и фиксировать разные измерения социальных процессов и увязывать их в сложное динамическое целое. Тарковский воплотил в кинематографе эстетическое восприятие реальности, построенное на выявлении внутренней космичности-многомерности явлений, на включении наблюдателя в созерцаемое целое. У обоих реальность, таким образом, предстаёт как неисчерпаемое, многогранное, переливающееся живое целое.

Ключевые слова: многомерность; космичность; диалектика; отражение; глубина; присутствие

Начиная с Коперника и Галилея, человечество стало осознавать себя частью Космоса. В России космизм стал одной из национальных идей, что выразилось в известном явлении «русского космизма» (Н.Ф. Фёдоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский и др.). Но русский космизм – явление более глубокое и разнообразное в своих формах. Именно его мы можем усмотреть как смысл ряда феноменов отечественной истории XX века.

Так, существуют два гения, каждый из которых реализовал революционные преобразования в своей сфере. Один признан в узком кругу «интеллигенции», но не понят «народом». Другой – был принят и признан «народом» (хотя со временем отношение «народа» изменилось), но мало понят и в целом отвергнут «интеллигенцией». Однако оба были первопроходцами, вдвинувшими наше сознание в новые измерения жизни, и, более того, – на наш взгляд, оба открыли для нас многомерность реальности как особое её свойство. Но многомерность – синоним космичности, поэтому можем сказать, что они привнесли космичность как свойство: в одном случае, – в социальную жизнь, в другом – в эстетическое созерцание реальности.

Речь о В.И. Ленине (рис. 1) и А.А. Тарковском (рис. 2).

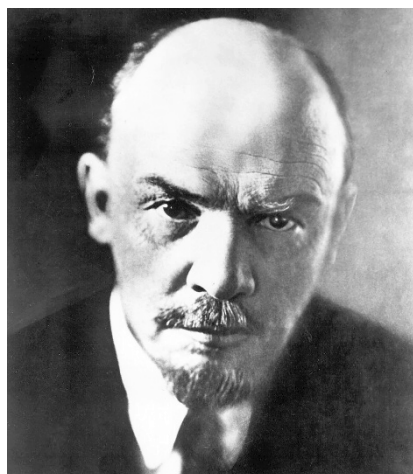


Рис. 1. В.И. Ленин



Рис. 2. А.А. Тарковский

Рассмотрим, как это было реализовано.

Начнём с Ленина. В конце своей жизни, оценивая кандидатуры возможных преемников, Ленин упоминал, как важное, такое качество как «понимание диалектики». В отсутствии этого понимания он упрекал и Троцкого, и Бухарина, и Сталина. Что такое «диалектика» и чем она важна? Диалектика – это, собственно, и есть многомерность нашего мышления как принцип. Классический и простой пример диалектики у Ленина – его знаменитая «диалектика стакана»: «Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствовании» со всем остальным миром. <...> Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла, но зато важно, чтобы в дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить себе губы, употребляя этот стакан, и т.п. Если же мне нужен стакан не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда для меня годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и т.д. Логика формальная, которой ограничиваются в школах (и должны ограничиваться – с поправками – для низших классов школы), берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим» [2].

Смысл примера – в иллюстрации множественности аспектов, ракурсов рассмотрения какого-либо объекта. Реализуется идея, что важно и находить, и различать эти ракурсы, и, также, видеть их соотношения и связи.

Конечно, диалектика – не ленинское изобретение, но диалектическим виденьем пропитан и вся практическая деятельность Ленина, и его материализм.

Так, в своей известной работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин доказывает, на первый взгляд, тривиальную идею: мир материален и существует объективно, независимо от нашего сознания. Однако на поверку это следует признать частным случаем виденья реальности как многомерной: материя – независимая от познающего сознания реальность; материя и сознание, объективное и субъективное – независимые аспекты, «измерения» мироустройства. По сути, это другое выражение диалектики: фиксируя материальный объект, мы можем подвижно сменять ракурсы его рассмотрения, отражения сознанием, но объект при этом остаётся самим собой как нечто независимое от сознания. Т.е. объект фиксирован, а ракурсы его отражения движутся (развиваются) как бы по другой шкале, чем та, на которой расположен реальный объект сам по себе. Объект и сознание, таким образом, – два ортогональных измерения; значит они в одно и то же время независимые и сопряжённые измерения (сопряжённые в силу того, что сознание – это отражение), – как в декартовой системе координат. Действительно, ортогональность в декартовой системе координат выражается в том, что при фиксации позиции на одной координате – позиция на другой могут быть подвижна. Такое различение разных измерений обеспечивает свободную раздельную перемещаемость по отдельным шкалам – т.е. обратимость когнитивных операций. Обратимость – свойство, которое Ж. Пиаже считал основой развитого познавательного аппарата человека [4]. Значит, в данном случае формулировка объективности материального мира – не просто выражение философской позиции, а проявление мышления, раскрывающего свой потенциал, достигшего высокого уровня гибкости, системности, зрелости.

Эта обратимость-подвижность, таким образом, выражается в подвижности способов познания объективной реальности, пластичности (в т.ч. диалектичности) мышления, которое так способно более адекватно отражать реальность, настраиваться на неё (реализовывать «акомодацию» к ней). Но обратимость может выражаться и наоборот, как подвижность на объектной шкале при фиксации позиции на шкале субъектной (субъективной). Это означает, что если, например, фиксируется субъективная цель, мотив и т.д., – то подвижность реализуется как подвижность способов действия, тактики, стратегии в объективном мире.

Поэтому умение рассматривать объект во всех возможных важных аспектах – умение, которым владел Ленин, и которое иллюстрировал примером со стаканом, он с неменьшим мастерством применял и к явлениям сознания. Так, он не только мог чётко сознать мотивы и цели свои и коллективные (партийные), но и, фиксируя объективную ситуацию, виртуозно и точно характеризовал субъективные интересы, мотивы, особенности виденья, хитрости и т.д. – сторон, включённых в эту ситуацию.

Одна из простых иллюстраций этого – общеизвестная характеристика революционной ситуации в обществе: «верхи не могут, низы не хотят». Здесь – различение двух субъектных позиций, включённых в одну и ту же ситуацию. Ленин, обратим внимание, не рассматривает в данном случае борьбу «верхов» и «низов» как двух общественных классов, – как можно было бы ожидать от марксиста. Он фиксирует объективную ситуацию, с одной стороны, и две субъектные позиции, две точки зрения, с другой стороны. Такая характеристика выражает умение «работать» отдельно с субъектным измерением реальности при мысленной фиксации её объектного измерения.

Подвижность, пластичность форм практического и познавательного отношения к реальности обеспечила Ленину «неотчуждённость» сознания. Напомним, отчуждённость – понятие, характеризующее искажённое (в марксизме – эксплуатацией, частной собственностью и т.д.) сознание, как бы потерявшее и себя, и внутреннюю связь с внешним миром. Ленин, напротив – человек, реализующий опыт аутентичной включённости, как бы многомерного присутствия-в-мире. Его сознание было как бы вдвинуто в реальность, а не вращалось в замкнутой системе политических образов. Поэтому объектом его действий и мыслительной работы была всегда объективная действительность, отражённая в понятиях, а не понятия, политические теории и модели сами по себе. Очевидна также цельность Ленина как личности, в этом смысле трудно приписать ему самоотчуждённость, потерю самого себя (если, конечно, не придерживаться теории, что сущность человека – его инстинкты).

Ленину был присущ характерный умонастрой, своего рода «аура» мышления – «беспристрастная страстность». Мы имеем в виду способность с одной стороны, абсолютно отличать намерения и цели от объективного положения дел, но с другой стороны – быть абсолютно приверженным намерениям и целям. В признании объективной реальности как объективного положения дел была даже безжалостность к себе. В этом признании независимости объективной реальности – «несобственнический», неэгоцентрический взгляд на реальность. Безжалостность к себе была связана с принятием объективной реальности как она есть, даже с определённой наивностью, в этом смысле – неагрессивностью к её сути. Современные характеристики Ленина как «безжалостного диктатора» поэтому выглядят скорее как карикатура на реального Ленина; они есть следствие неразличения

явления и сущности. По сути Ленин – фасилитатор глубинных народных устремлений (устремлений «глубинного народа»), и приписывание ему агрессивности зачастую маскирует отношение к «глубинному народу» как «стаду», вышедшему из-под контроля «образованного слоя общества».

«Несобственническое» отношение к реальности мотивировало Ленина интересоваться взглядами на ту или иную ситуацию, проблему, со стороны своих политических противников, – что позволяло не замыкаться в узкопартийных взглядах, а через разные ракурсы, разные виденья объекта добираться до его сути.

При этом несмещение политически, идеологически разных взглядов, позиций, размежевание между ними, одновременно со взятием ответственности на себя за свою позицию, позволяло консолидировать субъектное измерение как некое особое, автономное измерение своей деятельности: «Наш идеал должен быть вовсе не тот, чтобы все партии, все направления, все оттенки слились в один революционный хаос»; «полная ясность и определённости в отношениях между партиями, направлениями и оттенками»; «ясность и определённости понадобятся при каждом практическом шаге» [3].

В многомерности – ключ к пониманию многих ленинских идей. Так, у Ленина, как и в целом в марксизме, одно из важнейших мест занимает понятие «угнетение». Причина проста: угнетение приводит к редукции, примитивизации человека, т.е. – к одномерности. Угнетение – антитеза умножению мерности. Поскольку же у Ленина многомерность воплощена в диалектике, то можно в целом говорить об антитезе: диалектика (раскрепощение человека, выражение многомерности человеческого мышления) – угнетение (подавление человека, приведение к одномерности).

Пример применения многомерного мышления – концепция «диктатуры пролетариата». В книге «Государство и революция» Ленин дорабатывает марксистскую теорию государства, теорию перехода от буржуазного государства к коммунизму, при котором государство должно отмереть. Как известно, классическая либеральная теория государства принадлежит Дж. Локку. Это – теория государства как общественного договора, фиксирующего компромисс конфликтующих слоёв общества. Причём важной стороной компромисса признаётся принцип разделения властей – законодательной и исполнительной. В марксизме локковская теория «общественного договора» истолковывается как ширма, в которой установление господства одной, наиболее сильной, социальной группы («класса») над остальными фарисейски выдаётся за общий компромисс. Ленин реформирует марксистскую теорию отмирания государства при переходе к коммунизму в теорию диктатуры пролетариата, как необходимого переходного звена при таком переходе. Однако по Ленину диктатура пролетариата не есть тирания или т.п.; это именно многомерное образование, совмещающее «угнетение» «угнетателей» (подавление причины одномерности, примитивности человека и общества) с освобождением, расширением возможностей для бывших «угнетённых». Диктатура пролетариата, таким образом – это диктатура лишь в поверхностном смысле; в ней есть (как и в любом типе государств) элемент насилия, но по сути – это система, раскрепощающая, открывающая свободу и возможности для основной части населения. Диктатура пролетариата, следовательно, имеет два независимых измерения: это и диктат, насилие, и свобода, раскрепощение. Существование этих двух измерений в советский период очевидно, о чём, например, свидетельствует наплыв талантов из «наро-

да» в разные сферы жизни: в науку, технику, искусство, армию, спорт и т.д.

Локковский принцип разделения властей – законодательной и исполнительной, состоит в том, что власть делится на выдумывающую как бы из ничего законы законодательную власть и действующую вслепую исполнительную власть. Они становятся не двумя измерениями одной деятельности, а двумя отдельными специализированными звеньями одного процесса, как бы конвейера. Одномерность этого процесса, а также уплощённость, отсутствие глубины каждого из этих звеньев, выражает искусственность, выхолащенность, эклектизм такой конструкции. Государство с так устроенной властью обречено продуцировать искусственные, поверхностные законы, и быть переполненным чиновничьей исполнительной одномерностью – формализмом.

Ленин предложил заменить локковскую систему власти властью советской. Советы – власть как минимум двумерная: в ней создание законов и практическая деятельность выполняются одними и теми же людьми, как два измерения их деятельности. В простом смысле это не что иное как построение плана и его исполнение, с последующей коррекцией плана, усовершенствованным исполнением и т.д. Получается создание не законов, а планов (план – это закон, только создаваемый в соотношении с деятельностью). Деятельность исполнения здесь не просто процесс, подчинённый некой норме, а планомерное достижение результата. Практическая деятельность, благодаря Советам, таким образом, приобретает контролируемый, осознанный, умный характер. В этом – в повышении уровня осознанности – внутренний смысл Советской власти. (Следует отметить, что этот смысл был в значительной мере утерян, и органы советской власти стали уподобляться органам власти западных стран, устроенных по локковской схеме. Возможно, это одна из причин кризиса советской власти и последующего её упрощения до локковской конструкции разделения властей по западным образцам.)

В целом многомерность у Ленина обеспечивается сочетанием разделения измерений, их раздельной фиксации, – с одновременностью, их объединением в рамках одной деятельности, у одного субъекта.

Сама по себе такая многомерность была понята как свойство реальности в современной науке ещё Р. Декартом и реализована в модели системы координат, – в которой все измерения самостоятельны и независимы друг от друга, и в то же время связаны в единство (через нулевую точку в системе координат). На наш взгляд, появление в научном мировоззрении этого новшества, в XVI–XVII вв., также ряд созвучных идей Николая Кузанского, Коперника, Галилея, Бруно, – всё это обусловило новую картину мира как бесконечного и единого. В целом это не что иное как переход от аристотелевского геоцентризма к космически центрированной картине мира. В социальных концепциях это изменение картины мира отразилось в появлении т. наз. «утопий», в частности – «Города Солнца» Т. Кампанеллы [5]. В Городе Солнца одновременно все и свободны и связаны друг с другом, в этом обаяние этой утопии. Мировоззрение и логика мышления Ленина органично реализуют эту особенность утопии Кампанеллы, которая есть та же многомерность-космичность, о которой мы говорили.

Многомерность – это, по сути, неисчерпаемость реальности. Она может переживаться, чувствоваться и сама по себе, субъективно, как глубина реальности. Здесь мы и можем увидеть сродство Ленина и Тарковского.

У Ленина фиксация какого-либо измерения (объективного или субъективного, т.е. объекта как он есть или субъективной позиции относительно его) открывает воз-

можность, или даже свободу в других измерениях, например в фоновых сферах среды действия, т.е. вообще это способ приоткрыть завесу над другими измерениями. Но это – один к одному – метод построения движения кинематографической ткани Тарковского. Так, для него характерно, что кадр в своём движении, трансформациях, заканчивается фиксацией какого-либо объекта, детали, места, и затем – с опорой на зафиксированное – отсыл к другому измерению. И у Ленина, и у Тарковского поэтому особое значение приобретает аура ситуации, её энергетика, заложенный в ней объём возможностей. Ясно, что аура ситуации переживается через переживание своего рода глубины присутствия. Этим отличаются фильмы Тарковского, но это роднит его со стилем мышления, мировоззрения Ленина.

И у Ленина, и у Тарковского основное – работа с пространством реальности, а не с вещами и не с местом. С пространством как многомерной, таинственной, полной возможностей, переливающейся, бесконечной, но в то же время единой реальностью.

Так, кадры у Тарковского часто построены в форме, близкой к приёмам «обратной перспективы», с инверсией фигури-фоновых отношений [6]. Тем, что фон активизируется и даже уравнивается в правах с фигурой, в зрительское восприятие вводится некая многомерность, объёмность, как бы «пустотность». Мы сталкиваемся со своего рода «энергией вакуума», живой, дышащей пустотой (пространством).

В этом «живом» вакууме вещи обретают как бы внутреннюю энергию, жизнь, начинают сами за себя говорить. Возникает ощущение их какой-то фундаментальности и глубины, ощущение причастности к какому-то таинственному многозначительному длящемуся процессу.

Переживание многомерности-пустотности – это переживание «чистого», безусловленного присутствия.

Восприятие продолжается из этого состояния присутствия, как поток как бы не вполне узнаваемых, впервые встречаемых феноменов. Незнание вводит в режим «общения» с неизвестным, «неведомым», в безотносительное восприятие вещей, – восприятие их на фоне пустоты. Так возникает переживание глубины, многомерности присутствия.

На фоне пустоты вещи возникает своего рода «завор», в котором начинает быть видна особая реальность вещей, их «аура»-«дыхание», благодаря которому становится слышно то, «что поёт в глубине вещей» [1].

В заключение можно сказать, что идея многомерного, как бы «дышащего» пространства, лежащего в основе разных сфер реальности, иначе говоря, идея имманентной космичности реальности – это то общее, что объединяет таких разных деятелей как В.И. Ленин и А.А. Тарковский. В этом Ленин и Тарковский были продолжателями и традиции «русского космизма», и – если смотреть шире – того поворота к космоцентричности, который произошёл в человеческой истории, начиная с Коперника и Галилея.

Остаётся отметить, что главным педагогом и наставником А.А. Тарковского во время его учёбы во ВГИКе был талантливый режиссёр Михаил Ромм. Но именно Ромм является автором классических фильмов о Ленине: «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Владимир Ильич Ленин», «Живой Ленин».

Литература

1. Болдырев Н.Ф. Жертвоприношение Андрея Тарковского. – Москва: Вагриус, 2004. – С. 7.
2. Ленин В.И. Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 42. – Москва: Политиздат, 1967. – С. 289–290.
3. Ленин В.И. О боевом соглашении для восстания // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 9. – Москва: Политиздат, 1970. – С. 281.
4. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребенка / Сост., новая ред. пер. с фр., коммент. Вал.А. Лукова, Вл.А. Лукова. – Москва: Педагогика-пресс, 1994. – 526 с.
5. Яновский М.И. Образ будущего общества как психологическая проблема // Историческая психология и социология истории. – Т. 14. – 2021. – № 1. – С. 5–11.
6. Яновский М.И. Психологический смысл «обратной перспективы» в живописи, поэзии и кинематографе // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 6. – С. 101–110.

LENIN AND TARKOVSKY – TWO GENIUSES OF MULTIDIMENSIONALITY

Yanovsky M.I.

Donetsk National University

The article compares the features of the elements of world perception that were introduced by two famous personalities of the twentieth century – V.I. Lenin and A.A. Tarkovsky. The author substantiates the idea that such an element was multidimensionality as a property of the image of the world. Multidimensionality is a property that can be identified with cosmicity. Lenin's multidimensionality is realized in dialectical political thinking and activity, in the ability to distinguish and fix different dimensions of social processes and link them into a complex dynamic whole. Tarkovsky embodied in cinema an aesthetic perception of reality, built on the identification of inner cosmicity-the multidimensionality of phenomena, on the inclusion of the observer in the contemplated whole. For both, reality thus appears as an inexhaustible, multifaceted, iridescent living whole.

Keywords: multidimensionality; cosmicity; dialectic; reflection; depth; presence.

References

1. Boldyrev N.F. The Sacrifice of Andrei Tarkovsky. – Moscow: Vagrius, 2004. – P. 7.
2. Lenin V.I. Once again about trade unions, about the current moment and about the mistakes of tt. Trotsky and Bukharin // Complete Works. 5th ed., vol. 42. – Moscow: Politizdat, 1967. – Pp. 289–290.
3. Lenin V.I. On the combat agreement for the uprising // Complete Works. 5th ed., vol. 9. – Moscow: Politizdat, 1970. – P. 281.
4. Piaget, J. Speech and thinking of a child / Comp., new ed., trans. from fr., comment. Val.A. Lukova, Vl.A. Lukova. – Moscow: Pedagogika-press, 1994. – 526 p.
5. Yanovsky M.I. The image of the future society as a psychological problem // Historical psychology and sociology of history. Vol. 14. 2021. № 1. P. 5–11.
6. Yanovsky M.I. The psychological meaning of «reverse perspective» in painting, poetry and cinema // Psychological Journal. 1995. Vol. 16. No. 6. Pp. 101–110.

Лингво-исторический анализ религиозных воззрений абазин: религиозная идентичность в условиях глокализации

Экзекова Мадина Николаевна,

начальник отдела по работе с иностранными обучающимися
Управления международного сотрудничества Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета им. С.М. Кирова
E-mail: madichka15@yandex.ru

Статья посвящена комплексному исследованию влияния процессов глобальности и локальности (глокализация) на религиозные воззрения абазин. Придерживаясь эмпирических и теоретических методов исследования автор ставит перед собой задачу рассмотреть формирование и развитие религиозной идентичности абазин от язычества до монотеизма. Исследование проводится с опорой на теорию глобализации и рассматривается в контексте глобализации-локализации. В качестве основных выводов автор приходит к тезисам о закономерности диалектической взаимосвязи процессов глобализации и локализации и их влиянии на формирование идентичности индивида. Статья имеет практическую часть. По результатам опроса представителей абазинского народа были обнаружены тенденции, сопровождающие процесс формирования религиозной идентичности под влиянием глокализации: синкретичность религиозной идентичности, а также переход некоторых элементов религиозной идентичности в поле этнокультурной идентичности личности. На основе лингво-исторического анализа некоторых выражений на абазинском языке автор показывает, какую значительную роль играет язык в интерпретации некоторых особенностей культуры и истории народа. Данная работа имеет научную онтопологическую, историческую и этнографическую значимость. Она будет интересна широкому кругу исследователей, изучающих явления идентичности, процессы глобализации и их влияние на развитие общества, а также исследователей, деятельность которых направлена на изучение истории, культуры и языка абазинского народа.

Ключевые слова: глобализация, локализация, идентичность, абазин, этимология абазинского языка, религия.

Вступление

Стремление человека к идентичности заложено эволюцией. Субъект (индивид или группа лиц) рефлексирова, определенным образом воспринимает окружающую реальность. Идентичность отвечает на вопрос: Кто мы?

Есть два подхода к понятию идентичности: одни исследователи считают, что идентичность субъективна, то есть человек сам определяет свою идентичность; другие полагают, что идентичность – это целая совокупность культурных, исторических, психологических объективных особенностей и факторов. В данном исследовании автор будет придерживаться второго подхода.

Известны различные формы идентичности. В статье речь пойдет о религиозной идентичности этнической группы абазин.

Исследование имеет значимость в связи с отсутствием в современной науке большого количества исследований, посвященных идентичности, в том числе религиозной, представителей абазинского народа. Автор рассмотрит влияние процессов глобализации на формирование идентичности индивида. В статье представлен лингво-исторический анализ абазинского языка на примере некоторых выражений. Статья содержит практическую часть, основанную на опросе представителей абазин.

По выявленным результатам исследования автор приходит к выводам, имеющим научную историческую, этнографическую и антропологическую значимость.

Методы

Исследования идентичности берут свое начало в конце XIX – первой половине XX века. Сама категория идентичности первоначально рассматривалась исключительно в предметном поле психологии, затем получила развитие в научном дискурсе социологии и социальной антропологии. Позднее анализ данной категории выходит за предметные рамки этих наук и проникает в область интересов философов и ученых, занимающихся проблемами политики.

При исследовании идентичности в современном мире с помощью средств социально-философского анализа мы неизбежно сталкиваемся с трансформационными процессами, состоящими из двух элементов: глобализация и локализация. Одним словом, «глокализация» данный процесс назвал владелец японской корпорации «Сони» Акио Морита. В академический оборот гуманитарных и социально-политических наук термин «глокализация» был введен Р. Робертсоном (Роберт Гордон Робертсон (1917–2013) – канадский государственный деятель). Он пришел к выводу о пересечении глобальности и локальности, слиянии гомогенности и гетерогенности, универсальности и партикулярности. Робертсон делал акцент на изучении культурного пласта пространства, отмечая, что глобальные тенденции в сфере культуры изменяются под воздействием локального содержания и, наоборот, локальные ценности и традиции вливаясь в контекст глобальной массовой культуры видоизменяют ее форму. Таким образом, исходя из логики развития

современной системы глокализации, парадигмы «единства» и «различия» являются диалектически связанными, находя свое отражение в субъекте – личности или группе лиц, а также в попытке создания духовной парадигмы.

Фактически идентичность индивида представляет собой матричную структуру, в основе которой находится множество идентичностей, взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга. В определенный период в зависимости от сложившихся обстоятельств, один из форматов идентичности становится ведущим, доминирует в идентификационной иерархии и структурирует сознание. Доминирующий вариант идентификации играет роль призмы, сквозь которую актер рассматривает окружающий мир, определяет параметры восприятия и классификации различных объектов. Одним из элементов идентичности индивида является религиозная идентичность.

Религия – важный структурный элемент функционирования социальной системы. Большинство исследователей относят религиозную идентичность к исторически первой форме идентичности. Любая религия, в том числе и домонотеистическая, служит сохранению и передаче норм и традиций, важных для процесса идентификации индивида.

В данном исследовании автор руководствуется культурно-историческим подходом к определению религиозной идентичности и ставит целью обратить внимание на особенности формирования и функционирования религиозной идентичности на примере абазинского народа.

Результаты

Абазины – самоназвание «абаза» – один из автохтонных народов Кавказа. На сегодняшний день абазины включены в перечень малочисленных коренных народов Российской Федерации. Леонид Иванович Лавров внес выдающийся вклад в этнографическое изучение абазин. Он провел несколько экспедиций в абазинские селения. На основании вышедших по их результатам статей в 1955 году была выпущена фундаментальная работа «Абазины. Историко-этнографический очерк». Л.И. Лавров писал, что несколько столетий тому назад абазины были намного многочисленнее, чем сейчас. Есть основные две ветви абазинского народа. Это абазины Ашхарцы (щкарауа) и абазины Тапанта (ашуа). Упоминания об этом народе встречаются со времен античности. Как утверждал Л.И. Лавров, именно абазины фигурируют в русских летописях XII–XIV вв под названием «абезы». [5] Абазинский язык относится к абхазо-адыгской группе кавказских языков. Культура абазин наиболее близка культурам абхазов и адыгов.

Что касается религиозных воззрений абазин, то они, как и большинство народов Северного Кавказа прошли этапы язычества, христианства и мусульманства. На сегодняшний день подавляющее большинство абазин исповедует ислам суннитского толка. Небольшая часть исповедует православие.

Обсуждение

Абсолютное большинство народов, населяющих нашу планету прошли через период языческих верований. Проанализировав фольклорные и языковые источники можно говорить о том, что в абазинской системе языческих верований творцом и покровителем Вселенной является Анчва. Помимо этого, наблюдается целый пантеон покровителей-божеств: Ажвейпшва – покровитель лесов

и диких зверей, которому охотники приносили жертву перед отправлением на охоту; Айтар – покровитель домашнего скота, моление и жертвоприношение которому совершали в период размножения скота; Джьаджя – богиня плодородия и посевов; Гвьнда – покровительница пчел и пасек; Швашвы – покровитель кузнечного ремесла; Дзиуара – покровительница – воды и дождя; Афы – покровитель грома и молнии» [3]. Из всех перечисленных божеств на сегодняшний день в языке и обрядах народа мы можем найти упоминание об Афы (сильного, ловкого мужчину называют Афырхьац/а, где хьац/а – мужчина). Также можно назвать покровительницу воды и дождя Дзиуара, в честь которой и по сей день исполняются обряды вызывания дождя.

Память о главном божестве языческого пантеона – Анчва сохранилась в народе наиболее устойчиво. Например, до сих пор в языке используются такие выражения как: Анчва иныс! – клянусь, Анчва йих/ват! – пусть Анчва так скажет. Упоминания об Анчва мы можем встретить, обратившись к произведениям современной абазинской литературы (ссылка на стих М. Тлябичевой). Следует заметить, что Анчва воспринимается как единый всевышний (Анчва г/ва дыгъымам – у Анчва нет товарища). Такое абстрактное единобожие, возникшее еще в раннем средневековье, произошло под влиянием эволюции общества. Движение к интеграции, которое неизбежно и естественно для любого народа, порождает единобожие. «Развитие традиционных религиозных представлений, приведшее к формированию пантеона божеств, в некотором отношении подготовило местную среду к восприятию монотеизма» [1]. Этому также способствовала сама концепция монотеистических религий, которые принимал народ в разные периоды своего исторического развития.

Любопытно проанализировать этимологию наименования Анчва. Из всех предложенных версий трактовки данного понятия, наиболее обоснованной представляется версия Нагоевой Л.А., предложенная в диссертации на соискание ученой степени кандидата филологии «Специфика раннего этапа культурогенеза абхазо-адыгов», автор которой, проанализировав ашуйское письмо (по Турчанинову) пришла к выводу, что «рассматривать современный культ Анчва можно только в связи с наиболее емкими для любого человека понятиями «Мать» и «Земля». Вместе они составляют триаду: Бог-Земля-Мать.» [6, с. 80].

Анчва: «а» – определенный артикль, «н(ы)» – корень слова, который употребляется для обозначения высшего божества, а также в качестве глагольного префикса со значением «в каком-либо месте, земле», «чва» – суффикс множественного числа. Связующим звеном между понятиями «н(ы)» – божество и «н(ы)» – место, земля, является обозначение матери в абазинском языке, аналогичное «Ан» [6, с. 77].

Можно сделать вывод о том, что в домонотеистические времена Земля почиталась у абазин как главное божество, находящееся во главе пантеона, как сущность, из которой человек выходит и куда уходит его тело после смерти. Это характерно для архаических культур. Достаточно вспомнить Пеласгический миф творения, где первый человек на Земле Пеласг по преданию выходит из недр Матери-Земли. Любопытно, что божество Анчва, изначально характеризовавшее женское начало, в наши дни употребляется в языке в мужском роде. Такая трансформация могла произойти под влиянием монотеистических представлений о первостепенной мужской сущности и идее патриархального общественного развития.

До наших дней сохранилось мало знаний о языческих традициях и обрядах абазин. Однако, как писал

Мартин Хайдеггер: «Сущность человека покоится в языке. Мы существуем прежде всего в языке и при языке» [9]. Поэтому, обратимся к этимологии абазинского языка и «дадим слово языку как языку». Проанализируем некоторые выражения на абазинском языке.

1. «Адуней йх/ваджт/» – он умер – дословно «он поменял мир». Мироздание в культуре абазинского народа представляется разделенным на несколько уровней. При этом, существует зримый и незримый порядок Вселенной [6, с. 102]. В результате смерти человек переходит из одного мира в другой. В этом выражении мы видим ответ на важный философский вопрос: какое значение и какой смысл мы вкладываем в факт того, что человек умирает? Как человек должен относиться к грядущему событию своей смерти?

2. «Амара уасхат/!» – Как тебе повезло! – дословно «Солнце стало твоей рубашкой!». Солнце и Луна – космогонические божества, созданные верховным богом Анчва. В абазинском языке сохранились клятвы – обращения к солнцу, как к божеству «Ари зымару!» – клянись этим Солнцем! [4, с. 177]. Сам факт персонификации Солнца – это проявление анимизма, который является существенным элементом религиозного мировоззрения. Качества Солнца наделялись народом некой неподвластной и необъяснимой силой, управляющей окружающим миром. «Надевая на себя солнце» в качестве рубашки человек получает эту силу, оказывая влияние на объективную реальность.

3. «Йпсата бзихат/» – говорят при соболезовании – дословно «Пусть место его души будет хорошим». После своей физической смерти человек не перестает существовать, а переходит в другой мир, в незримый порядок Вселенной. Это выражение показывает веру в бессмертие души, в идею ее движения после смерти в загробном мире и обретения покоя.

4. «Йухъацк/ып/» – говорят, когда человек потерял что-то (к-то вещь) – дословно «не дороже твоей головы». Проанализировав данное выражение, мы можем понять, что в культуре народа человек является наивысшей ценностью, по меньшей мере, в физическом мире. Можно вспомнить Протагора, который говорил о том, что человек является мерой всех вещей, подчеркивая ценность и значимость человека в материальном мире.

5. О признании в культуре ценности человека говорит еще одно высказывание, которое употребляется при соболезовании: «Аллах/ (Анчва) дышвхъимраштлт/» – дословно «пусть Всевышний не даст вам его забыть». Данное выражение делает отсылку не к незабвенности человека, а имеет в своей основе пожелание того, чтобы не было в семье большей человеческой утраты, которая заставила бы забыть эту.

6. Сара бара (уара) бзи бызбит/ (уызбит/) – я тебя люблю – дословно «я тебя хорошо вижу». Другими словами, я тебя принимаю со всеми твоими особенностями, я не отказываю тебе в негативных сторонах. С точки зрения религии видение является непосредственным постижением, чувствованием объекта. Данное выражение показывает, что особенностью культуры народа в сфере межличностных отношений является чувственная, а не рационализированное восприятие.

В начале средневековья на Северном Кавказе, особенно в его приморских районах, начинается распространение христианства. Большую роль в данном процессе сыграли Византия, Армения, Иберия и Албания [7, с. 112]. По византийским (VIII–X вв) и грузинским (XI в) источникам первыми проповедниками христианства среди абазин были апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит. По преданию, крещение абазгов, армян, грузин и алан приписывают святому Григорию

(начало IV в.) [6, с. 71]. По свидетельствам же русских летописей, в последней четверти XI века, абазинские мастера-иконописцы принимали участие в росписи Собора Киево-Печерской Лавры. [8, с. 79].

Начиная с XIV века, после падения Константинополя, начинается постепенная исламизация народов Северного Кавказа. Точно неизвестно, когда ислам стал господствующей религией абазин, но предположительно это произошло в XVII–XVIII вв. При этом, известно, что часть абазин-ашхарцев приняла ислам не ранее второй половине XIX века. Вместе с тем у абазин сохранялись пережитки языческих и средневековых христианских верований и обрядов. «Адыги и абазины в XVI–XVIII вв считались полухристианами – полумусульманами. Ислам, начавший проникать к ним, вероятно, с XIV в, не стал здесь господствующей религией.» [7, с. 495].

Практическая часть исследования выполнена на основе опроса представителей абазин. В качестве респондентов выступили лица разных возрастов, конфессионально считающих себя причастными к исламу. С целью выявления этнокультурных и религиозных представлений были заданы следующие вопросы:

1) Слышали ли вы об Анчва?

2) Если да, то что этот термин для вас значит?

На первый вопрос все респонденты ответили утвердительно. Это говорит о том, что данный компонент языка по сей день не вытеснен из культуры народа.

Ответы на второй вопрос можно объединить в 2 группы: а) Анчва – имя единого Бога (Аллаха) на абазинском языке. В некоторых фразах название Анчва заменяется на Аллах, хотя в речи употребляются оба варианта. б) Анчва – божество, дошедшее до нас из языческих времен и сейчас ничего не значащее.

Выводы

Анализируя полученные данные можно сделать следующие выводы:

1. Респонденты, достаточно уверенно владеющие абазинским языком, чаще употребляют термин Анчва в речи. Это подтверждает тот факт, что язык играет значимую роль при формировании идентичности индивида. Вместе с языком человек воспринимает энергетику исторической (социальной) памяти народа. [2]

2. Респонденты-ашхарцы в абсолютном своем большинстве употребляют наименование Анчва в качестве имени Бога (Аллаха) на абазинском языке. Л.И. Лавров во время своих экспедиций наблюдал, что «Пережитки родового строя, древние языческие верования и сравнительно большая свобода населения (не знавшего ига своих и кабардинских князей) – характерные черты быта ашхарцев до середины XIX века.» [5, с. 20]. Можно предположить, что этот термин используется ашхарцами как сакральный аспект идентичности, как определенный элемент «самости» и уникальности.

3. Респонденты, использующие термин Анчва в речи, преимущественно принадлежат к старшему поколению. Данный факт может объясняться тем, что глобализационные тенденции, как правило, оказывают влияние в большей степени на молодежь.

Иными словами, происходит либо слияние (отождествление) языческого бога с монотеистическим, либо вытеснение его монотеистическим богом. Тот факт, что память о языческом божестве дошла до наших дней несмотря на периоды христианизации и исламизации народа, говорит о том, что компоненты языческих верований и представлений относятся скорее к этнокультурной, нежели к религиозной идентичности. Языческая религия была использована как ресурс для построения этнокультуры

турной идентичности народа. В свою очередь, этнокультурная идентичность, принимаемая как данность, относится к аскриптивному компоненту идентичности индивида, к которому прибавляются другие элементы, в том числе религиозные. Можно также говорить о формировании синкретичной религиозной идентичности, когда имя языческого бога, употребляясь в качестве названия Всевышнего на родном языке, фактически становится тождественным монотеистическому Богу соответствующей конфессии.

Формирование религиозной идентичности абазин безусловно подвержено ранее упомянутому процессу глокализации. Отголоски языческих верований демонстрируют результат деятельности локализации, переходя в этнокультурную идентичность. Традиционные же монотеистические представления – это фактор, указывающий на влияние глобализационных процессов.

Процессам глобализации и локализации подвержены абсолютно все сферы жизни общества. Знание и анализ элементов, составляющих идентичность индивида, помогает глубже заглянуть в историю и увидеть причинно-следственные связи, имеющие важное значение в изучении конкретной этнической общности или человечества в целом.

Литература

1. Албогачиева М.С.-Г. Ингуши в XX веке. Этнографические аспекты религиозных практик. // Северный Кавказ: традиционное сельское сообщество. Социальные роли, общественное мнение, властные отношения. МАЭ РАН СПб.: Наука. 2007. С. 75–128.
2. Булдаков В.П. Революция и историческая память: российские параметры клиотравматизма. // Россия и современный мир 2008 № 2. С. 5–27.
3. Камбачокова М.Ю. К вопросу о религиозных обрядах и верованиях абазин. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007 № 17 (43–1) С. 138–141.
4. Куначева Ф.Г. Эволюция религиозных воззрений абазин. Карачаево-Черкесский государственный педагогический университет. Карачаевск 2002. 214 с.
5. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, болгарцев. Нальчик.: ГП КБР «Полиграфкомбинат им. революции 1905 г.» 2009. 555 с.
6. Нагоева Л.А. Специфика раннего этапа культурогенеза абхазо-адыгов. Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена. Сп Б.: 2022. 139 с.
7. Нарочницкий А.Л., Пиотровский Б.Б. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: «Наука» 1988. 545 с.
8. Табулов А.К. Абазин в цивилизационном контексте Северного Кавказа. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юри-

спруденция, политология, культурология. 2014. № 2 (139) С. 76–81

9. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков.: «Фолио». 2003. 503 с.

LINGUISTIC AND HISTORICAL ANALYSIS OF ABAZA RELIGIOUS VIEWS: RELIGIOUS IDENTITY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Ekzekova M.N.
SPbFTU

The article is devoted to a comprehensive study of the influence of the processes of globalization and localization (glocalization) on the religious views of Abaza. Relying on empirical and theoretical research methods, the author examines the formation and development of religious views of the Abaza from paganism to monotheism. The research is based on the theory of globalization and is considered in the context of globalization-localization. The article has a practical part. According to the results of a survey of representatives of the Abaza people, the author comes to the conclusion that the formation of the religious identity of the people is subject to the processes of globalization and localization. Based on the linguistic and historical analysis of some expressions in the Abaza language, the author shows what a significant role language plays in the interpretation of some features of the culture and history of the people. This work has scientific ontropological, historical and ethnographic significance. It will be of interest to a wide range of researchers studying the phenomena of identity, the processes of globalization and their impact on the development of society, as well as researchers whose activities are aimed at studying the history, culture and language of the Abaza people.

Keywords: globalization, localization, identity, Abaza, etymology of the Abaza language, religion.

References

1. Albogachieva M.S.-G. Ingush in the XX century. Ethnographic aspects of religious practices. // North Caucasus: traditional rural community. Social roles, public opinion, power relations. MAE RAS SPb.: Nauka. 2007. S. 75–128.
2. Buldakov V.P. Revolution and historical memory: Russian parameters of cliotraumatism. // Russia and the modern world 2008 № 2. pp. 5–27.
3. Kambachokova M. Yu. On the issue of religious rites and beliefs of the Abaza. // Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen. 2007 No. 17 (43–1) S. 138–141.
4. Kunacheva F.G. The evolution of the religious views of the Abaza. Karachay-Cherkess State Pedagogical University. Karachaeusk 2002. 214 p.
5. Lavrov L.I. Selected works on the culture of the Abaza, Circassians, Karachays, Bolkars. Nalchik: State Enterprise KBR "Polygraph Combine named after the Revolution of 1905." 2009. 555 p.
6. Nagoeva L.A. The specificity of the early stage of cultural genesis of the Abkhaz-Adygs. Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. St. Petersburg: 2022. 139 p.
7. Narochnitsky A.L., Piotrovsky B.B. History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century. M.: "Nauka" 1988. 545 p.
8. Tabulov A.K. Abazins in the civilizational context of the North Caucasus. // Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. 2014. No. 2 (139) S. 76–81.
9. Heidegger M. Being and time. Kharkiv: "Folio". 2003. 503 p.

Гуманитарная экспертиза цифровизации: политологический контекст

Михайленок Олег Михайлович,

д.п.н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Щенина Ольга Геннадьевна,

к.п.н., ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: oschenina@mail.ru

В статье рассматривается феномен цифровизации в контексте гуманитарной экспертизы инноваций современного мира. Отмечается, что цифровая трансформация расширяет возможности взаимодействия человека и общества, не только предлагает инновационные технологии для нового информационного, сетевого общества, но и изменяет сознание человека, мышление, его мировоззрение.

Показано, что гуманитарная экспертиза инноваций в условиях цифровизации становится все более востребованной, а ее значение для оценки перспектив развития, вызовов и рисков только возрастает в условиях нарастающей неопределенности, сложности и нестабильности общественного развития.

К особенностям методологии гуманитарной экспертизы относятся следующие параметры: оценка технологической составляющей представленного на экспертизу проекта; его социальной составляющей; следует учитывать ценностные аспекты и социально-культурную составляющую проекта. Авторы приходят к выводу о том, что основой гуманитарной экспертизы выступает сам человек, а также ценности общества, его социокультурный потенциал.

Обосновывается, что в контексте гуманитарной экспертизы цифровизации необходимо выделить несколько ее составляющих: технологическую и социальную. На примере социальной группы молодежи показано влияние цифровой трансформации на современного человека в ракурсе методологии гуманитарной экспертизы.

Ключевые слова: цифровизация, гуманитарная экспертиза, методология, политические науки.

Феномен цифровизации, рассматриваемый в контексте анализа трансформаций технологической и социальной составляющих современного мира, позволяет предлагать инновационные трактовки формирующейся на наших глазах новой социальной реальности. К ее характеристике вполне применим термин «новая нормальность», который вновь начал активно использоваться в период пандемии COVID-19 сначала в ракурсе интерпретации происходящих изменений, а затем и как некая новая тенденция развития, затрагивающая практически все стороны общественной жизни.

В течение последнего десятилетия цифровизация как «новая нормальность» становится неотъемлемой частью жизни нашего общества. Цифровизация не только символизирует трансферт социума к иному цифровому миру, но и фактически воплощает собой переход человечества к новому технологическому укладу (от пятого к шестому).

В этой связи уместно вспомнить мнение Клауса Шваба, который подчеркивал, что четвертая промышленная революция кардинально преобразует современную действительность. Поэтому «нам требуется иметь комплексное и единое представление о том, как технологии изменяют нашу жизнь и жизнь будущих поколений, как они преобразуют экономическую, социальную культурную и гуманитарную среду нашего обитания» [12, с. 9].

В дискурсе о цифровизации чаще всего обращается внимание на технологические аспекты и последствия применения цифровых технологий. А также «обосновывается множество подходов и позиций: от рассмотрения ее как блага для социума с точки зрения расширения возможностей человека и диапазона его свободы, вплоть до противоположных – звучат заявления о наступлении эпохи цифрового тоталитаризма. Тем самым происходит обновление спектра общественных дискуссий о многообразных ракурсах современных технологических, социальных, экономических, политических, культурных процессов. Апдейт оценок происходящих изменений свидетельствует о появлении новых контекстов их смыслов, а также переоценке подходов к их направленности» [8, с. 63].

Однако не менее важен антропологический вектор исследования современных процессов, поскольку все они направлены на человека, обеспечение его жизнедеятельности и развития. Гуманитарная экспертиза прежде всего социальных инноваций становится все более востребованной на фоне столь значимых и масштабных изменений реальности.

Представляется, что пристальный интерес исследователей в области социально-гуманитарного знания вызывают следующие аспекты цифрового мира настоящего и будущего: антропологический, социальный, политический, экономический, экологический и др. В данной статье затронем лишь некоторые из них и обратимся прежде всего к политологическому контексту анализа цифровизации, поскольку «все технологии имеют политическую природу» [13, с. 64].

В политических науках за последнее десятилетие появился большой массив монографий и статей, посвященных феномену цифровизации, ее всестороннему изучению. Значительное внимание в них уделяется цифровой трансформации в политике и экономике, культуре и образовании, однако вопросы гуманитарной экспертизы цифровизации в контексте принятия политических решений освещаются явно недостаточно.

Следует отметить, что в области политологии, социологии, философии, лингвистики, психологии ведется активный научный поиск инновационных подходов к интерпретации процессов и явлений действительности. Несомненно, к ним относится и процесс цифровой трансформации общества и государства, который во многом, как упоминалось выше, преобразил нашу жизнь – мы уже не представляем ее без интернета, гаджетов, искусственного интеллекта и т.д.

Вместе с тем, к универсальным концептам современной науки наряду с цифровизацией следует отнести и гуманитарную экспертизу – это направление исследований в разных областях знания, которое получило развитие в последнюю четверть века. Ее значение для оценки перспектив развития, вызовов и рисков только возрастает в условиях нарастающей неопределенности, сложности и нестабильности общественного развития. Ведь «генеральный вектор перемен – ключевая роль нематериальных активов, особенно человеческих и культурных» [10, с. 80].

Именно поэтому любой общественно значимый проект, независимо от того, в какой области он будет реализован, должен проходить не только ряд экспертиз технологического, экономического или другого характера, но и гуманитарную экспертизу. К особенностям ее методологии на наш взгляд относятся: прежде всего необходим учет оценки технологической составляющей представленного на экспертизу проекта; затем его социальной составляющей (например, влияние на коммуникации, на мировоззрение, на уровень жизни населения); следует учитывать ценностные аспекты и социально-культурную составляющую проекта с учетом социально-психологических факторов. Немаловажную роль в этих процессах играют правовой и моральный контексты, например, степень ответственности разработчиков проектов и экспертов.

Основой гуманитарной экспертизы выступают сам человек, а также ценности общества, его социокультурный потенциал. Таким образом, гуманитарная экспертиза оценивает в том числе и антропологический потенциал того или иного проекта. «...Необходима особого рода систематически организованная деятельность, направленная на прогнозирование вновь возникающих угроз для человеческого потенциала. Ядром такого рода деятельности, на наш взгляд, должна быть гуманитарная экспертиза» [1, с. 77]. Тем самым гуманитарная экспертиза позволяет оценить эффективность проектов, а также на этапе проведения экспертизы выявить возможные риски их реализации. В условиях информатизации и цифровизации общества социальная значимость гуманитарной экспертизы будет только усиливаться.

Кроме того, чрезвычайно важную роль при проведении гуманитарных экспертиз играют профессиональные сообщества экспертов, специалистов. Ведь экспертиза как вид деятельности представляет собой «процесс осмысления неведомого» [4, с. 92]. Следовательно, от экспертов, их профессионализма, уровня компетенций, экспертного мышления во многом зависит не только всестороннее сопровождение инноваций, но и обоснование, а также принятие решений на всех уровнях. Так формируется новая повестка дня для образования – его мо-

дернизация в рамках компетентностной парадигмы, необходимость формирования и развития у современного человека навыков XXI века.

Экспертиза социально-политических проектов предполагает учет большого числа альтернатив общественного развития, формирующихся на основе многообразных факторов. И этот аспект оказывает серьезное влияние на принятие политических решений, а также их реализацию. Например, программы в сфере государственного управления, информационной инфраструктуры и безопасности, цифровое образование и здравоохранение, умный город и т.д. И здесь уместно вспомнить о стремительном развитии высоких гуманитарных технологий за последнюю четверть века, которые преобразуют человека и общество (когнитивные технологии, коммуникации, информатизация, сетевизация и др.). Специалистами высказываются идеи о востребованности гуманитарных изобретений, наряду с ростом значимости технологических аспектов бытия, например, в условиях цифровизации.

Таким образом, эксперты в области гуманитарной экспертизы при анализе предлагаемых проектов должны прежде всего учитывать социальный контекст их реализации. Причем «мы продолжим удивляться скорости и неожиданному характеру этих изменений, поскольку они сливаются воедино и приводят к последствиям второго, третьего, четвертого и более высокого порядка, вызывают каскадные эффекты и непредвиденное развитие событий. Формируется «новая нормальность», радикально отличная от той, которую мы понемногу оставим позади» [14, с. 12].

Не случайно ряд экспертов на фоне стремительного преобразования реальности, формирования новой нормальности выдвигают идею гуманитарно-технологической революции как основной характеристики происходящих перемен [6, с. 11–16]. Тем самым становятся все более значимыми аспекты гуманитарных и социальных смыслов этих кардинальных изменений.

Перейдем к анализу цифровизации в контексте гуманитарной экспертизы инноваций современного мира. Под влиянием цифровой трансформации происходят значительные изменения в социокультурной сфере, в ценностном и иных аспектах. Например, новые смыслы обретают концепты онтологии (цифровая онтология), идентичности (цифровая идентичность), суверенитета (цифровой суверенитет), человека (цифровой человек Homo digitals) и другие.

Под влиянием цифровой трансформации существенно изменяются социальные роли человека. Так «Homo digitals может выступать в виртуальном пространстве одновременно в нескольких ролях как: производитель информации, потребитель информации, владелец информации, цифровой субъект, цифровой коммуникатор, цифровой интегратор, вертикальный или горизонтальный координатор, субъект и объект цифрового управления» [3, с. 90].

В контексте гуманитарной экспертизы цифровизации необходимо выделить несколько ее составляющих. Во-первых, она включает технологическую составляющую – то есть множество областей жизнедеятельности социума, которые уже невозможно представить без цифры. Это практически все стороны жизни: государственное управление (например, цифровое публичное управление), коммуникации, образование, медицина, транспорт, связь, промышленность, логистика и т.д. Высокие технологии, внедряемые повсеместно в процессе цифровой трансформации, позволяют на основе использования искусственного интеллекта, информационных систем, цифровых платформ достичь целей четвертой

промышленной революции. Таким образом, цифровизация выступает как технология, которая позволяет по-новому организовать функционирование системы человек-природа-общество (весь материальный мир).

Во-вторых, еще одним параметром гуманитарной экспертизы цифровизации выступает ее социальная составляющая, социокультурный компонент, поскольку большинство используемых технологий сегодня технологий ориентированы на благо человека и общества. К социальным эффектам цифровизации относятся: развитие человеческого капитала современного мира; повышение уровня жизни населения; доступная комфортная среда; преобразование социальной сферы; изменение социальных институтов и т.д. Однако важнейшим антропологическим эффектом цифровизации является формирование человека нового типа (с новыми навыками и мышлением) – Homo digitals. «Homo digitals – это еще один вызов современным гуманитарным и общественным наукам, требующий гуманистического цифрового поворота» [3, с. 95].

С цифровизацией связаны и новые модели государственного управления, информационно-коммуникационных технологий, онлайн бизнес-модели, инновационные формы трудовых отношений, цифровой профиль человека в сетях, медиаобразование и др. Вместе с тем одна из негативных сторон цифровой трансформации, проявляющаяся сегодня наиболее ярко – растущее цифровое неравенство, по сути, разновидность углубляющегося социального неравенства в современном мире. В этой связи нельзя не упомянуть и о проблемах кибербезопасности, а также о цифровой культуре населения.

Остановимся подробнее на аспектах упоминаемых выше сторон цифровой трансформации современного мира и ее влиянии на различные социальные группы. Особый интерес для исследователя в этом ракурсе представляет молодежь, социализация которой происходит в нынешних реалиях цифровой эпохи.

В дискурсе о молодежи все чаще звучит понятие цифровая молодежь, а в поколенческом контексте «называют их «цифровым», «сетевым» или «смартфонным» поколением. Считается, что нынешняя молодежь, с рождения вращающаяся в цифровой среде, принципиально отличается от своих предшественников: для нее характерна многозадачность, более низкая способность удерживать внимание, стремление к интерактивности и предпочтение к получению информации из визуальных источников» [2]. Представляется, что эти качества и свойства, а также навыки работы с цифровыми технологиями востребованы и получают развитие и в других возрастных когортах. Ведь более половины населения планеты пользуются Интернетом (по последним данным около 5 млрд человек), при этом остро стоит проблема цифрового неравенства (в том числе и в молодежной среде), а также цифрового разрыва (например, гендерного).

Цифровые медиа вовлекают в свою орбиту разные категории населения весьма неравномерно. Пожалуй, основное отличие молодого поколения в ракурсе использования цифровых технологий состоит в уровне ее медиапотребления и специфике медиаконтента. Таким образом, коммуникативные аспекты взаимодействия по линии общество-медиа-молодежь в условиях цифровизации приобретают иные формы и смыслы.

Обратимся к анализу деятельности цифровой молодежи в одной из мало значимых для нее сфер – сфере политики. Следует отметить, что «политическая реальность цифровой эпохи обретает двойственную, гибридную сущность, развиваясь как симбиоз двух измерений

политики – физического и виртуального. Это даёт основания характеризовать её как дополненную, или смешанную, политическую реальность» [11, с. 310]. И эта характеристика дуализма реализации политики позволяет предположить возрастание возможностей для политической деятельности и участия цифровой молодежи в этой сфере на основе цифровых технологий и мессенджеров.

Цифровая жизнь молодежи сегодня характеризуется следующими параметрами: наличие цифрового профиля; это постоянный круглосуточный соннет (важность быть на связи) и доступ к сети Интернет; увеличение продолжительности времени пребывания в сетях; медиапотребление преимущественно в формате активности в социальных сетях, интерес к игровому контенту и видеоконтенту (например, YouTube, TikTok). Хотелось бы отметить, что значимость лидеров мнений, например, блогеров, у цифровой молодежи неуклонно растет. Таким образом, вовлеченность в цифровой мир у молодежи выше, чем у других возрастных когорт. В этой связи возникает ряд проблем нравственного и правового порядка в отношении цифровой среды молодежи. Например, цифровой детокс, рассматриваемый как временный отдых от социальных сетей, либо сознательный временный отказ от использования, а также проблема цифровой гигиены (информационной безопасности). Или цифровой буллинг в условиях отсутствия цифрового кодекса в Интернете, необходимость принятия которого по мнению ряда экспертов назрела давно.

На протяжении последних двух десятилетий исследователи фиксируют достаточно высокий уровень информированности молодежи о событиях в политической сфере благодаря Интернету. Однако политика с точки зрения политической деятельности и отношений не представляет интереса для цифровой молодежи. «Более 80% российских молодых людей либо не интересуются политикой, либо не имеют на этот счет определенного мнения... По-настоящему интересна она лишь 19% опрошенных россиян в возрасте от 14 до 29 лет» [9].

Специалисты отмечают «центробежные тенденции, их влияние на становление молодежи как качественно новой социальной группы в условиях «цифровой революции» (У. Бек). Среди них: фрагментация социума; индивидуализированные формы существования, пассивные по сути; риски, приходящие от других культур; качественные изменения представлений о счастье, справедливости, телесности; мобильности; парадоксальное сосуществование рискофобии и рискофилии. Для валидной диагностики и формирования новых принципов управления реалиями необходим интегральный инструментарий, нацеленный, в частности, на учет в государственном управлении значимости отдельных социальных сообществ, чья функциональность ограничена пространственно-временными границами; на выработку инициатив по увеличению роли центростремительных трендов; на вооружение учащихся знанием о побочных проявлениях процессов цифровизации социума; на создание устойчивой моральной атмосферы, основанной на торжестве социальной справедливости, преодолении «текущих страхов»; выработку мер и программ по развитию активистских установок» [7, с. 48].

Очевидно, что у молодежи благодаря развитию современных цифровых технологий расширяются возможности оказания влияния на социально-политические процессы посредством прежде всего сетевых и цифровых практик. Государство создает условия для реализации потенциала молодого поколения, например, в 2014 году Правительство РФ утвердило «Основы государственной молодежной политики до 2025 года», а в 2020 году принял федеральный закон «О молодежной политике в РФ».

Однако наиболее привлекательными для молодежи по данным ряда социологических исследований являются возможности электронного голосования (электронная демократия), цифровое волонтерство [5, с. 192–193]. Либо цифровые платформы, например, «Активный гражданин» позволяют не только предлагать общественно значимые проекты, но и участвовать в принятии решений по актуальным вопросам жизнедеятельности своей территории. Это один из социально-политических ресурсов при реализации государственной молодежной политики в условиях цифровизации. Таким образом, виртуальное пространство позволяет молодому поколению расширять политическую активность на основе сетевых и цифровых практик. Хотелось бы отметить, что в процессе совершенствования технологий для молодежи важнейшую роль будут играть развитие коммуникативных навыков, опыт сотрудничества в разных областях – экономике, политике, культуре.

В заключении необходимо отметить, что цифровизация – технологически и социально опосредованный процесс, практически перевернувший наши представления о многих проявлениях действительности. Она во многом расширила и видоизменила возможности взаимодействия человека и общества, не только предложила новые технологии для нового информационного, сетевого общества, но и изменила сознание человека, мышление, его мировоззрение.

Литература

1. Ашмарин И.И., Юдин Б.Г. Основы гуманитарной экспертизы // Человек. 1997. № 3. С. 76–86.
2. Беннетт С. Молодежь: цифровые гении по умолчанию? [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО [веб-сайт]. Курьер ЮНЕСКО. 2021. № 2. URL: <https://ru.unesco.org/courier/2021-2/molodezh-cifrovye-genii-po-umolchaniyu> (дата обращения: 06.08.22).
3. Василенко Л.А. Социология цифрового общества / под ред. Л.А. Василенко, Н.Н. Мещерякова. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2021. – 226 с.
4. Воронин А.А. Б.Г. Юдин о гуманитарной экспертизе и вызовы нейрореволюции. // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 91–102.
5. Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Р.В. Пырма, А.А. Азаров // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 180–197.
6. Иванов В.В. Глобальная гуманитарно-технологическая революция: предпосылки и перспективы // Инновации. – 2017. – № 6 (224). – С. 11–16.
7. Кравченко С.А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // Социологические исследования. – 2019. – № 10. – С. 48–57.
8. Михайленок О.М., Щенина О.Г. Цифровые аспекты трансформации общества и политики // Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества: материалы Четвертого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 25 марта 2022 года. – Ростов-на-Дону, 2022. – С. 63–72.
9. Мухаметшина Е. Более 80% российской молодежи равнодушны к политике? [Электронный ресурс] // Ведомости [веб-сайт]. 30 апреля 2020 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/29/829352-molodezhi-ravnodushni> (дата обращения: 06.08.22).

10. Неклесса А.И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 80–95.
11. Сетевизация политических отношений в условиях новой реальности: [монография] / О.М. Михайленок, А.В. Назаренко, В.В. Люблинский [и др.]; отв. ред. О.М. Михайленок, А.В. Назаренко; ФНИСЦ РАН. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. – 382 с.
12. Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. А. Меркурьевой. – Москва: Эксмо, 2016. – 208 с.
13. Шваб К, Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции / пер. с англ. К. Ахметова. – Москва: Бомбора, 2018. – 317 с.
14. Schwab K., Malleret T. COVID-19: the great reset. World Economic Forum. – Geneva, 2020. – 212 p.

HUMANITARIAN EXPERTISE OF DIGITALIZATION: A POLITICAL CONTEXT

Mikhaylenok O.M., Shchenina O.G.
Institute of Sociology of FCTAS RAS

The article examines the phenomenon of digitalization in the context of the humanitarian expertise of innovations of the modern world. It is noted that digital transformation expands the possibilities of interaction between a person and society, not only offers innovative technologies for a new information, network society, but also changes a person's consciousness, thinking, and worldview.

It is shown that the humanitarian expertise of innovations in the conditions of digitalization is becoming more and more in demand, and its importance for assessing development prospects, challenges and risks is only increasing in conditions of increasing uncertainty, complexity and instability of social development.

The features of the methodology of humanitarian expertise include the following parameters: assessment of the technological component of the project submitted for examination; its social component; value aspects and socio-cultural component of the project should be taken into account. The authors come to the conclusion that the basis of humanitarian expertise is the person himself, as well as the values of society, its socio-cultural potential.

It is proved that in the context of the humanitarian expertise of digitalization, it is necessary to distinguish several of its components: technological and social. Using the example of a social group of young people, the influence of digital transformation on a modern person is shown from the perspective of the methodology of humanitarian expertise.

Keywords: digitalization, humanitarian expertise, methodology, political sciences.

References

1. Ashmarin I.I., Yudin B.G. Fundamentals of humanitarian expertise // Man. 1997. No. 3. P. 76–86.
2. Bennett S. Youth: Digital Geniuses by Default? [Electronic resource] // UNESCO [website]. UNESCO Courier. 2021. No. 2. URL: <https://ru.unesco.org/courier/2021-2/molodezh-cifrovye-genii-po-umolchaniyu> (date of access: 08.06.22).
3. Vasilenko L.A. Sociology of the digital society / ed. L.A. Vasilenko, N.N. Meshcheryakova. – Tomsk: Publishing House of Tomsk Polytechnic University, 2021. – 226 p.
4. Voronin A.A. B.G. Yudin on humanitarian expertise and the challenges of neurorevolution. // Knowledge. Understanding. Skill. 2018. No. 3. P. 91–102.
5. Civil and political online practices in the assessments of Russian youth / E.V. Brodovskaya, A. Yu. Dombrovskaya, R.V. Pyрма, A.A. Azarov // Political science. – 2019. – No. 2. – P. 180–197.
6. Ivanov V.V. Global Humanitarian and Technological Revolution: Prerequisites and Prospects // Innovations. – 2017. – No. 6 (224). – P. 11–16.
7. Kravchenko S.A. Digital Risks, Metamorphoses and Centrifugal Trends in the Youth Environment // Sociological Studies. – 2019. – No. 10. – pp. 48–57.
8. Mikhailenok O.M., Shchenina O.G. Digital aspects of the transformation of society and politics // Power and elite in the era of

digital transformation: new challenges and threats, trajectories of socio-political development of modern society: materials of the Fourth All-Russian Elite Congress with international participation on March 25, 2022. – Rostov-on-Don, 2022. – P. 63–72.

9. Mukhametshina E. Are more than 80% of Russian youth indifferent to politics? [Electronic resource] // Vedomosti [website]. April 30, 2020 URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/29/829352-molodezhi-ravnodushni> (accessed: 08.06.22).
10. Neklessa A.I. Crisis of history. The world as an unfinished project // Polis. Political studies. – 2018. – No. 1. – P. 80–95.
11. Networkization of political relations in a new reality: [monograph] / O.M. Mikhailenok, A.V. Nazarenko, V.V. Lublinsky [and others]; resp. ed. O.M. Mikhailyonok, A.V. Nazarenko; FNISC RAS. – Moscow: FNISTS RAN, 2021. – 382 p.
12. Schwab K. The fourth industrial revolution / transl. from English. A. Merkurieva. – Moscow: Eksmo, 2016. – 208 p.
13. Schwab K, Davis N. Technologies of the Fourth Industrial Revolution / per. from English. K. Akhmetova. – Moscow: Bombora, 2018. – 317 p.
14. Schwab K., Malleret T. COVID-19: the great reset. World Economic Forum. – Geneva, 2020. – 212 p.

К вопросу о формах выражения общественного мнения в условиях новой реальности

Тимофеев Олег Владимирович,

к.п.н., доцент военного учебного центра Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России
E-mail: o.timofeev@inno.mgimo.ru

В статье рассматриваются вопросы выражения общественного мнения. Сделан обзор научных подходов к определению форм выражения общественного мнения в период от Древнего Рима до наших дней. Утверждается, что развитие информационно-коммуникационных технологий открыло новые возможности по формированию общественного мнения через информационные технологии и привело к становлению малоизученных форм его выражения. В рамках логики выражения общественного мнения в условиях новой реальности автором рассмотрены особенности субъекта общественного мнения и основные формы, посредством которых возможно проявление общественного мнения. Сделан вывод, что по мере развития информационных технологий возможно дальнейшее приращение форм выражения общественного мнения.

Ключевые слова: общественное мнение, формы выражения общественного мнения, информационно-коммуникационные технологии.

Наверное, мало просто констатировать тот факт, что общественное мнение – феномен сложный. Несмотря на интерес к нему со стороны философов, психологов, социологов, политологов, маркетологов и, как следствие, обилие литературы, в том числе научной, в теории этого феномена есть свои лакуны. Одна из них – формы выражения общественного мнения.

Судя по литературе, оживленной научной дискуссии, которая характерна для природы общественного мнения, по данному вопросу не возникло. Некоторые авторы и вовсе предпочли опустить его в своих работах. Надо полагать, что в феномене общественного мнения, который «представляет собой вещь чрезвычайно трудную с точки зрения реального анализа ее характеристик» [1, с. 17], у научного сообщества и без того нашлось множество проблемных зон, по которым требовалось внести теоретическую ясность.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы систематизировать и расширить научные знания о формах выражения общественного мнения.

Необходимо отметить, что сложность исследования по данному вопросу во многом связана с отсутствием до настоящего времени общепринятой трактовки термина «форма выражения общественного мнения». В литературе он употребляется без каких-либо отсылок на его точное содержание. В то же время совершенно ясно, что именно выражение делает общественное мнение той силой, которая способна реализовать приписываемые ему функции.

Научные источники оставили нам свидетельства размышлений о различных аспектах общественного мнения многих именитых мудрецов-философов, живших в период от Древней Греции до эпохи Просвещения. Но подходы выдающихся мыслителей сводились главным образом к рассуждениям о природе, функциях и механизме возникновения общественного мнения. Важные, безусловно, моменты, но до выяснения вопроса о том, как проявляется общественное мнение в жизни общества, дело не дошло. И тому, на наш взгляд, есть свое объяснение.

Изучение истории дает нам возможность предположить, что общественное мнение в древние времена могло выражаться в публичных высказываниях отдельных людей – жрецов, царей, полководцев, политиков, ученых. В содержательном плане, по всей видимости, оно вращалось вокруг традиционных ценностей и сводилось к тому, чтобы навязать ближнему мысль о соблюдении определенных норм поведения, ведь родовое, рабовладельческое и феодальное общества называют «традиционными». Жить в те века означало для человека «неукоснительно следовать образцам, повторять то, что было дано в прошлом... Выбора у человека не было: все определялось обычаем, уставом, нормой, кодексом поведения. В социуме существовала такая практика формирования ценностных ориентаций, которая обеспечивала ему устойчивость и в определенной мере жизнеспособность» [2, с. 12].

Первым, кто сделал попытку определиться по вопросу о проявлении общественного мнения, был Иоанн Солсберийский – тот самый Джон из Солсбери, которо-

го принято считать родоначальником понятия «общественное мнение». В 1159–1160 годах он написал свое главное сочинение «Поликратик», в котором признавал общественным «только мнение, высказанное и получившее широкое распространение. То, что не озвучивается, считал он, мнением не является» [3, с. 14]. Получается, что Д. Солсбери зафиксировал и базовую характеристику общественного мнения, и одну из самых распространенных форм его выражения – *публичное высказывание*.

Важное значение для формирования научных подходов о формах выражения общественного мнения имел период буржуазных революций, изменивших политическую систему Европы. Известно, что к этому периоду истории человек проявил себя как отдельная личность, социальная особь. Он сделался владельцем уникального, необходимого для массового производства товара – рабочих рук, что дало ему возможность изменять род занятий, место жительства, доход, социальный статус. Миропонимание такого человека принципиально отличалось от миропонимания его предшественника. Он стал сознавать и отстаивать свои социальные (экономические, политические) интересы. Так в качестве формы проявления общественного мнения утвердились *публичные массовые выступления* различных социальных субъектов (групп, слоев, классов). Принято считать, что на данный отрезок времени приходится зарождение и развитие *массовой прессы*, которая активно включилась в соперничество за формирование и отражение общественного мнения.

Научное осмысление форм выражения общественного мнения на данном историческом этапе находим в работе французского социолога Габриеля Тарда (1843–1904) «Общественное мнение и толпа», в которой автор разграничивал мнения «умеренные» и «крайние». Умеренное мнение, пусть даже «очень распространенное», не проявляет себя публично. В противоположность ему крайнее мнение «резко проявляет себя». Одним из способов выражения мнения, «весьма удобопонятным и очень ясным», он считал манифестацию. Тард писал: «Посредством манифестаций именно наиболее крайние мнения всех раньше и всех яснее начинают сознавать свое существование, и благодаря этому их распространение находится в особенно благоприятных условиях» [4, с. 238].

По мысли Г. Тарда, существенную роль в формировании и выражении общественного мнения *играет пресса*. Он ассоциировал прессу с публичным разговором, который является важным регулятором постоянно меняющегося мнения. Тард считал, что до развития печати единого общественного мнения не существовало, «но были тысячи отдельных мнений, не имеющих никакой постоянной связи между собой» [4, с. 79]. С возникновением прессы в обсуждение актуальных вопросов стали вовлекаться максимально широкие слои населения, а сами газеты «стали направлять и изменять мнение» [4, с. 85].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. выражение общественного мнения нашло отражение в различных публичных массовых действиях и в печати. В этот же период отмечается заинтересованность со стороны новых экономических и политических структур, социальных групп, слоев, классов в изучении того, что думают массы, каковы их настроения, интересы. Как результат, появились первые массовые опросы.

С точки зрения форм выражения общественного мнения по-особому интересен период довоенных 1920–30-х гг. и первые послевоенные годы. В газетах и по радио Советского Союза постоянно озвучивались *решения трудовых коллективов, колхозных собраний* о поддержке

судьбоносных политических решений коммунистической партии и советского правительства, что расценивалось как общественное одобрение проводимой государством политики, отсутствие оппозиционных настроений в обществе.

Стоит отметить, что во второй половине XX в. в отечественной науке наблюдался повышенный интерес к общественному мнению как социальному явлению. Появились работы М.К. Горшкова, Б.А. Грушина, В.С. Коробейникова, Е.И. Пронина, Р.А. Сафарова, А.К. Уледова и других авторов. Их исследовательская активность была направлена на осмысление общественного мнения как социального духовно-практического феномена. Примечательно, что многие научные подходы тех лет, несмотря на срок давности, не утратили своей значимости и сегодня. Однако вопросы проявления общественного мнения в социальной практике были рассмотрены в общем свете, без проникновения в суть проблемы.

Среди авторов той поры наиболее подробно проблема выражения общественного мнения рассматривалась в работах Б.А. Грушина (1929–2007). Пожалуй, он был первым, кто исследовал социальное выражение общественного мнения как отдельный, самостоятельный акт.

Основой его научной позиции является утверждение о том, что общественное мнение проявляется в форме *специфического оценочного суждения*. Ученый различает несколько типов суждений, в которых может выражаться общественное мнение: оценочное, обосновывающее, аналитическое, экзистенциальное, суждение-определение, конструктивное. Отсюда следует, что программирование опросов должно учитывать многообразие оценочных суждений и предоставлять максимальные возможности для выражения и измерения общественного мнения.

К формам выражения общественного мнения Б.А. Грушин также отнес *письменную речь*. В рамках данной формы он выделил три группы носителей информации об общественном мнении: а) личные документы (частная переписка, дневники, записки людей, их письма и заявления в различные социальные институты); б) общественные документы, авторами которых являются коллективы, общественность (например, решения массовых собраний, протоколы заседаний и постановления общественных организаций, документальные отчеты учреждений и предприятий); в) материалы, авторами которых являются отдельные лица, но которые получили общественный резонанс с помощью социальных институтов [1].

Еще одной формой, в которой «объективируются мнения общественности», ученый считал *практические действия*, под которыми подразумевал «поступки, действия, практическую деятельность людей». Особую значимость он придавал действиям широких масс, к которым относил манифестации, забастовки и даже вооруженные выступления. Как отмечал Б.А. Грушин, «анализ действий масс позволяет весьма точно фиксировать выраженное таким образом общественное мнение» [1, с. 438–439].

Обращает на себя внимание тот факт, что в рамках практических действий в качестве формы проявления общественного мнения указаны *поступки* людей. Надо полагать, что речь идет о некоем единичном акте, частном случае, когда общественное мнение определяет поступок отдельной личности. Это важно для понимания форм выражения общественного мнения, поскольку личность и массы обладают собственными характеристиками.

Научное наследие Б.А. Грушина остается исключительно актуальным и в наши дни, поскольку демонстри-

рует духовно-практический характер общественного мнения и фиксирует основные формы его проявления со стороны общественности.

По-своему подошел к вопросу о формах выражения общественного мнения французский социолог Пьер Бурдьё (1930–2002). Он прославился своеобразным демаршем против опросов общественного мнения, заявив, что общественного мнения не существует. Опросы, по мнению Бурдьё, делаются профессионалами, а их тематика подчинена политическим интересам заинтересованных структур. Нестандартный подход Бурдьё любят цитировать исследователи несмотря на то, что точка зрения авторитетного ученого не привела к снижению интенсивности опросов – они встречаются сплошь и рядом, и никто, похоже, не собирается от них отказываться.

Для цели нашей работы интересным представляется методологический подход ученика Бурдьё Патрика Шампаня, который делает акцент на таких формах выражения общественного мнения, как осуществление политических действий, проведение опросов, распространение материалов в средствах массовой информации. Примечательно, что свою книгу «Делать мнение: новая политическая игра» он начинает с раздела «Образцовая манифестация», тем самым отдавая должное одному из мощнейших и довольно распространенных во Франции видов политических действий – манифестации, способной поставить «вопросы общего порядка, вплоть до вопроса о функционировании политического пространства» [5, с. 15].

Из современных отечественных авторов выделим Е.Г. Бунова и Е.В. Тихонову, которые рассматривают выражение общественного мнения на двух уровнях: публичном и латентном. На явном, *публичном уровне* общественное мнение выражается через: а) оценочные суждения во время опросов; б) социальное поведение; в) средства массовой информации.

На *латентном уровне* общественное мнение присутствует в форме взглядов и убеждений, которые не обязательно публично озвучиваются, а существуют в виде предрасположенности, не всегда осознаваемой даже самим субъектом мнения. Как отмечают Е.Г. Бунов и Е.В. Тихонова, «немой носитель» общественного мнения имеет собственное представление картины мира, выбирает в ней наиболее важные для себя элементы и не считает нужным делиться этой информацией» [3, с. 75]. Такой носитель в рамках своей оценки социальной ситуации выбирает соответствующий тип поведения. Он может: а) скрывать свои взгляды, демонстрировать отстраненное отношение к проблеме; б) высказывать оценочные суждения только в узком кругу членов микрогруппы; в) вовсе не озвучивать их публично, но проявлять свое отношение в модели поведения, практико-политических действиях.

Приведенный анализ дает нам определенную картину исторического опыта изучения и фиксации форм выражения общественного мнения. Однако наш анализ будет неполным без обращения к ресурсам Интернета. Их исследование показало, что самая распространенная, продублированная на множестве интернет-ресурсов, следовательно, вполне легитимная версия форм проявления общественного мнения, сводится к следующему варианту их систематизации:

- 1) выборы органов власти и референдумы как непосредственное выражение общественного мнения;
- 2) прямое и опосредованное участие в управлении государством через участие в работе представительных органов власти;
- 3) выражение общественного мнения в средствах массовой информации;

4) манифестации, забастовки, митинги, протесты, собрания, сходы;

5) массовые опросы общественного мнения;

6) общенародные обсуждения и др.

К сожалению, безымянные авторы не дали разъяснений о принципах систематизации разнопорядковых социальных действий, собранных в одну логическую цепочку. Само собой разумеется, что данный перечень проявлений общественного мнения нельзя считать завершенным, поскольку он не в полной мере учитывает состояние дел в наши дни. В частности, в нем никак не отражены те возможности, что представляют для выражения общественного мнения современные технологии. А реальность такова, что стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, их способности к объединению людей (единомышленников), производству и распространению различного, в том числе мультимедийного, контента ожидаемо открыли совершенно новые способы формирования общественного мнения и привели к появлению ранее неизвестных форм его демонстрации через все те же технологии. Основными из них видятся следующие:

а) выражение общественного мнения через оценочные суждения во время интернет-опросов;

б) выражение общественного мнения через социальное поведение в пространстве Интернета;

в) выражение общественного мнения через оценочные суждения в пространстве Интернета;

г) выражение общественного мнения через различные пользовательские активности.

С позиций предметного поля нашего исследования указанные формы требуют более детального рассмотрения. Но для начала отметим, что субъектом, носителем общественного мнения во всех перечисленных вариантах будет такая специфическая и довольно многочисленная социальная общность, как пользователи Интернета. Причем не все, а только те из них, кто проявляет интерес к фактам, событиям, явлениям, ставшим объектами общественного мнения.

По большому счету, пользователи Интернета чем-то схожи с рассеянной толпой у Г. Тарда. Напомним, что влияние умов друг на друга в рассеянной толпе происходит на расстоянии. Так и здесь: все взаимодействия между физически разделенными пользователями происходят на расстоянии и исключительно с помощью информационно-коммуникационных технологий. Результатом такого рода взаимодействий может быть консолидированное мнение, которое разделяют определенные группы пользователей.

Надо полагать, что мы имеем дело с появлением и развитием интернет-общественности, что является результатом нового способа соединения людей, характерного для современного общества. Ее основу составляют молодые люди, представители поколения Z, для которых Интернет является господствующим, а в некоторых случаях единственным носителем информации и знаний. Многие из них настолько плотно погружены в интернет-реальность, что она стала для них важнее объективной реальности. С ней связаны процессы познания действительности, социального взаимодействия, духовного развития. Как результат, у представителей молодого поколения формируется собственный подход к получению, обработке и передаче информации, а также самореализации в пространстве Интернета.

Психологи утверждают, что сознание и мышление заядлых интернет-пользователей тоже устроены по-особому. Так, многие пользователи стремятся к достижению высокого уровня информированности по специализированным темам и культивируют преимущественно вирту-

альные ценности: получают удовлетворение от онлайн-переписки и не стремятся к личному общению, осуществляют фото- и видеофиксацию повседневного опыта не для того, чтобы запечатлеть какие-то моменты в памяти, а чтобы выложить в Интернете и получить несколько лайков или комментариев. В свою очередь их появление служит основанием для признания в среде единомышленников, обретения популярности и даже попадания в топ виртуального новостного потока [6].

Исследованиями установлено, что интернет-пользователи – достаточно активная социальная общность. В ряде случаев она показала себя гораздо более активной, чем другие аудитории. Это ценная характеристика интернет-аудитории, так как добровольный отказ граждан от активной общественной позиции, их политическая апатия стали повсеместным явлением.

Активность интернет-аудитории привела к тому, что некоторые ее представители стали известными агентами социального поведения (лидерами мнений, инфлюенсерами, медийными персонажами). Они умело используются участниками рынка, политическими авторами, продвигающими свои идеи в пространстве Интернета.

Осмысление форм выражения общественного мнения, характерных для интернет-пространства, начнем с оценочных суждений во время интернет-опросов. Методика опросов базируется на знаниях и опыте проведения традиционных опросов и постоянно совершенствуется, чтобы соответствовать строгим профессиональным стандартам. Опросы, проведенные ВЦИОМ и другими авторитетными исследовательскими центрами среди пользователей Интернета, доказывают безусловную полезность, перспективность и научную состоятельность интернет-опросов для выявления общественного мнения об актуальных фактах, событиях, проблемах.

К достоинствам опросных технологий в сети исследователи относят дешевизну, простоту, быстроту, удобство и более открытый характер ответов респондентов, что положительным образом сказывается на изучении мнений. В частности, в ответах реже встречаются социально одобряемые и социально желательные варианты ответов, чем в беседе с интервьюером «лицом к лицу». Отмечается также, что в онлайн-опросах пользователи дают более подробные и откровенные ответы, чем при традиционном анкетировании. Первопричиной такого поведения исследователи видят анонимность среды, в которой протекает опрос [7].

Наличие указанных достоинств делает интернет-опросы одним из распространенных способов изучения массовых мнений и при соблюдении профессиональных процедур позволяет получить достаточно полную и содержательную информацию.

Социальное поведение как выражение общественного мнения в пространстве Интернета может находить проявление в различных поведенческих актах, характерных только для цифрового пространства, например в интернет-голосованиях, которые инициируют органы власти. Их цель – заручиться поддержкой общественности при реализации социально значимых дел и снизить уровень взаимного недопонимания между населением и органами власти. Надо сказать, что такого рода вовлечение граждан в обсуждение социально ориентированных проектов на региональном и муниципальном уровнях стало уже привычным.

Одним из таких примеров является проект правительства Москвы «Активный гражданин», запущенный в мае 2014 года. Механизм его работы довольно прост: жители столицы регистрируются на сайте или скачивают на телефон приложение, с помощью которого участвуют в голосованиях по широкому спектру вопросов управ-

ления городом, а власть в лице правительства Москвы, в свою очередь, выполняет волю большинства. По словам мэра Москвы С.С. Собянина, «с помощью площадки приняты и реализованы многие глобальные проекты и задумки, подняты на обсуждение важнейшие проблемы общественности и совместно определены пути их решения» [8].

К актам социального поведения, характерным для интернет-среды, можно также отнести видеообращения пользователей, их участие в проведении виртуальных флэш-мобов, в том числе планетарного масштаба, когда в них участвуют миллионы пользователей по всему миру, и иные согласованные действия. Надо полагать, что здесь возможна достаточно широкая гамма поведенческих актов, которая может быть ограничена только человеческой фантазией и возможностями технических средств.

Выражение общественного мнения через оценочные суждения в пространстве Интернета может осуществляться посредством размещения комментариев пользователей в чатах, блогах, форумах, социальных сетях, мессенджерах, которые в современных условиях превратились не только в полноценные каналы распространения информации, но и мощный инструмент информационно-психологического воздействия на огромные массы людей. Вполне естественно, что в наши дни они служат не только фактором формирования общественного мнения, но и средством его выражения.

Конечно, тут возникают вопросы методологического плана, поскольку сам факт размещения личной оценочной информации в чате, блоге, форуме и т.д. еще не говорит о сформированности общественного мнения, так как указанные инструменты могут иметь весьма ограниченный масштаб, а оценочная информация – различный, в том числе негативный характер. Согласно классической теории общественного мнения для его формирования нужна широкая гласность, определенная степень публичности. Понятно, что не каждый чат, блог или форум может дать представление о широте распространения того или иного суждения. Однако совокупность комментариев, в которых интернет-общественность демонстрирует оценочные суждения по определенным фактам, событиям, проблемам общественно-политической жизни, можно, по нашему мнению, рассматривать как выражение общественного мнения.

Примечательно, что оценочные суждения в данном случае могут приобретать формы, которые не имеют своих аналогов вне интернет-пространства. Ими могут быть посты, комментарии, отзывы, видеосюжеты, фотоиллюстрации, подкасты, карикатуры. Онлайн-реальность предлагает авторам богатый набор инструментов для создания и тиражирования нужного контента. Более того, разработчики и руководители цифровых платформ постоянно расширяют перечень технологических новшеств, которые пользователи могут задействовать для общения, демонстрации своих мнений.

В основе утверждения *о выражении общественного мнения через различные пользовательские активности*, которые характерны для пространства Интернета, лежит тезис о том, что цифровая среда предоставляет пользователям широкий спектр возможностей для самовыражения, удовлетворения информационных потребностей, решения различных практических задач.

Онлайновые активности могут варьироваться в зависимости от возможностей информационно-коммуникационных технологий, навыков пользователей и даже ситуации в обществе. Например, сегодня простейшим видом активности является лайк. В мировом

информационном пространстве он появился благодаря Facebook. Затем удобный инструмент получил прописку на других информационных площадках. Сейчас трудно представить себе ситуацию, когда пользователи не имели возможности столь кратко выразить свою позицию по поводу интернет-информации.

Изначально предполагалось, что лайк будет служить лишь для передачи сигнала автору поста о том, что его поддерживают. Со временем практика применения лайков существенно расширилась. Стало уместным лайкать не только посты, которым пользователь хочет дать позитивную оценку, но и выражать подобным образом солидарность с основной мыслью интернет-публикации, поддержку ее главной идеи. Получается, что посредством лайков пользователи фиксируют тождественность своих мыслей, убеждений, ценностей. Кроме того, своими лайками они участвуют в общении, формировании и выражении общественного мнения.

Другим простейшим способом одобрения интернет-публикации является репост – копирование оригинальной информации с указанием авторства. Конечно, здесь, как и в случае с лайками, присутствует элемент субъективизма. Но нельзя исключать и проявления мнения большинства. Так происходит, когда авторы преодолевают узость своих суждений, охватывают объект общественного мнения со всех сторон и своими лайками и репостами выражают мнение значительного числа лиц.

Нужно отметить, что такие формы интернет-активности, как лайки и репосты, являются привычными для интернет-общения и в полной мере соответствуют психологии интернет-пользователей. Специалисты, которые изучают их, отмечают, что в сети становится больше лайков и репостов, а количество комментариев снижается. Утверждается также, что в дальнейшем пользователи будут испытывать все большую потребность в лайках в ущерб полноценным комментариям.

На наш взгляд, лайки, репосты, комментарии и иные акты коммуникации в контексте общественного мнения становятся многомерными. Их можно интерпретировать и как проявление индивидуальных оценок и суждений, и как выражение общественного мнения. Здесь все зависит от обстоятельств. В первом случае лайки, репосты и комментарии свидетельствуют об интересе отдельных пользователей к конкретной информации, объекту общественного мнения, стремлении разобраться в сути фактов, событий, проблем; во втором – выражают позицию гораздо более широкой группы пользователей, сформированной под влиянием переписки, обмена информацией и суждениями по актуальной социальной проблеме, сопоставления личных мнений с мнениями других пользователей. В данном случае множество однотипных лайков, репостов, совпадающих по тональности комментариев указывает на наличие достаточно зрелого общественного мнения в среде интернет-пользователей.

Отталкиваясь от сказанного, можно предположить, что развитие информационно-коммуникационных технологий и расширение их функциональности могут привести к появлению иных форм выражения общественного мнения на пространстве Интернета, которые будут соответствовать онлайн-реальности будущего.

Таким образом, логика нашей статьи позволяет заключить, что у специалистов пока нет единодушия относительно форм выражения общественного мнения. Отсутствие единых подходов приводит нас к выводу о том, что в современных условиях выражение общественного мнения может осуществляться как с помощью давно устоявшихся форм, так и новых, связанных с развитием информационно-коммуникационных

технологий. Широкий спектр возможностей современных технологий делает их реальным средством выражения общественного мнения прежде всего среди пользователей сети Интернет. Допустимо предположить, что по мере развития информационных технологий возможны как трансформация традиционных способов демонстрации общественного мнения, так и появление новых форм, которые будут соответствовать грядущей онлайн-реальности.

Литература

1. Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений / Б.А. Грушин. – Москва: Праксис, 2011. – 542 с.
2. Федотова Л.Н. Общественное мнение как плацдарм для «связей с общественностью». – Москва: Вест-Консалтинг, 2010. – 476 с.
3. Бунов Е.Г. Общественное мнение в управлении социальными процессами: монография / Е.Г. Бунов, Е.В. Тихонова. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – 165 с.
4. Тард Г. Общественное мнение и толпа: перевод с французского / Габриэль Тард; под редакцией П. Когана. – Москва: Издательство АСТ, 2021. – 254 с.
5. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра: перевод с французского / Патрик Шампань. – Москва: Socio-Logos, 1997. – 335 с.
6. Социальное поведение молодежи в Интернете: новые тренды в эпоху глобализации: материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, 15–16 октября 2015 г. / редкол. Э.П. Печерская и др. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2015. – 416 с.
7. Социологические опросы в Интернете: возможности и ограничения. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://iq.hse.ru/more/sociology/sociologicheskie-oprosi-v-internete> (дата обращения: 25.04.2022).
8. Услышать каждого, как проект «Активный гражданин» помогает жителям Москвы. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2020/12/01/ag/> (дата обращения: 25.04.2022).

ON THE ISSUE OF THE FORMS OF EXPRESSION OF PUBLIC OPINION IN THE NEW REALITY

Timofeev O.V.

Moscow State Institute of International Relations

The article deals with the issues of public opinion expression. A review of scientific approaches to the definition of forms of expression of public opinion from the Ancient Rome to the present day is made. It is argued that the development of information and communication technologies has opened new opportunities for the formation of public opinion with the help of information technologies and has led to the formation of poorly studied forms of its expression. Within the framework of the logic of expressing public opinion in the conditions of a new reality, the author examines the features of the subject of public opinion and the main forms through which public opinion can be manifested. It is concluded that with the development of information technologies, it is possible to further increase the forms of expression of public opinion.

Keywords: public opinion, forms of expression of public opinion, information and communication technologies.

References

1. Grushin B.A. Opinions about the world and the world of opinions / B.A. Grushin. – Moscow: Praxis, 2011. – 542 p.
2. Fedotova L.N. Public opinion as a springboard for «public relations». – Moscow: West-Consulting, 2010. – 476 p.

3. Bunov E.G. Public opinion in the management of social processes: monograph / E.G. Bunov, E.V. Tikhonov. – Moscow: INFRA-M, 2021. – 165 p.
4. Tarde G. Public opinion and the crowd: translation from French / Gabriel Tarde; edited by P. Kogan. – Moscow: AST Publishing House, 2021. – 254 p.
5. Champagne P. Making an opinion: a new political game: translation from French / Patrick Champagne. – Moscow: Socio-Logos, 1997. – 335 p.
6. Social behavior of young people on the Internet: new trends in the era of globalization: materials of the International scientific-practical conference of students, graduate students and young scientists, October 15–16, 2015 / editorial board. E.P. Pecherskaya and others – Samara: Samara State University of Economics, 2015. – 416 p.
7. Sociological surveys on the Internet: opportunities and limitations. [Electronic resource] // Access mode: <https://iq.hse.ru/more/sociology/sociologicheskie-oprosi-v-internete> (accessed: 04.25.2022).
8. Hear everyone how the Active Citizen project helps the people of Moscow. [Electronic resource] // Access mode: <https://lenta.ru/articles/2020/12/01/ag/> (accessed: 04.25.2022).

Формирование духовно-нравственных ценностей и патриотизма в современной России

Галиев Роберт Ришатович,

магистрант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: robertogaliew@yandex.ru

В статье рассмотрены актуальные вызовы системе духовно-нравственных ценностей современной России, трудности формирования системы духовно-нравственных ценностей в молодежной среде на примере патриотизма.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, национальная безопасность, духовность, патриотизм, духовный кризис, личность, мораль, общество, духовно-нравственное воспитание, информационно-пропагандистская работа, форма, направление.

В современной России идет процесс формирования аксиологической системы, включающей как традиционные, так и новые духовно-нравственные ценности. Проходит данный процесс в условиях всестороннего противодействия и влияния ценностной системы западного мира, которая утверждалась в новой России с момента исчезновения СССР.

Статья 67.1 Конституции РФ прямо указывает, что «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории...» и то, что Россия «... объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [1]. Это в полной мере касается и той ценностной духовно-нравственной или иначе моральной системы, определяющей пути развития нашего Отечества в эпоху после Второй мировой войны и основанной на исторической преемственности поколений. Для существенной доли наших граждан именно эта система остается нравственным ориентиром, благодаря которому российское общество идет по пути преодоления состояния идейного духовного кризиса, сложившегося в России после крушения государственной идеологической системы времен СССР.

Государство, понимая всю важность духовно-нравственной составляющей строительства российской государственности и обеспечения национальной безопасности, при помощи общественных институтов пытается сформулировать национальную идею, позволяющую развиваться стране во всех сферах, с учетом постоянного и планомерного давления Запада. Процесс этот идет сложно, но основывается он всегда на традициях, культуре и историческом опыте прежних поколений, их достижениях в мирных делах и победах.

В 2020 году Президент РФ В.В. Путин назвал национальной идеей России – патриотизм, связав его с развитием и движением вперед страны, особо отметив, что главным отличием российского национального характера является историческая память [2].

Сегодня духовность, являясь важной составляющей жизни социума, стоит перед вызовами, напрямую затрагивающими ее основы и демонстрирующими, в некоторых случаях, поспание традиционных духовно-нравственных ценностей.

Связаны подобные вызовы с противопоставлением, сформированным в процессе исторического развития, традиционной духовности и современных ценностных ориентиров, распространяемых, в основном в подростковой и молодежной среде, путем информационного воздействия. Это уже привело российское общество в состояние духовного разделения на два различных лагеря, в таком вопросе, как правильное понимание патриотизма. Особенно опасно то, что это состояние разделяет старшее поколение и молодых россиян.

Об этом говорят и современные исследователи таково феномена как патриотизм в контексте духовно-нравственных ценностей.

Например, Лутовинов В.И. так выразил состояние, в котором пребывает российское общество: «Социаль-

ный мир XXI века, в который вступает Россия, требует своего собственного осмысления, связанного со сменой вектора общественного развития, норм и ценностей, уклада жизни. Одним из характерных проявлений духовной опустошенности и низкой культуры в обществе, особенно среди молодежи, явилось резкое падение роли и значения патриотизма как одной из ценностей нашего народа и его героической истории. После потери былых идеологических опор, которые задавались в доперестроечные годы всей системой воспитания, для значительной части молодежи характерна потеря мировоззренческих и нравственных ориентиров, отсутствие четкой системы ценностей» [3].

Российская история показывает, что мало говорить о патриотизме, сохранении традиционных ценностей и обеспечении национальной безопасности, даже если это делают первые лица государства. Необходима систематическая государственная работа по активному и повсеместному их утверждению, особенно среди молодого поколения. Забвение духовно-нравственных ценностей приводит к идейному кризису патриотизма внутри страны и к пересмотру положения России как мирового лидера с точки зрения национальной безопасности.

Патриотизм, по мнению того же Лутовинова В.И., это одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущей всем сферам жизни общества и государства, является важнейшим духовным достоянием личности, характеризует высший уровень ее развития и проявляется в ее активно-деятельностной самореализации на благо Отечества. Патриотизм олицетворяет любовь к своему Отечеству, сопричастность с его историей, культурой, достижениями, притягательными и неотделимыми в силу своей неповторимости и незаменимости, составляющими духовно-нравственную основу личности, формирующими ее гражданскую позицию и потребность в достойном, самоотверженном, вплоть до самопожертвования служении Родине [4].

Патриотизм неотделим от духовности, которая представляет собой универсальное свойство личности, устремленность к идеалу или иным высшим ценностям и смыслу, духовность основа всего, что относится к мотивации и самореализации человека [5].

Духовно-нравственные ценности – это установки и ориентиры, выступающие в качестве идеала, эталона должного, которые определяют отношение человека к объектам действительности и регулируют его поведение и деятельность [6].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента России В.В. Путина от 02.07.2021 № 400, патриотизм отнесен к традиционным российским духовно-нравственным ценностям. Среди которых, жизнь, достоинство, права и свободы человека, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [7].

В Стратегии так же говорится, что данные ценности объединяют нашу многонациональную и многоконфессиональную страну, а их защита, впервые в истории России, обозначена, как стратегический национальный приоритет.

Это говорит о том, что государственная власть понимает, какую роль играют духовно-нравственные ценности, как в жизни общества, так и в построении независимого и сильного государства.

Важно и то, что в Стратегии обозначены задачи, решение которых позволит обеспечить защиту духовно-нравственных ценностей. Среди таковых выделяются «защита исторической правды, сохранение исторической памяти ... противодействие фальсификации истории» и «защита российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия...» [8].

Именно эти задачи представляются актуальными сегодня, особенно с учетом того, какую информационную и пропагандистскую борьбу ведут против России отдельные представители западного мира.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента России В.В. Путина от 05.12.2016 № 646 среди основных направлений обеспечения информационной безопасности в области обороны страны, обозначена и «нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества» [9].

Правовое обеспечение противостояния деструктивному информационному воздействию существует в современной России в достаточной мере для данного исторического этапа. Естественно, что это обеспечение пересматривается с учетом новых вызовов и механизмов реализации угроз национальной безопасности.

Так, например, после начала специальной военной операции на Украине 24 февраля 2022 г., и усиления информационной агрессии в отношении России, 25 марта Президент подписал закон об уголовном наказании за распространение недостоверной информации и публичную дискредитацию государственных органов, работающих за рубежом [10].

Государство ведет постоянную работу и в направлении решений вопросов патриотического воспитания. В России сегодня реализуются проекты по работе с молодежью, как на федеральном, так и на региональном уровне.

Например, такие как «Молодежный парламент», «Российская молодежная информационная сеть», «Мы Вместе», «Всероссийский стройотряд», «Доброволец России», «Юнармия», «Новое знание» и др.

За последние двадцать лет были приняты специальные государственные программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» в 2001, 2006, 2011, 2016 гг.

Сегодня, в рамках национального проекта «Образование» реализуется федеральный проект «Патриотическое воспитание» [11].

29 мая 2015 года распоряжением № 996-р Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева утверждена «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года».

В документе сказано, что «Стратегия опирается на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России, таких как человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством». В Стратегии, главным приоритетом России в сфере воспитания детей определяется «развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины» [12].

В 2014 году утверждены «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», провозглашающие: «Глобальные тенденции убедительно доказывают, что стратегические преимущества будут у тех государств, которые смогут эффективно и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь» [13].

Все проекты, программы, нормативные акты и сама молодежная политика созданы и для формирования духовно-нравственных ценностей у молодежи, и все они носят системный характер.

Но, при этом на данном этапе исторического развития приходится констатировать то, что в российском обществе процесс формирования и утверждения единой ценностной духовно-нравственной системы сталкивается со многими трудностями.

В чем состоит главная трудность хода этого процесса, можно рассмотреть на примере патриотического воспитания.

За прошедшие 30 лет существования государства было сменено слишком много парадигм, провозглашающих главенство тех или иных духовно-нравственных ценностей. Народ просто устал от обилия программ, направлений и проектов в рамках патриотического воспитания. Особенно, данное безразличие характерно для молодежи.

При этом надо понимать, что современная молодежь, а это возраст от 14 до 30 лет, является первым поколением, родившемся и взрослеющим уже в постсоветское время. Оно – будущее нации и государства. Но выросло оно в очень непростых условиях слома старых морально-нравственных и построения новых уже духовно-нравственных ценностей.

Политические, социальные и экономические кризисные ситуации, потрясения базовых педагогических, родительских основ и принципов построения жизни в обществе, изменение мировоззрения – все это молодежь видела собственными глазами. В том числе и существующее социальное неравенство и отсутствие, зачастую, социальной справедливости.

Все противоречивые тенденции, наблюдаемые в общественно-политическом пространстве России, естественным образом отразились на молодежи. Кризис самоидентификации, накладываемый на общественный духовный кризис, вверг молодежь России в некий мировоззренческий ступор. Конечно же, для молодежи, вопрос формирования духовно-нравственных ценностей и патриотизма далеко не праздный, но и весьма не простой.

Если же говорить о форме патриотизма, принятой в молодежной среде, то это скорее гражданский патриотизм, в основе которого «...лежит свобода, равноправие, чувство сопричастности к проблемам общества и государства, гражданская мораль и естественная поддержка природных рефлексов: гордость за дом, двор, соседа, спортивную команду, город, регион» [14]. Да, основы этого патриотизма, по меткому замечанию Лутовинова В.И., «...страдают слабой определенностью, размытостью, эклектикой, и, в целом, низким теоретическим уровнем» [15]. Именно этим данная форма патриотизма и привлекательна молодому поколению. Особенно, эту форму патриотизма избирает для себя молодежь в провинции, где большинство молодых людей не спешат пересматривать свои жизненные приоритеты, в отношении как патриотизма в частности, так и духовно-нравственных ценностей в целом.

В России вопросам духовно-нравственных ценностей стало уделяться пристальное внимание, только лишь по-

следнее десятилетие. При этом, государство, обеспечивает нормативную составляющую политики в отношении формирования системы духовно-нравственных ценностей, уделяя недостаточно внимания процессу социализации и воспитания подрастающего поколения. В том числе, воспитания и собственным примером.

В Стратегии национальной безопасности говорится, что защита духовно-нравственных ценностей, обеспечивается помимо прочего и путем укрепления института семьи и сохранением семейных ценностей, а также развития системы образования, обучения и воспитания, как основы формирования развитой и социально ответственной личности, стремящейся к духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому совершенству [16].

Семья, система образования и воспитания, подкрепленные строго сформулированной информационной и культурной политикой государства, поддерживаемой гражданским обществом и общественными институтами, должны обеспечить тот уровень социализации граждан, который в свою очередь и поможет сформировать новую аксиологическую систему, принимаемую всеми россиянами.

Необходимо, как отметил В.В. Путин на вручении премий Президента России молодым деятелям культуры 25 марта 2014 г., «в российском обществе формировать такую культурную среду, такие ценности, которые бы опирались на нашу историю, традиции, объединяли бы время и поколения, способствовали консолидации нации и, конечно же, открывали возможности для создания нового, современного пространства культуры, в котором живет и развивается человек, реализует свой потенциал» [17].

Единая концепция культурной политики, как и система духовно-нравственных ценностей, в России, находится пока на стадии разработки, но то, что такая работа ведется и поддержана на высшем государственном уровне, вселяет надежду на преодоление духовного идейного кризиса, без чего невозможно должным образом обеспечить национальную безопасность.

Литература

1. Новый текст Конституции РФ с поправками 2020. / Государственная дума Федерального Собрания Российской Федерации. 2021. Разд. 1. гл. 3. ст. 67.1. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/>.
2. Путин рассказал о национальной идее России / Информационное агентство ТАСС. 10.05.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8438743>.
3. Лутовинов В.И. Современное понимание российского патриотизма. / Материалы межрегион. науч.-практ. конф. 1998.
4. Лутовинов В.И. Российский патриотизм: история и современность. URL: <http://zhiharev.narod.ru/pr1staits/pr1Lugovinov.htm>.
5. Хвыля-Олинтер А.И. Религиоведение и духовная безопасность: для служащих органов исполнительной власти Российской Федерации. – Москва, 2009. – С. 36.
6. Дьячкова М.А. Понятие ценности и духовно-нравственные ценности в педагогике. / Сибирский педагогический журнал. 2007. – С. 147. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-tsennosti-i-duhovno-nravstvennye-tsennosti-v-pedagogike>.
7. Указ Президента РФ В.В. Путина № 400 от 02.07.2021 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации. Ст. IV.

- п. 91. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>.
8. Там же. П. 93.
 9. Указ Президента РФ В.В. Путина от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» / Правительство России. Ст. IV. П. 21. URL: <http://government.ru/docs/all/109306/>
 10. Путин подписал закон об ответственности за фейки о госорганах за рубежом / РИА Новости. 25.03.2022. URL: <https://ria.ru/20220325/zakon-1780177199.html>
 11. Национальный проект «Образование». / Минпросвещения России. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/>
 12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.05.2019 № 996-п. Ст. 1. / URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHIBitwN4gB.pdf>
 13. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. / Правительство. URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>
 14. Лутовинов В.И. Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления. / Studia Humanitatis. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-rossiyskiy-patriotizm-suschnost-osobennosti-osnovnye-napravleniya>
 15. Там же.
 16. Указ Президента РФ В.В. Путина от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации. Ст. IV. п. 93. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>.
 17. В Кремле вручены премии деятелям культуры и премии за произведения для детей. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/20638.html>

THE FORMATION OF SPIRITUALLY-MORAL VALUES AND PATRIOTISM IN MODERN RUSSIA

Galiev R.R.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article describes the actual challenges to the system of spiritually-moral values in modern Russia, the difficulties of spiritual and moral system formation in the youth generation environment, in relation to patriotism.

Keywords: spiritually-moral values, national safety, spirituality, spiritual crisis, personality, morality, patriotism, society, spiritual and moral education, information and propaganda work, form, direction.

References

1. The new text of the Constitution of the Russian Federation with amendments 2020. / State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. 2021. Section 1. Chapter 3. Article 67.1 URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/>
2. Putin spoke about the national idea of Russia / TASS News Agency. 10.05.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8438743>
3. Lutovinov V.I. Modern understanding of Russian patriotism. / Materials of the mezhtregion. sci.-practice. conf. 1998.
4. Lutovinov V.I. Russian patriotism: history and modernity. URL: <http://zhiharev.narod.ru/pr1staits/pr1Lugovinov.htm>
5. Khvylya-Olinter A.I. Religious studies and spiritual security: for employees of the executive authorities of the Russian Federation. – Moscow, 2009. – p. 36.
6. Dyachkova M.A. The concept of value and spiritual and moral values in pedagogy. / Siberian Pedagogical Journal. 2007. p. 147. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-tsennosti-duhovno-nravstvennye-tsennosti-v-pedagogike>
7. Decree of the President of the Russian Federation V.V. Putin No. 400 dated 02.07.2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» / Official Internet portal of legal information. Article IV. p. 91. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>
8. Ibid.p. 93.
9. Decree of the President of the Russian Federation V.V. Putin No. 646 dated 05.12.2016 «On the approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation» / Government of Russia. St. IV. p. 21. URL: <http://government.ru/docs/all/109306/>
10. Putin signed the law on responsibility for fakes about government agencies abroad / RIA Novosti. 25.03.2022. URL: <https://ria.ru/20220325/zakon-1780177199.html>
11. National project «Education». / Ministry of Education of Russia. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/>
12. Decree of the Government of the Russian Federation No. 996-p of 29.05.2019, Article 1. / URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHIBitwN4gB.pdf>
13. Fundamentals of the state youth policy of the Russian Federation for the period up to 2025. / Government. URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>
14. Lutovinov V.I. Modern Russian patriotism: essence, features, main directions. / Studia Humanitatis. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-rossiyskiy-patriotizm-suschnost-osobennosti-osnovnye-napravleniya>
15. Ibid.
16. Decree of the President of the Russian Federation V.V. Putin No. 400 dated 02.07.2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» / Official Internet portal of legal information. IV. p. 93. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>
17. The Kremlin awarded prizes to cultural figures and prizes for works for children. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/20638.html>

Политический институт первой леди: мировой опыт и перспективы современной России

Сайфатова Альбина Рустамовна,
студент МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: SayfatovaAR@spa.msu.ru

В статье раскрываются сущностные характеристики института первой леди в современной политической системе государства. В рамках предлагаемого автором подхода дается описательная характеристика функционирования данной институции в советской и современной российской политических системах, показываясь основные проблемы, с которыми сталкиваются фигуры и лица, выполняющие соответствующие функции. Усложнение институционального дизайна многих современных стран создает необходимость и возможность применения практик «запуска» и развития института первой леди в современной России. В этом контексте предлагаются меры, направленные на более полное использование функционала данного института в политическом процессе, системе государственного управления, осуществления внешнеполитической деятельности российской власти.

Ключевые слова: институт первой леди, первая леди, первое лицо, политическая система, политический режим.

Усложнение институционального дизайна современного государства, вынужденного отвечать на сложные мировые вызовы, наглядно демонстрирует потребность в использовании более тонких механизмов взаимодействия власти и общества, направленных на совершенствование их коммуникаций, укрепление доверия и легитимации политических порядков. В этом контексте несомненную эффективность демонстрирует институт первых леди, позволяющий не только укреплять имидж руководителей государства, но и повышать мобилизацию гражданской поддержки целого ряда политических проектов, очеловечивать сложные грани реальной государственной политики. Впрочем, не все страны – к которым следует отнести и современную Россию – в силу определенных традиций или иных обстоятельств, активно используют потенциал этого политического института. Такое положение предполагает понимание условий и возможностей не только заимствования положительного международного опыта функционирования данного института в российском обществе, но и определение препятствий для «запуска» в отечественном политическом процессе этого нормативно заданного политического мышления и поведения.

Уместно вспомнить, что термин «первая леди» изначально использовался вне политики для обозначения женщины, обладающей выдающимися способностями или занимающей высокое положение в той или иной области. Со временем этот термин стал нормой для обозначения жен бывших глав государств, а затем и для жен действующих первых лиц. Согласно Cambridge Dictionary термин «первая леди» означает «женщину, состоящую в браке с политическим лидером страны или части страны». Формирование же особых политических функций этого института в основном приписывается опыту США, где регулярные президентские выборы, демонстрируя возрастание роли первого лица на политической арене страны, как бы автоматически привлекли внимание и политизировали роль его законной супруги. Так что, словосочетание «первая леди», впервые прозвучав в панегрике четвертого президента США Джеймса Мэдисона в адрес супруги Долли Мэдисон, получила свою общественную легитимацию уже в конце XIX века.

В настоящее время институт первой леди представляет собой один из политических феноменов современного государства, в основе которого заложена та или иная вспомогательная деятельность для первого лица, осуществляемая его супругой [2, с. 51]. Очертания этой фигуры, по сути, отражают не только сближение гражданских помыслов и надежд с интересами политических руководителей, но и проецируют на нее некие моральные ориентиры, предопределяющие для определенной части населения символы внутреннего единства власти и общества.

Советский и российский опыт функционирования института первой леди

В СССР существовал тоталитарно мужской портрет политической власти, в силу чего деятельность супруг генеральных секретарей ЦК КПСС и их роль как первых леди

не придавали широкой огласке. Первооткрывательницей в области представительства института первой леди была Раиса Максимовна Горбачева. В начале своего пути у власти М.С. Горбачев активно привлекал свою супругу к поездкам по стране и за рубежом, где она проявляла неприсущую советским женщинам политическую активность, в частности, поддерживала дискуссии с местными руководителями. Так, в 1985 году первая леди СССР сопровождала своего мужа в Чернобыль, где была шокирована масштабами трагедии и проводила беседы с пострадавшими в ходе аварии на Чернобыльской АЭС. Необходимо отметить, что Р.М. Горбачева не раз подвергалась критике со стороны ряда политиков и чиновников в силу исторической новизны политической деятельности первой леди Советского Союза. Однако лидерские качества Раисы Максимовны заложили основы для формирования института первой леди советской сверхдержавы. Для СССР был характерен весомый уровень недоверия со стороны ряда стран, который задавался определенным «занавесом» страны. Однако первая леди со своим супругом осуществляли такую деятельность, которая постепенно рассеивала подобное недоверие. Мировая общественность с большим пониманием отнеслась к активной политической роли первой леди СССР, нежели само население этой страны, так как, возможно, граждане не были готовы адекватно воспринимать такие политические практики в силу длительности других «правил игры». Неписанная норма, ставшая некой традицией, невмешательства жен высокопоставленных политических деятелей в вопросы государственной важности подрывало значимость роли Р.М. Горбачевой в качестве первой леди, несмотря на ее стремление к осуществлению благородных целей. Так, жена главы СССР занималась деятельностью по улучшению гуманитарной сферы, окультуриванию и возвышению государства [3, с. 1369]. Раиса Горбачева обладала весомым авторитетом, но в конце концов это нанесло политический ущерб репутационному капиталу ее мужа внутри страны, образ которого был скорее негативным.

После распада СССР в 1991 году де-факто правопреемником государства стала Российская Федерация, первым президентом которой был избран Борис Николаевич Ельцин, а статус первой леди получила его супруга Наи́на Ио́сифовна Ельци́на. Политическая роль Р. Горбачевой и Н. Ельциной значительно отличаются в вопросе публичности. Бывшая первая леди России, как правило, позиционировала свою деятельность в качестве частной и избегала какое-либо афиширование в этом вопросе.

Следующим президентом Российской Федерации был избран Владимир Владимирович Путин, который на 2022 год является разведенным. Его бывшая жена Людмила Александровна Путина не была публичным человеком. Владимир Путин также стремился не афишировать личную жизнь как во время брака, так и после развода. В открытом доступе есть информация о том, что в период первого президентского срока В.В. Путина его супруга принимала участие в ряде благотворительных акций и прикладывала усилия в области продвижения языковых образовательных практик [3, с. 1371].

Светлана Владимировна Медведева является супругой Дмитрия Анатольевича Медведева и первой леди России с 2008 по 2012 годы, которую чаще сравнивают с Р.М. Горбачевой, чем с Н.И. Ельциной или Л.А. Путиной, в силу ее активности в социальной сфере. В 2008 году Светланой Владимировной был основан Фонд социально-культурных инициатив, призванный осуществлять реализацию различных проектов, связанных с развитием демографической и социальной сферы страны, в частности – улучшением семейного благополучия, адаптацией детей, оставшихся без родителей

и их попечения, а также публичным освещением вопросов здоровья. Также, для бывшей первой леди страны характерны ведение благотворительной деятельности и сопровождение своего супруга на ряд мероприятий и встреч.

На сегодняшний день в Российской Федерации официально первая леди не признана и не защищена Конституцией. В стране нет какого-либо юридически оформленного регламента, диктующего права, обязанности и ответственность супруги первого лица. Отсутствие формализации, легитимации и регламентации задают неофициальность характера политического института первой леди, что устанавливает юридически неформальные рамки его деятельности на политическом пространстве. Также, невесомость политического института первой леди в России на 2022 год обусловлена контекстуальными условиями, а именно – отсутствием супруги главы государства как таковой на протяжении порядка 10 лет.

Отношения власти и угнетения всегда комплексны и выстраиваются в зависимости от различных ситуаций и контекстов. Борьбаться необходимо не только с отдельными видами дискриминации по классовому, гендерному и т.д. признаку, но прежде всего с матрицей отношений власти, порождающей негативные для общего благосостояния населения практики.

Лишь физическое присутствие представительницы института первой леди не определяет его эффективное функционирование в политической системе. Для тех категорий проблем, с которыми способна бороться рассматриваемая институция, необходимо наличие определенного уровня власти, который возникает не при потенциальных возможностях формально сформированного института, а при реальном использовании средств и ресурсов, обеспечивающих практическую деятельность. Следовательно, формальность власти первых леди, выраженная в их сугубо символической роли, не приводит к эффективному выполнению ими политических функций.

Одной из важнейших функциональных составляющих института первой леди является выстраивание доверительных отношений между государством и обществом. В современной России население может быть охарактеризовано как неконсолидированное и как общество недоверия [1, с. 45], что порождает дополнительные вызовы в части налаживания отношений между государством и гражданами. Отсюда следует, что институт первой леди может выступить в качестве некоего регулятора, который потенциально способен в той или иной степени решить подобного рода проблему.

Гендерный дисбаланс и значимость института первой леди находятся в определенной взаимосвязи, в силу чего целесообразно применять системный подход. Существование гендерного вектора власти может способствовать стабильности в силу переориентации проведения политики в сугубо мужской направленности, которая исключает ряд вопросов, решаемых посредством увеличения женского представительства.

Признание оплаты труда в части «должности» первой леди как практики кумовства не является здравомыслящим, так как заработная плата устанавливается не за статус жены, а за выполнение конкретной деятельности. Отсюда вытекает следующая проблема – отсутствие четких юридических норм. Способность первых леди реализовывать программы, общаться с гражданами и эффективно влиять на изменения во многом зависит от их доступа к ресурсам и управления ими. В ряде случаев доступность этих ресурсов зависит от официального признания политической должности, что требует

установления рамок и возможностей института первой леди на официальном уровне.

Анализ ряда исторических и современных примеров функционирования института первой леди отражает значимость и положительный эффект деятельности данной институции в рамках определенной страны. Выстраивание доверительных отношений с населением, налаживание канала «обратной связи» и «очеловечивание» высших эшелонов власти представляется недостающим компонентом ряда государств, не исключая Россию, в которых функционирует гибридный режим, включающий демократические нормы.

Современный мир заметно умножает количество факторов социальной жизни, что предъявляет жесткие требования к политике, способной обеспечить выживание, безопасность и процветание страны. Во все большей жесткости условий жизнедеятельности усиливается роль стабилизирующего фактора, которым может выступать политический институт первой леди.

Литература

1. Публичные ценности и государственное управление: коллективная монография / Под ред. Л.В. Сморгунова, А.В. Волковой. – Москва: Аспект Пресс, 2014. – 400 с.
2. Шведова Н.А. Институт Первой леди как компонент американской политической культуры // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 51–58.
3. Inna Kalita. Институт Первой Леди В Опыт Восточной Славии. Idil. 2016. – 1363–1385 с.
4. «Ваше место в конце». За что любили и ненавидели Раису Горбачеву // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190920/1558866443.html> (дата обращения: 17.05.2022).
5. О Фонде // Фонд социально-культурных инициатив [Электронный ресурс]. URL: <https://fondsci.ru/about/> (дата обращения: 18.05.2022).
6. A Role Without a Rulebook. The influence and leadership of global ladies // George W. Bush Presidential Center [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bushcenter.org/publications/resources-reports/reports/role-without-a-rulebook.html> (дата обращения: 01.05.2022).
7. A Role Without a Rulebook. The influence and leadership of global ladies // George W. Bush Presidential Center [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bushcenter.org/publications/resources-reports/reports/role-without-a-rulebook.html> (дата обращения: 14.05.2022).
8. First Lady // Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/first-lady> (дата обращения: 21.04.2022).
9. The Story Behind 'First Lady' // Merriam-Webster [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/first-lady-flotus-history-usage> (дата обращения: 21.04.2022).

com/words-at-play/first-lady-flotus-history-usage (дата обращения: 21.04.2022).

10. The Story Behind «First Lady» // Merriam-Webster [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/first-lady-flotus-history-usage> (дата обращения: 23.04.2022).

POLITICAL INSTITUTE OF THE FIRST LADY: WORLD EXPERIENCE AND PROSPECTS OF MODERN RUSSIA

Sayfatova A.R.

Lomonosov Moscow State University

The article reveals the essential characteristics of the institution of the first lady in the modern political system of the state. Within the framework of the approach proposed by the author, a descriptive characteristic of the functioning of this institution in the Soviet and modern Russian political systems is given, the main problems faced by figures and persons performing the corresponding functions are shown. The complexity of the institutional design of many modern countries creates the need and the possibility of applying the practices of «launching» and developing the institution of the first lady in modern Russia. In this context, measures are proposed aimed at more fully using the functionality of this institution in the political process, the system of public administration, and the implementation of foreign policy activities of the Russian government.

Keywords: institute of the first lady, first lady, first person, political system, political regime.

References

1. Public values and public administration: A collective monograph / Edited by L.V. Smorgunov, A.V. Volkova. – Moscow: Publishing House «Aspect Press», 2014.
2. Shvedova N.A. (2013) The First Lady Institute as a factor of political culture in USA // Zhenshchina v rossi skom obshchestve, no. 3, pp. 51–58.
3. Inna Kalita. (2016) The Institute Of The First Lady In The Experience Of Eastern Slavia. Idil, pp. 1363–1385.
4. «Your place is at the end». For what they loved and hated Raisa Gorbachev // RIA Novosti. Available at: <https://ria.ru/20190920/1558866443.html> (accessed: 17.05.2022).
5. About the Foundation // Foundation of Socio-Cultural Initiatives. Available at: <https://fondsci.ru/about/> (accessed: 18.05.2022).
6. A Role Without a Rulebook. The influence and leadership of global ladies // George W. Bush Presidential Center. Available at: <https://www.bushcenter.org/publications/resources-reports/reports/role-without-a-rulebook.html> (accessed: 01.05.2022).
7. A Role Without a Rulebook. The influence and leadership of global ladies // George W. Bush Presidential Center. Available at: <https://www.bushcenter.org/publications/resources-reports/reports/role-without-a-rulebook.html> (accessed: 14.05.2022).
8. First Lady // Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/first-lady> (accessed: 21.04.2022).
9. The Story Behind «First Lady» // Merriam-Webster. Available at: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/first-lady-flotus-history-usage> (accessed: 21.04.2022).
10. The Story Behind «First Lady» // Merriam-Webster. Available at: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/first-lady-flotus-history-usage> (accessed: 21.04.2022).

Изменение политических технологий легитимации власти в условиях сетевизации общества

Брега Александр Александрович,
аспирант Института социологии РАН
E-mail: aabrega67@gmail.com

Брега Галина Викторовна,
кандидат экономических наук, доцент Финансового
университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: gvbrega@mail.ru

В статье рассматривается политтехнологическая проблематика легитимации власти. Обращается внимание на специфику трансформации способов легитимации власти в условиях становления сетевого общества. Охарактеризованы некоторые из политических технологий легитимности, которые обеспечиваются путем создания и распространения образов и коммуникативных каналов. Отмечается, что медиалегитимация стала одной из основных стратегий легитимации власти, а такие технологии легитимации власти, как создание стереотипов, мифодизайн, навязывание повестки дня, в условиях сетевого общества в основном сохраняют свое содержание и продолжают использоваться, однако заметно изменяют свою форму, адаптируясь к современным реалиям – с помощью медийных ресурсов политическая власть не только трансформирует устоявшиеся социальные ценности народа, но и создает новые условия для изменения существующего политического режима.

Ключевые слова: легитимация, власть, политические стереотипы, технологии легитимации, коммуникации.

Проблема легитимности традиционно является одной из наиболее актуальных и болезненных для любого политического режима. В современных обществах государственные институты в целом теряют свою значимость в глазах населения [1, С. 57–59], партии превращаются в придаток бюрократической машины [2, С. 5–28], рейтинги национальных лидеров падают до критично низких значений [3,4,5], что усиливает необходимость в поддержке легитимности политических систем в целом. Сетевые формы коммуникации бросают вызов традиционному господству интегрированного экономического и политического капитала, требуя новых подходов к поддержке легитимности власти через средства массовой коммуникации. Таким образом, сетевизация значительным образом повлияла как на внутривластные взаимоотношения, так и на взаимоотношения власти и общества. Это естественным образом отразилось на характере легитимации, которая также претерпела определенные трансформационные процессы.

Ранее уже приводилась мысль о том, что технологии легитимации можно поделить на два типа: реальные и манипулятивные. Однако в современном обществе все больше происходит их интеграция, благодаря чему можно выделить третий, смешанный тип.

Это находит отражение в том, что большая часть решений из сферы реальной политики нуждаются в подкреплении в информационном пространстве. Так, решения, которые могут принести повышение рейтинга, широко транслируются, демонстрируя «полезные функции» государства, а к решениям, которые могут подорвать легитимность власти, общественное мнение через СМК готовят, донося дискурс о важности и необходимости принимаемых мер.

Возросшая роль масс-медиа в обеспечении легитимности власти позволяет некоторым исследователям говорить о том, что медиалегитимация («комплекс реализуемых органами власти во взаимодействии со СМИ пропагандистских кампаний для укрепления собственной легитимности») представляет собой одну из главных стратегий легитимации [6, С. 44].

В результате медиатизации политики трансформируются и сами технологии.

Теория стереотипов активно используется с тех самых пор, как Уолтер Липпманн предложил её в 1920-е годы. Стереотипы массово используются для формирования общественного мнения (в том числе, для повышения легитимности), комбинируясь с различными видами других политтехнологий. Так, например, российские власти при помощи средств массовой информации активно формируют стереотип о том, что любые несогласованные протестные акции могут привести к общегосударственной политической нестабильности наподобие событий на Украине зимой 2013 – весной 2014 гг. Для практически всех представителей либеральной оппозиции применяется стереотип «агентов Госдепа», которые стремятся свергнуть легитимную власть, развалить страну и сделать из неё сырьевой придаток Запада.

Другим укоренившимся в сознании населения стереотипом, который используется для легитимации власти в современной России является образ «добротного царя»

(«царь хороший – бояре плохие»). Базисом этого стереотипа являются протяженные во времени монархические, а затем – тоталитарные традиции в управлении государством. Надежды населения на позитивные изменения возлагаются на главу государства, а все ошибки, промахи и просто непопулярные меры списываются на окружение – приближенных бояр, дворян, партийный аппарат, или, в современной истории – на правительство. Этот стереотип активно используется и сейчас несмотря на то, что его действенность заметно падает [7]. Ещё один широко используемый для поддержки легитимности современной власти стереотип – либеральные преобразования ведут к разрухе. Этот кейс условно можно назвать «стереотип 90-х» – при всяком удобном случае приводится пример 1990-х годов в России, когда резкие либеральные преобразования, неблагоприятная экономическая конъюнктура и ряд других объективных причин привели к резкому падению благосостояния населения, росту преступности, демографическому провалу и т.д. При этом игнорируются факты о том, что экономический рост начала 2000-х был во многом обусловлен преобразованиями 90-х, а также ростом цен на энергоносители.

При этом формирование данных стереотипов проводится не только через традиционные СМИ (телевидение, в первую очередь), но и через дискуссии в социальных сетях.

В России изменился и формат формирования стереотипов через телевидение. Если раньше благодаря контролю над главными источниками информации можно было подавать информацию в одностороннем ключе – через выпуски новостей, информационно-аналитических передач, то сейчас (с 2016–2017 гг.) значительно выросло количество показываемых политических ток-шоу [8, С. 236], в которых информация предлагается не в виде «голых фактов», а через дискуссию, которая создает иллюзию плюрализма мнений.

На Западе, в свою очередь, пользуясь взаимопроникновением и взаимосвязью средств коммуникации по всему миру, формируют и распространяют стереотипы, направленные на очернение (и подрыв легитимности) российской власти. Широкий резонанс вызвал вышедший сразу после президентских выборов в России выпуск журнала Time с заголовком Rising Tsar и В. Путиным в царской короне. Уже на следующий день после выборов Time опубликовал статью российского либерального журналиста Михаила Зыгаря относительно того, что Путин собирается остаться во власти после окончания президентского срока в 2024 году одним из нескольких возможных путей – изменив Конституцию, либо изменив модель управления государством так, чтобы это можно было это делать «из-за кулис». Кроме того, Зыгарь старается сформировать у читателей представление о том, что многие высшие чиновники придерживаются либеральных взглядов и хотели бы наладить отношения с Западом; так формируется стереотип о том, что Путин, воспользовавшись удобной возможностью захватил власть и максимально укрепил свое положение, но при этом его политика не имеет достаточной поддержки в высших кругах, просто «все боятся поднять голову» [9]. Благодаря социальным сетям и СМИ обложка журнала Time, на которой был изображен В. Путин с короной на голове [10]; при этом обложка журнала распространялась без сопровождения перевода статей из него, таким образом создавая «стереотип в квадрате» – о том, что «на Западе» считают Путина царем, без объяснения подобной позиции.

Технология мифодизайна продолжает активно использоваться для конструирования политического дискурса, обретая в современных условиях специфические

черты. Интернет как коммуникационное пространство создал широкий простор для мифодизайнеров – если раньше создавался определенный целостный миф, который поддерживался через СМИ и мог быть подвергнут «демонтажу» посредством его критического разбора и опровержения отдельных его элементов, которые могли дискредитировать сам миф, то в нынешних условиях эта задача кардинально усложнилась. Феномен «fake news» сформировал отсутствие полного доверия к средствам массовой коммуникации – любой источник информации может восприниматься как недостоверный, тем самым самая аргументированная попытка разрушить миф может закончиться нулевым результатом. Формированию мифа может служить не единообразная повестка, а большое количество сообщений разного содержания, запущенных в разное время из разных источников; даже взаимно противоречащие друг другу сообщения в нынешних условиях не будут выглядеть как заметно дискредитирующий фактор. Недоверие к циркулирующей в СМК информации с одной стороны, делает миф более устойчивым, с другой – менее убедительным.

При этом перегруженность Сети информацией влияет как на конструирование стереотипов, так и на создание мифов. Основная задача при воздействии на индивида – выделить свое сообщение на фоне «информационного шума», заставить его воспринять. Если воспользоваться моделью коммуникации Шеннона-Уивера, то самое сложное в нынешних условиях – преодолеть шум («помехи»), возникающие между передатчиком и декодером.

Процесс формирования культа личности несмотря на изменение условий не претерпел значительных изменений. Отличие состоит в том, что если создание классических культов личности – Сталина, Гитлера и т.п. опиралось на всестороннюю систему пропаганды, не подразумевавшую альтернативных точек зрения, то Интернет такой возможности не предоставляет, что вынуждает тратить больше усилий на создание достаточно «громких» инфоповодов, чтобы выделиться на фоне общего «информационного шума». В остальном способы остаются похожими – освещение различных положительных черт политика, как профессиональных (дальновидность, последовательность, принципиальность и т.п.), так и личных (доброта, склонность к состраданию, чувство юмора, любовь к животным и т.д.). Как правило, одним из составных элементов культа личности до сих пор является демонстрация различными способами близость политика к народу.

Также не претерпела значительных изменений технология «внешней угрозы». В условиях нового развернувшегося противостояния России и США риторика сторон сильно напоминает времена «холодной войны» [11]. Обе стороны используют в своих интересах «демонизацию» противника и интенсифицируют количество сообщений об угрозе с его стороны.

Навязывание повестки дня (agenda-setting) также заметно трансформировалось. Если использование традиционных СМИ позволяло освещать одни инфоповоды, полностью игнорируя другие, тем самым формируя представления о важности либо незначительности тех или иных событий, то в рамках сетевого взаимодействия такой подход невозможен. В этом свете на смену замалчиванию фактов приходит их освещение в благоприятном свете. Другой вариант навязывания повестки дня – создание инфоповодов, способных отвлечь от «необходимой» повестки. Так, сразу два резонансных для широких слоев населения решения – повышение пенсионного возраста и увеличение налога на добавленную стоимость [12]. были приняты в день открытия чемпионата

мира по футболу, проходящего в России, и, что важно, в день игры национальной сборной России.

Ежегодно организуемая «Прямая линия с Владимиром Путиным», на наш взгляд, теряет свою актуальность. Несмотря на то, что «Прямую линию» все больше интегрируют в Интернет-пространство – так, на передаче в 2018 г. президент впервые в режиме конференц-связи звонил губернаторам регионов России и членам правительств субъектов – количество зрителей с 2015 г. неуклонно падает [13]. Даже попытка привлечения внимания путем трансляции «неудобных вопросов» как показателя «честности» и «открытости» программы не способствует привлечению зрителей, у которых при использовании Интернета вырабатывается определенная степень недоверия ко всей поступающей информации. Это провоцирует поиск новых форматов: так, в марте 2019 года состоялся прямой эфир в социальной сети «ВКонтакте» Дмитрия Медведева, который собрал более 2,5 млн просмотров [14]. Данный формат можно считать перспективным в силу популярности социальных сетей; телеформату же «Прямой линии» можно предсказать ещё большую потерю популярности при условии отсутствия значительных социальных потрясений.

Технология политического перформанса – и так достаточно новая для политического поприща. Однако стоит отметить, что и она становится все более тесно связанной с Интернет-пространством: политический перформанс это, по сути, материал для вирусного контента, который позднее распространяется по Сети многократно увеличивая аудиторию перформанса. Примером использования политического перформанса стал одиночный пикет российского шоумена Сергея Зверева на Красной площади против строительства завода возле Байкала, который состоялся 3 марта 2019 г. Данное событие вызвало новую волну обсуждения проблем экологии, и уже 12 марта Председатель Правительства РФ Д. Медведев пообещал разобраться с этой проблемой [15]. Позднее решением суда строительство завода приостановлено [16] – реакция власти на политический перформанс привела к «всеобщему удовлетворению», что позволяет говорить о повышающих легитимность действиях.

Обозревая характер изменения технологий легитимации в целом, следует отметить, что развитие горизонтальных связей может ослаблять или усиливать те или иные технологии. Так, выше упоминались сложности с выстраиванием целостного политического мифа. Однако если встроить миф или стереотип в оболочку медиавируса, его эффективность может возрасти кратно. Если, к примеру, до появления Интернета политический анекдот распространялся посредством «сарафанного радио» и процесс охвата значительно аудитории мог занять годы или и вовсе ограничиваться отдельно взятой территорией, то современные средства коммуникации – социальные сети, видеохостинги и мессенджеры обеспечивают мемам-медиавирусам охват большей части потенциальной аудитории самое большее за 1–2 дня.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- в конце XX века сформировались предпосылки перехода к «обществу нового типа», движущей силой которого должен стать Интернет;
- новые условия привели к трансформации политических отношений: появились принципиально новые каналы политической коммуникации, появилась новая площадка для взаимодействия общественных движений, возник феномен политических сетей;
- поскольку власть базируется на контроле за коммуникацией и информацией, власть вынуждена использовать Интернет-пространство, в т.ч. для своей легитимации; от степени контроля над тем, что про-

исходит в Интернете в значительной степени зависит стабильность власти;

- медиалегитимация стала одной из основных стратегий легитимации власти;
- технологии легитимации власти, такие как создание стереотипов, мифодизайн, навязывание повестки дня, в условиях сетевого общества в основном сохраняют свое содержание и продолжают использоваться, однако заметно изменяют свою форму, адаптируясь к современным реалиям.

Литература

1. Трубицын О.К. Политические аспекты сетевой трансформации современного общества // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: философия. Том 11, № 2. Новосибирск, 2013. С. 54–61.
2. Katz R., Mair P. Changing models of party organization and party democracy: The emergence of the cartel party // Party politics. L., 1995. V. 1, N 1. P. 5–28.
3. Джо Байден – не царь Мидас, и это очень выгодно республиканцам [online]. ИноСМИ, 22.08.2022 [дата обращения: 22.08.2022]. Режим доступа: <https://inosmi.ru/20220822/bayden-255606084.html>
4. Забродина Е. Падение Ангелы [online]. Российская газета, 24.06.2018 [дата обращения: 21.03.2019]. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/06/24/rejting-angely-merkel-opustilsia-do-rekordno-nizkogo-urovnia.html>
5. Рейтинг Шольца упал до рекордно низких отметок, показал опрос [online]. News.ru, 21.08.2022 [дата обращения: 22.08.2022]. Режим доступа: <https://ria.ru/20220821/sholts-1811084072.html>
6. Пономарев Н.Ф. Стратегии и технологии медиалегитимации власти: монография. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2010. 192 с.
7. Девяткина М. Рейтинг Путина обновил минимум за 13 лет [online]. РБК, 25.01.2019 [дата обращения: 14.08.2022]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/25/01/2019/5c4b0f659a7947c62305c2d3>.
8. Грабельников А.А., Гегелова Н.С. Политические токшоу на российских телеканалах // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. № 2. М., 2018. С. 236.
9. Mikhail Zygar. Putin Believes He's Destined to Make Russia Great Again. And He's Just Getting Started [online]. Time, 19.08.2022 [дата обращения: 15.08.2022]. Режим доступа: <http://time.com/5204733/russia-election-2018-putin-fourth-term/>.
10. Бондаренко М. Time поместил на обложку апрельского номера Путина с короной на голове [online]. РБК, 24.04.2018 [дата обращения: 15.08.2022]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/24/03/2018/5ab68c29a7947384d88b559>.
11. Wintour P., Harding L., Borger J. Cold war 2.0: how Russia and the west reheated a historic struggle [online]. The Guardian, 24.10.2016 [дата обращения: 11.08.2022]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/24/cold-war-20-how-russia-and-the-west-reheated-a-historic-struggle>
12. Правительство одобрило повышение пенсионного возраста и увеличение НДС [online]. РИА новости, 14.06.2018 [дата обращения: 27.08.2022]. Режим доступа: <https://ria.ru/20180614/1522700386.html>
13. Прошедшая прямая линия с Путиным стала самой непопулярной с 2011 года [online]. РБК, 13.06.2018 [дата обращения: 08.08.2022]. Режим доступа: <https://>

www.rbc.ru/society/13/06/2018/5b20f4a29a79477875f-cd681.

14. #VKLive с Дмитрием Медведевым [online]. ВКонтакте [дата обращения: 10.08.2022]. Режим доступа: <https://vk.com/dmlive>.
15. Медведев поручит проверить проект завода на Байкале по экспорту воды в КНР [online]. РИА новости, 12.03.2019 [дата обращения: 14.08.2022]. Режим доступа: <https://ria.ru/20190312/1551718226.html>
16. Петров И. Стилист Сергей Зверев оштрафован за несанкционированный пикет [online]. Российская газета, 13.05.2019 [дата обращения: 14.08.2022]. Режим доступа: <https://rg.ru/2019/05/13/reg-cfo/stilist-sergej-zverev-oshtrafovan-za-nesankcionirovannyj-piket.html>.

CHANGE OF POLITICAL TECHNOLOGIES OF LEGITIMATION OF POWER IN THE CONDITIONS OF NETWORKIZATION OF SOCIETY

Brega A.A., Brega G.V.

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation

The article deals with the political technology issues of power legitimization. Attention is drawn to the specifics of the transformation of the ways of legitimizing power in the context of the formation of a network society. Some of the political technologies of legitimacy, which are provided through the creation and dissemination of images and communication channels, are characterized. It is noted that media legitimization has become one of the main strategies for legitimizing power, and such technologies for legitimizing power as creating stereotypes, myth design, and imposing an agenda, in a network society, basically retain their content and continue to be used, but noticeably change their form, adapting to modern realities – with the help of media resources, political power not only transforms the established social values of the people, but also creates new conditions for changing the existing political regime.

Keywords: fame, framing, legitimization, power, power decisions, politics, communications.

References

1. Trubitsyn, O. (2013) Political aspects of modern society network transformation // Novosibirsk State University Bulletin. Series: philosophy. Volume 11, No. 2. Novosibirsk., 54–61.
2. Katz, R., Mair, P. (1995) Changing models of party organization and party democracy: The emergence of the cartel party // Party politics. L. V. 1, N 1, 5–28.

3. Joe Biden is not Midas King (2022, August 22), and this is very beneficial for the Republicans [online]. InoSMI. Access mode: <https://inosmi.ru/20220822/bayden-255606084.html>
4. Zbrodina, E. The Fall of Angels [online] (2018, June 24). Russian newspaper. Access mode: <https://rg.ru/2018/06/24/rejting-angely-merkel-opustilsia-do-rekordno-nizkogo-urovnia.html>
5. Scholz's ratings fell to the record lows, [online] poll showed (2022, August 21). News.ru. Access mode: <https://ria.ru/20220821/sholts-1811084072.html>
6. Ponomarev, N. (2010). Power media legitimization Strategies and technologies: monograph. Perm: Perm State National Research University, 192.
7. Devyatkina, M. Putin's rating has been updated for at least 13 years [online] (2019, January 25). RBC. Access mode: <https://www.rbc.ru/society/25/01/2019/5c4b0f659a7947c62305c2d3>.
8. Grabelnikov, A., Gegelova, N. (2018) Political talk shows on Russian TV channels // RUDN University Bulletin. Series: Literary criticism, journalism. N 2. M., 236.
9. Mikhail Zygar. Putin Believes He's Destined to Make Russia Great Again (2022 August 19). And He's Just Getting Started [online]. Access mode: <http://time.com/5204733/russia-election-2018-putin-fourth-term/>.
10. Bondarenko, M. (2018, April 24) Time put Putin with a crown on his head on the cover of the April issue [online]. RBC. Access mode: <https://www.rbc.ru/politics/24/03/2018/5ab68c-c29a7947384d88b559>.
11. Wintour, P., Harding, L., Borger, J. Cold war 2.0 (2016 October 24): how Russia and the west reheated a historic struggle [online]. The Guardian. Access mode: <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/24/cold-war-20-how-russia-and-the-west-reheated-a-historic-struggle>
12. The government approved an increase in the retirement age and an increase in VAT [online] (2022, June 27). RIA Novosti. Access mode: <https://ria.ru/20180614/1522700386.html>
13. The past direct line with Mr. Putin has become the most unpopular since 2011 [online]. RBC (2018, June 13). Access mode: <https://www.rbc.ru/society/13/06/2018/5b20f4a29a79477875f-cd681>.
14. #VKLive with Dmitry Medvedev [online] (2022, October 10). VKontakte. Access mode: <https://vk.com/dmlive>.
15. Mr. Medvedev will instruct to check the plant on Lake Baikal project for the water export to China [online] (2019, December 3). RIA Novosti. Access mode: <https://ria.ru/20190312/1551718226.html>
16. Petrov, I. Sergei Zverev, hairdresser, was fined for unauthorized picket [online] (2022, August 14). Rossiyskaya gazeta. Access mode: <https://rg.ru/2019/05/13/reg-cfo/stilist-sergej-zverev-oshtrafovan-za-nesankcionirovannyj-piket.html>.

Категория и классификация политических режимов: социально-исторический анализ

Потапов Денис Викторович,

аспирант Института социально-политических исследований
РАН

E-mail: dvpw@yandex.ru

В статье рассматривается становление понятия «политический режим». В исторической ретроспективе рассмотрено отношение к этому понятию и дана оценка, почему в различные исторические периоды к «политическому режиму» подходили с разных направлений, и как видоизменялись монархия, аристократия, демократия, диктатура в зависимости от времени и страны. В настоящее время формируются различные подходы к политическим режимам, особенно демократическим, поэтому было полезным углубиться в историю понятий и процессов суждения, а также наблюдения в каждую эпоху, относительно принципов функционирования различных типов правления и условий их существования. Сравнение обеспечивает наилучшую отправную позицию для рассмотрения данного вопроса, поэтому в статье показано, как понятие «политического режима» обеспечивает основу нескольких аналитических направлений, которые, порой, бывают субъективны. Такие политические направления и теории, высказанные разными представителями, характеризуют сами процессы перехода политических режимов, а также результат и процессы их консолидации.

Ключевые слова: политический режим, государство, смена политического режима, монархия, аристократия, тоталитаризм, демократия.

Любое понятие имеет свой генезис и историю. В политике понятия появляются в определенное время, и с течением этого времени могут изменять свое значение. Все это в большой мере относится и к понятию «политический режим». Прежде всего, остановимся на лексико-семантическом анализе слова «режим», чтобы глубже понять его исторические, в том числе и политические корни. Термин «режим» происходит от французского «regime» [13], который раскрывает категории управления, государственного строя, образ правления, а также распорядок жизни, систему правил, мероприятий, необходимых для той или иной цели, условия деятельности. В российской исследовательской политической школе часто слово «режим» соотносят с понятием «власть».

Исаев Б. А. поясняет, что «с точки зрения узкого», или правового подхода под режимом понимают закрепленные в конституции и законах способ функционирования политической системы, методы управления, степень политической свободы и открытости страны» [6].

Современное слово «политический» происходит от греческого *politikos*, что означает «полис или относящийся к нему». Какая форма правления лучше, а какая хуже? Аристотель задавал этот вопрос еще в 4 веке до н.э. и его систематическая попытка ответить на него в «Политике» может считаться началом политической науки. Греческий термин «полис» обозначает «город-государство». Это Афины, Спарта, которые были относительно небольшими и сплоченными единицами, где религиозные и культурные интересы были переплетены. Формальной причиной возникновения города-государства является его конституция (*politeia*). Аристотель определяет конституцию как «определенное устройство жителей города-государства» (III.1.1274b32–41) [9]. У Аристотеля нет понятия «политический режим», но, как мы видим, согласно семантике французского слова *politeia* у Аристотеля уже есть «распорядок жизни, система правил, мероприятий, необходимых для той или иной цели, условия деятельности», то есть то, что входит в понятие «режим».

Платон в своем «Государстве» [17] обосновывает концепцию тоталитарного государства, как идеального.

Древнекитайская философия проявляет интерес к государству, к особенностям ее функционирования, хотя происхождение власти остается божественным. Древнекитайские философы предлагают различные меры по совершенствованию этой власти. Поэтому интересно, во-первых, каких критериев правления придерживался Конфуций, а во-вторых, сколько существовало принципов правления для условия стабильности. Известно, что Конфуций отстаивал недемократические формы общественного устройства. Кроме прочего, достаточно определенно отстаивал и высказывал свое мнение добродетели, противопоставляя ему закон.

Конфуций основывался на неизменности и стабильности китайского государства, для чего было создано административное распределение социальных, политических и правовых статусов всего населения. Так функционировала государственная система.

Система государственного управления по Конфуцию должна была обеспечивать верное соотношение

в расстановке сил государства – внутренний мир между верхами и низами общества. В результате, для науки конфуцианство является важным источником функционирования и особенностей авторитарных режимов. Для нас важно то, что конфуцианство описывало достаточно умеренный вариант авторитарного режима правления. Такое не скажешь и китайском трактате Шан Яна, который жил в 300 годах до нашей эры. Шан Ян являлся основоположником философско-политического учения, противного учениям даосизма и конфуцианства.

Никколо Макиавелли – это то имя, которое расширил политическую мысль в освобождении ее от догм и стереотипов. Макиавелли прекрасно знал и разбирался в механизмах политического устройства. И в выражении «цель оправдывает средства» мы видим выстраивание механизмов политического устройства, выстраивание приоритетов мыслей и деятельности лидера [11].

Анализ проблемы политического насилия, проведенный по текстам Макиавелли, приводит нас к выводу, что большинство типов режимов объединяет потребность во взаимосвязанных, и, в то же время, конкурентных политических отношениях между народом и их ведущими политическими лидерами. И каждый политический режим будет иметь свою особую роль, в которой должны принимать участие их основные политические классы, чтобы предотвратить настоящее угнетение своего народа.

По замыслу Макиавелли унификация должна стать первой стадией эволюционного процесса, который, в конце концов, может привести к более или менее стабильной республиканской системе.

Хотя в трактовке Макиавелли – одна (и только одна) воля определяет общее благо. Это хорошо показано у него в «Беседах о первых десяти книгах Тита Ливия» на примере убийства Рема. Ромул, мифический основатель Рима, убил своего брата Рема, чтобы не делить власть. Он также «согласился на смерть Тития, который был избран разделить при нем царская власть» [6].

Альтернативным или дополнительным средством реализации общественного блага у Макиавелли является разделение власти и последующее сотрудничество различных заинтересованных сторон: «...Хотя один человек должен организовать правительство, но оно продлится долго, если управление им останется на плечах одного человека; поэтому хорошо доверить это многим, ибо таким образом оно будет поддержано многими» [6].

Важно также сопоставить методологию двух политических мыслителей – Томаса Гоббса и Джона Локка. Томас Гоббс закладывает интеллектуальные основы современного государства, переходя от права сильнейшего к власти закона. Для Гоббса вполне естественно, что человечество борется, и люди склонны вести себя друг с другом как волки. Но жизнь в таком состоянии – это постоянная опасность. Трансформация может произойти только через призыв к человеческому разуму, через осознание необходимости верховенства закона для обеспечения соблюдения правил и защиты жизни и прав каждого человека. Джон Локк, с точки зрения теории режимов, весьма, разделенных отношением к английской буржуазной революции XVII века, рассуждает принципиально отлично. Джон Локк выводит теорию общественного договора из Гоббса, но продолжает развивать ее дальше. Локк осознает опасность абсолютистского государства и поэтому поддерживает разделение властей в государстве: парламент, правительство и правосудие. В результате, по глубоким замечаниям английского исследователя Д. Хелда [8], Гоббс был сторонником

государственного абсолютизма и политики своего рода «опекунского авторитаризма». В отличие от него, Локк следует рассматривать как теоретика политических систем либерального типа. Д. Хелд исследуя демократическую теорию Запада, отмечает, что демократия имеет несколько стадий, но наиболее приемлема – это модель либеральной демократии, которую разрабатывали также еще и Джеймс Милль, Бентам, Руссо, Волстоункрафт, Дж. Ст. Милль, Токвиль и др.

По мнению Руссо «...Человек рожден свободным, а между тем везде он в оковах», по сравнению со своими предшественниками – Макиавелли, Гоббсом, Локком, Монтескье – представляет совершенно иное, с точки зрения Хелда, направление в рамках модели либеральной демократии [16]. Поэтому Хелд отслеживает понятие «демократия и приходит к термину «развивающаяся демократией» (protective democracy).

Поэтому логично вспомнить еще одного теори развивающейся, активной демократии – это замечательный французский мыслитель А де Токвиль [15]. Токвиль декларирует, что все народы необратимо выйдут на путь демократии. Для Токвиля – это закон и неизбежность, это историческое движение любви народов. С Руссо Токвиля роднит то, что он, убежден, индивид и отдельная личность продвигает государственное управление. Хотя Токвиль ближе всего не к демократии в ее обычном виде, а к аристократической демократии.

«Декларация независимости», написанная Т. Джефферсоном, раскрывает в нем блестящего политика, человека необычайно глубокого ума и поистине энциклопедических познаний. В «Декларации» он документально утвердил «определенные неотъемлемые права, среди которых – право на жизнь, свободу и на стремление к счастью» [11].

А. Гамильтон, представитель консервативных кругов плантаторов-рабовладельцев, конечно имел противоположные совершенно иные позиции по отношению Джефферсону [13], так как он выражал мысли и чаяния торгово-промышленной буржуазии. Споря с Джефферсоном и его сторонниками, Гамильтон фактически приводил все те аргументы в защиту олигархических режимов, которые в то время поддерживала Европа.

Что касается взглядов Вильгельма Фридриха Гегеля на вопрос политического режима, то Гегель сам проходит некое становление в политической философии, то он поддерживает якобинцев и Наполеона, то через какое-то время сделался преданным поклонником прусского полицейского государства.

Оду из значительных теорий политического процесса создали Маркс и Энгельс, хотя до сих пор не утихают дебаты о значимости их трудов. Маркс согласен с Гегелем в том, что в современном мире есть две различные сферы общества, и что гражданское общество есть сфера эгоизма или своекорыстия, но он также отрицает, что это разделение является имманентным, или неизбежным и что государство может преодолеть войну каждого против всех и защищать общие интересы всех своих граждан. В противовес утверждению, что институциональное обособление государства является логическим дополнением самодетализации универсальной идеи, Маркс утверждает, что государство определяется главным образом с точки зрения свободы обмена в торговле и в земельной собственности.

В противовес гегелевскому предложению о том, что каждый социальный класс должен быть юридически инкорпорирован в качестве основы для политического представительства и для слияния общественной и частной сфер, Маркс утверждает, что это повлекло бы за собой рефеодализацию в современном обществе и может

уничтожить индивидуальные свободы и формальное равенство частных граждан.

В дальнейшем марксизм активно использует франкфуртская школа (Ю. Хабермас, К. Оффс, М. Джей, Т. Боттомор), феноменологическая традиция (П. Бергер, Т. Лукман) и, конечно, на нем строится структурно-функциональный подход (Т. Парсонс, Л. Козер, С. Липсет и др.).

Прежде всего, речь идет о субъекте политического режима, которым у Маркса является пролетариат, которого он рассматривал его в качестве провозвестника «нового строя». Маркс и Энгельс считали насилие лишь инструментом второстепенной важности и желательным в той мере, в какой нет другой альтернативы для изменения системы. Кроме этого, марксистская политика интернационализма обязательно должна предлагать строгую критику национализма. Хотя, отметим, что в интернационализме не может быть адекватной критики национализма без теории государства, тем более, что «государство» везде относится ко множеству отдельных и различных состояний, которые обычно формируются совершенно определенно, как «национальное государство».

В дополнение к сказанному, к теории исторических изменений доктрины политических режимов, Маркс и Энгельс давали политическую программу смены капиталистического режима. Они были яркими противниками постулата традиционного либерализма: веры в то, что капиталистический рынок является предпочтительной экономической системой для всех промышленно развитых стран. Хотя они полностью осознавали и ценили огромную способность капитализма к инновациям, производству богатства, они также остро осознавали его недостатки и активно критиковали систему свободного рынка. Также Маркс представил одну из лучших теорий бонапартизма с разбором политической ситуации во Франции, работа «18-е брюмера Луи Бонапарта» [2].

Хотя Маркс и Энгельс с годами заняли более умеренную позицию в отношении применения насилия, точка зрения Ленина радикализировалась по мере того, как возможность революции в России стала реальной. С годами Ленин утвердил не только применение насилия, но и обращение к террористической деятельности. То есть В.И. Ленин воплотил идеи Макса, но значительно их изменил.

Эволюция марксизма в российской политической науке связано с именем Г. Плеханова, учителя Ленина, но расходившегося с ним по вопросу революционного захвата власти. В 1919 г. в Германии прошла конференция I конференция Интернационала, в которой была осуждена революция в России. К выводам этой конференции присоединились уже известные социал-демократы Германии К. Каутский и Э. Бернштейн, которые видели Россию демократической страной.

Позднее, в западных странах зародилась теория неомарксистов, в принципы политической власти основывают не на классовой эксплуатации, а расширения субъектного, культурного-гегемонистского уровня власти, принципа психологизированного подхода к политике и верховенстве политики над экономикой, чем несомненно они отходят от Маркса. Идеи неомарксистов берут свои истоки из работ итальянского марксиста А. Грамши [5], некоторых работ венгра Д. Лукача (прежде всего, его «Истории и классового сознания» [8]) и др.

Таким образом, теория политических режимов представляет достаточно разнообразную, и отчасти, субъективную картину типологий определения политических режимов. Ученые современной эпохи мыслят в терминах «правительства», например, политологи-бихевиористы

(Easton [16]) концептуализировали их как «политические системы», в то время как язык механизмов сегодня понимает их как «политические режимы». Каждый из этих объектов, в свою очередь, подвергается разным различиям в зависимости от времени: монархия, аристократия и демократия (Аристотель [1], Полибий [2]); монархия, республика и деспотизм (Монтескье [4]); диктатура и демократия; авторитаризм, тоталитаризм и демократия [1]. Режимы умеренно долговечны, хотя они также могут меняться, будь то в ответ на завоевание внешней силой, народную революцию, государственный переворот элиты или распад национального государства, или в результате процессов реконструкции и миростроительства, таких как конституционное урегулирование путем переговоров после гражданской войны.

Литература

1. Андрушкевич И.Н. Республика и демократия по классификации Аристотеля. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2006(1):171–9.
2. Баллаев А.Б. Социальный критицизм в творчестве Маркса. Политико-философский ежегодник 2013 (pp. 118–142).
3. Беликов А.П. Полибий между греками и римлянами: оценка политической деятельности историка.
4. Гордон А.В. 2002. 04. 001. Вилен Ф. Дж. Восточный деспотизм: ответ Анкетилля-Дюперрона Монтескье Whelan FG Oriental despotism: anquetil-duperron's response to Montesquieu//history of polit. Thought. Exeter, 2001. Vol. 22, N. 4. P. 619–647. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2002(4):6–11.
5. Грамши А. «Тюремные тетради. Часть 1». 1991.
6. Machiavelli, N., 1950. Discourses on the first ten books of Titus Livius.c. 120.
7. Исаев Б.А. Понятие и типология политических режимов. Социально-гуманитарные знания. 2009(3):88–97.
8. Керимов А.А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели. Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2015.№ 1 (137). 2015(1 (137)).
9. Лукач Д. История и классовое сознание. Хвостизм и диалектика. Тезисы Блюма (фрагменты). Litres; 2022 May 15.
10. Миллер Ф. «Политическая теория Аристотеля». Гарвард 1998.
11. Мутагиров Джамал Зейнутдинович. Джефферсоновская демократия: единство теории и практики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2013. – Т. 9, вып. 3.
12. Разуваев В.В. Комментарии к «Государю» Макиавелли. – Центр гуманитарных инициатив, 2014.
13. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы. Мир политики и социологии. 2013(10):170–91.
14. Словарь иностранных слов. М., 1980, с. 433.
15. Dementiev I.O. The Political Theory of A. de Tocqueville and French Liberalism in the First Half of the 19th Century (Doctoral dissertation, [Kaliningr State University]).
16. Held D. Models of democracy. Polity; 2006 Jul 10.
17. Kriek D.J. David Easton and the analysis of political structure. Journal of theoretical politics. 1995 Jan;7(1):29–39.
18. State P. Plato. Collected works in. 2019.

CATEGORY AND CLASSIFICATION OF POLITICAL REGIMES: SOCIO-HISTORICAL ANALYSIS

Potapov D.V.

Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences

The article deals with the formation of the concept of "political regime". In a historical retrospective, the attitude to this concept is considered and an assessment is given of why in different historical periods the "political regime" was approached from different directions, and how the monarchy, aristocracy, democracy, dictatorship changed depending on time and country. At present, various approaches to political regimes, especially democratic ones, are being formed, so it was useful to delve into the history of concepts and processes of judgment, as well as observations in each era regarding the principles of functioning of various types of government and the conditions for their existence. Comparison provides the best starting point for considering this issue, so this article shows how the concept of "political regime" provides the basis for several analytical directions, which at times can be subjective. Such political trends and theories, expressed by various representatives, characterize the very processes of transition of political regimes, as well as the result and processes of their consolidation.

Keywords: political regime, state, political regime change, monarchy, aristocracy, totalitarianism, democracy.

References

1. Andrushkevich I.N. Republic and democracy according to Aristotle's classification. *Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics Politia. Analysis. Chronicle. Forecast*. 2006(1):171–9.
2. Ballaev A.B. Social criticism in the work of Marx. *Politico-Philosophical Yearbook 2013* (pp. 118–142).
3. Belikov A.P. Polybius between the Greeks and the Romans: an assessment of the political activity of the historian.
4. Gordon A.V. 2002. 04. 001. Whelan FG Oriental despotism: anquetil-duperron's response to Montesquieu//history of polit. Thought. Exeter, 2001. Vol. 22, N. 4. P. 619–647. *Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 9, Oriental and African studies: Abstract journal*. 2002(4):6–11.
5. Gramsci A. "Prison Notebooks. Part 1". 1991.
6. Isaev B.A. The concept and typology of political regimes. *Social and humanitarian knowledge*. 2009(3):88–97.
7. Machiavelli, N., 1950. *Discourses on the first ten books of Titus Livius*.c. 120.
8. Kerimov A.A. Legitimacy of political power: problems of definition and main theoretical models. *News of the Ural Federal University. Ser. 3, Social Sciences*. 2015. No. 1 (137). 2015(1 (137)).
9. Lukacs D. *History and class consciousness. Tailism and dialectics. Blum's theses (fragments)*. liters; May 15, 2022
10. Miller, F. "The Political Theory of Aristotle." Harvard 1998.
11. Mutagirov Jamal Zeinutdinovich. *Jeffersonian Democracy: Unity of Theory and Practice // Political Expertise: POLITEKS*. – 2013. – Vol. 9, no. 3.
12. Razuvaev V.V. *Comments on Machiavelli's The Sovereign*. – Center for Humanitarian Initiatives, 2014.
13. Salnikov M.V. *Western tradition of law: political and legal values and ideals. The world of politics and sociology*. 2013(10):170–91.
14. *Dictionary of foreign words*. M., 1980, p. 433.
15. Dementiev I.O. *The Political Theory of A. de Tocqueville and French Liberalism in the First Half of the 19th Century* (Doctoral dissertation, [Kaliningr State University]).
16. Held D. *Models of democracy*. politics; 2006 Jul 10.
17. Kriek D.J. *David Easton and the analysis of political structure. Journal of theoretical politics*. 1995 Jan;7(1):29–39.
18. State P. *Plato. Collected works in*. 2019.

Применение инструментов микротаргетинга в формировании общественно-политических процессов

Сиротов Павел Андреевич,

аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Институт государственной службы и управления
E-mail: nok8066@gmail.com

Последнее время микротаргетинг получает большее распространение и входит в жизнь каждого из граждан, являющихся активными пользователями интернета. Однако, в настоящее время, представлено не так много статей и иных научных работ, в которых бы раскрывалась тема микротаргетинга, хотя данный инструмент продвижения уже давно перестал быть локальным и перешел в категорию инструментов, которые охватывают уже практически весь мир.

Многие из людей при этом понимают, что происходят манипуляции, настраивающие их на необходимость принятия определенных, требуемых от них решений. Но возникает вопрос, как осуществляется процесс микротаргетинга? Какие составные части он имеет и насколько широкие возможности он дает для компаний, государственных органов и политических партий?

Ключевые слова: избирательные технологии, политические технологии, социальные технологии, таргетинг, избирательные кампании, микротаргетинг.

Говоря о микротаргетинге, мы определяем его как стратегию онлайн-маркетинга, которая является частью многомиллиардной рекламной индустрии и используется коммерческими и политическими акторами для продвижения своих интересов.

Он может быть направлен на очень узкую целевую аудиторию, вплоть до конкретных людей, принимающих те или иные решения. Действия, при использовании данного инструмента, осуществляются путем отправки сообщений различным группам для того, чтобы убедить людей покупать определенный товар, либо для того, чтобы проголосовать за определенную политическую партию, одним словом – осуществить требуемые от них действия [1].

Актуальность темы подтверждается опытом использования данного метода в избирательных кампаниях. Так, в ходе избирательной кампании в США организация, поддерживающая Дональда Трампа, выделила 32 психотипа людей, которым направлялись таргетированные сообщения [2]. В дни дебатов Трампа и Клинтон в социальные сети отправили 175 тыс. вариантов индивидуальных посылов. Эти материалы продвигали как положительные качества Трампа, так и приводили аргументы, разубеждавшие голосовать за Клинтон [3].

Главная особенность микротаргетинга – среда его использования, которая обязательно должна быть частью онлайн-платформ. Пользователи в этом процессе видят лишь одну часть интерфейса используемой платформы. Так, существует целая экосистема рекламы в интернете, которая отвечает целям и потребностям определенных социальных групп. Там, где пользователь видит контент, включающий рекламу, с другой стороны, есть рекламодатели, которые оплачивают размещение данного материала.

Для оптимизации данного процесса существует целая экосистема брокеров данных, технологических компаний и политических консультантов, занимающихся микротаргетингом, которая определяет правила деятельности данной отрасли. Вся эта деятельность основана на сборе данных о просмотрах записей или постов, реакции на них, а также данных о покупках, продажах, переходах на сайты, подписках и т.п.

Эти действия происходят в основном незаметно для пользователя. Участвующие в данном процессе компании, в основном, не известны аудитории, в то время как пользователи, вероятно, не будут с ними взаимодействовать напрямую. Однако, компании имеют достаточно информации о них. Процесс микротаргетинга можно описать по примеру матрешки, которая имеет различные слои и уровни, в свою очередь и микротаргетинг состоит из различных источников данных.

Есть три этапа осуществления рекламной кампании: профилирование, сбор данных и микротаргетинг.

Сбор данных является первым шагом в этом процессе. Запуск таргетированной рекламы по аудитории должен иметь предварительную подготовку. Данные формируются в том числе на основании демографического опроса, который должен учитывать специфику аудитории – мужчин и женщин разных возрастных категорий, разных этнических групп, различных вероис-

споведаний, которые находятся во всех частях страны или регионах.

Вторая стадия микротаргетинга – это профилирование или сегментирование. Оно включает в себя разделение пользователей на небольшие группы или сегменты на основе характеристик, таких как личностные черты, интересы или предыдущее поведение при голосовании.

Эти группы отличает более узкая сегментация, чем у иных средств рекламы. Так, традиционные медиа позволяют охватить аудиторию, сегментированную по территориальному признаку, реклама в газетах, подходящих под определенную социальную аудиторию, способно охватить аудиторию по экономическому признаку.

Так, обычная целевая рекламная кампания может быть нацелена на широкие социальные группы:

- по гендеру (женщины, мужчины);
- по возрасту (молодежь, пенсионеры, работающее население);
- по вероисповеданию (христиане, мусульмане, евреи и тп.)
- иные социальные группы.

В то же время, для некоторых задач требуется иной подход, который позволяет целевым образом обратиться к каждому человеку, для чего требуется большая сегментация аудитории. Так, например, используя микротаргетинг, можно запустить кампании на всех либеральных или консервативных женщин, на всех молодых людей, которые занимаются спортом, на всех верующих граждан региона.

Для этого происходит объединение основных демографических категорий для создания нескольких различных «тактических кампаний» из которых будет сформирована информационно-политическая интернет-кампания, ориентированная на этих людей. Например, в российской социальной сети «ВКонтакте» есть 18 категорий интересов аудитории, которые позволяют создавать и выделять узкие и активные аудитории.

Также, в данной социальной сети имеется возможность определения потребностей аудитории и объединения ее в категории путем анализа ее подписок на группы. Для этого существуют специализированные сервисы, такие как платформа «Церебро таргет».

Проблема профилирования заключается в том, что этот процесс может происходить не только для того, чтобы нацелить на вас рекламу, созданную этими профилями, а также он может использоваться для многих других целей, в том числе, для информирования о решениях, которые принимаются в отношении вас без вашего ведома, например, о получении ипотечного кредита или кредита или повышении стоимости медицинского страхования.

Часто появляются сообщения о компаниях, продающих профили частным лицам и даже правоохранительным органам, чтобы отслеживать людей, которые могут быть подвержены риску. Поэтому чем больше у рекламодателей данных о человеке, тем лучше можно его профилировать. И чем лучше профилирование – тем эффективнее целевое сообщение.

Ученые из лаборатории Кэвендиш в Центре психометрии в Кембридже разработали специализированное приложение для исследования черт личности. В ходе исследования они установили, что 68 лайков позволяют определить цвет кожи и ориентацию респондентов. Кроме того, они способны определить политические взгляды – приверженность определенным партиям. После 150 лайков можно узнать человека лучше, чем родители, после 300 – лучше, чем партнер [3].

После профилирования, действия переходят к само-микротаргетингу, так как на этом этапе распростра-

няется персонализированный контент. Использование онлайн-платформ для охвата целевых групп, в которых заинтересованы заказчики рекламы, происходит с помощью адаптированных целевых сообщений, которые могут быть коммерческим и политическим.

Отдельно следует отметить поведенческий микротаргетинг, который является реальным инструментом для управления информационным пространством. Его особенностью является персонализированное общение – сообщение аудитории того, что повлияет на этого человека или того, на что этот человек обратит внимание. Для его запуска нет необходимости определять какое-либо количество потенциально интересных тем, ориентированных на разные группы людей.

С использованием данного метода можно потенциально охватить каждого отдельного человека, который входит в целевую аудиторию. Так, например, благодаря его использованию можно охватить каждого гражданина страны.

Для этого необходимо сформировать конкретные социальные послы для людей, которые смогут их мотивировать к активным действиям. Один и тот же информационный повод будет актуален для разных социальных групп. Так, социально-активно экстравертную молодежь, интересующуюся проблемами экологии, можно мотивировать подачей информации о том, как важно следить за чистотой и состоянием экологии планеты, в том числе то, что планета для наших детей может быть лучше, чем для нас сегодня.

Тот же тезис может быть использован и на совершенно другую группу молодежи, которая также заботится об окружающей среде, но по эмоциональному характеру относится к категориям интровертов. Тут можно обратить внимание на их страхи по поводу окружающей среды. Так, например, можно показать им вырубленные или сгоревшие леса, огромные мусорные свалки в чертах города, вокруг которых ходят бродячие кошки и собаки. Эту аудиторию можно мотивировать, используя их страхи для того, чтобы побудить их к действию или проявить внимание к экологической политике [4].

Принимая во внимание данные факты, а также скорость развития информационных технологий, в том числе степень информатизации общества, с уверенностью можно сделать вывод о том, что инструменты микротаргетинга будут развиваться, количество баз данных будет увеличиваться, также как и точность определения личностей аудитории. В ближайшее время, в конце 2022 года, предстоит большое количество избирательных кампаний, которые пройдут преимущественно в странах Европейского союза. Учитывая степень информатизации жителей данных стран, с уверенностью можно сделать вывод о том, что роль инструментов микротаргетинга в избирательных кампаниях в этих странах будет увеличиваться.

Литература

1. Фурс С.П. Влияние технологий искусственного интеллекта на демократические процедуры // Ки Б. 2021. № 3.
2. Северс А.В. Синергия микротаргетирования и социальных сетей в политических коммуникациях (роль социальных медиа в президентской предвыборной кампании США 2012 года) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2013.
3. <https://hi-tech.mail.ru/news/how-trump-won/?ysclid=I8gau1sfhs772312655> (Дата обращения: 24.09.2022).
4. Silent Marketing: Micro-targeting // WPP. 2012. 23 Sept.

THE USE OF MICROTARGETING TOOLS IN THE FORMATION OF SOCIO-POLITICAL PROCESSES

Sirov P.A.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian

Recently, microtargeting has become more widespread and is included in the life of each of the citizens who are active Internet users. However, currently, there are not so many articles and other scientific papers that would reveal the topic of microtargeting, although this promotion tool has long ceased to be local and has moved into the category of tools that already cover almost all citizens.

Many of the people at the same time understand that manipulations are taking place, setting them up for the need to make certain decisions required of them. But the question arises, how is the microtargeting process carried out? What components does it have and

how wide opportunities does it provide for companies, government agencies and political parties?

Keywords: electoral technologies, political technologies, social technologies, targeting, election campaigns, microtargeting.

References

1. Furs S.P. The influence of artificial intelligence technologies on democratic procedures // *Ci B.* 2021. No. 3.
2. Severs A.V. Synergy of microtargeting and social networks in political communications (the role of social media in the 2012 US presidential election campaign) // *Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism.* 2013. No.2.
3. <https://hi-tech.mail.ru/news/how-trump-won/?ysclid=l8gau1sfhs772312655> (Accessed: 09/24/2022).
4. Silent marketing: microtargeting // *WPP.* 2012. September 23.

Левченко Наталья Валерьевна,

кандидат социологических наук, научный сотрудник; Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
E-mail: natalya_levchenk@mail.ru

В статье представлен анализ процессов изменения организационной структуры экологической политики России и российского законодательства. В качестве метода исследования был выбран анализ официальных средоохранных документов и публикаций в СМИ. Также был осуществлен вторичный анализ данных качественных исследований и институциональных изменений экологической политики России, проведена корреляция институциональных изменений экологической политики с экономическими трансформациями. Рассмотрены основные моменты структурных изменений в период становления, развития и реструктуризации российской экополитики. В ходе работы были проанализированы причины и последствия разрушения государственного природоохранного регулирования. Исследование показало, что в начале 2000-х годов временно приостанавливается плата за неорганизованный сброс загрязняющих веществ в водные объекты, были упразднены экологические фонды, а также произошли другие изменения в системе норм и правил. В результате, с 2000 года сбор денежных средств был передан федеральным налоговым органам и платежи стали поступать в федеральный и региональный бюджеты как нецелевые, и могли расходоваться не только на возмещение ущерба окружающей среде, но и на любые другие нужды. Осуществлен анализ изменений в российском законодательстве, происходящих с 2006 по 2013 году в связи с проведением зимней Олимпиады-2014 в Сочи.

Ключевые слова: экологическая политика, институционализация, реструктуризация, экологические нормы, социально-экологическое неравенство, законодательство.

Исследование сфокусировано на анализе процессов институционализации, деинституционализации и реструктуризации экологической политики России. Его цель состояла в том, чтобы проследить какие изменения происходили в российской экологической политике под влиянием экономических факторов.

Государственная экологическая политика в данной работе определена как «деятельность государства для достижения стратегической цели – сохранения природных систем, поддержания их целостности и жизнеобеспечивающих функций для устойчивого развития общества, повышения качества жизни, улучшения здоровья населения и демографической ситуации, обеспечения экологической безопасности страны» [3, с. 25]. Таким образом, экологическая политика направлена на охрану окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, а также сохранение и развитие биосферы в целом.

Экологическая политика с 1988 по 2000 гг.

Советская (российская) экологическая политика как самостоятельная структура начала формироваться в конце 1980-х годов, до этого времени Министерство экологии входило в состав Министерства геологии СССР. В 1988 году структура стала автономной, что обусловлено во многом деятельностью экологического движения в России. Его массовость и влияние на процессы институционализации экологической политики социологи объясняют стагнацией и сохраняющейся в этот период в стране социальной стабильностью: «Ресурсозависимая экономика страны в это время находилась в глубоком кризисе в связи с падением цен на нефть, но социальная ситуация была относительно стабильной. В 1990 году было образовано Министерство экологии и природопользования РСФСР, организация с более высоким статусом, чем союзная. В 1991 году министерский статус получает и Государственный комитет по охране природы СССР, который позже становится (на короткий срок) Министерством природопользования и охраны окружающей среды СССР» [6, с. 19]. Далее в 1991 году и до 1992 года Министерство экологии было преобразовано в Министерство экологии и природных ресурсов Российской Федерации. Первоначально Министерство включало в себя ряд независимых структур, таких как: Комитет по лесу, Комитет по водным ресурсам, Комитет по геологии и минеральным ресурсам, Комитет по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Комитет геодезии и картографии. Однако в 1992 году указанные комитеты вышли из состава Министерства.

Благодаря государственному экологическому управлению в 90-х годах стал развиваться промышленный экологический менеджмент, а чуть позже начали формироваться коммерческие экологические организации, которые занимались экологическими экспертизами, аудитом, созданием нормативов, разработкой и внедрением очистных сооружений на предприятиях.

В этот же период в России начинается экономический рост благодаря развитию промышленных производств. В свою очередь «добывающие» крупные предприятия посчитали, что законодательство в области защиты окружающей среды является ограничительным

фактором для их развития. В результате экологическая государственная политика с этого момента начинает постепенно ослабевать. Статус природоохранной структуры был понижен. В 1992 г. структура была переименована, а из названия была исключена «экология». В 1996–2000 гг. структура опять была преобразована и получила название: Государственный комитет Российской Федерации по охране окружающей среды.

Кроме того, в 1996 году «одновременно Комитет РФ по геологии и использованию недр и Комитет РФ по водному хозяйству объединяются в новую структуру: Министерство природных ресурсов Российской Федерации» [1, с. 304]. Таким образом, Комитет по водному хозяйству утратил свою независимость. Механизм реализации контроля за функционированием крупных производств значительно изменился. Комитет по водным ресурсам до своего слияния с Комитетом геологии был независимой средоохранной организацией и совместно с Министерством охраны природы осуществлял контроль над загрязнением водоемов, разрешая или запрещающая их использование. [1, с. 305]. В это же время, практически прекращается федеральное финансирование экологической политики. «Государственные организации, лишившиеся реальной связи с государством (на федеральном и региональном уровнях одновременно), начинают действовать самостоятельно. Возникают разнообразные схемы самофинансирования, например, через выдачу лицензий малому экологическому бизнесу, создание собственных коммерческих подразделений и т.п.» [7, с. 27].

Разрушение государственного природоохранного регулирования. 2000–2008 гг.

В период экономического роста страны, считалось, что существование природоохранной структуры мешало развитию российского бизнеса. За счет ликвидации контроля над соблюдением экологических стандартов производственного процесса можно было привлечь зарубежные инвестиции, так как страны Центральной и Восточной Европы не вправе снижать экологические стандарты ЕС, а КНР не обладал необходимыми технологиями. В то же время, «пришедшие инвестиции, ориентированные на нефтегазовый сектор, объясняются прежде всего не снижением экологических требований, а диверсификацией рисков инвесторов при инвестициях в углеводородное топливо по сравнению с такими специфическими конкурентами, как Иран, Ирак, Нигерия, Венесуэла и др.» [14, с. 30]

Лоббирование со стороны «сильных игроков» рынка привело тому, что 17 мая 2000 г. выходит Указ Президента РФ №867, согласно которому в целях формирования эффективной структуры федеральных органов исполнительной власти в числе других комитетов были упразднены: Государственный комитет Российской Федерации по охране окружающей среды и Федеральная служба лесного хозяйства России. Их функции были переданы Министерству природных ресурсов Российской Федерации.

Таким образом, охрана природы с этого момента была передана службе, которая отвечала за ее эксплуатацию.

Указ вызвал активное противодействие со стороны общественности. Так, через несколько дней после его выхода состоялось ежегодное собрание представителей РАН, на котором было сформировано обращение к президенту с просьбой пересмотреть указ и сохранить независимое природоохранное ведомство, с той же просьбой обратился Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II.

Также были обращения из регионов, прошла волна митингов, а в Москве была проведена Всероссийская чрезвычайная комиссия по охране природы [8, с. 286–287]. Между тем Указ не был пересмотрен. В этом же году инициативная группа экологов задалась целью организовать референдум, одной из главных целей которого было вернуть упраздненный Госкомэкологии и привлечь внимание населения и власти к проблемам окружающей среды. Для реализации референдума требовалось собрать не менее 2 млн подписей граждан. К концу октября экологические активисты собрали более 2,5 миллионов подписей в 60 субъектах России. Региональные комиссии признали действительными 2,2 млн. – на 10% больше, чем требовал закон. Однако Центральная избирательная комиссия решила, что региональных проверок недостаточно и начала повторно проверять все собранные подписные листы. Как отмечают очевидцы «подписи выбраковывались по любым основаниям», в результате были приняты менее 2 млн подписей, что не являлось достаточным количеством для проведения референдума [8, с. 287–295]. Таким образом, стало очевидно, что решение упразднения структуры имело не случайный характер.

Кроме того, 23 июня 2000 г. было опубликовано письмо Государственного комитета, согласно которому временно приостанавливается плата за неорганизованный сбор загрязняющих веществ в водные объекты [6].

Данный указ был одним из механизмов осуществления контроля над предприятиями-загрязнителями, его отмена означала начало разрушения экологической политики в стране.

В целом, система платежей за загрязнения была введена еще в начале 90-х гг., сбор денежных средств направлялся в органы федерального экологического ведомства. Доходы распределялись между федеральным бюджетом и экологическими фондами. Экологические фонды были образованы в 1992 году и являлись источниками финансирования для сохранения и восстановления окружающей среды. За счет функционирования экологических фондов существовала возможность восстанавливать в некоторой степени наносимый ущерб природе. В 2001 г. было приостановлено действие статьи 21 Закона РСФСР «Об охране окружающей природной среды», посвященной государственным экологическим фондам, так был упразднен Федеральный экологический фонд.

В результате, с 2000 года сбор денежных средств был передан федеральным налоговым органам и платежи стали поступать в федеральный и региональный бюджеты как нецелевые, и могли расходоваться не только на возмещения ущерба окружающей среде, но и на любые другие нужды.

Несовершенство законодательной системы в сфере охраны окружающей среды заключалось и в том, что платежи были введены постановлением Правительства РФ [10], а не федеральным законом, кроме того, были названы именно «платежами», а не «налогом». Хотя в последующем, в 1999 году в Налогом кодексе платежи были названы «экологическим налогом», но некая путаница привела к обращению в Верховный суд Кольской горнометаллургической компании (дочернего предприятия холдинга «Норильск Никель»), что едва не привело к крушению системы сбора платежей. Так, компания обратилась с иском о признании недействительным постановления Правительства России № 632, согласно которому назначались сборы платежей за загрязнение окружающей среды. Одним из основных аргументов было то, что согласно Налоговому кодексу, налоги должны устанавливаться федеральным законом, а не поста-

новлением правительства. В 2002 года Верховный суд признал Постановление № 632 не имеющим юридической силы, однако, позднее Конституционный суд восстановил действие Постановления, но за это время платежи многих предприятий были прекращены.

Весной 2000 года Минатом предложил изменить законодательство относительно ввоза в страну ядерных отходов, что позволило бы войти на мировой рынок переработки, который на тот момент был занят только Великобританией и Францией. Правительство приняло решение удовлетворить выдвинутое предложение и в 2001 году были приняты поправки к Закону «Об охране окружающей среды», позволяющие ввозить в страну отработанное ядерное топливо из других стран. Президент РФ Путин В.В. подписал весь пакет «ядерных» законопроектов (федеральные законы «О внесении дополнений в статью 50 Закона РСФСР «Об охране окружающей природной среды», «О специальных экологических программах реабилитации радиационно загрязненных участков территории», ряд дополнений в статью 64 Федерального закона «Об использовании атомной энергии») [9].

С 2000-х годов акторами экологической политики становятся ресурсодобывающие компании и государство. «Если институционализация экологической политики конца 80х – начала 90х годов инициировалась экологическим движением, то теперь эконоНПО фактически вытеснены из этого процесса» [7, с. 30].

Изменения в природоохранном контроле привели к тому, что в 2000 году «был впервые зарегистрирован рост промышленных выбросов в атмосферу, вырос объем сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты. За год образовалось около 120 млн тонн отходов, что на 17% выше уровня 1999 года» [4]. Незаконный оборот древесины составил в целом по России до 600 миллиардов рублей [15]. Также была существенно сокращена численность экспертов в регионах, ухудшилось качество экологических экспертиз.

Однако, в это время мировой рынок уже требовал соблюдения международных стандартов качества и экологических стандартов. Например, банки Бразилии, ЮАР, Китая стали больше принимать во внимание возникшие экологические риски. В результате снятие экологических ограничений привело к снижению темпов инвестиций в российскую экономику и существенному снижению платежей в бюджет [15]. Например, в 2004–2006 гг. в соответствии с требованиями, связанными с соблюдением экологических стандартов, ЕБРР заморозил принятие решения о крупном займе компании Sakhalin Energy для реализации проекта Сахалин II [13, с. 29].

В результате того, что принятые меры по привлечению инвестиций в бизнес обернулись их сокращением, правительство было вынуждено принимать меры по восстановлению экологического контроля в стране. 31 августа 2002 г. распоряжением Правительства РФ от. № 1225-р была одобрена Экологическая доктрина Российской Федерации. Согласно данному документу, к числу механизмов для решения задачи обеспечения экологически ориентированного роста экономики и внедрения экологически эффективных инновационных технологий было отнесено формирование эффективной, конкурентоспособной и экологически ориентированной модели развития экономики. Также в экологической доктрине указано: «установление платы за негативное воздействие на окружающую среду с учетом затрат, связанных с осуществлением природоохранных мероприятий и формирование рынка экологичной продукции, технологий и оборудования, а также природоохранных услуг.

Для получения инвестиций необходимо было продолжать развивать экомодернизацию России. Несмотря

на это реформирование в сторону деэкологизации законодательства России продолжилось. В 2004 году был закрыт Отдел охраняемых природных территорий. Указом президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» 9 марта 2004 года N314 была образована Федеральная служба по надзору в сфере экологии и природопользования. Службе переданы функции Министерства природных ресурсов Российской Федерации.

«После проведения административной реформы 2004 года стало ясно, что экология и охрана природы де-факто сходят на нет при том, что вопросами экологического надзора занимались сразу 12 ведомств» [11].

Кроме того, экологическая политика, также как и экологические проблемы, в различных регионах существенно отличаются. Сосредоточенность промышленности, постройка мусорных полигонов, экономические и социальные изменения в отдельных регионах ухудшают неблагоприятную экологическую обстановку [5, с. 1817]. Так, например, существенные трансформации в российском законодательстве происходили с 2006 по 2013 гг. в связи с проведением зимней Олимпиады-2014 в Сочи и осуществлением национального проекта «Доступное жилье». Изменению подверглись такие федеральные законы, как: «Об экологической экспертизе» и «Об особо охраняемых природных территориях». Так, в связи с проведением олимпиады было решено выделить из Сочинского национального парка часть объектов в «рекреационную зону». Таким образом, охранный статус потеряли ряд памятников природы, «в числе которых – Агурские водопады, Воронцовская пещерная система, Ахунская и Назаровская пещеры, гора Большой Ахун, Кудепстинский и Хостинский каньоны и пр». Данные решения были приняты в связи с тем, что согласно статье 15 Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях», на территориях национальных парков запрещена какая-либо деятельность, которая может нанести ущерб природной системе. В то же время «закон об ООПТ допускает выделение в составе национального парка «рекреационной зоны», которая предназначена для осуществления рекреационной деятельности, развития физкультуры и спорта, а также размещения объектов туристской индустрии» [12].

В 2006 году было осуществлено только первое изменение статуса части территории Сочинского национального парка, которые были выбраны для строительства олимпийских объектов. В дальнейшем функциональное зонирование менялось несколько раз приказами Минприроды России. В 2009 году изменился охранный статус еще некоторых территорий Сочинского нацпарка, так, например, у части объектов снова был повышен охранный статус, но у части объектов статус был понижен. В 2013 году еще несколько субъектов были отнесены к рекреационной зоне.

«Следом за изменением зонирования следовало массированное хозяйственное вторжение на эти территории с последующей деградацией их экосистем» [2, с. 63].

В результате интересы группы лоббистов снова удовлетворены: «Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации не только не сопротивляется таким поползновениям, но и само активно участвует в разрушении территориальной охраны природы» [2, с. 67].

Таким образом, развитие экополитики в России характеризуется постоянным изменением системы норм и правил охраны среды. Как показало исследование, изменения в российском законодательстве в области природоохранного регулирования тесно связаны с экономи-

ческими трансформациями в стране. Причем рост экономики не приводили к укреплению экополитики, а скорее наоборот. Крупные предприятия воспринимали экологический контроль как препятствие к их развитию.

Литература

1. Аксенова О.В. Социально-экологические последствия политического реформирования: от централизации к локализации экологической политики России // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2005 / Отв.ред. Л.М. Дробизева. – М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 296–317.
2. Бриних В.А. Во что сочинская олимпиада обошлась природе? // Астраханский вестник экологического образования. № 2 (28). 2014. С. 56–68
3. Боголюбов С.А. Соотношение экологических политик России и других государств // Экологическое право. 2016. № 4. С. 23–32
4. В Минприроды заявляют об увеличении промышленных выбросов в России // Риа. Новости от 06 июня 2005. URL: <https://ria.ru/20050601/40454458.html> (дата обращения 24.08.2022)
5. Вершинина И.А. Социально-экологическое неравенство в контексте проблемы утилизации отходов / И.А. Вершинина, Т.С. Мартыненко. – Текст: электронный // Материалы XXII Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». – Екатеринбург: УрФУ, 2019. – С. 1813–1821
6. Государственный комитет российской федерации по охране окружающей среды письмо от 23 июня 2000 г. № 02–22/24–151 о «методических указаниях по расчету платы за неорганизованный сброс загрязняющих веществ в водные объекты» // Кодификация РФ. 2000. URL: https://rulaws.ru/acts/Pismo-Goskomekologii-RF-ot-23.06.2000-N-02-22_24-151/ (дата обращения 24.08.2022)
7. Институционализация экологической политики в России: социальные практики, стратегия государства, управленческие решения / Отв. ред. И.А. Халий. – М.: Институт социологии РАН, 2006. –272 с.
8. Ларин В., Мнацаканян Р., Честин И., Шварц Е. Охрана природы России: от Горбачева до Путина. М., 2003. – 416. с.
9. Президент России Владимир Путин подписал пакет «ядерных» законопроектов, разрешающих ввоз в Россию зарубежных ядерных отходов // nuclearno.ru от 11 июля 2001. URL: <http://nuclearno.ru/?id=205> (дата обращения 24.08.2022)
10. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации (Минприроды России) от 27 сентября 2013 г. № 411 «Об утверждении Положения о Сочинском национальном парке» // «Российская газета», № 6205 от 11 октября 2013. URL: <https://rg.ru/2013/10/11/park-dok.html> (дата обращения 24.08.2022)
11. Плюс экология и атомный надзор // Российская газета – Федеральный выпуск № 0(4658) от 14 мая 2008. URL: <https://rg.ru/2008/05/14/minprirody.html> (дата обращения 24.08.2022)
12. Сочинские пещеры и водопады определяются со статусом. Экологи опасаются за судьбу особо охраняемых природных территорий // Газета. «Коммерсантъ» от 25 сентября 2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3752306?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 24.08.2022)
13. Шварц Е. Олимпийские игры: экология Сочи-2014 // Ведомости от 13 февраля 2007. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2007/02/13/olimpijskie-igry-jekologiya-cochi-2014> (дата обращения 24.08.2022)
14. Шварц Е.А., Книжников А.Ю. Экологический императив, экологическая политика России 2000-х и конкурентоспособность экономики // Общественные науки и современность. 2012. № 4. С. 24–38
15. Экологический переворот. Во что обошлась ликвидация Госкомэкологии? Подсчет убытков по прошествии 2 лет // «Время МН» от 17 мая 2002 г. URL: <https://iq.hse.ru/news/177800639.html> (дата обращения 24.08.2022)

ENVIRONMENTAL POLICY IN RUSSIA, 1988–2008

Levchenko N.V.

Institute of sociology of the Federal Center of theoretical and applied sociology of the Russian academy of sciences

The article presents an analysis of the processes of changing the organizational structure of the environmental policy of Russia and Russian legislation. The analysis of official environmental documents and publications in the media was chosen as the research method. Also, a secondary analysis of data from qualitative studies and institutional changes in Russia's environmental policy was carried out, and the correlation of institutional changes in environmental policy with economic transformations was carried out. The main points of structural changes during the formation, development and restructuring of Russian environmental policy are considered. In the course of the work, the causes and consequences of the destruction of state environmental regulation were analyzed. The study showed that in the early 2000s, payments for unorganized discharge of pollutants into water bodies were temporarily suspended, environmental funds were abolished, and other changes in the system of norms and rules took place. As a result, since 2000, the collection of funds was transferred to the federal tax authorities and payments began to enter the federal and regional budgets as non-earmarked, and could be spent not only on compensation for environmental damage, but also on any other needs. The analysis of changes in Russian legislation taking place from 2006 to 2013 in connection with the 2014 Winter Olympics in Sochi is carried out.

Keywords: environmental policy, institutionalization, restructuring, environmental standards, socio-ecological inequality, legislation.

References

1. Aksanova O.V. Socio-ecological consequences of political reform: from centralization to localization of Russia's environmental policy // Russia in reform: Yearbook – 2005 / Ed. L.M. Drobizhev. – М.: Institute of Sociology RAS, 2006. S. 296–317.
2. Brinikh V.A. How much did the Sochi Olympics cost nature? // Astrakhan Bulletin of Environmental Education. No. 2 (28). 2014. S. 56–68
3. Bogolyubov S.A. Correlation of environmental policies of Russia and other states // Ecological law. 2016. No. 4. S. 23–32
4. The Ministry of Natural Resources announces an increase in industrial emissions in Russia // Ria. News from June 06, 2005. URL: <https://ria.ru/20050601/40454458.html> (accessed 24.08.2022)
5. Vershinina I.A. Socio-ecological inequality in the context of the problem of waste disposal / I.A. Vershinina, T.S. Martynenko. – Text: electronic // Materials of the XXII International Conference in memory of Professor L.N. Kogan "Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience". – Yekaterinburg: UrFU, 2019. – pp. 1813–1821.
6. The State Committee of the Russian Federation for Environmental Protection letter dated June 23, 2000 No. 02–22 / 24–151 on "guidelines for calculating fees for unorganized discharge of pollutants into water bodies" // Codification of the Russian Federation. 2000. URL: https://rulaws.ru/acts/Pismo-Goskomekologii-RF-ot-23.06.2000-N-02-22_24-151/ (accessed 24.08.2022)
7. Institutionalization of environmental policy in Russia: social practices, state strategy, management decisions / Ed. ed.

- I.A. Khaliy. – M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2006. – 272 p.
8. Larin V., Mnatsakanyan R., Chestin I., Schwartz E. Nature Protection in Russia: from Gorbachev to Putin. M., 2003. – 416. p.
 9. Russian President Vladimir Putin signed a package of “nuclear” bills allowing the import of foreign nuclear waste into Russia // nuclearno.ru of July 11, 2001. URL: <http://nuclearno.ru/?id=205> (accessed 24.08.2022)
 10. Order of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation (Ministry of Natural Resources of Russia) dated September 27, 2013 No. 411 “On approval of the Regulations on the Sochi National Park” // Rossiyskaya Gazeta, No. 6205 dated October 11, 2013. URL: <https://rg.ru/2013/10/11/park-dok.html> (accessed 24.08.2022)
 11. Plus ecology and nuclear supervision // Rossiyskaya gazeta – Federal issue No. 0(4658) of May 14, 2008. URL: <https://rg.ru/2008/05/14/minprirody.html> (accessed 24.08.2022)
 12. Sochi caves and waterfalls are determined by their status. Ecologists fear for the fate of specially protected natural areas // Newspaper. Kommersant, September 25, 2018
 13. Schwartz E. Olympic Games: Ecology of Sochi-2014 // Vedomosti of February 13, 2007. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2007/02/13/olimpijskie-igry-jekologiya-cochi-2014> (accessed 24.08.2022)
 14. Shvarts E.A., Knizhnikov A. Yu. Environmental imperative, environmental policy of Russia in the 2000s and the competitiveness of the economy // Social sciences and modernity. 2012. No. 4. S. 24–38
 15. Ecological revolution. What did the liquidation of the State Ecology Committee cost? Calculation of losses after 2 years // Vremya MN dated May 17, 2002. URL: <https://iq.hse.ru/news/177800639.html> (accessed 24.08.2022)

Специальная военная операция на Украине в контексте теории справедливой войны

Некрасов Дмитрий Владимирович,
адъюнкт Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

В статье рассматриваются моральные и нравственные составляющие, повлиявшие на начало проведения Российской Федерацией специальной военной операции на Украине. Приводится теоретическое обоснование того, что специальная военная операция на Украине носит справедливый характер и соответствует всем критериям теории справедливой войны.

Ключевые слова: теория справедливой войны, право на войну, право во время войны, мораль, нравственность.

После начала Российской Федерацией специальной военной операции на Украине мировое сообщество пыталось истолковать действия России как ничем не обоснованную прямую агрессию против суверенного государства. Как правило, все аргументы западных политиков, политологов и журналистов носили эмоциональный характер, а громкие заявления не подкреплялись достоверными фактами. В своем обращении от 24 февраля 2022 года Президент Российской Федерации Владимир Путин четко обозначил причины начала специальной военной операции на Украине: «Для США и их союзников это так называемая политика сдерживания России, очевидные геополитические дивиденды. А для нашей страны – это в итоге вопрос жизни и смерти, вопрос нашего исторического будущего как народа. И это не преувеличение – это так и есть. Это реальная угроза не просто нашим интересам, а самому существованию нашего государства, его суверенитету. Это и есть та самая красная черта, о которой неоднократно говорили. Они её перешли» [1].

Бескомпромиссное расширение военной инфраструктуры НАТО на восток к границам России несли и продолжают нести открытую угрозу безопасности Российской Федерации. Остановить расширение НАТО дипломатическим путем стало абсолютно невозможным. На многочисленных переговорах, посвященных этому вопросу, позиция Российской Федерации игнорировалась. Об этом тоже говорилось 24 февраля 2022 г. в обращении Президента России: «В этом ряду и обещания нашей стране не расширять ни на один дюйм НАТО на восток. Повторю – обманули, а выражаясь народным языком, просто кинули. Да, часто можно слышать, что политика – грязное дело. Возможно, но не настолько же, не до такой же степени. Ведь такое шулерское поведение противоречит не только принципам международных отношений, но прежде всего общепризнанным нормам морали и нравственности. Где же здесь справедливость и правда? Одна лишь сплошная ложь и лицемерие» [1].

Затронутые в этом фрагменте обращения нормы морали и нравственности свидетельствуют о том, что решение о проведении специальной военной операции принималось не только из политических или военных соображений. Так, например, все в том же обращении Президент России напомнил о судьбе жителей Донбасса, которые на протяжении восьми лет подвергались издевательствам и геноциду со стороны киевского режима. Их защита – одна из основных целей проведения специальной военной операции.

В своей работе «Война, или В плену насилия» А.Д. Куманьков пишет, что «теория справедливой войны говорит о возможности выстраивать политическое взаимодействие на основе базовых моральных принципов, которые запрещают применение насилия и ограничивают вмешательство одного субъекта в дела другого. В то же время теории справедливой войны предпола-

гают, что в ряде исключительных случаев законом ненасилия можно поступиться. Убийство признается неприемлемым, а война понимается как несчастье, но в некоторых ситуациях мы обязаны взяться за оружие не только из благоразумия или личного интереса, но именно по соображениям морали» [5].

Расширение НАТО к границам России, геноцид жителей Донбасса, проводимая киевским режимом политика реваншизма в отношении Крыма – все это и является «рядом исключительных случаев». По этим причинам, обращение к военной силе со стороны Российской Федерации можно считать справедливым и морально необходимым.

В рамках теории справедливой войны существуют категории «*jus ad bellum*» (право на войну) и «*jus in bello*» (право во время войны), которые определяют условия, при которых войну можно считать справедливой.

Рассмотрим категорию «*jus ad bellum*» в контексте проведения Российской Федерацией специальной военной операции на Украине.

Принципы «*jus ad bellum*» [11].

– Правого дела (справедливой причины): войну можно объявить только при наличии веской причины.

Причинами начала проведения специальной военной операции послужили расширение НАТО к границам России, геноцид жителей Донбасса, проводимая киевским режимом политика реваншизма в отношении Крыма.

– Крайнего средства: до начала войны необходимо испробовать все невоенные средства.

Вопрос о не расширении НАТО на восток обговаривался на протяжении тридцати лет. Требования и предложенные Российской Федерации компромиссы игнорировались [6]. Результаты минских договоренностей по урегулированию ситуации на востоке Украины киевским режимом не соблюдались на протяжении восьми лет. Provocations на Крымском полуострове не прекращались с момента вхождения Крыма в состав Российской Федерации (перекрытие водоканала, работа украинских провокаторов на территории полуострова, полная блокада Крыма с материковой частью украинскими властями по сухопутной границе).

– Соразмерности: военные действия являются ответом на военные действия.

На протяжении конца 2021 – начала 2022 гг. украинские войска сосредотачивались вдоль всей границы Луганской и Донецкой народных республик. Артиллерийские и минометные обстрелы со стороны украинских вооруженных формирований по мирным городам республик усилились, что в результате повлекло к гибели мирных жителей и разрушению гражданской инфраструктуры [10]. Увеличенные поставки вооружения странами запада на Украину лишь свидетельствовали о том, что киевский режим намерен решить вопрос на востоке силовым путем [7].

– Вероятности успеха: до начала войны нужно оценить возможность успешно закончить эту войну.

Предложенный Генеральным штабом план проведения специальной военной операции на Украине был тщательно продуман, он выполнялся и продолжает выполняться, что в конечном итоге приведет к выполнению всех поставленных задач. Об этом неоднократно заявлял Президент России Владимир Путин [8].

– Добрых намерений: целью участия в войне должно быть восстановление справедливости и мира.

Обозначая цели специальной военной операции в своем обращении от 24 февраля 2022 г., Президент России сказал следующее: «Ее цель – защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима.

И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации» [1].

– Легитимной власти: война может быть объявлена только лицом, наделенным соответствующими полномочиями.

В соответствии со статьей 87 Конституции Российской Федерации, Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации является Президент Российской Федерации. Именно Президент Российской Федерации в своем обращении объявил о начале специальной военной операции на Украине.

Таков обзор принципов «*jus ad bellum*» теории справедливой войны в контексте специальной военной операции на Украине. Теперь рассмотрим принципы «*jus in bello*».

Традиционно эту часть теории справедливой войны составляют два принципа. Первый – принцип соразмерности [4]. Он заключается в том, что в ходе ведения военной операции допустимо использовать только необходимый уровень насилия.

Несмотря на попытки украинских властей под режиссурой западных стран очернить действия российских военнослужащих такими постановками какую мы наблюдали в Буче, объективные факты говорят о том, что российские военные ведут себя гуманно в отношении к противнику. Этому свидетельствуют данные пленных украинских военнослужащих, а также наемников националистических батальонов. К примеру, командир украинского националистического батальона «Азов» Денис Прокопенко в ходе телефонного разговора с женой сообщил об условиях содержания в плену, назвав их удовлетворительными. Украинские пленные получают питание и питье, они не подвергаются насилию [3].

Второй принцип – различия [2]. Данный принцип заключается в том, что целью атак могут выступать исключительно комбатанты, вооруженные формирования и объекты военной инфраструктуры, кроме того, допустимо нанесение ударов по аэропортам и аэродромам, дорогам и железнодорожным объектам, заводам, работающим в интересах военных. Такие цели как школы, больницы, жилые дома гражданских, религиозные объекты не могут выступать в качестве целей.

Несмотря на то, что украинские военные размещают свою артиллерию в спальных районах, а бойцы националистических батальонов располагаются в школах, церквях, больницах и роддомах [9], российские военные продолжают придерживаться принципа различия.

Соответствие действий Российской Федерации при проведении специальной военной операции на Украине всем критериям теории справедливой войны подчеркивает, что вопросы морали и нравственности для военнополитического руководства страны стоят над политическими, экономическими и стратегическими мотивами.

Литература

1. Владимир Путин. Обращение Президента Российской Федерации. Kremlin.ru (24 февраля 2022 г.).
2. Дамм Г. ван, Фоушин Н. Соразмерность // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / Под ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апреяна. – Москва: Гардарика, 2002. – С. 174–187.
3. Командир «Азова» Прокопенко оценил условия содержания в российском плену [Электронный ресурс] // NEWS.RU. – Режим доступа: <https://news.ru/world/komandir-azova-prokopenko-ocenil-usloviya->

soderzhaniya-v-rossijskom-plenu/ (дата обращения: 25.05.2022).

4. Коппитерс Б. Легитимная власть // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. – Москва: Гардарики, 2002. – С. 65–86.
5. Куманьков А.Д. Война, или В плену насилия. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – С. 16.
6. Лавров: «Если Запад продолжит агрессивный курс, Москва предпримет необходимые ответные меры» [Электронный ресурс] // Фонтанка.ру. – Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2022/01/26/70402556/> (дата обращения: 26.01.2022).
7. Поставки американского оружия Украине [Электронный ресурс] // ИНТЕРФАКС. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/photo/5697/58828> (дата обращения: 27.01.2022).
8. Путин заявляет о плановом ходе специальной военной операции на Украине [Электронный ресурс] // ИНТЕРФАКС. – Режим доступа: <https://www.interfax-russia.ru/main/putin-zayavlyaet-o-planovom-hode-specialnoy-voennoy-operacii-na-ukraine> (дата обращения: 12.04.2022).
9. Украинские националисты разместили тяжелое вооружение между жилыми домами [Электронный ресурс] // Российская газета – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/03/02/ukrainskie-nacionalisty-razmestili-tiazheloe-vooruzhenie-mezhdu-zhilymi-domami.html/> (дата обращения: 02.03.2022).
10. Украинские силовики возобновили обстрелы [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220109/donbass-1767042323.html> (дата обращения: 09.01.2022).
11. Fotion N. Two Theories of Just War // *Philosophia*, 2006. Vol. 34. P. 53–64.

SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF JUST WAR

Nekrasov D.V.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article discusses the moral components that influenced the start of the Russian Federation's special military operation in Ukraine. A theoretical justification is given for the fact that the special military operation in Ukraine is fair and meets all the criteria of the just war theory.

Keywords: theory of just war, right to war, law during war, morality.

References

1. Vladimir Putin. Address of the President of the Russian Federation. Kremlin.ru (February 24, 2022).
2. Damm G. van, Foushin N. Proportionality // *Moral Limitations of War: Problems and Examples* / Ed. B. Coppeters, N. Foushin, R. Apresyan. – Moscow: Gardariki, 2002. – P. 174–187.
3. The commander of «Azov» Prokopenko assessed the conditions of detention in Russian captivity [Electronic resource] // NEWS.RU. – Access mode: <https://news.ru/world/komandir-azova-prokopenko-ocenil-usloviya-soderzhaniya-v-rossijskom-plenu/> (date of access: 05.25.2022).
4. Coppeters B. Legitimate power // *Moral limits of war: problems and examples*. – Moscow: Gardariki, 2002. – P. 65–86.
5. Kumankov A.D. *War, or Captured by Violence*. – St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2019. – P. 16.
6. Lavrov: «If the West continues its aggressive course, Moscow will take the necessary retaliatory measures» [Electronic resource] // Fontanka.ru. – Access mode: <https://www.fontanka.ru/2022/01/26/70402556/> (date of access: 01.26.2022).
7. Deliveries of American weapons to Ukraine [Electronic resource] // INTERFAX. – Access mode: <https://www.interfax.ru/photo/5697/58828> (date of access: 01.27.2022).
8. Putin announces the planned course of a special military operation in Ukraine [Electronic resource] // INTERFAX. – Access mode: <https://www.interfax-russia.ru/main/putin-zayavlyaet-o-planovom-hode-specialnoy-voennoy-operacii-na-ukraine> (date of access: 04.12.2022).
9. Ukrainian nationalists placed heavy weapons between residential buildings [Electronic resource] // Russian newspaper – Access mode: <https://rg.ru/2022/03/02/ukrainskie-nacionalisty-razmestili-tiazheloe-vooruzhenie-mezhdu-zhilymi-domami.html/> (date of access: 03.02.2022).
10. Ukrainian security forces resumed shelling [Electronic resource] // RIA Novosti. – Access mode: <https://ria.ru/20220109/donbass-1767042323.html> (date of access: 01.09.2022).
11. Fotion N. Two Theories of Just War // *Philosophia*, 2006. Vol. 34. P. 53–64.

Влияние США и Пакистана на развитие китайско-индийского пограничного конфликта на современном этапе

Чжу Сюй,

аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: zhuxu@mail.ru

В статье освещается проблематика современных китайско-индийских отношений. Особое внимание уделено влиянию США и Пакистана на эти отношения. Анализ ключевых факторов, влияющих на формирование конфликта между двумя странами, позволяет оценить возможности решения территориального спора и дальнейшего развития китайско-индийского сотрудничества.

Ключевые слова: Китай, китайско-индийские отношения, США, Пакистан, пограничный конфликт.

Представленная работа посвящена китайско-индийским отношениям на современном этапе. Актуальность данной проблематики связана с усилением китайско-индийского противостояния, которое вызывает нестабильность в регионе. Целью работы является выявление фактора США и Пакистана в китайско-индийском пограничном конфликте. Исследование и изучение ключевых факторов, влияющих на формирование конфликта между двумя странами, позволит дать более надежную фактологическую и теоретическую основу для прогнозирования дальнейшего развития китайско-индийского территориального спора, конкуренции и сотрудничества двух стран в регионе.

Пограничный вопрос Китая и Индии не был решен в течение многих лет. Конфликт 2020 года был одним из наиболее острых со времен китайско-индийской пограничной войны, начавшейся в 1962 г. [2]. В представленной статье акцентируется внимание на развитии пограничного конфликта между Китаем и Индией именно на современном этапе и анализируется, главным образом, военное столкновение 2020 года.

Географически спорная граница между Китаем и Индией имеет протяженность около 1700 км. Место конфликта между двумя армиями находится в западной части китайско-индийской границы. Это стратегически важное расположение. К западу от Кашмирского плато находится столица Пакистана Исламабад, с востока Аксайчин, входящий в китайский Синьцзянский регион; фактический контроль Китая над Аксайчинским регионом со средней высотой 4000 метров и выше при абсолютном преобладании высокогорного ландшафта имеет важное стратегическое значение для Китая, Индии и Пакистана. Этот регион является местностью, очень подходящей для сбора и развертывания механизированной тяжелой техники.

С апреля 2020 года отношения между Китаем и Индией постепенно обострялись в связи с нерешенностью пограничных проблем. 15 июня 2020 года китайская армия столкнулась с индийской армией в районе долины Галван, что привело к потерям с обеих сторон в ходе конфликта. Однако, после более чем восьмимесячного пограничного противостояния с 10 февраля 2021 года Китай и Индия приступили к одновременному выводу войск, и напряженность в отношениях двух стран стала ослабевать. Несмотря на то, что обе стороны пошли на уступки, это не означает, что в зоне китайско-индийской границы будет поддерживаться долгосрочный мир. Любые внутренние или внешние факторы могут привести к новым конфликтам до тех пор, пока пограничный вопрос не будет окончательно решен.

Согласно официальным сообщениям из Китая и Индии, со стороны Индии погибло 20 человек, а со стороны Китая – 4 человека. Это отражает серьезное стратегическое недоверие в отношениях между Китаем и Индией, которые переходят от взаимовыгодного сотрудничества к конкурентному противостоянию, хотя Китай всегда призывал «к тому, чтобы китайско-индийские отношения не сошли с рельсов, не ухудшались, не вышли из-под контроля» [1].

Вопрос территориальных разногласий между Индией и Китаем остается актуальной задачей для многих

исследователей в странах Азии и Европы. Существует ряд мнений о причинах продолжающегося территориального спора между двумя странами. Основными теоретическими трудами могут служить работы А.В. Педина [5], Т.Л. Шаумян [8], В.С. Кузнецова [3], Чжан Ли [20], Чжан Миньцзо [7] и других. Кандидат филологических наук Матвиенко В.В. считает, что: «Несмотря на формально позитивные перспективные отношения Индии и Китая, а также ряд подписанных документов относительно пограничных зон, все достигнутые до сих пор соглашения касаются не границы между странами как таковой, а только линии фактического контроля» [4, с. 32–35].

Существует множество факторов, влияющих на процесс китайско-индийского пограничного конфликта, как со стороны внутреннего давления в Индии и в Китае, так и извне. Изучение основных причин конфликта между Китаем и Индией, в частности анализ политики США в отношении Индии, а также отношений между Китаем и Пакистаном поможет понять будущее направление китайско-индийских отношений.

Поддержка Китаем соседей Индии, особенно Пакистана, расценивается как «косвенная угроза» для Индии [19, с. 35–39].

Китайско-пакистанские отношения в последние годы активно развиваются, и Си Цзиньпин заявил на встрече с премьер-министром Пакистана Н. Шарифом в 2013 году, что Китай и Пакистан являются «верными друзьями и всепогодными стратегическими партнерами» [6]. У Китая и Пакистана, помимо сотрудничества в области национальной стратегической безопасности, существует важный проект сотрудничества – Китайско-Пакистанский экономический коридор (КПЭК), который является крупнейшей инвестицией Китая в морской проход общей протяженностью 3000 км, к северу от «Экономического пояса Шелкового пути», к югу от «Морского Шелкового пути XXI века», и является ключевым узлом, соединяющим Шелковый путь Север-юг.

Помимо Китайско-Пакистанского экономического коридора (КПЭК), китайская инициатива «Один пояс и один путь» в Южной Азии включает в себя три проекта: Экономический коридор Китай-Мьянма-Бангладеш-Индия (BCIM), Трансгималайский коридор и сотрудничество Китая с Бангладеш, Шри-Ланкой и Мальдивами в рамках Морского Шелкового пути XXI века. Раджа Мохан, известный индийский аналитик и стратег, считает, что инициатива «Один пояс и один путь» (BRI) значительно усилит коммерческое, экономическое, политическое влияние Китая и укрепит его безопасность и позиции в соседних с Индией районах, а также вытеснит региональное доминирование Дели [11]. Китайские политики считают, что наличие плацдарма в Южной Азии или обеспечение экономической интеграции с регионом имеет решающее значение не только для укрепления стратегического присутствия Китая в евразийских глубинках, но и для предотвращения любых будущих попыток его противников ограничить Китай в Восточной Азии [13]. Расширяющееся влияние Китая в Южной Азии ставит под угрозу сохранение Индии своего господства на субконтиненте и является главной движущей силой индийской политики конфронтации с Китаем.

Влияние Соединенных Штатов на китайско-индийские дипломатические отношения постепенно углубляется. Начиная с предыдущих выборов они регулярно вмешиваются в китайско-индийский спор, усиливая военный конфликт между Китаем и Индией и нестабильность в регионе.

Кроме того, в декабре 2017 года правительство США сообщило о разработке «Стратегии Национальной Безо-

пасности США», в которой Китай определен как «стратегический конкурент». В ней указано, что: «интерес США к свободному и открытому Индо-Тихоокеанскому региону восходит к самым первым дням существования республики» [16]. Также было заявлено: «Мы будем формировать четырехсторонний диалог с Японией, Австралией и Индией» [16].

Следует отметить, что Япония предложила концепцию сотрудничества между Соединенными Штатами, Индией и Австралией во имя «объединения демократических стран» в 2006 году [10, с. 160]. В то время на нее откликнулись три другие страны, и в сентябре того же года Соединенные Штаты, Индия, Австралия, Япония и Сингапур приняли участие в Малабарских морских военных учениях, впервые добившись их расширения. Однако появление «Четырехстороннего диалога по безопасности» (Quad) вызвало беспокойство в Китае и Южной Корее. В качестве позитивного ответа на такие опасения в ноябре 2007 года министр иностранных дел Австралии Стивен Смит заявил, что Австралия больше не будет участвовать в четырехстороннем стратегическом диалоге, в котором также участвуют США, Япония и Индия [12]. С выходом Австралии и отставкой Абэ сотрудничество Quad также было приостановлено.

С развитием экономики Китая и его модернизацией в военной сфере отношения Китая с соседними странами претерпели некоторые изменения. Австралия считает, что «Quad является важным форумом для Австралии и других стран региона» [15]. Соединенные Штаты заявили, что «первая встреча на уровне министров Соединенных Штатов, Австралии, Индии и Японии в рамках четырехсторонних консультаций ознаменовала новую веху в нашем дипломатическом взаимодействии в регионе» [9, с. 6]. Индия осторожно относится к Quad, но также выражает свои ожидания в отношении более широкого многостороннего сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе.

Хотя китайско-индийские отношения из-за пограничного спора значительно ухудшились, торговые экономические связи между двумя странами остались прежними. По данным Министерства торговли Индии, в 2020 году объем двусторонней торговли Индии составил 77,7 миллиарда долларов. Этот показатель, хотя и ниже прошлогоднего (85,5 миллиарда долларов), но достаточно высокий, чтобы Китай смог обогнать США как крупнейший торговый партнер Индии, а за 11 месяцев в 2021 году коммерческий обмен между Индией и Китаем вырос до 114263 миллионов, что побило новый рекорд [17] (рис. 1). Если Китай и Индия будут враждовать, это принесет огромные потери обеим странам в экономике. Возможно, большая стратегическая игра в Азии носит не военный, а экономический характер [14].

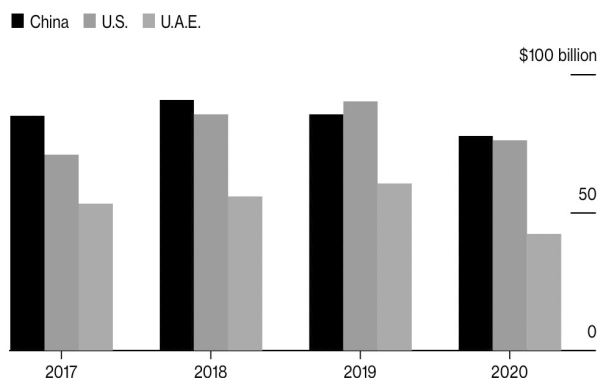


Рис. 1. Китай вытесняет США, чтобы вернуть себе место главного торгового партнера Индии в 2020 году [18]

Поэтому мы видим, что, во время военного конфликта (апрель 2020 года — 10 февраля 2021 года), обе стороны проявили сдержанность, старались стабилизировать и по возможности контролировать ситуацию.

Таким образом, пограничный вопрос между Китаем и Индией является всеобъемлющим национальным соперничеством между двумя странами, которое представляет собой затяжную войну. Китай и Индия — крупные страны с населением более миллиарда человек, численность войск в обеих странах велика, а темпы экономического развития Китая высоки. США не полностью поддерживают Индию во всех аспектах и опираются на опорных союзников для сдерживания Китая. Можно предположить, что в будущем США будут все сильнее сдерживать Китай. Будь то администрация Трампа или Байдена, сотрудничество и обмены между Соединенными Штатами и Индией имеют тенденцию к развитию для усиления давления на КНР. В то же время в целях развития отечественной экономики Индия предпринимает ряд мер по привлечению китайских инвестиций и укреплению двустороннего торгово-экономического сотрудничества. Но две страны не прекращают военно-политическое противостояние из-за территориального спора.

Литература

1. Ван И. Следите за тем, чтобы китайско-индийские отношения не пошли под откос, не столкнулись и не вышли из-под контроля / И. Ван // Газета «Синьхуа» от 07.09.2017 — URL: <https://view.inews.qq.com/a/NEW2017090706521602> (дата обращения: 05.06.2021).
2. Иванов А.В. Некоторые аспекты китайско-индийской войны 1962 г. Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества / А.В. Иванов // Материалы V международной научно-практической конференции. — Москва, 2015. — 478 с.
3. Кузнецов В.С. Китайско-индийские отношения. 1950–1963 гг. / В.С. Кузнецов // Институт Дальнего Востока РАН. — Москва, 2013.
4. Матвиенко В.В. Индия-Китай: повторение территориального спора через полвека / В.В. Матвиенко // Общество: политика, экономика, право. — 2018. № 11 (64). — С. 32–35.
5. Педин А.В. Китаиско-индийские отношения: проблемы и перспективы / А.В. Педин // Восток — Россия — Запад: исторические и культурологические исследования. К 70летию С.В. Мясникова. — Москва, 2001.
6. Си Ц. Китайско-пакистанские отношения в глазах Си Цзиньпина: верные друзья и всепогодные стратегические партнеры / Ц. Си // Газета «People's Daily Online» от 17.04.2015 — URL: https://baike.baidu.com/reference/2168886/b54avaFwv-JWavDwOEZsC_jZlwwzxV3NCoXPVP8I9bhXQAOJNxaRmRLEB-kGr0Zi9a8eG9oCXtMwP_rQclbvPe1AhHTIbNF-Bii72XZm5aVxKtO_K0GRnMAyJ (дата обращения: 05.06.2021).
7. Чжан М. Исследование китайско-индийских отношений (1947–2003). — Пекин, 2004.
8. Шаумян Т.Л. Соглашение между Индией и Китаем 1954 г: из истории подписания / Т.Л. Шаумян // Институт востоковедения РАН. — Москва, 2004. — С. 14.
9. A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision // U.S. Department of State — 04.11. 2019. — URL: <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific-advancing-a-shared-vision/>(дата обращения: 09.08.2021).
10. Abe S. Towards A Beautiful Country / S. Abe — Bungei Shunju, 2006.

11. C. Raja M. Network is the key: India must ramp up its internal connectivity to counter China's Belt and Road Initiative / M.C. Raja // The Indian Express — 09.05.2017. — URL: <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/network-is-the-key-4646728/> (дата обращения: 07.06.2021).
12. Ching F. Asian Arc of Democracy / Ching F. // The Korea Times — 24.04.2008. — URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/opinion/2008/04/171_19480.html (дата обращения: 10.06.2021).
13. Ghosal Singh A. China's Vision for the Belt and Road in South Asia / Ghosal Singh A. // The Diplomat. — 02.03.2019. — URL: <https://thediplomat.com/2019/03/chinas-vision-for-the-belt-and-road-in-south-asia/> (дата обращения: 08.06.2021).
14. Kishore M. Why Attempts to Build a New Anti-China Alliance Will Fail / M. Kishore // Foreign Policy. — 27.01.2021. — URL: <https://foreignpolicy.com/2021/01/27/anti-china-alliance-quad-australia-india-japan-u-s/> (дата обращения: 12.06.2021).
15. Morison S. The 2019 Lowy Lecture: Prime Minister Scott Morison // Lowy Institute. 03.10.2019. — URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/2019-lowy-lecture-prime-minister-scott-morrison> (дата обращения: 10.06.2021).
16. National Security Strategy of the United States of America // United States. White House Office — 12.2017. — URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 09.06.2021).
17. Prensa L. Торговля Индии и Китая в 2021 году побил рекорды / L. Prensa // Красная весна, от 24.12.2021. — URL: <https://rossaprimavera.ru/news/55f35718> (дата обращения: 26.12.21).
18. Sundaram K., Chaudhary A. China Back as Top India Trade Partner Even as Relations Sour / K. Sundaram, A. Chaudhary // Bloomberg, 23.02.2021. — URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-22/china-returns-as-top-india-trade-partner-even-as-relations-sour> (дата обращения: 11.06.21).
19. Tanham G. Indian Strategic Thought: An Interpretive Essay / G. Tanham. — RAND Press, 1992. — 112 p.
20. Zhang L. China-India Relations Strategic Engagement and Challenges / L. Zhang // French Institute of International Relations: Asia. No.34—09.2010.

INFLUENCE OF THE USA AND PAKISTAN ON THE DEVELOPMENT OF THE SINO-INDIAN BORDER CONFLICT AT THE PRESENT STAGE

Zhu Xu

Lomonosov Moscow State University

The paper deals with the problems of contemporary Sino-Indian relationship. Particular attention is paid to the influence of the United States and Pakistan on Sino-Indian relationship. An analysis of the key factors influencing the formation of a conflict between the two countries makes to assess the possibilities of solving the border dispute and further developing Sino-Indian cooperation.

Keywords: China, Sino-Indian relations, USA, Pakistan, frontier conflict.

References

1. Wang I. Make sure that Sino-Indian relations do not go downhill, do not collide and do not get out of control / I. Wang // Xinhua newspaper from 07.09.2017 — URL: <https://view.inews.qq.com/a/NEW2017090706521602> (accessed: 06.05.2021).
2. Ivanov A.V. Some aspects of the Sino-Indian War 1962. Russia and China: history and prospects of cooperation / A.V. Ivanov // Materials of the V International Scientific and Practical Conference. — Moscow, 2015. — 478 p.

3. Kuznetsov V.S. Sino-Indian relations. 1950–1963 / V.S. Kuznetsov // Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. – Moscow, 2013.
4. Matvienko V.V. India-China: the repetition of the territorial dispute in half a century / V.V. Matvienko // Society: politics, economics, law. – 2018. № 11 (64). – Pp. 32–35.
5. Pedin A.V. Sino-Indian relations: problems and prospects / A.V. Pedin // East – Russia – West: historical and cultural studies. To the 70th anniversary of S.V. Myasnikov. – Moscow, 2001.
6. Xi Ts. Sino-Pakistani relations in the eyes of Xi Jinping: loyal friends and all-weather strategic partners/ Ts. Xi // Newspaper "People's Daily Online" from 04/17/2015 – URL: https://baike.baidu.com/reference/2168886/b54avaFwv-JWavDwOEZsC_jZlwwzxB3NCoXPVP8l9bhXQAOJNxaRmRLEBkGr0Zi9a8e-G9oCXtMWp_rQcIbvPe1AhHTIbNFBii72XZm5aVxKtO_K0GRnMAyJ (accessed: 06.05.2021).
7. Zhang M. Study of Sino-Indian relations (1947–2003). – Beijing, 2004.
8. Shaumyan T.L. Agreement between India and China 1954: from the history of signing / T.L. Shaumyan // Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. – Moscow, 2004. – p.14.
9. A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision // U.S. Department of State – 04.11.2019. – URL: <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific-advancing-a-shared-vision> (accessed: 09.08.2021).
10. Abe S. Towards A Beautiful Country / S. Abe – Bungei Shunju, 2006.
11. C. Raja M. Network is the key: India must ramp up its internal connectivity to counter China's Belt and Road Initiative / M.C. Raja // The Indian Express – 09.05.2017. – URL: <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/network-is-the-key-4646728/> (accessed 07.06.2021).
12. Ching F. Asian Arc of Democracy / Ching F. // The Korea Times – 04/24/2008. – URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/opinion/2008/04/171_19480.html (accessed: 10.06.2021).
13. Ghosal Singh A. China's Vision for the Belt and Road in South Asia / Ghosal Singh A. // The Diplomat. – 02.03.2019. – URL: <https://thediplomat.com/2019/03/chinas-vision-for-the-belt-and-road-in-south-asia/> (accessed: 08.06.2021).
14. Kishore M. Why Attempts to Build a New Anti-China Alliance Will Fail / M. Kishore // Foreign Policy. – 27.01.2021. – URL: <https://foreignpolicy.com/2021/01/27/anti-china-alliance-quad-australia-india-japan-u-s/> (accessed 12.06.2021).
15. Morison S. The 2019 Lowy Lecture: Prime Minister Scott Morrison // Lowy Institute. 03.10.2019. – URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/2019-loyy-lecture-prime-minister-scott-morrison> (accessed: 10.06.2021).
16. National Security Strategy of the United States of America // United States. White House Office – 12.2017. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 06.09.2021).
17. Prensa L. Trade between India and China in 2021 broke records / L. Prensa // Red Spring, from 12/24/2021. – URL: <https://rossaprimavera.ru/news/55f35718> (accessed: 26.12.21).
18. Sundaram K., Chaudhary A. China Back as Top India Trade Partner Even as Relations Sour / K. Sundaram, A. Chaudhary // Bloomberg, 23.02.2021. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-22/china-returns-as-top-india-trade-partner-even-as-relations-sour> (дата обращения: 11.06.21).
19. Tanham G. Indian Strategic Thought: An Interpretive Essay / G. Tanham. – RAND Press, 1992. – 112 p.
20. Zhang L. China-India Relations Strategic Engagement and Challenges / L. Zhang // French Institute of International Relations: Asia. No.34–09.2010.

Основные направления реализации политики «мягкой силы» США в Центральной Азии

Саттарова Мехрангез Самаджановна,

аспирант Дипломатической академии МИД России
E-mail: mehrangez-sattorova@mail.ru

В данной статье представлен обзор проявлений «мягкой силы» США в Центральной Азии посредством анализа действий различных субъектов. К основным направлениям политики «мягкой силы» США в Центральной Азии относятся следующие: образовательные проекты, экономические механизмы влияния, сотрудничество в сфере энергетики, общественная дипломатия, распространение либеральных ценностей, медицина и здравоохранение.

Ключевые слова: «мягкая сила», США, страны Центральной Азии, общественная дипломатия, либеральные ценности.

«Мягкая сила» означает способность влиять и убеждать государство, его политических, экономических и культурных субъектов на международной арене, исключая военные средства. В США было учреждено агентство по международному развитию для продвижения интересов страны «мягкими» методами. Будучи образованным в 1961 г., этот институт объединил в себе существовавшие на тот момент различные внешнеполитические программы [13]. В настоящее время Агентство США по международному развитию курирует исключительно невоенную помощь другим странам, в частности на постсоветском пространстве [2:137].

В Центральной Азии американская «мягкая сила» применяется с момента обретения ей независимости. Действия Америки постепенно усложнялись, объединяя новые приоритеты в области гуманизма, экономики, здравоохранения, развития гражданского общества, демократии и прав человека. В соответствии с общей целью интеграции центральноазиатских государств в международное сообщество, проводимая США политика направлена на предотвращение их «вырождения в ксенофобские, экстремистские и антизападные режимы, которые способствовали бы усилению региональной нестабильности» [10:61–72].

Данный регион, безусловно, значимый, но далеко не единственный элемент глобальной стратегии США. В то же время для евразийской геополитики Америки критически важно установить контроль над территорией. По этой причине роль и значение Центральной Азии для Вашингтона возрастают [7:47].

К основным направлениям политики «мягкой силы» США в Центральной Азии относятся следующие: образовательные проекты, экономические механизмы влияния, сотрудничество в сфере энергетики, общественная дипломатия, распространение либеральных ценностей, медицина и здравоохранение.

В распространении «мягкой силы» в регионе участвуют посольства США и дипломатические сети, Агентство по международному развитию – USAID, Национальное агентство развития, различные неправительственные организации, бизнес и др. [11]. Они демонстрируют американский образ жизни, связанный с продвижением либеральных и демократических ценностей.

Оценка «мягкой силы» Соединенных Штатов в Центральной Азии зависит от актуальности многих программ развития, проводимых негосударственными субъектами, их отношений с местными властями, от совместного сотрудничества или отказа от него, что также указывает на значение и эффективность «мягкой силы» в регионе [9:6].

Нередко различные параметры «мягкой силы» США связаны с глубокими различиями между странами ЦА. В одних странах существуют традиции недоверия к иностранному, особенно к западному (Туркменистан), другие – наоборот открыты для международного сообщества (Киргизия). Следовательно, для разработки стра-

тегии Вашингтон должен учитывать региональные и национальные особенности, степень открытости каждой страны [6].

Необходимо отметить, что аспекты, относящиеся к «мягкой силе» США, в частности, продвижение демократии, на самом деле являются частью сложных взаимоотношений с другими странами, в первую очередь с Китаем и Россией.

Новая схема развития отношений между США и Центральной Азией «С5+1» была заложена еще Д. Трампом. Согласно данному формату, «каждая страна должна проводить реформы, которые откроют регион для международных инвестиций и укрепят демократические институты». Однако, наблюдается противостояние Китая.

Соединенные Штаты совместно с Казахстаном и Узбекистаном создали Центральноазиатское инвестиционное партнерство (CAIP), взяв на себя обязательство инвестировать не менее 1 миллиарда долларов в течение 5 лет для поддержки региональных частных проектов, способствующих расширению экономических связей, торговли и устранению последствий ущерба, нанесенного Covid-19 экономкам стран Центральной Азии [3].

Политика США в отношении Узбекистана оказалась в центре внимания в связи с развитием интересов глобальной державы и их «неоднозначной приоритетностью». Из-за военной мощи страны данное направление какое-то время было одним из главных столпов действий США в Центральной Азии. Впоследствии в стране подтвердилось мнение о западных агентствах, участвовавших в организации «цветных революций» на постсоветском пространстве, как о потенциальных угрозах, что привело к усилению авторитарного режима с резким ограничением деятельности американских неправительственных организаций.

Ситуация стала меняться с приходом к власти Ш. Мирзиёева. Президент Узбекистана посетил Соединенные Штаты в мае 2018 года. А во время своего визита в Ташкент в феврале 2020 года М. Помпео подчеркнул прогресс, достигнутый правительством Ш. Мирзиёева, способствуя укреплению связей в качестве критерия сотрудничества в Афганистане.

В силу своего экономического успеха Соединенные Штаты часто называют Казахстан потенциальным «маяком» для развития региона. Регулярные визиты официальных лиц США в эту страну подтверждают их статус первых иностранных инвесторов. Реформы, принятые Казахстаном, больше соответствуют улучшению его международного имиджа, чем являются ответом на действия Америки.

«Мягкая сила» США в Таджикистане, на наш взгляд, связана в первую очередь с деятельностью неправительственных организаций, средств массовой информации, финансируемых из-за рубежа, и интернетом. Они могут оказывать существенное влияние на социально-политическую ситуацию внутри стран [1:69–70].

Что касается Туркменистана, то его отказ от демократизации, узаконенный доктриной постоянного нейтралитета страны, является очевидным препятствием для любого влияния со стороны Соединенных Штатов. Формат отношений начал меняться с приходом к власти нового президента Г. Бердымухамедова [9:15]. Это привело к определенным успехам, например, к открытию Комиссии за демократию и права человека к регистрации независимой НПО и ослаблению культа личности [8:154]. Но на практике эти маленькие шаги оказались лишь поверхностными изменениями.

Правительство Соединенных Штатов через Агентство по международному развитию (USAID) объявило о запуске нового регионального проекта «Энергети-

ка в Центральной Азии» сроком на 5 лет стоимостью 38,9 млн долларов. Целью программы является содействие пяти странам ЦА в достижении своих национальных энергетических приоритетов, получения экономических выгод от трансграничной торговли энергией. USAID также работало над укреплением нормативно-правовой базы для развития возобновляемых источников энергии, повышением энергоэффективности [4].

Американские инвестиции были особенно важны в разработке нефти, например, в нефтяном месторождении Тенгиз, наполовину принадлежащем компании Chevron. Соединенные Штаты поддерживают проекты Транскаспийского или Туркменско-Пакистанского газопровода с целью развития взаимосвязанности и сотрудничества в регионе. Связанные с процессом дипломатических переговоров, эти проекты важны для отношений Соединенных Штатов с пятью государствами и их способности оказывать влияние.

Посредством обмена информацией, а также поддержки местного наследия США внедряют стратегию общественной дипломатии, предназначенную для охвата широкой общественности. Эта сеть, в первую очередь предназначенная для молодежи, помогает популяризировать американские ценности. На правительственном уровне эта мера осуществляется Бюро по делам культуры и образования, которое является филиалом Государственного департамента.

Образование, и особенно программы обмена, являются основным направлением политики США, направленной на «завоевание сердец и умов» в ЦА. Америка продолжает содействовать долгосрочному сотрудничеству и институциональным связям между учеными из Центральной Азии и США.

Соединенные Штаты работают над созданием образовательной сети в американском стиле в Центральной Азии. Помимо международных школ, предназначенных для небольшой элиты, правительство США напрямую финансирует деятельность Американского университета в Центральной Азии, расположенного в Бишкеке [9:21]. Описанный в стратегии 2020 года как «растущий центр, где лучшие молодые умы региона могут получить американские степени, востребованные бизнес-навыки и укрепить прочную региональную принадлежность», университет предлагает степени в различных областях с использованием подхода гуманитарных наук [12].

Что касается сферы здравоохранения, то медицинские центры США по контролю и профилактике заболеваний в центральноазиатских странах сотрудничают с министерствами здравоохранения региона, чтобы помочь им защитить своих граждан от Covid-19 [5].

Таким образом, место американской «мягкой силы» в Центральной Азии остается очень неоднозначным, как из-за меняющейся иерархии американских интересов в этом регионе, так и из-за незаинтересованности центральноазиатских лидеров полностью придерживаться модели, которую они хотели бы продвигать. «Мягкая сила» США, вероятно, имеет довольно слабое влияние на этих лидеров, которые, чтобы поддерживать стабильность своих режимов, могут также полагаться на ресурсы, предлагаемые другими державами, присутствующими в регионе.

Литература

1. Александров Д., Ипполитов И., Попов Д., «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии: Таджикистан// Россия и мусульманский мир. 2014. № 4 (262). С. 69–70.

2. Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США// Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 137.
3. Пустовойтова Е. Что нового предложат США Центральной Азии?// Фонд стратегической культуры, 05.03.2021. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/03/05/chto-novogo-predlozhat-ssha-centralnoj-azii-53078.html> (дата обращения: 25.11.2021).
4. США запускают проект USAID «Энергетика в Центральной Азии»// by E²energy 03.10.2020. URL: <https://eenergy.media/2020/10/03/ssha-zapuskayut-proekt-usaid-energetika-v-tsentralnoj-azii/> (дата обращения: 27.11.2021).
5. США сочли дополнительную помощь для борьбы с COVID-19 в Центральной Азии «инвестициями во весь мир»//Каравансарай, 08.05.2020. URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2020/05/08/feature-02 (дата обращения: 25.11.2021).
6. Cooley A. Great Games, Local Rules: the New Great Power Contest in Central Asia, Oxford University Press, 2012.
7. Laumulin M. U.S. Strategy and Policy in Central Asia// Central Asia and the Caucasus № . 4(46), 2007. P. 47.
8. Levine I. US Policies in Central Asia. Routledge, 2016. P. 154.
9. Le soft power des États-Unis en Asie centrale// IFEAC, Working paper № 31. 2020. P. 6.
10. Lord C. Diplomatie publique et soft power// Politique américaine. Vol.3, № 3, 2005, pp. 61–72.
11. Petric B. Le Kirghizstan: soft power et inflation électorale// Hérodote. Vol. 129, № 2, 2008, pp. 145–165.
12. Report Bureau of South and Central Asian Affairs, United States Strategy for Central Asia 2019–2025, 05.02.2020. – URL: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> (дата обращения: 25.11.2021).
13. U.S. Agency for International Development (USAID). Режим доступа: <http://www.usaid.gov/whowe-are> (дата обращения: 27.11.2021); The Foreign Assistance Act of 1961. URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/pcaab142.pdf (дата обращения: 27.11.2021).

THE MAIN DIRECTIONS OF THE IMPLEMENTATION OF THE US «SOFT POWER» POLICY IN CENTRAL ASIA

Sattarova M.S.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

This article provides an overview of the manifestations of US «soft power» in Central Asia through an analysis of the actions of various actors. The main directions of the US «soft power» policy in Central Asia include the following: educational projects, economic mechanisms of influence, cooperation in the energy sector, public diplomacy, the dissemination of liberal values, medicine and health care.

Keywords: «soft power», USA, Central Asian countries, public diplomacy, liberal values.

References

1. Alexandrov D., Ippolitov I., Popov D., «Soft power» as an instrument of American policy in Central Asia: Tajikistan// Russia and the Muslim world. 2014. No. 4 (262). pp. 69–70.
2. Bratersky M.V., Skriba A.S. The concept of «soft power» in the US foreign policy strategy// Bulletin of International Organizations. 2014. Vol. 9. No. 2. p.137.
3. Pustovoitova E. What new will the USA offer to Central Asia?// Strategic Culture Foundation, 05.03.2021. – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/03/05/chto-novogo-predlozhat-ssha-centralnoj-azii-53078.html> (accessed: 11.25.2021).
4. USA launches USAID project «Energy in Central Asia»// from E²energy 03.10.2020. URL: <https://eenergy.media/2020/10/03/ssha-zapuskayut-proekt-usaid-energetika-v-tsentralnoj-azii/> (accessed: 11.27.2021).
5. The United States considered additional assistance to combat COVID-19 in Central Asia as «investments in the whole world»// Caravanserai, 08.05.2020. URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2020/05/08/feature-02 (accessed: 11.25.2021).
6. Cooley A. Great games, local rules: The New Competition of the Great Powers in Central Asia, Oxford University Press, 2012.
7. Laumulin M. U.S. Strategy and Policy in Central Asia // Central Asia and the Caucasus No. 4(46), 2007. p. 47.
8. Levin I. U.S. Policy in Central Asia. – Rutledge, 2016. – p. 154.
9. «Soft power of States» – The Central Union of Asia // IFEAC, Working Paper No. 31. 2020. p. 6.
10. Lord K. Public Diplomacy and soft power // Politics of America. Volume 3, No. 3, 2005, pp. 61–72.
11. Petrik B. Kyrgyzstan: soft power and inflation // Herodotus. Volume 129, No. 2, 2008, pp. 145–165.
12. Report of the Bureau of South and Central Asian Affairs, United States Strategy for Central Asia for 2019–2025, 05.02.2020. – URL: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> (accessed: 11.25.2021).
13. The United States Agency for International Development (USAID). Access mode: <http://www.usaid.gov/whowe-are> (accessed: 11.27.2021); on Foreign Aid 1961 Law. – URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/pcaab142.pdf (accessed: 11.27.2021).

Международное регулирование криптовалют в сфере противодействия финансированию терроризма

Павшукова Анастасия Юрьевна,

аспирант, Международные отношения и мировая политика,
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: a.pavshukova@mail.ru

В данной статье рассматривается роль криптовалюты в финансировании террористической деятельности, а также эволюция подходов к рассмотрению данной проблемы. Виртуальные активы являются новым вызовом современности, именно поэтому необходимо выстраивание новой системы регулирования глобальной финансовой сферы. Риски, связанные с использованием криптовалюты в финансировании терроризма, играют значимую роль в выработке эффективных мер по противодействию террористической деятельности. Из этого следует, что незамедлительная реакция на изменение глобальной финансовой системы является одним из важнейших компонентов в борьбе с терроризмом. Использование криптовалюты террористическими организациями оказывает сильное давление на международное сообщество в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения.

Ключевые слова: криптовалюта, терроризм, финансирование терроризма, виртуальные активы, ФАТФ.

После 11 сентября 2001 года глобальные террористические акты достигли своего пикового значения в 2014 году, когда было совершено 16 908 терактов, и с тех пор они постепенно снижаются. Согласно глобальной базе данных по терроризму [1], в 2019 году во всем мире было совершено около 8 500 терактов, в результате которых погибло более 20 300 человек. Ближний Восток, Северная Африка, страны Африки к югу от Сахары и Южная Азия по-прежнему являются регионами с высоким уровнем террористических атак. В 2019 году только на Афганистан, Йемен, Ирак, Индию и Нигерию пришлось более 50% терактов в мире. Терроризм порождает социальную панику, воздействует на общественный порядок и разрушает экономическое развитие с помощью крайних средств, таких как насилие, запугивание и похищение людей, для достижения политических или идеологических целей.

Многие страны значительно усилили внимание к финансированию терроризма в основном после инцидента 11 сентября. На международном уровне Организация Объединенных Наций, Всемирный банк, МВФ и Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) в последние годы сосредоточили внимание на проблеме финансирования терроризма и даже на роли криптовалюты в финансировании терроризма. Однако развивающиеся страны уделяют меньше внимания использованию криптовалюты, чем развитые страны, особенно в отношении террористических организаций. В настоящее время исследования криптовалюты в финансировании терроризма все еще находятся на начальных этапах.

Различные международные организации и страны сосредотачиваются на определении финансирования терроризма в соответствии со своими собственными административными нормами и финансовой практикой. Согласно Организации Объединенных Наций, средства для финансирования терроризма относятся ко всем видам активов, юридических документов или сертификатов, будь то материальные или нематериальные активы, движимые или недвижимые активы, полученные любым путем, подтверждающие права собственности или интересы таких активов в любой форме, включая электронные или цифровые формы, а также банковские кредиты, дорожные чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облигации, переводные векселя и аккредитивы [2]. Согласно МВФ, под финансированием терроризма понимается сбор и предоставление средств для поддержки террористической деятельности или террористических организаций. Источники финансирования терроризма включают легальные и нелегальные доходы. С 2001 года борьба с финансированием терроризма находится в центре внимания ФАТФ, которая играет центральную роль в установлении глобальных стандартов борьбы с финансированием терроризма, оказании помощи юрисдикциям в исполнении финансовых положений резолюций Совета Безопасности ООН о терроризме и оценке способности стран предотвращения терроризма и борьбы с финансированием терроризма.

В последние годы появились свидетельства о том, что террористические организации начали использовать

криптовалюту для финансирования своей деятельности путем сбора средств и денежных переводов, что влечет за собой новые вызовы перед международными организациями, осуществляющими выборку политики по противодействию терроризму. Поскольку использование криптовалюты для финансирования террористических организаций все еще зарождается, соответствующие контрмеры находятся на стадии изучения, а теоретические исследования относительно редки. Поэтому важно определить вектор развития криптовалюты в процессе финансирования терроризма на основе ее характеристик, статуса разработки и государственного контроля и надзора, чтобы выработка контрмер по борьбе с финансированием терроризма была наиболее эффективна.

Криптовалюта – это вид виртуальной валюты. ФАТФ делит виртуальную валюту на централизованную виртуальную валюту и децентрализованную виртуальную валюту, которая представляет собой распределенную виртуальную валюту с открытым исходным кодом, математическую двухточечную виртуальную валюту [3]. В последние годы ФАТФ уделяла пристальное внимание развитию виртуальных активов.

В июне 2014 года ФАТФ опубликовала «Виртуальные валюты: ключевые определения и потенциальные риски ПОД/ФТ» в ответ на появление виртуальной валюты и связанного с ней платежного механизма, в котором определяются соответствующие термины, такие как виртуальная валюта, и исследуются ее потенциальные финансовые риски (ФАТФ) [4]. В октябре 2018 года ФАТФ предложила использовать концепцию «виртуального актива», которая относится к любому представлению цифровой стоимости, которое может быть продано, передано или использовано для оплаты [5].

Согласно последним пересмотренным международным стандартам по борьбе с отмыванием денег, финансированием и распространением терроризма в октябре 2020 года, соответствующие рекомендации по виртуальным активам в статье 15 руководящих принципов четко указывают, что страны должны выявлять, оценивать и понимать риски отмывания денег и финансирования терроризма, возникающее в результате деятельности или операций виртуальных активов и поставщиков услуг виртуальных активов. Кроме того, предлагается, чтобы все страны приняли эффективные меры для обеспечения соблюдения требований ПОД/ФТ для снижения риска отмывания денег и финансирования терроризма. В сентябре 2020 года ФАТФ завершила отчет об индикаторах риска виртуальных активов, чтобы помочь финансовым учреждениям, нефинансовым предприятиям и поставщикам услуг виртуальных активов выявить потенциальные риски финансирования терроризма и отмывания денег, связанные с виртуальными активами. ФАТФ также предоставляет полезную информацию для финансовой разведки, правоохранительных органов, прокуратуры и регулирующих органов для анализа отчетов о подозрительных транзакциях или контроля за соблюдением мер контроля ПОД/ФТ. Предложенные в отчете индикаторы риска включают техническую функцию повышения анонимности; аномальный режим транзакции; масштаб сделки без разумного объяснения; и источники средств, связанных с преступностью [6]. Отчет поможет финансовому сектору провести комплексную проверку клиентов, чтобы избежать незаконного использования виртуальных активов террористическими организациями.

Международные организации, особенно ФАТФ, предоставляют странам рекомендации по борьбе с финансированием терроризма, предлагая и рассматривая криптовалюты, которые эффективно снижают аноним-

ность криптовалюты и препятствуют незаконной финансовой деятельности террористических организаций.

Использование криптовалюты террористическими организациями оказывает большее давление на международное сообщество в борьбе с финансированием терроризма.

Стимул террористических организаций к использованию криптовалюты во многом связан с ее анонимностью и отсутствием строгого национального финансового надзора. Причинами сокращения использования криптовалюты террористическими организациями являются цена криптовалюты и режим внутренней разработки, усиление международных организаций и национального надзора, а также постоянные атаки. Кроме того, традиционные средства финансирования терроризма значительно не пострадали и по-прежнему эффективно работают для сбора средств в интересах террористических организаций. Поэтому использование криптовалют террористическими организациями на сегодняшний день довольно ограничено.

Литература

1. Рейтинг стран мира по индексу терроризма / Гуманитарный портал: Исследования / Центр гуманитарных технологий, 2006–2022 (последняя редакция: 18.07.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index> (Дата обращения: 20.08.2022)
2. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, ООН (1999) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://treaties.un.org/doc/db/terrorism/russian-18-11.pdf> (Дата обращения: 20.08.2022)
3. FATF (2020), Money Laundering and Terrorist Financing Red Flag Indicators Associated with Virtual Assets, FATF, Paris, France. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/Virtual-Assets-Red-Flag-Indicators.html> (Дата обращения: 19.08.2022)
4. Доклад ФАТФ «Виртуальные валюты – ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ» (июнь, 2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valyuty_FATF_2014.pdf (Дата обращения: 19.08.2022)
5. FATF (2021) Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers, FATF, Paris. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/Updated-Guidance-VA-VASP.pdf> (Дата обращения: 20.08.2022)
6. Financial Action Task Force. Virtual Assets Red Flag Indicators of Money Laundering and Terrorist Financing. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/Virtual-Assets-Red-Flag-Indicators.pdf> (Дата обращения: 20.08.2022)

INTERNATIONAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCIES IN THE FIELD OF COMBATING THE FINANCING OF TERRORISM

Pavshukova A. Yu.
Saint Petersburg State University

This article discusses the role of cryptocurrency in the financing of terrorist activities, as well as the evolution of approaches to the consideration of this problem. Nowadays virtual assets are a new global challenge thus it is necessary to develop a new regulatory system of the global financial sector. The risks associated with the use of

cryptocurrency in the financing of terrorism play a significant role in the development of effective measures to counter terrorism. Therefore, the immediate response to the changes in the global financial system is one of the most essential components in the fight against terrorism. The use of cryptocurrency by terrorist organizations puts strong pressure on the international community in the field of combating the legalization (laundering) of proceeds from crime, the financing of terrorism and the financing of the proliferation of weapons of mass destruction.

Keywords: cryptocurrency, terrorism, terrorist financing, virtual asset, FATF.

References

1. Rating of the countries of the world according to the index of terrorism / Humanitarian portal: Research / Center for Humanitarian Technologies, 2006–2022 (last revised: 07/18/2022). [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index> (Accessed: 20/08/2022)
2. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism, UN (1999) [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://treaties.un.org/doc/db/terrorism/russian-18-11.pdf> (Accessed: 20/28/2022)
3. FATF (2020), Money Laundering and Terrorist Financing Red Flag Indicators Associated with Virtual Assets, FATF, Paris, France. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <http://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/Virtual-Assets-Red-Flag-Indicators.html> (Accessed: 19/08/2022)
4. FATF Report “Virtual Currencies – Key Definitions and Potential AML/CFT Risks” (June 2014) [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valyuty_FATF_2014.pdf (Accessed: 19/08/2022)
5. FATF (2021) Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers, FATF, Paris. [Electronic resource]. – Mode of access: URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/Updated-Guidance-VA-VASP.pdf> (Accessed: 20/08/2022)
6. Financial Action Task Force. Virtual Assets Red Flag Indicators of Money Laundering and Terrorist Financing. [Electronic resource]. – Access Mode: URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/Virtual-Assets-Red-Flag-Indicators.pdf>. (Accessed: 20/28/2022)

Международное сотрудничество Китая и России в условиях трансформации глобальных политических процессов 2019–2022 гг.

Ло Сии,

аспирант, кафедра: международные отношения, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: akuheda123@gmail.com

В данной статье рассматриваются международные отношения Китая и Россия в период COVID-19 и введенных санкций против России в 2022 году. В условиях пандемии мировая экономика столкнулась с множеством трудностей связанных с организацией транспортировки продукции, эксплуатации предприятий, туристического бизнеса и др. В современной ситуации антироссийских санкций удар пришелся, прежде всего, на торговый оборот сырьевыми товарами, в особенности на российский экспорт нефти и газа в Европу, что послужило значительным повышением цен на энергетические ресурсы и глобальному росту инфляции. К тому же, санкции вынудили многие компании уйти с российского рынка, что привело к прекращению многих ключевых поставок. Таким образом, поддержание дружественных отношений и развитие стратегического партнерства между Китаем и Россией в современных условиях является важной и главной задачей. В статье анализируется китайско-российский торговый оборот в период пандемии и введенных санкций, а также международное сотрудничество в научно-технологической сфере, энергетике, туристической отрасли. Автор рассматривает взаимоотношения двух стран в условиях COVID-19 и основные тенденции развития, поддержания дружественного стратегического партнерства в анти-российской санкционной ситуации.

Ключевые слова: COVID-19, санкции, Россия, Китай, сотрудничество, пандемия.

История развития китайско-российских отношений берет свое начало еще в XIII–XIV в. в период правления монгольской династии на русской территории. Подписание первого договора происходит в 1618 г. позволив дать основу развитию дружественных отношений, которые в настоящее время являются лучшими за всю историческую эпоху между двумя мировыми державами и наиболее длительными в сравнении с другими странами.

В 2019 году Россия и Китай отпраздновали 70 – летие дипломатическим отношениям, успешно развивая отношения в совместных проектах энергетической, атомной и космической промышленности, в формировании строительства трансграничной транспортной инфраструктуры, Арктических газовых исследованиях и информационных технологиях. В нынешней ситуации на фоне проблематических китайско-американских взаимодействий, в значительной степени торгового противостояния, а также кризис в российско-американских и российско-европейских отношениях, позволили Китаю и России кардинально пересмотреть взгляды относительно внешней стратегии и начать долгосрочное партнерское сотрудничество на общих политических и экономических интересах. По этой причине, а также параллельно с уверенным направлением России в сторону исследований инноваций, отношения России и Китая в области информационных технологий перешло на высокую ступень партнерства. Взаимодействие России с Поднебесной активно прогрессируется в военно-техническом отношении, как результат прошедшие масштабные военные учения на Дальнем Востоке и первое совместное воздушное патрулирование в Северо-восточной Азии, что говорит о высоких доверительных государственных отношениях. Происходит совпадение и поддержка взглядов с двух сторон в международных вопросах касательно безопасности свободной торговли, вопросов иранского «ядерного соглашения», положения в Сирии и корейского примирения. Особенно выделяется заинтересованность в региональном и трансграничном сотрудничестве. Обе стороны поддерживают тесные связи со многими международными организациями, такими как страны БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества и «Группа двадцати» и др. Также страны в полной мере использовали возможности международных площадок в 2018 году, например прошедшие: Шанхайская выставка импорта и Владивостокский Восточный экономический форум (ВЭФ). В условиях текущего момента, когда позиция России во внешней политике устремилась на Восток, Китай является важным всесторонним стратегическим союзником.

Внезапно появившаяся новая инфекция Covid-19 в конце 2019 года в городе Ухань, расположенном в юго-восточной части Китая потрясла весь мир. В результате во избежание распространения вируса странам пришлось принять неизбежные меры, а именно закрытие государственных границ, это необходимо, чтобы свести к минимуму передвижение населения и временное прекращение работ непромышленных и особенно важных производственных предприятий, что повлияло не только на местную экономическую систему, но и мировое – экономическое сотрудничество в целом.

На основании подготовленного отчета Федерального таможенного управления Российской Федерации в 2018 году доля внешнеторгового оборота между Россией и Китаем составила 15,7%, на конец 2019 года процент увеличился на 0,9%. [10] В 2020 году в связи с увеличением заболеваемости вирусом и применением ограничительных мер во всех областях международного сотрудничества появились значительные трудности.

По причине закрытия границ, возникли нарушения в логистическом секторе, отсутствие обмена опытом квалифицированными кадрами и был остановлен поток иностранных туристов в двух странах. Однако среди всех появившихся проблем обе страны предпринимали все возможные действия для поддержания высокого уровня во всех секторах взаимодействия, а в особенности торгово-экономическом сотрудничестве.

По данным таможенной статистики России доля товарооборота с Китаем составила 18,3%, увеличившись на 1,7% от 2019 года. [10] Экспорт из Китая в Россию в 2020 году составил 54,9 млрд долларов поднявшись на 1,4% по сравнению с 2019 годом, где сумма была 54,1 млрд. долларов. [10] Наибольший прирост поставок пришелся на изделия фармацевтического назначения, медицинского и механического оборудования и текстиль. Между тем экспорт из России в Китай уменьшился на 13,6% и составил 49 млрд. долларов, против 56,7 млрд. долларов в 2019 году. [10] Такая ситуация вызвана резким снижением цен на сырье, в настоящем экспорт увеличился. Наибольший прирост поставок пришелся на руду, медь, черные металлы, продукты животного и растительного происхождения. В 2020 году Китай занял первое место среди импортеров сельскохозяйственной продукции.

В 2021 году пандемия продолжилась, но ситуация стала управляемой. После того как страны стали активно разрабатывать вакцину и было доказано эффективность препарата, положение стало стабилизироваться, ограничительные меры постепенно ослабевали, границы медленно начали работать в привычном режиме. По статистике главного таможенного управления Китая товарооборот России и КНР в 2021 году увеличился на 35,8%, что составило 146,8 млрд долларов, достигнув максимально рекордной суммы, относительно 2020 года, где было 103,9 млрд. долларов. [5] Процент экспорта из Китая в Россию увеличился на 32,3%, сумма составила 72,6 млрд. долларов, относительно 2020 года, где было 54,9 млрд. долларов. [5] Основной прирост поставляемых товаров пришлось на ядерные реакторы и их устройства и электронику. Экспорт из России в Китай поднялся на 38,6%, что составило 68 млрд. долларов к 2020 году. [5] Наибольший прирост экспорта пришлось на минеральное топливо и продукты нефти, остальные позиции остались неизменны.

В китайской энергетической структуре Россия играет важную роль. Среди всех поставщиков энергоносителей Россия является крупнейшим для Китая. Относительно 2019 года, в 2020 году в условиях пандемии поставки энергоресурсов в Китай сократились на 28%, это связано с мировой экономической нестабильностью и общим потребительским спросом. Впоследствии за счет снижения цен на нефтепродукты Китай возобновил поставки в обычном режиме, а в дальнейшем увеличил закупочное количество. В конце 2021 года доля товарооборота энергоносителями России в Китай составила 67% от общего экспорта 46,2 млрд долларов, увеличившись на 11% относительно 2020 года, где отметка находилась 29,5 млрд. долларов. [5] Энергоресурсы транспортируются преимущественно по магистральному газопроводу «Сила Сибири» запущенному в конце 2019 года. Это

показывает что в перспективе, при условии появившихся трудностей, поспособствует стабильной работе в непредвиденных ситуациях.

Россия и Китай активно взаимодействуют в области ядерной энергетики, совместно сотрудничая в строительстве атомных электростанций в Китае. Глобальный общий проект – Тайваньская атомная электростанция, строительство которой началось еще в 1999 году. Атомная отрасль в Китае неразвита в достаточной степени, страна закупает ядерное оборудование и использует квалифицированный иностранный опыт. В 2007 году запустили первые два российских ядерных энергоблока, а в 2019 году был подписан контракт на строительство последующих блоков, что определяет долгосрочную перспективу в совместном развитии атомной энергетике двух стран и стабильном сотрудничестве.

Пандемия без сомнения оказала негативное воздействие на торгово-экономические отношения России и Китая, тем не менее, партнерство двух стран сохранило достаточно стабильный показатель, продемонстрировав рекордные достижения товарооборота докризисного уровня.

В 2020 году на торжественной церемонии были открыты «Годы научно-технического и инновационного сотрудничества» прошедшие в условиях пандемии в онлайн формате. Совместными усилиями представителями двух стран, а также с непосредственным участием лидеров государств, был создан самый масштабный перечень мероприятий в контексте определенного тематического года в основе научно-технического и инновационного сотрудничества на национальном уровне. Число запланированных мероприятий превысило отметку в 1000, что говорит о больших возможностях развития международного партнерства в инновационной и научно-технической области.

В 2021 году исполнилось 20 лет договору между Россией и Китаем о дружеском соседстве и сотрудничестве. На проведенной июньской видеоконференции лидеры государств Си Цзиньпин и Владимир Путин сообщили о продолжении действия договора. [1] Россия и Китай сохраняют совместную поддержку и координацию на международной арене и полностью защищают подлинное международное правосудие. В условиях, когда мир находится в периоде перемен и внезапных независимых потрясений, китайско-российское сотрудничество показывает пример дружественных отношений на фоне нестабильности и появившихся рисков, что формирует новый тип международных отношений.

В конце года было проведено первое общее китайско-российское морское патрулирование в западной части Тихого океана. Обе стороны сформировали совместную флотилию из морских кораблей и палубных вертолетов, отработали серию патрулированных задач, а также использовали оружие в учебно-боевой ситуации. Это событие стало частью ежегодного плана сотрудничества, что свидетельствует о высокой степени взаимного доверия между вооруженными силами Китая и России. Также стоит отметить, что осуществляемые шаги обеих стран повышают эффективность партнерства при единой защите безопасности и целостности границ. Как следствие научно-технического сотрудничества за 2020 и 2021 год, страны провели множество совместных мероприятий в атомной энергетике, цифровой экономике, добились положительных результатов по профилактике в эпидемиологических условиях, и др. Многие научно-исследовательские институты России и Китая взаимодействуют в рамках двустороннего научно-инновационного сотрудничества. В аэрокосмической сфере страны подписали договор о создании меж-

дународной научной лунной станции, что дает новую стадию развития в аэрокосмической области в отношениях Китая и России.

В период пандемии больше всего пострадала туристическая отрасль. По итогам всемирной туристической организации 2021 года, количество поездок за границу в сравнении с 2019 годом также ниже на 64% и говорить о восстановлении туристического бизнеса пока рано. [4] Потери России в 2021 году составили 1,3 трлн рублей, по отношению к 2019 году, сумма выросла с 600 млрд. рублей. [4] В целях поддержания экономической стабильности в работе туристического бизнеса были проведены встречи в онлайн формате между Россией и Китаем, в ходе которых были предприняты меры по стимулированию развития туристической сферы: были рассмотрены новые туристические маршруты отвечающие потребностям туристов; профессиональная подготовка персонала; введение современных подходов управления туристическим бизнесом; внедрение вариантов онлайн формата туризма. Во время ограниченного въезда иностранцев туристические компании теряют много средств, однако, после того, как пандемия закончится контакты между странами, безусловно, будут восстановлены.

На сегодняшний момент, когда экономика России страдает от введенных жестких санкций со стороны Запада, партнерские отношения России и Китая не только не пошатнулись, но и показывают удивительный уровень международного сотрудничества в условиях противороссийских санкций, а объемы торговли двусторонних отношений лишь увеличиваются.

По статистике главного таможенного управления Китая общий товарооборот России и КНР за август 2022 года увеличился на 31,4%, что составило 117,2 млрд долларов, относительно 2021 года это на 4,4% больше годового товарооборота и на 29,6 млрд. долларов в сумме, что может утверждать о дальнейшей перспективе в достижении рекордного результата примерно в 160–170 млрд. долларов к концу года. [5] Однако не стоит доверять такой громкой сумме, если рассмотреть детально статистические данные можно заметить, что экспорт России в Китай увеличился на 50,7%, что составило 72,9 млрд. долларов, а импорт, где за восемь месяцев транспортировка товаров увеличилась всего на 8,5%, что является 44,2 млрд. долларов, относительно 2021 года, разница составляет лишь 25,3%. [5] В то же время в период с марта по май по данным Центра стратегических и международных исследований CSIS, объем импорта в Россию из Китая снизился на 42% в долларах США. [11] Говорить о том, что процент импорта Китая в Россию существенно повысится к концу года, пока рано. Однако относительно августа 2022 года импорт из Китая в Россию равнозначен 7,9 млрд. долларов, относительно августа прошлого года, эта сумма увеличилась с 6,3 млрд. долларов. [5] Так или иначе, китайско-российский экспорт и импорт имеют значительную разницу, Россия вынуждена продавать Китаю то, что раньше продавала Евросоюзу, с большой скидкой, в основном это топливно-энергетические ресурсы. На данный момент российская энергетическая компания «Газпром» уже прекратила поставки в Болгарию и Польшу, тем самым России необходимо искать другой заинтересованный рынок сбыта ресурсов, независимого от Запада и Китай является наилучшим вариантом. КНР в свою очередь является крупным импортером угля, нефти и газа, пользуясь снижением цен, страна увеличивает закупки российского сырья. В итоге в мае текущего года Россия опередила в торговом обороте Китая по поставкам нефти Саудовскую Аравию. [9] К тому же в 2022 году появилось несколько

новых транспортировочных маршрутов, например, открылся построенный первый автомобильный мост соединяющий Благовещенск и Хэйхэ.

В условиях выдвинутых санкций против России со стороны США и Европы, можно предполагать, что Китай, как крупный торговый партнер, будет находиться под аналогичным давлением. Тем самым не удивительно, что экспорт Китая в Россию имеет колоссальную разницу с российским экспортом в Китай. При взаимодействии России с китайскими компаниями с большим количеством западного капитала могут возникнуть некоторые трудности, существует опасение распространения санкций на китайский бизнес и их торговых партнеров. К тому же американский и европейский рынок для Китая более важен. По статистике таможенного управления Китая, доля товарооборота с США и Евросоюзом составляет 30% от общего объема, на Россию приходится всего 2–3%, из чего следует, что Китай избегает конфликта и не хочет появления опасности в отношениях при торговле с Россией. [5] Экономика России также не привлекает китайских бизнес инвесторов по причине малознакомой и к тому же нестабильной и неблагоприятной инвестиционной среды. Поэтому большинство инвестиционных соглашений проходит на государственном уровне. Контракты существуют среди среднего бизнеса, но на фоне они почти незаметны. Крупной инвестиционной площадкой для Китая в 2022 году стала Саудовская Аравия. Замедление развития в торгово-деловых вопросах со стороны Китая к России естественно, необходимо адаптироваться к текущей ситуации, а формирование мировой экономики крайне расплывчато в контексте современных событий.

С российского рынка уходят крупные китайские транснациональные компании, а также под угрозой встречных санкций предприятия, не имеющие активов в другой стране. [7] В основном экспорт сократился или прекратился в деятельности финансов, нефтяной и автомобильной отрасли, информационных технологий. Импорт в автомобильной промышленности колоссально сократился примерно 70% российского рынка относительно 2021 года. [7] Импорт китайских автомобилей сократился с марта где сумма составляла 190,7 млн долларов к маю сумма уменьшилась в разы и представляла 32 млн. долларов. [5] Несомненно, уход предприятий и уменьшение экспорта различной продукции в разных сферах экономики, негативно сказывается на внутреннем российском торговом обороте. Однако Китай продвигает независимые от западного влияния свои компании на российский рынок, они менее уязвимы. Например, автомобильная марка Omoda уже появилась на российском рынке и готовится выйти Hongqi, а продажи автомобилей Voyah начнутся в 2023 году.

Изначально политическая позиция Китая относительно санкционной ситуации в России сохраняла нейтралитет и аккуратно формулировала официальные заявления, чтобы не обострять натянутые отношения с США, которые являются важным условием для развития экономики Китая. Действующая внешняя политика США направлена на сдерживание китайского экономического развития, связанного с торговым противостоянием, соответственно КНР скептически настроен по отношению к США и ищет возможности сближения с другими крупными державами. В настоящий момент Китай поддерживает Россию, но в разумной степени, действуя с выгодой для себя и с осторожностью обдумывая каждый предпринимемый шаг в двусторонних отношениях, опасаясь рисков и возможных трудностей. В результате совместное противостояние США и Западу стало одним из основных стимулов укрепления китайско-российского

сотрудничества. Действуя в военном аспекте, проводя учения, обмениваясь опытом, увеличивая совместный торговый оборот и разрабатывая новые технологии, Россия и Китай уменьшают свою зависимость от Запада. Например, в военном сотрудничестве проводятся мероприятия, которые были запланированы ранее февраля, первое совместное воздушное патрулирование военных бомбардировщиков над Японским и в восточной части китайского моря и общее участие в учениях «Восток – 2022» на Дальнем Востоке.

Несмотря на дружественные отношения и двустороннюю поддержку, взгляды между Китаем и Россией не всегда совпадают, а иногда могут и отличаться вовсе. Например, Китай не признает Абхазию и Южную Осетию независимыми государствами. Территория Крыма, вошедшая в состав России в 2014 году также считается спорным вопросом, фактически правительство Китая признает этот факт, но официально не подтверждают подписанием международного документа. Россия в свою очередь не поддерживает претензий Китая на территорию Южно-Китайского моря, после встречи лидеров государств в августе 2021 года, даже корректирует китайских СМИ неправильно излагающих информацию о российской позиции в этом вопросе. К тому же Россия развивает тесные отношения с Вьетнамом и Индией, у которых существует территориальный конфликт с Китаем и является вторым крупнейшим экспортером оружия в эти страны, что может быть направлено против Китая в случае обострения пограничной ситуации.

В результате Китай будет пользоваться выгодоно сдвинувшимся положением низких цен на российские энергетические ресурсы, как и другие страны, например Индия. Китайские компании постараются занять больше места на российском рынке потребительских товаров. Россия сможет приобретать китайскую продукцию и ее комплектующие, но, как правило, выше соответствующей цены и полного замещения не произойдет, ввиду опасений рисков и вторичных санкций в сторону Китая. Китайское правительство разумно подходит к дипломатическим вопросам и выбирает гибкую позицию, поскольку зависимо от американских технологий и европейско-американского рынка.

Китайско-российские отношения важны для обеих стран и быстро развиваются, правительственное руководство будет стараться держать их на должном уровне и укреплять, не смотря на все ограничения. На проведенном саммите прошедшем онлайн в 2021 году посвященном 20 – летию договора о добрососедстве и дружбе, лидеры двух государств совместно заявили, что это не военнополитический союз, а стратегическое дружественное партнерство, основанное на интересах и невмешательстве во внутренние государственные дела друг друга, оно не направлено против третьих лиц. [1] Китай имеет самую протяженную сухопутную границу с Россией и необходимо поддерживать мирные отношения, к тому же проводимые совместные военные учения являются прочным доверием двух стран. Еще одним столпом отношений между Россией и Китаем является взаимовыгодное экономическое сотрудничество. Россия владеет огромными природными ресурсами, но имеет мало инвестиций и нуждается в инновационных технологиях. Китай является крупным импортером природного сырья и ему выгодно иметь поставщика транспортируемого материалы по суше, а не по хрупкой артерии мирового океана, где по-прежнему доминирует флот США. Также залогом успешного дружественного сотрудничества составляет отсутствие значимых идеологических разногласий. В итоге все санкционные ограничения не являются источником отстранения, а наоборот

сближают и углубляют партнерство двух стран, сохраняя политическую независимость и демонстрируя устойчивость к появившимся проблемам и динамику развития в различных сферах сотрудничества.

Литература

1. Администрация Президента России [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения 17.09.2022).
2. Акаев А. А., Садовничий В. А. Моделирование и долгосрочное прогнозирование экономического развития и взаимной торговли Китая, России и ЕС. Концепция и стратегические приоритеты Большого Евразийского партнерства. Москва – Санкт-Петербург, 2019.
3. Всемирная торговая организация. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wto.org/> (дата обращения 16.09.2022).
4. Всемирная туристическая организация. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.unwto.org/> (дата обращения 16.09.2022).
5. Главное таможенное управление КНР. [Электронный ресурс] // URL: <http://english.customs.gov.cn/> (дата обращения: 15.09.2022).
6. Жабинская И.С., Мартыненко А.С. Антироссийские санкции и анализ их влияния на экономические процессы // Концепт. – 2022. – № 3. – С. 123–128.
7. Китайские технологические гиганты тихо отказываются от ведения бизнеса с Россией // The wall street journal [Электронный ресурс] // URL: <https://www.wsj.com/articles/chinese-tech-giants-quietly-stop-doing-business-with-russia-11651845795> (дата обращения 16.09.2022).
8. Ковальчук В.С., Петров А.Д. Особенности развития российско-китайских отношений в условиях пандемии COVID-19. // Современная наука. 2021;(2):48–53.
9. Россия обогнала Саудовскую Аравию в качестве крупнейшего поставщика нефти в Китай // Energi voice. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.energyvoice.com/oilandgas/asia/420951/russia-overtakes-saudi-arabia-as-chinas-top-oil-supplier/> (дата обращения 15.09.2022).
10. Федеральная таможенная служба РФ. [Электронный ресурс] // URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 15.09.2022).
11. Центр стратегических и международных исследований (CSIS). [Электронный ресурс] // URL: <https://www.csis.org/> (дата обращения 16.09.2022).

INTERNATIONAL COOPERATION BETWEEN CHINA AND RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF GLOBAL POLITICAL PROCESSES IN 2019–2022

Lo Sii

St. Petersburg State University

This article examines the international relations between China and Russia during the period of COVID-19 and the sanctions imposed against Russia in 2022. In the conditions of the pandemic, the world economy has faced many difficulties related to the organization of transportation of products, operation of enterprises, and tourism business and others. In the current situation of anti-Russian sanctions, the blow fell primarily on commodity trade, especially on Russian oil and gas exports to Europe, which led to a significant increase in energy prices and a global increase in inflation. In addition, the sanctions forced many companies to withdraw from the Russian market, which led to the termination of many key supplies. Thus, the maintenance of friendly relations and the development of strate-

gic partnership between China and Russia in modern conditions is an important and main task. The article analyzes the Sino–Russian trade turnover during the pandemic and the sanctions imposed, as well as international cooperation in the scientific and technological sphere, energy, and the tourism industry. The author examines the mutual relations of the two countries in the conditions of COVID-19 and the main trends in the development and maintenance of friendly strategic partnership in the anti-Russian sanctions situation.

Keywords: COVID-19, sanctions, Russia, China, cooperation, pandemic.

References

1. Administration of the President of Russia [Electronic resource] // URL: <http://www.kremlin.ru> / (accessed 17.09.2022).
2. Akaev A. A., Sadovnichy V.A. Modeling and long-term forecasting of economic development and mutual trade of China, Russia and the EU. The concept and strategic priorities of the Greater Eurasian Partnership. Moscow – Saint Petersburg, 2019.
3. World Trade Organization. [Electronic resource] // URL: <https://www.wto.org> / (accessed 16.09.2022).
4. World Tourism Organization. [Electronic resource] // URL: <https://www.unwto.org> / (accessed 16.09.2022).
5. The Main Customs Administration of the People's Republic of China. [Electronic resource] // URL: <http://english.customs.gov.cn/> / (accessed: 09/15/2022).
6. Zhabinskaya I.S., Martynenko A.S. Anti-Russian sanctions and analysis of their impact on economic processes // Concept. – 2022. – No. 3. – pp. 123–128.
7. Chinese tech giants are quietly refusing to do business with Russia // The wall street journal [Electronic resource] // URL: <https://www.wsj.com/articles/chinese-tech-giants-quietly-stop-doing-business-with-russia-11651845795> (accessed 16.09.2022).
8. Kovalchuk V.S., Petrov A.D. Features of the development of Russian–Chinese relations in the context of the COVID-19 pandemic. // Modern Science. 2021;(2):48–53.
9. Russia has overtaken Saudi Arabia as the largest supplier of oil to China // Energi voice. [Electronic resource] // URL: <https://www.energyvoice.com/oilandgas/asia/420951/russia-overtakes-saudi-arabia-as-chinas-top-oil-supplier/> / (accessed 15.09.2022).
10. Federal Customs Service of the Russian Federation. [Electronic resource] // URL: <https://customs.gov.ru/> / (accessed: 09/15/2022).
12. Center for Strategic and International Studies (CSIS). [Electronic resource] // URL: <https://www.csis.org/> (accessed 16.09.2022).

Взаимодействие российской и китайской высшей школы: геополитические реалии

Беляева Екатерина Александровна,

кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной работы Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
E-mail: Ekaterina.podergina@mail.ru

Валеева Марина Владимировна,

кандидат социологических наук, старший преподаватель, кафедра социальной работы Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
E-mail: cherbakova_marina@mail.ru

В текущей геополитической ситуации, разрыва отношений с Западом коренным образом меняются направления развития системы высшего образования в Российской Федерации. Развитое международное сотрудничество, которое являлось обязательным показателем и залогом успеха, ориентированное на западные стандарты, Болонскую систему образования уходит на второй план. Российская высшая школа сталкивается с новыми вызовами, ищет варианты взаимодействия с партнерами из стран ШОС, Азии, Востока, Африки. Нами было проведено количественное и качественное исследование потенциала вузов города Екатеринбурга для привлечения студентов из стран ШОС. Методом глубинного экспертного интервью было опрошено 30 специалистов международных отделов вузов города Екатеринбурга, в данной статье приводятся данные качественного анализа. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». В рамках данной статьи сделан акцент на взаимодействии России и Китая в рамках образовательного сотрудничества, так как именно китайские студенты в России наиболее многочисленная группа среди студентов из стран ШОС. В ходе проведенного исследования нами были получены результаты, которые показывают ухудшение общей ситуации с набором иностранных студентов, со сложностями, с которыми они сталкиваются в результате поступления в вузы г. Екатеринбурга, в частности (как, вероятно всего, и в вузы других городов).

Ключевые слова: страны ШОС, российско-китайское взаимодействие, высшее образование, потенциал вузов, академическая мобильность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Ключевой фактор, вызывающий взаимодействие вузов и стран в образовательном пространстве – это необходимая открытость систем во избежание перехода системы в состояние статичности и застоя. *«Любая система должна быть открытой, иначе она не будет нормально функционировать. Должен быть обмен, заимствование, трансфер лучших образовательных практик...»* (цитата, руководитель международного отдела в вузе). Любая образовательная система вынуждена обращаться к опыту и к осмыслению этого опыта зарубежных стран, адаптировать свою систему в соответствии с результатами заимствования. По мнению эксперта, в настоящее время Россия чаще всего заимствует организационные компоненты других успешных систем, но, к сожалению, ценностную и аксиологическую компоненты не заимствует. Например, в результате принятия Болонской декларации были проведены структурные изменения в системе образования, но не сущностные. Однако это дало важное преимущество – сопоставимость образовательных систем разных стран и расширение возможностей для академической мобильности, признания на международном уровне.

Значимость рассмотрения взаимодействия России и Китая в ситуации образовательного партнерства обусловлена тем, что среди всех стран ШОС сотрудничество этих двух стран развивается наиболее быстрыми темпами. На момент 2022 года в российских вузах (в том числе в зарубежных филиалах) обучается 32,6 тыс. граждан Китая, при этом, в сравнении с периодом 2020/2021 года эта цифра увеличилась примерно на 3 тысячи [8], эту информацию подтвердил и один из экспертов, принявших участие в нашем исследовании: *«Если говорить о странах ШОС, то больше всего у нас студентов из Китая, да, наверно и среди всех иностранных студентов тоже»* (цитата, специалист по привлечению иностранных студентов).

Обращаясь к опыту китайской стороны стоит отметить, что действительно, представители КНР, приезжающие на обучение в Россию, стратегически больше заинтересованы в получении степени PhD, нежели степени кандидата наук. Также эксперт отмечает, что интерес Китая, в основном, лежит в области технических, естественных и точных наук, нежели гуманитарных. В то же время, для студентов предыдущих образовательных ступеней (бакалавриат, магистратура), более интересными являются такие направления как филология, лингвистика, языкознание, литературоведение [8]. Возможно, это связано с тем, что для перехода на более высокие образовательные ступени студенты стремятся выучить русский язык для облегчения коммуникации.

Для исследования потенциала вузов города Екатеринбурга для привлечения студентов из стран ШОС, методом глубинного экспертного интервью было опрошено 30 специалистов международных отделов вузов города Екатеринбурга.

Как отмечают эксперты, выгода для Китая в образовательном сотрудничестве с Россией может носить следующий лозунг: «Заставь зарубежные практики служить Китаю». Образовательная система Китая в значительной степени зависит от политической и государственной системы. В связи с этим ключевым определяющим фактором направления развития образовательной системы Китая является контекст внутренней и внешней политики государства. Эти данные подтверждаются и рядом других исследований [1,2,5].

Сотрудничество между Китаем и Россией в образовательной сфере, организованное после 2й мировой войны в 1940–1960х гг. (приезд делегаций, перевод советской учебной литературы на китайский язык, заимствование идей, технологических практик и другое), определялось в основном, активным поиском новых партнеров в результате потери устоявшихся связей в войне.

На следующем этапе в период Великой культурной революции в Китае вплоть до 1977 года, в их стране произошел откат – отказ от всех зарубежных практик и призыв к закрытости («Нужно вспомнить наш двухтысячелетний опыт и самим себе придумать практики...» (цитата, руководитель отдела международной деятельности вуза) [2]).

На третьем этапе со сменой руководителя (главы) китайского государства начались экономические реформы, и страна переориентировалась вновь на открытость всему миру. «Мы со всеми дружим, обмениваемся для того, чтобы получить максимальную пользу для развития собственной страны, в том числе для модернизации и повышения экономической конкурентоспособности образовательной системы» (цитата, руководитель международного отдела).

Несмотря на открытость Китая к сотрудничеству, практически никто в мире не знает достоверно, что происходит внутри их страны («Мы знаем только то, что нам положено знать. Китайцы говорят только то, что одобрено» (цитата, руководитель международного отдела)). Существует идеологический барьер.

В настоящее время существует следующая практика, организованная Китаем. В Китай приглашается иностранный профессор или исследовательская группа (чаще всего – не из России) на период очного пребывания в течение 3–5 лет. К данному профессору или исследовательской группе «прикрепляются» китайские студенты, молодые ученые, исследователи или ученые Ph D. Приглашенный профессор ведет лекции и обязательно занимается исследовательской деятельностью. Таким образом, осуществляется процесс наставничества, в котором происходит полноценное заимствование не просто организационной компоненты или решения, а сущностное заимствование практики, на ценностном уровне.

Россия имеет множество целей и задач, связанных с взаимодействием с Китаем, тогда как у Китая этих целей, интересов и задач значительно меньше относительно России. Этим определяется пессимистический взгляд на ограниченность перспектив данного взаимодействия в ближайшем будущем. Для Китая, помимо Европы и США, приоритетным направлением для обучения является Австралия, а не Россия. Потому что вузы Австралии известны достаточно высоким уровнем и предоставляют качественную англоязычную образовательную среду.

При современном развитии образовательного взаимодействия России и Китая будет поддерживаться лишь иллюзия международного сотрудничества, но в действительности полноценного взаимодействия преподавателей и вузов на взаимовыгодных и взаимно интересных условиях не будет. Вероятнее всего, такая «траурная»

ситуация в перспективе ожидает многие вузы РФ, за исключением столичных и крупнейших региональных. Дополнительным отрицательно действующим фактором для большинства вузов является языковой барьер. Сравнительно мало преподавателей имеют компетенцию общения и обучения на английском языке, как в России, так и в Китае [7].

Решением смягчения данной ситуации и перспективы эксперт считает разработку и внедрение глобальных федеральных программ со стороны Правительства РФ, с применением эффективной системы поощрения и поддержки развития всех уровней сотрудников вузов, а также с применением четкой системы контроля [1].

Дополняя описание перспектив взаимодействия вузов Китая и России, эксперт считает, что вероятнее всего сохранится небольшой объем студенческого обмена «на примитивном уровне», в процессе которого китайские студенты в небольших количествах (зачастую – по квотным программам) будут приезжать изучать русский язык и литературу исключительно в рамках бакалавриата (по направлению подготовки филологов-русистов). То есть обучаться не в целях постижения и продвижения науки, а в практических прикладных целях освоения и использования другого языка. Укрепление экономических и торговых связей не является достаточным аргументом, так как доля торговых оборотов между Китаем и Россией сравнительно невелика в общем торговом обороте Китая с другими (например, западными) странами [6]. Альтернативным обоснованием приезда большинства китайских студентов в Россию эксперт считает стремление к увеличению численности населения Китая (то есть для создания семьи с российскими девушками). Вопреки стереотипам, в настоящее время время населения их страны не растет такими темпами, как прежде. Это вызвано тем, что многолетняя внутренняя политика Китая (с 1979 по 2015 годы) «одна семья – один ребенок» привела к гендерной диспропорции в сторону мальчиков, которые в настоящее время и представляют собой абитуриентов, студентов и молодых ученых Китая. Диспропорция в их структуре населения такова, что наблюдается дефицит девушек/ женщин. Таким образом, академическая мобильность мужчин-китайцев может являться экспансией с определенными целями. При этом приезжающие китайцы характеризуются замкнутостью, избалованностью, осведомленностью о международных делах.

Кроме того, за неимением возможности получить в настоящее время западное зарубежное образование или стажировку, для российских студентов/ магистрантов/ аспирантов обучение в Китае является достойной альтернативой, дающей разнообразие/ расширение горизонтов, бесплатный зарубежный опыт (по стипендии), альтернативное образование и выгодные преимущества при трудоустройстве (или дальнейшем пути в науке). Отметим, что в связи с пандемией количество очных студентов из России в Китае существенно сократилось, однако в сентябре 2022 года вновь появилась возможность въезда российских студентов в Китай для прохождения обучения в китайских университетах. В связи с чем, в ходе заседания Подкомиссии по сотрудничеству в области образования Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству российская сторона поблагодарила китайских коллег за предоставленную российским студентам возможность и выразила надежду в развитии двустороннего образовательного сотрудничества и повышения уровня академической мобильности между странами [9].

Здесь же отметим, что владение китайским языком для российских выпускников является актуальным вос-

требуемым навыком на рынке труда (например, такие молодые специалисты требуются в торговых компаниях типа «Сима-ленд» для взаимодействия с Китаем). Отметим также, что интерес к изучению китайского языка стал новой тенденцией в среде российской молодежи. Так, по результатам опроса сервиса SuperJob, проведенного в 2022 году, среди 3000 представителей экономически активного населения всех округов России, выяснилось, что среди наиболее популярных для изучения иностранных языков оказался именно китайский. Среди изучаемых россиянами иностранных языков китайский язык занял четвертое место [10].

К барьерам и препятствиям следует добавить причины, почему преподавательский состав часто не заинтересован в обучении китайских студентов. Потому что, как правило, преподаватели непосредственно не получают те деньги, которые зарабатывает вуз за обучение иностранца. При этом преподавателю приходится приложить множество усилий и совершить повышенный объем работы для переработки своего учебного курса.

Кроме того, к факторам риска можно отнести потенциальный страх преподавателей российских вузов оказаться в числе неблагонадежных граждан из-за причастности к партнерству с Китаем при изменении геополитической ситуации в мире.

Также к факторам риска следует отнести страхи родителей китайских студентов, связанные с пандемией, ограничениями и беспокойством за здоровьем своего единственного ребенка. Многие родители задаются вопросами: «что делать, если мой ребенок заболел, обучаясь в России?», «почему в России нет возможности поставить прививку от коронавируса западными вакцинами?», «кто дает гарантию, что с моим ребенком все будет в порядке?», «что делать, если границы закроются? кто позаботится о ребенке?», «каким образом ребенок заплатит за свою учебу и получит деньги на проживание, если банки не принимают переводы?» и т.п.

Наиболее важным фактором является человеческий ресурс, а именно личность каждого сотрудника вуза, который непосредственно принимает участие в обучении китайских студентов, в том числе и низший административный персонал, вспомогательный персонал (сотрудники общежитий и другие) и т.п. Их влияние на имидж российского образования и на впечатление от образовательной среды (ее комфортности) недооценивается в настоящее время, и оно важно не менее влияния управленческих кадров. При этом управленцы зачастую могут вести партнерские переговоры и договариваться о разных компромиссах, абстрактных условиях сотрудничества, тогда как реализовывать данные договоренности придется другим сотрудникам вуза, которые не всегда готовы или могут это делать в нужном качестве и объеме. По мнению эксперта, большинство вспомогательных сотрудников вузов в России склонны негативно, разрушительно влиять на адаптацию иностранных студентов.

Основываясь на опыте работы с китайскими студентами, информанты отмечают, что им требуется около 2–3х лет непрерывного пребывания и обучения в России для того, чтобы достаточно свободно начать использовать русский язык в общении (разговорная речь). При этом важны не только условия обучения, но и в первую очередь, индивидуальное желание конкретного студента – собственная мотивация к освоению иностранного языка и адаптации, а также интеллектуальные склонности к языкам и гибкий ум. Далеко не все люди обладают нужными качествами.

Относительно сотрудничества с Китаем в образовательной сфере помимо студенческой мобильности,

отметим, что в настоящее время Китайская Академия наук рекомендовала всем своим членам сократить контакты с учеными из России. Таким образом, научно-исследовательская мобильность приостановлена, возможно, временно. Кроме того, наблюдается еще одна стратегия по сокращению контактов с российскими учеными и преподавателями: активный демпинг стоимости работы российских профессоров, особенно гуманитариев. То есть применяется политика не отказа от сотрудничества, а постановки невыгодных, неинтересных или даже неприемлемых условий сотрудничества, провоцирующих на добровольный отказ с другой страны [3]. Важно проводить серьезную аналитику на предмет того, в чем Россия еще сильна и конкурентоспособна, чем она может быть интересна для Китая.

Таким образом, мы можем констатировать снижение интереса к развитию научной и учебной активности у студентов из Китая по обучению в России из-за изменившихся геополитических реалий, тем не менее существует большое количество успешных проектов и программ, которые имеют хороший потенциал и будут развиваться в будущем.

Литература

1. Китайский эксперт рассказал о своей позиции в отношении России. <https://iz.ru/1298522/2022-03-01/kitaiskii-ekspert-rasskazal-o-pozitsii-knr-v-otnoshenii-rossii> (дата обращения: 02.10.2022).
2. Цинь Мин. Исследования по вопросам китайско-российской культурной дипломатии в рамках стратегического партнёрства / Цинь Мин. – Институт северо-восточной Азии, 2014. – С. 4–85.
3. Цзоу Лихуэй. Международное Российско-Китайское взаимодействие в рамках Организации Объединенных Наций (ООН) и региональной Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) / Цзоу Лихуэй, Лейченко О.Ф., Печерица В.Ф. // Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 2. – Ч. 1. – С. 18–25.
4. Тан В. Анализ российско-китайских отношений на современном этапе (глазами китайцев) // Социодинамика. – 2017. – № 5. – С. 14–21. – Режим доступа: https://e-notabene.ru/pr/article_22746.html (дата обращения: 02.10.2022).
5. Трифонов, В.И. Особенности внешнеполитического взаимодействия России и Китая на современном этапе / В.И. Трифонов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2011. – Т. 16, № 16. – С. 78–81.
6. Лю Цян. Расхождение интересов Китая и России в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 2. – С. 64–68.
7. Коркунов, И. Н. К характеристике российско-китайских хозяйственных отношений / И.Н. Коркунов // Российский экономический журнал. – 1998. – № 3. – С. 57–76.
8. Россия и Китай продолжают укреплять сотрудничество в сфере науки и образования // Сайт Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/53743/> (дата обращения: 03.10.2022).
9. В сентябре более тысячи российских студентов возобновят очное обучение в Китае Сайт Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/58525/> (дата обращения: 04.10.2022).

10. Каждый шестой экономически активный россиянин изучает иностранный язык, китайский – в топ-5 по популярности // Superjob. URL: https://www.superjob.ru/research/articles/113646/kazhdyy-shestoj-ekonomicheskii-aktivnyj-rossiyanin-izuchaet-inostrannyj-yazyk/?click_id=979Z1XeSldZn1K3&utm_source=cityads&utm_medium=cpa&utm_campaign=2Keh (дата обращения: 04.10.2022).

INTERACTION BETWEEN RUSSIAN AND CHINESE HIGHER EDUCATION: GEOPOLITICAL REALITIES

Belyaeva E.A., Vladimirovna V.M.

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

In the current geopolitical situation, the break in relations with the West, the direction of development of the higher education system in the Russian Federation is fundamentally changing. Developed international cooperation, which was a mandatory indicator and the key to success, focused on Western standards, the Bologna education system is receding into the background. Russian higher education is facing new challenges, looking for options for cooperation with partners from the SCO countries, Asia, the East, and Africa. We have conducted a quantitative and qualitative study of the potential of universities in the city of Yekaterinburg to attract students from the SCO countries. The method of in-depth expert interviews was used to interview 30 specialists from international departments of universities in the city of Yekaterinburg, this article presents data from a qualitative analysis. The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

Within the framework of this article, emphasis is placed on the interaction between Russia and China in the framework of educational cooperation, since it is Chinese students in Russia that are the largest group among students from the SCO countries. In the course of the study, we obtained results that show a deterioration in the overall situation with the recruitment of foreign students, with the difficulties they face as a result of entering universities in Yekaterinburg, in particular (as, most likely, in universities in other cities).

Keywords: SCO countries, Russian-Chinese cooperation, higher education, potential of universities, academic mobility.

References

1. The Chinese expert spoke about his position on Russia. <https://iz.ru/1298522/2022-03-01/kitaiskii-ekspert-rasskazal-opozitcii-knr-v-otnoshenii-rossii> (date of access: 02.10.2022).
2. Qin Ming Research on Chinese-Russian Cultural Diplomacy in the Framework of Strategic Partnership / Qin Ming. – Institute of Northeast Asia, 2014. – P. 4–85.
3. Zou Lihui. International Russian-Chinese cooperation within the framework of the United Nations (UN) and the regional Shanghai Cooperation Organization (SCO) / Zou Lihui, Leichenko O.F., Pecheritsa V.F. // Krasnodar: Historical and socio-educational thought. – 2016. – V. 8, No. 2. – Part 1. – P. 18–25.
4. Tan V. Analysis of Russian-Chinese relations at the present stage (through the eyes of the Chinese) // Sociodynamics. – 2017. – No. 5. – P. 14–21. – Access mode: https://e-notabene.ru/pr/article_22746.html (date of access: 02.10.2022).
5. Trifonov, V.I. Features of foreign policy interaction between Russia and China at the present stage / V.I. Trifonov // China in world and regional politics. History and modernity. – 2011. – V.16, No. 16. – S. 78–81.
6. Liu Qiang. Divergence of interests of China and Russia within the framework of the Shanghai Cooperation Organization // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2015. – No. 2. – P. 64–68.
7. Korkunov, I.N. On the characteristics of Russian-Chinese economic relations / I.N. Korkunov // Russian Economic Journal. – 1998. – No. 3. – P. 57–76.
8. Russia and China continue to strengthen cooperation in the field of science and education // Website of the Ministry of Education and Science of Russia. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/53743/> (date of access: 03.10.2022).
9. In September, more than a thousand Russian students will resume full-time education in China Website of the Russian Ministry of Education and Science. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/58525/> (date of access: 04.10.2022).
10. Every sixth economically active Russian learns a foreign language, Chinese is in the top 5 in popularity // Superjob. URL: https://www.superjob.ru/research/articles/113646/kazhdyy-shestoj-ekonomicheskii-aktivnyj-rossiyanin-izuchaet-inostrannyj-yazyk/?click_id=979Z1XeSldZn1K3&utm_source=cityads&utm_medium=cpa&utm_campaign=2Keh (date of access: 04.10.2022).

Современные СМИ как глобальный политический актер

Лапин Филипп Александрович,

магистр менеджмента, РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: lapin1034@icloud.com

В статье рассматривается специфика функционирования современных СМИ в контексте их роли в политическом процессе. Рассмотрены категории «СМИ», «актер», «акторность», «электронные СМИ», «мягкая сила», «гибридная война», «киберучастие» и проч. Анализ механизмов, реализующих «мягкую силу» и взаимодействие СМИ с общественностью и органами власти, позволил автору статьи прийти к выводу о том, что взаимодействие в рамках триады «власть – народ – сми» сегодня усложняется и обрастает новыми звеньями-посредниками. Отмечено, что в изучении роли масс-медиа в политике требуется принимать во внимание фактор участия транснациональных элит как нового актора международной политики. Автор выражает мнение о том, что цифровизация СМИ сыграет важную роль в повышении степени их акторности и акторности обществу.

Ключевые слова: актер, акторство, масс-медиа, сми, массовая коммуникация, цифровизация, гражданское общество.

Роль, функции и перспективы масс-медиа как актора на глобальной геополитической арене до сих пор остаются дискуссионным полем в научных кругах. До сих пор не сформировано единой дефиниции СМИ в политологической науке; существующие интерпретации данного термина обнаруживают существенную вариативность и обусловлены наличием множества авторских подходов к пониманию роли СМИ в политических процессах. Во множестве источников **СМИ и массовая коммуникация** отождествляются и интерпретируются как «общение, опосредованное техническими средствами» [3, с. 6]; «процесс обращения массовой информации, который невозможен без использования специальных технических средств распространения этой массовой информации» [4, с. 19]. Весьма спорными нам представляются подходы, определяющие СМИ как деятельность организованных институтов [5, с. 1489; 11, с. 12; 15, с. 22–23], особенно сегодня, в эпоху социальных сетей, блогеров и Интернета 2.0. До сих пор не выработано четкой дефиниции, в рамках которой СМИ определялись бы как фактор и инструмент политического воздействия; как выражение воли народа или, напротив, аппарат для легитимизации власти; наконец, как важный политический актер.

Сама по себе концепция акторности была разработана в 1970-х гг. Употребление термина «**актер**» в политологии и смежных науках было обусловлено интересом к вопросам развития информационного пространства и последующим смещением управленческого вектора, популяризации категории «гражданское общество». Согласно В.С. Тормошевой, акторство возможно за счет эволюции общественной формации от простейшей группы до «институциональной структуры, меняющей общественно-политический ландшафт» [14, с. 264]. По Б. Латуре, актер – лицо, предпринимающее определенные значимые действия – самостоятельно или по инициативе третьих лиц [9, с. 174].

В рамках настоящей статьи будет рассмотрен вопрос о том, является ли СМИ важным актором в политической жизни государства и международного сообщества и какова специфика взаимодействия компонентов триады «**государство – СМИ – общественность**».

Уже к середине XX в. в научных кругах начало формироваться мнение о том, что масс-медиа представляют собой одного из ключевых игроков в политической жизни цивилизации. В данной связи распространение получил термин «**медиакратия**», подразумевающий наделение СМИ реальной силой и влиянием на ход развития политической и социально-экономической ситуации в стране. Термин медиакратия был предложен французским исследователем Р. Дебре: СМИ, по его мнению, заняли функциональную нишу, занимаемую до этого церковью в плане создания общественной повестки, имиджмейкинга, веры и массовой аксиологии [18, с. 37]. Весьма емкие определения медиакратии мы встречаем в работах А.Ю. Суворовой, которая описывает данную категорию как (1) опосредованную форму ведения политической деятельности, в рамках которой средства массовой информации выполняют функцию медиатора, и как (2) результат «тенденции сращения политического и медийного полей, при которой <...> общество представляется пассивным реципиентом» [13, с. 70].

Политологи, обратившиеся к вопросу о медиакратии, указывали на то, что гласность, как основная форма управления государством, обеспечивается масс-медиа. Соответственно, демократия возможна исключительно при наличии независимых и свободных СМИ, влияние которых на политическую жизнь страны сопоставимо с влиянием парламента, главы государства, судебными органами. Таким образом, цепочка «государство – народ» была дополнена новым звеном, представленным средствами массовой информации. Возможность представлять циркулирующую в обществе информацию, облекая ее в визуально-аудиальную форму, позволяет СМИ не только информировать, но и высказывать, прямо или косвенно, оценочные суждения, одобрение или неприятие. Следовательно, СМИ должны считаться полноценным элементом структуры политической коммуникации.

В понимании роли масс-медиа как политического актора можно отметить две оппонирующие точки зрения: пессимистическую и оптимистическую. Исследователи, высказывающие скепсис в отношении легитимности власти СМИ, справедливо отмечали, что реципиенты сегодня не просто информируются, а «обрабатываются» определенным, выгодным для политических сил способом в целях, которые тщательно замаскированы от них самих [6, с. 129]. О. Тоффлер, помимо других, напротив, говорил о том, что результатом медиакратии станет «просвещенная» цивилизация.

На сегодняшний день становится очевидным, что подобное понимание роли СМИ и его воздействия на общественные процессы является излишне упрощенным. Вышеотмеченная нами цепочка реализации власти дополнена не одним, а множеством звеньев разного характера, объема и значения. Тем не менее, несмотря на вышеизложенное, масс-медиа были и остаются «четвертой властью», а своеобразие власти, заключенной в медийном сегменте, заключается в ее относительной «невидимости», а также возможности маскировки тех лиц, которые оказывают влияние на то или иное СМИ.

Все вышеизложенное приводит нас к рассмотрению широко используемого сегодня понятия «**гибридная война**». Современные способы конфронтации, к которым прибегают правительства в борьбе со внешними и внутренними противниками, кардинально отличаются от тех, которые имели место несколько десятилетий назад. Возросшая роль информационной политики и ее ключевое место в реализации данной конфронтации привели, собственно, к появлению категорий «гибридная», «информационная», «нелинейная» война. Противостояние между государствами, таким образом, оказывается перенесенным из реальной в виртуальную действительность; при этом, большинство исследователей и политиков высказывают по данному вопросу крайне пессимистичные прогнозы об эскалации гибридных войн во всем мире («ясно, что глобального замирения не будет, так как речь идет о борьбе за власть, силу и влияние в мировой политике» [17, с. 82]).

Концепция «**мягкой силы**», представленная Дж. Найем в начале 2000-х гг., не утратила своей актуальности, однако, сегодня она понимается более широко – не только как сила убеждения политического оппонента, но и как манипуляция, навязывание собственной информационной среды. На сегодняшний день «мягкую силу» можно определить как «стандартный подбор действий со стороны влияющих геополитических игроков», предпринимаемых для получения стратегической/тактической выгоды, посредством формирования собственного сегмента информационного дискурса, внедренного через СМИ [1, с. 4].

«Мягкая сила» сегодня является доминирующим средством общегосударственной внешней политики в Китае, что подчёркивается абсолютно во всех законодательных актах и программных документах, затрагивающих вопросы позиционирования страны и внешней политики. Кроме того, «мягкая сила» как совокупность специфического инструментария является приоритетной для стран G7. Политика «мягкой силы» «Большой семерки» опирается на фундаментальные постулаты публичной политики: признание западной модели образования как единственно верной, общемировое распространение демократических ценностей, позиционирование G7 как глобальных лидеров – экономических и политических [1, с. 3]. Участие СМИ в механизмах реализации «мягкой силы» при этом сокрыто в публикуемых повестках, резолюциях, лозунгах политических деятелей и объединений, хотя вышеприведенные ценности способны распространяться именно и исключительно благодаря деятельности СМИ.

Тщательное рассмотрение механизмов, реализующих «мягкую силу» и взаимодействие СМИ с общественностью и органами власти, позволяет прийти к выводу о том, что взаимодействие в рамках триады «власть – народ – сми» сегодня усложняется и обрастает новыми звеньями-посредниками. К примеру, все чаще высказывается мнение о том, что в изучении роли масс-медиа в политике требуется принимать во внимание фактор участия **транснациональных элит** как нового актора международной политики.

А.П. Кочетков, в частности, указывает на то, что глобальные элиты к текущему моменту смогли нарастить свое влияние до такой степени, чтобы определять векторы развития уже не только национальных экономик, но и направлять глобальный политический процесс [8, с. 20]. Помимо так называемых «группы Ротшильдов» и «группы Рокфеллеров», следует выделить также и новые элиты, ассоциации и индивидуальных акторов, среди которых значимую долю составляют медиамагнаты, учредители социальных сетей, инфлюенсеры. Транснациональные элиты, можно сказать, также начали действовать преимущественно в рамках медиапространства как наиболее оперативной и масштабной площадки оказания влияния на мировую общественность. Представители элит зачастую обладают долями собственности в медийных конгломератах и социальных сетях, что, безусловно, позволяет им осуществлять контроль над их деятельностью.

Все вышесказанное приводит к выводу о нарастающем противоречии между самой идеей построения демократического, гражданского общества и фактическим участием транснациональных элит в деятельности масс-медиа (которые должны выступать «гласом народа», а не выразителем мнений узких социальных групп). Анализ предпосылок и причин, приведших к подобной ситуации, проводит, помимо прочих, А.П. Кочетков. По мнению исследователя, влияние транснациональных элит на общемировую повестку возможно по той причине, что крупнейшие западные масс-медиа не являются финансово независимыми – они принадлежат транснациональным корпорациям. В подтверждение этого довода автор приводит следующие данные: 80% объема ежедневного тиража американской общественно-политической газетной периодики приходится на концерны *Gannett* и *Knight-Ridder*, находящиеся в собственности транснациональных элит. Телевизионная индустрия США фактически поделена между сетями *ABC*, *CBS*, *NBS* и *Fox News* [8, с. 26], акции которых принадлежат банкам *J.P. Morgan Chase & Co.* и *Citigroup*, страховым и иным компаниям, владельцами которых являются

транснациональные элиты. Сфера влияния элит, естественно, не ограничивается североамериканским континентом: многие издательства и СМИ Европы также находятся в ведении крупнейших элит. Владение средствами массовой информации позволяет элитам формировать нужную им информационную повестку. К примеру, достоверно известно, что во время предвыборной гонки в США имя Дональда Трампа была употреблено в журнале «Экономист» в 72 раза чаще, чем имена его оппонентов, вместе взятых; навязывание его фигуры массовой общественной как наиболее оптимального кандидата было заметно и в других СМИ. Все это, безусловно, привело к победе Д. Трампа на выборах. К сожалению, этот и многие другие подобные факты компрометируют СМИ как посредника между властью и народом. Кроме того, возникает вопрос: можно ли считать в таком случае СМИ реальным актором политических процессов, «четвертой властью», если абсолютное большинство из них находятся в ведении крупных и политизированных бизнес-структур?

Вышеописанные тенденции приводят к необходимости рассмотрения того, какова реальная степень влияния народа – массовой общественности – в медиаопосредованном политическом процессе. В традиционном понимании СМИ рассматривались в качестве института, который давал народу возможность активного участия в принятии политических решений. Сегодня многие авторы сомневаются в наличии данной возможности, приводя доводы в пользу иллюзорности власти народа.

Масс-медиа остаются главным источником сведений о политике; воздействие, оказываемое ими на общественность, весьма значительно в силу его частоты и продолжительности. СМИ, таким образом, формируют общественные настроения (данный процесс Е.Н. Малик именует «процессом политической социализации» [10, с. 180]). Существующие точки зрения о роли общественности в медиаопосредованном политическом процессе можно условно разделить на две группы: мнения, согласно которым массовая общественность, находящаяся под влиянием регулярных медиатрансляций, является пассивным и ведомым реципиентом медиасообщений, и мнения, которые говорят об обратном, указывая на поднятие уровня гражданской активности и сознательности аудитории.

Обе точки зрения оперируют весьма рациональными и подтверждаемыми фактами аргументами. К примеру, сторонники пассивизации общественности, подвергающейся воздействию масс-медиа, говорят, что сегодня как никогда ранее аудитория является массой, которую СМИ лишили акторности. Сознание современной аудитории СМИ, справедливо отмечает В.С. Тормошева, характеризуется клиповостью, поверхностностью суждений, она в большей степени демонстрирует «готовность следовать упрощенным поведенческим фреймам, доверчивость к фейковым публикациям» [14, с. 263]. Исследователь говорит о формировании особой цивилизации *homo psychologicus*, отличающейся «постмодернистским равнодушием», результатом избытка и динамики трансляции информации. Аудитория сетевых онлайн-СМИ, по мнению автора, в отличие от прошлых эпох, является «незрелым, аполитичным участником сетевого пространства с ограниченным инструментарием» [14, с. 263].

Тем не менее, некоторые факты говорят об обратном. Правительства многих стран «опасаются» сетевой общественности, в связи с чем особенно жестко регулируют работу СМИ. Многочисленные примеры блокировки веб-ресурсов, признания контента незаконным, отключения Интернет-связи в период общественных вол-

нений, «упреждающая коммуникация по дискредитации и деморализации оппонентов» [14, с. 265] – все это является индикатором акторности как СМИ, так и его аудитории. В западных странах акторность аудитории СМИ выражена наиболее отчетливо: там общественность способна вынудить правительства реформировать проводимую политику. Акторность СМИ и общественности, таким образом, напрямую обусловлена типом режима, установленного в стране [7, с. 11] – чем более тоталитарным будет режим, тем меньшей степенью акторности будут обладать медиа и народ. Данный тезис, тем не менее, не следует понимать упрощенно, идеализируя демократические *de jure* режимы и наделяя их характеристикой абсолютной власти народа (которая, как видится, не достижима в принципе, как показывают приведенные выше примеры властных полномочий транснациональных элит).

Вопрос об акторности СМИ приводит к рассмотрению цифровизации как основной тенденции последнего десятилетия. Цифровизация затронула все сферы функционирования общества: в обиход входят понятия «электронное правительство», «электронные СМИ», «электронные вузы» и проч. **Цифровизация** изменила модели и темпы взаимодействия участников триады «государство – СМИ – народ» и трансформировала характер данного взаимодействия.

На этапе зарождения глобальной Сети многие журналисты, политики и исследователи стали говорить о новых возможностях для построения демократических государств, где будет доминировать новая – цифровая – гласность. Интернет рассматривали как инструмент реализации прав и свобод граждан, как апогей либерализации. Энтузиасты вели активные дискуссии о перспективах электронной демократии, о прямом голосовании, о безбарьерной циркуляции мнений, о народном контроле государственных институтов [16, с. 38]. В некоторой степени оптимистические прогнозы сбылись; но при этом цифровизация имела и колоссальное число «побочных эффектов», которые парадоксальным образом наделили электронную демократию чертами «электронного тоталитаризма». Речь идет о контроле за контентом пользователей, их преследовании, слежке за гражданами и организациями («Викиликс» и др.).

Существуют мнения о том, что цифровизация СМИ сыграет важную роль в повышении степени акторности общественности и их собственной. А.В. Походня, к примеру, говорит об Интернет-активизме («логичная ступень развития всей системы политической коммуникации» [12, с. 18]). Интернет-активизм также в ряде источников именуется «**киберучастие**» (совокупность виртуальных активистских практик, сопряженных с выдвижением политических требований или обозначением позиции); безусловно, данный термин уже на уровне этимологии (*актор=участник*) акцентирует повышение степени акторности аудитории.

Стремление общественности к повышению собственной роли в политическом процессе реализуется посредством создания собственных независимых СМИ или микро-СМИ. Монополизация традиционных СМИ – главная причина роста количества практик Интернет-активизма. Широкая общественность начала приходить к осознанию того, что свобода слова, даруемая масс-медиа, является иллюзорной, что, в свою очередь, побуждает граждан к поиску независимых медийных источников, а при отсутствии таковых – к созданию собственных. Аргументы в пользу повышения степени акторности новых СМИ приводят С.Ю. Белоконов и А.А. Хоконов: в реалиях Web 2.0 происходит, по мнению авторов, ин-терактивная, динамичная, многопользовательская ком-

муникация, управляемая государством лишь отчасти [2, с. 23].

Таким образом, СМИ остаются важным политическим актором, но характер их взаимодействия с народом и властью существенно изменился. Изменились и сами СМИ, а при учете фактора роста активной, порождающей собственный контент аудитории Сети, можно предположить увеличение числа производителей «новых» СМИ и повышение их акторности. Тем не менее, обеспечить идеальную ситуацию, при которой СМИ стало бы выразителем мнения общественности, не представляется возможным. Взаимодействие народа и власти посредством СМИ всегда будет ограничено требованиями законодательства и обусловлено типом государственного режима; кроме того, в любой стране медиакommunikация опосредована сторонними участниками, которые стремятся к оказанию «теневому» влиянию на формирование общественной повестки.

Литература

1. Акулич, В.Г. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике стран «большой семерки» / В.Г. Акулич, К.А. Воробьев // Вестник евразийской науки. – 2021. – № 5. – 8 с.
2. Белоконов, С.Ю. Онтологический статус социальных сетей в современной публичной политике / С.Ю. Белоконов, А.А. Хоконов // Власть. – 2021. – № 2. – С. 22–29.
3. Березкина, О.П. Социально-психологическое воздействие СМИ: учеб. пособие для студентов вузов / О.П. Березкина. – М.: Академия, 2009. – 240 с.
4. Богомолова, Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Психология» / Н.Н. Богомолова. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 191 с.
5. Большой Российский энциклопедический словарь. Репр. изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. – 1887 с.
6. Воронин, С.О. Возможности и роль масс-медиа в политической сфере / С.О. Воронин // Инновационная наука. – 2020. – № 1. – С. 129–130.
7. Кодирова, Ш.А. Механизмы и методы формирования образа власти в сознании граждан: влияние политического режима на формирование образа государственной власти / Ш.А. Кодирова // Общество, экономика, управление. – 2021. – № 2. – С. 10–15.
8. Кочетков, А.П. Транснациональные элиты и гражданское общество: особенности взаимодействия / А.П. Кочетков // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2020. – № 1. – С. 19–30.
9. Латур, Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими осложнениями / Б. Латур // Логос. – 2017. – Т. 27, № 1(116). – С. 173–200.
10. Малик, Е.Н. Цифровая медиасреда как ресурс активизации политического участия молодежи / Е.Н. Малик // Вестник Прикамского социального института. – 2021. – № 1 (88). – С. 179–183.
11. Полуэхтова, И.А. Социология массовых коммуникаций: в 2 ч.: курс лекций / И.А. Полуэхтова. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. – Ч. 1. – 95 с.
12. Походня, А.В. Генезис и факторы политического интернет-активизма / А.В. Походня // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 7 (84). – С. 18–21.
13. Суворова, А.Ю. Роль новых медиа в контексте медиатизации политических процессов / А.Ю. Суворова // Коммуникология. – 2017. – № 1. – С. 69–78.
14. Тормошева, В.С. Международная аудитория в сетевом политическом пространстве: онлайн-масса или глобальный политический актор? / В.С. Тормошева // Полит. наука. – 2021. – № 4. – С. 261–278.
15. Фомичева, И.Д. Социология СМИ: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030601 «Журналистика». Изд. 2-е, испр. и доп. / И.Д. Фомичева. – М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 22–23.
16. Фурс, В.А. Влияние интернета и социальных сетей на устойчивость либеральных демократий / В.А. Фурс // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2022. – № 4 – С. 37–45.
17. Цыганков, П. А. О месте влияния в «триединой формуле власти»: теоретические и прикладные аспекты / П.А. Цыганов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – № 2 (847). – С. 81–91.
18. Debray, R. Introduction a la medialogie / R. Debray. – Paris, PUF, 2000. – 240 p.

MODERN MEDIA AS A GLOBAL POLITICAL ACTOR

Lapin Ph.A.
RANEPА

The article discusses the specifics of the functioning of modern media in the context of their role in the political process. The categories of “media”, “actor”, “acting power”, “electronic media”, “soft power”, “hybrid war”, “cyber participation” and so on are considered. An analysis of the mechanisms that implement “soft power” and the interaction of the media with the public and authorities allowed the author of the article to come to the conclusion that interaction within the triad “power – people – media” is becoming more complicated today and is overgrown with new intermediary links. It is noted that in studying the role of the media in politics, it is necessary to take into account the factor of participation of transnational elites as a new actor in international politics. The author expresses the opinion that the digitalization of the media will play an important part in increasing the degree of their power and the power of the people.

Keywords: actor, acting power, mass media, media, mass communication, digitalization, civil society.

References

1. Akulich, V.G. Instruments of “soft power” in the foreign policy of the G7 countries / V.G. Akulich, K.A. Vorobyov // Bulletin of Eurasian Science. – 2021. – No. 5. – 8 p.
2. Belokonev, S. Yu. Ontological status of social networks in modern public policy / S. Yu. Belokonev, A.A. Khokonov // Power. – 2021. – No. 2. – S. 22–29.
3. Berezkina, O.P. Socio-psychological impact of the media: textbook. allowance for university students / O.P. Berezkina. – M.: Academy, 2009. – 240 p.
4. Bogomolova, N.N. Social psychology of mass communication: textbook. manual for university students studying in the direction and specialty “Psychology” / N.N. Bogomolova. – M.: Aspect Press, 2010. – 191 p.
5. Big Russian Encyclopedic Dictionary. Repr. ed. – M.: Great Russian Encyclopedia, 2008. – 1887 p.
6. Voronin, S.O. Opportunities and the role of mass media in the political sphere / S.O. Voronin // Innovative science. – 2020. – No. 1. – S. 129–130.
7. Kodirova, Sh.A. Mechanisms and methods of forming the image of power in the minds of citizens: the influence of the political regime on the formation of the image of state power / Sh.A. Kodirova // Society, economics, management. – 2021. – No. 2. – P. 10–15.
8. Kochetkov, A.P. Transnational elites and civil society: features of interaction / A.P. Kochetkov // Moscow University Bulletin. Series 12. Political sciences. – 2020. – No. 1. – S. 19–30.
9. Latour, B. On the actor-network theory. Some clarifications, supplemented by even greater complications / B. Latour // Logos. – 2017. – T. 27, No. 1 (116). – S. 173–200.

10. Malik, E.N. Digital media environment as a resource for activating the political participation of youth / E.N. Malik // *Bulletin of the Kama Social Institute*. – 2021. – No. 1 (88). – S. 179–183.
11. Poluekhova, I.A. Sociology of mass communications: in 2 hours: a course of lectures / I.A. Poluekhova. – M.: Publishing House of Moscow. *humanit. un-ta*, 2012. – Part 1. – 95 p.
12. Pokhodnya, A.V. Genesis and factors of political Internet activism / A.V. Pokhodnya // *Society: politics, economics, law*. – 2020. – No. 7 (84). – S. 18–21.
13. Suvorova, A. Yu. The role of new media in the context of mediation of political processes / A. Yu. Suvorova // *Communicology*. – 2017. – No. 1. – S. 69–78.
14. Tormosheva, V.S. International audience in the network political space: online mass or global political actor? / V.S. Tormosheva // *Polit. the science*. – 2021. – No. 4. – S. 261–278.
15. Fomicheva, I.D. *Sociology of the media: textbook. manual for university students studying in the specialty 030601 "Journalism"*. Ed. 2nd, rev. and additional / I.D. Fomicheva. – M.: Aspect Press, 2012. – S. 22–23.
16. Furs, V.A. Influence of the Internet and social networks on the stability of liberal democracies / V.A. Furs // *Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Political science. Religious studies*. – 2022. – No. 4 – P. 37–45.
17. Tsygankov, P.A. On the place of influence in the "triune formula of power": theoretical and applied aspects / P.A. Tsyganov // *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. – 2022. – No. 2 (847). – S. 81–91.
18. Debray, R. *Introduction a la mediologie* / R. Debray. – Paris, PUF, 2000. – 240 p.

Сознание и материя: эффект наблюдателя (Т. Юнг)

Политова Елизавета Дмитриевна,
appmindpowercom@gmail.com

В фокусе данной статьи – двущелевой опыт Т. Юнга, противоречия и мнения, возникающие у современных исследователей при рассмотрении тезисов, выдвинутых по результатам вышеобозначенного эксперимента. Безусловно, особую важность обретает не сам опыт, а его последующие версии и «побочные эффекты» в виде многообразных вопросов метафизического характера, не решенных до сих пор. Речь идет об эффекте наблюдателя как одном из проявлений связи между сознанием и материей. Двущелевой опыт сегодня воспринимается не только в качестве собственно физического эксперимента, но и эксперимента мысленного, в рамках которого оказывается, что: (1) наблюдатель существенно ограничен в способности прогнозировать экспериментальные результаты; (2) наблюдатель оказывает влияние на ход и результат эксперимента. фигура наблюдателя априори неустранима в постклассической научной теории. По причине неразрешенной проблемы взаимосвязи сознания и материи (наблюдателя и наблюдаемого) многие исследователи приходят к философским, психологическим, социальным и метафизическим изысканиям. Мир воспринимается как целостный, холистический конструкт, как нераздельная совокупность наблюдаемого и наблюдателя.

Ключевые слова: эффект наблюдателя, Томас Юнг, двущелевой опыт, квантовая механика, субъективность, постклассическая наука.

Английского исследователя Томаса Юнга можно по праву считать одним из наиболее известных ученых мира. Эрудит, энциклопедист, экспериментатор – он внес колоссальный вклад во многие области научного знания, включая природу света и звука, физику, механику, гидродинамику, лингвистику и физиологию. Особенно известны его опытные эксперименты, демонстрирующие волновую природу светового излучения (1801 г., 1804–1805 гг.), разработки в области расшифровки древнеегипетских иероглифов (1823 г.), объяснения механизма фокусировки человеческого глаза (1801 г.), трихроматической теории цветового зрения (1802 г.), исследования параметров упругости тел (1807 г.) и специфики функционирования капиллярных систем (1807 г.) [9, с. 1].

В фокусе данной статьи – двущелевой опыт Т. Юнга и его научные результаты в современных областях знания, а также противоречия и мнения, анализируемые современными исследователями при рассмотрении тезисов, которые представляются по результатам вышеобозначенного эксперимента. Изначально двущелевой эксперимент интерпретировался исключительно в рамках физической науки и оптики, но то, что удалось (хоть и косвенно) доказать по результатам его проведения, заставило обратить на него внимание исследователей множества точных, естественных и общественных наук и, кроме того, философов и теологов.

Рассмотрим вкратце сущность данного опыта. В первом, классическом варианте исполнения данного опыта источник когерентного света направляется на пластину с двумя параллельными щелями, и свет, проходящий через щели, возникает на экране, установленном позади пластины. Таким образом Т. Юнгу удалось доказать волновую природу света: волны вызвали явление интерференции – волны, проходя через два узких отверстия, создали яркие и темные полосы на экране, что, по мнению исследователя, опровергало популярные в тот период предположения о том, что свет формируется за счет частиц – результат, который был бы недостижим, если бы свет состоял из классических частиц [10, с. 11]. Впоследствии умозаключение Т. Юнга было отчасти опровергнуто: свет, согласно постулатам современной физики, имеет двойственную – волновую и корпускулярную – природу. Тем не менее, особую важность обретает не сам опыт, а его последующие версии и «побочные эффекты» в виде многообразных вопросов метафизического характера, не решенных до сих пор.

Речь в данном случае идет, безусловно, об эффекте наблюдателя как одном из проявлений связи между сознанием и материей. В 1927 г. в рамках опыта Дэвиссона-Гермера было доказано, что электроны, оказавшиеся в аналогичной ситуации, проявляют такое же поведение, как и световая волна, но при этом результат опыта был обусловлен тем, наблюдают за ним или нет. Данный парадокс привел ко множеству попыток доказать или опровергнуть зависимость влияния наблюдателя на наблюдаемое, что, по сущности, представляет собой еще одну грань в спорах о взаимовлиянии сознания и материи.

Двущелевой опыт сегодня воспринимается не только в качестве собственно физического эксперимента, но и эксперимента мысленного, в рамках которого оказывается, что: (1) наблюдатель существенно ограничен

в способности прогнозировать экспериментальные результаты; (2) наблюдатель оказывает влияние на ход и результат эксперимента. Эффект наблюдателя сегодня является, пожалуй, одной из ключевых загадок квантовой механики. Влияют ли наблюдатели на наблюдаемую реальность? Осознают ли частицы то, что происходит вокруг них? Способно ли сознание создавать собственный инвариант материи?

Классические научные парадигмы физики и естествознания содержат в себе две оппонирующих исходных посылки: во-первых, физические процессы находятся в полной независимости их от наблюдения и измерения (выражение принципа объективности), а во-вторых – физические процессы можно зафиксировать исключительно посредством наблюдения, т.е. без наблюдения физические процессы либо не существуют, либо не имеют значения (соответственно, все, окружающее нас, есть продукт наблюдения) [6, с. 197]. К приверженцам последней из описанных точек зрения можно отнести, помимо прочих, А. Эйнштейна, который еще в ранних трудах указывал на наблюдателя как на необходимое условие любого опыта, и на то, что параметры данного наблюдателя будут определять параметры иных компонентов эксперимента.

Спор о наличии или отсутствии эффекта наблюдателя можно возвести к противоречию между классическими и неклассическими научными теориями. Неклассические учения, в свою очередь, есть результат интенсификации научной рефлексии и стремления к объединению научных векторов познания в единый (т.е. к междисциплинарности). Согласимся в данной связи с Э. Калининым: «отказ от классического идеала детерминизма находит <...> выражение в соотношениях дополнительности, <...> составляющих основу классического описания» [2, с. 141]. Парадокс неклассической парадигмы состоит в том, что она идентифицирует субъекта и подчеркивает его вклад в объективное знание, при этом стремясь к элиминации влияния данного субъекта на полученный им же массив знаний.

Анализ проблемы наблюдателя в рамках естественных наук и общественных наук показывает, что фигура наблюдателя априори неустранима в постклассической научной теории. Наличие наблюдателя не обозначает утрату объективности, но результирует в усложнение процедур ее достижения; Э. Калинин, в свою очередь, говорит о том, что в упрощенном виде все вышеописанные тенденции можно назвать «гуманитаризацией современной науки» [2, с. 139]. По причине неразрешенной проблемы взаимосвязи сознания (к примеру, в одном из его проявлений – наблюдении) и материи многие исследователи неизбежно приходят к философским, психологическим, социальным и метафизическим изысканиям. Н.Н. Липецкий называет вышеописанную тенденцию «квантовизацией» научных отраслей, квантовым подходом к обретению научного знания. Именно такой подход, по мнению исследователя, способен коренным образом изменить и обогатить мировосприятие [5, с. 328–329].

Квантовая механика – одна из наиболее неоднозначных, парадоксальных и многомерных дисциплин, среди бесспорных достоинств которой – возможности поиска ответов на вопросы об устройстве мироздания, о роли влияния сознания наблюдателя на объективную реальность. В данной связи неудивительно, что именно осмысление постулатов точных наук в контексте квантовой теории послужило формированию становлению «неклассического типа научной рациональности» [5, с. 330].

Человек сегодня уже не рассматривается в качестве особого механизма непродолжительного «действия»,

набора органических клеток; человек – сложноорганизованный концепт, «природа которого простирается сквозь пространство и время» [5, с. 329]. Его поступки, мысли и поведение оказывают влияние на него самого и на окружающую его реальность, следовательно, человек становится исходной точкой в формировании этой реальности, по сущности, – Творцом.

Квантовизация научного познания приводит к формированию холистического взгляда на Вселенную. Окружающие нас обстоятельства и явления более не считаются локализованными в определенной точке пространства и времени; их следует рассматривать в контексте никогда не завершаемого континуума (так называемое «квантовое вуду»). Схожее явление было описано и в рамках знаменитого парадокса Эйнштейна-Подольского-Розена. Такая «сцепленность» непосредственным образом связана с указанной выше тенденцией к формулированию междисциплинарного знания: «медицина, биология, химия, философия, естествознание и другие науки постепенно объединяются вокруг физики, составляя наиболее полную и единую картину мира» [5, с. 331–332].

С другой стороны, существует и мнение о том, что современные науки «скрепляются» отнюдь не физикой: квантовый подход к пониманию мироустройства постулирует существование реальности только в рамках сознания, так как без сознания (наблюдателя) мы не можем, собственно, зафиксировать наблюдаемое. Соответственно, в приоритете оказывается психологическое и социологическое знание, ведь сознание представляет собой явление психологической и социальной природы. Пожалуй, следует согласиться с подобным умозаключением: если исходить из того, что наблюдения, отмеченные в рамках любой науки, возможны исключительно в результате актов субъективной рецепции наблюдателя, фундаментальным, первичным звеном здесь оказывается именно наблюдатель, а не наблюдаемое. Если следовать данной логике, то именно психология способна потенциально разрешить проблему разграничения субъекта и объекта познания – сознания и материи.

Таким образом, как очевидно, чисто физический и довольно простой опыт, проведенный в самом начале XIX в. Т. Юнгом, привел к формулированию одной из важнейших проблем современности – проблемы определения характера взаимодействия между средой и сознанием. Кроме того, опираясь на пример двушелевого опыта, можно наглядно продемонстрировать различия между традиционной и современной интерпретациями квантовой механики в частности и науки – в целом.

Мы, в свою очередь, следуя современной интерпретации опыта Т. Юнга, предполагающей наглядное взаимодействие между наблюдателем и наблюдаемым (в ряде источников такую интерпретацию называют реляционной), можем заключить, что реальность рождается в момент ее взаимодействия с наблюдателем, а если обобщить данный тезис, то можно прийти к выводу о том, что наблюдатель – Творец окружающей реальности, *fabricator mundi*.

Учитывая все вышеизложенное, мир – как целостный, холистический конструкт – есть нераздельная совокупность наблюдаемого и наблюдателя. Данный вывод, во-первых, утверждает предположение о том, что реальность есть продукт сознания, а человек создает реальность (креативная природа сознания), но, во-вторых, приводит к парадоксальному выводу о том, что нераздельное сцепление частиц, материи, антиматерии, существовавшее до момента Большого взрыва, имеет место и сейчас (ведь в рамках квантовых подходов, ко-

торые говорят о «сцепленности» элементов бытия, пространство и время не играют первостепенного значения в отношении взаимосвязи компонентов сущего). Соответственно, данная логическая цепочка оспаривает сам факт Большого взрыва как момента креации реальности. Возможно, когда-нибудь данный парадокс найдет свое объяснение в рамках одной из «квантовизированных» отраслей наук.

Взаимодействие сознания и материи, тезис об их неразрывности (нет наблюдаемого без наблюдателя; результат двущелевого опыта будет именно таким, каким его увидит наблюдатель), как было описано выше, порождают проблему субъективизации научного познания, а это, в свою очередь, можно рассматривать как в негативном, так и в позитивном ключе. Безусловно, особенностью наблюдения является свойственный ему автоморфизм – интерпретация наблюдаемого с позиции собственных установок, коннотативная окрашенность человеческой рецепции и когниции, колоссальное влияние на результаты наблюдения опыта и личности самого наблюдателя.

«Постнаука» обязательно включает наблюдателя в структуру процесса познания, а также, помимо него, и то, каким образом преломляется изучаемое в сознании наблюдателя (постклассическая триада «субъект-предмет-объект») [2, с. 145]. При этом постклассический ученый должен следовать принципу объективности при выполнении изысканий, следовательно, ему приходится каким-то образом объективизировать субъективированное. Э. Калинин также говорит о противоречиях неклассической науки: «выявляя активную конструирующую роль субъекта, его неустрашимый вклад в объективное знание, она стремится по-прежнему, исходя из принципа объективности, элиминировать его влияние» [3, с. 6]. В. Тэрнер в данной связи приводит в пример антропологов, именуя их «трижды рожденными» [8, с. 9–10]: при изучении чужой культуры им приходится мысленно абстрагироваться от собственной культуры, «рождаясь» в исследуемой культуре, для того, чтобы понять ее, а при фиксации собранных сведений они возвращаются к родной культуре, возрождая первоначальную социальную идентичность.

Вопрос о взаимосвязи между наблюдателем и наблюдаемым тесно сопряжен с вопросами возможности прогнозирования наблюдаемого (данный вопрос был поднят еще самим Т. Юнгом и его последователями). Опыт Т. Юнга показывает ограничение способности наблюдателя прогнозировать экспериментальные результаты. Тезис о подобном ограничении не вполне коррелирует с тезисом о «творчестве наблюдателя». В контексте новоберклианского подхода, постулирующего «творчество наблюдателя», можно утверждать о свободе и силе воли: разум наблюдателя обладает влиянием на реальность, а не является объектом влияния. Возможно, это говорит о том, что наблюдатель не лицезреет эксперимент, а создает его результат, что косвенно подтверждается экспериментом Т. Юнга. Такой подход тесно взаимосвязан с рядом современных теологических теорий, ограничивающих потенциал наблюдателя. Потенциально неограниченный креативный потенциал наблюдателя противоречит воле Бога, и наделяет человеческое существо возможностями божественного промысла [7, с. 148].

Таким образом, «постнаука», с опорой на серию опытов, инициированных Т. Юнгом, пытаясь увязать сознание и материю, совершила движение от точных наук в сторону наук гуманитарных: исследователи полагали, что только знание о человеке поможет понять то, что физика понять не смогла. Это привело к широкому разбросу мнений о том, что такое сознание, кого можно считать

наблюдателем, каковы его возможности и функции в изменении или прогнозировании материального. Углубление философских, психологических, социологических дискуссий привело к необходимости возврата к инструментарию точных наук и научному – количественному и фактологичному – обоснованию специфики функционирования «квантового мозга».

Современные ученые предпринимают попытки объяснить механизмы работы ЦНС и нейрональных процессов. Около 20 лет назад было доказано, что сознание возникает в тот момент, когда в мозгу достигается пороговый уровень суперпозиции нейронов, по достижении которого, как и в опыте с волновой функцией света под влиянием наблюдения, необозримое множество нейронов сводится к единственному состоянию. В рамках теории Хамероффа-Пенроуза утверждается наличие в мозге полых белковых структур – самоорганизующихся квантовых систем. Микротрубулы передают и обрабатывают поступающие данные, в результате чего формируется сознательный образ. Подобные предположения порождают целую серию смелых футуристических гипотез о развитии так называемой квантовой фармакологии. Квантовая фармакология, возможно, сможет излечить тяжелые психические заболевания посредством замены реальности, воспринимаемой субъектом, на альтернативную (квантовое мышление) [1].

В контексте темы настоящей статьи это может говорить о том, что, во-первых, сама по себе концепция «реальной»/объективной реальности – весьма зыбкая и может быть подменена альтернативной реальностью, которая будет так же реальна, как и прежняя, и, во-вторых, то, что конструирование реальности происходит внутри самого наблюдателя, следовательно, реальность есть ментальная конструкция.

Таким образом, такие известные и простые опыты, как знаменитый «кот Шредингера», опыт Т. Юнга, опыт с интерферометром Маха – Цендера и многие другие не только послужили основой для обоснования актуальности квантовой механики как науки и даже способа миропознания, но и задали множество направлений для метафизических, психологических и философских дискуссий о том, что представляет собой сознание человека. Несмотря на продолжительную историю изучения, все попытки формулирования формализованной теоретической модели сознания оказались безуспешными. Сознание – неотъемлемая часть бытия наблюдателя, и для того, чтобы понять его сущность, требуется оказаться за его рамками, на каком-то трансцендентном уровне объективной рецепции, что на данный момент также невозможно.

Связь материального и ментального, продемонстрированная последователями Т. Юнга, поспособствовала трансформации психологической науки: будучи материалистически ориентированной и утратившей дух (сознание) и душу, психология постепенно вновь обрела «духовное» измерение [4, с. 305]. В наиболее радикальных случаях философия и психология, подвергшиеся экстремальной «квантовизации», оказались сближенными с теологией и даже эзотерикой.

В заключение отметим: в сегодняшних условиях «квантовизации» научного знания весь мир отождествляется с сознанием, и все в нем порождается сознанием. Сознание – фундаментальное проявление Вселенной, в том числе и в материальном мире. Следовательно, привычное разделение мира на материальный и духовный более нельзя считать релевантным, а реальность, формируемая физическими объектами, и реальность, существующая в сознании – неразделимое целое.

Литература

1. Дерябин, Н.И. Квантовая психология или философия жизни в XXI веке / Н.И. Дерябин // Футурологический конгресс: будущее России и мира. – М.: Научный эксперт, 2010. – 768 с.
2. Калинин, Э. Проблема наблюдателя в современной науке и педагогике / Э. Калинин // Філософія освіти. – 2007. – № 1 (6). – С. 139–147.
3. Калинин, Э.Ю. Проблема субъекта в современной физике и космологии / Э.Ю. Калинин // Vox. Философский журнал. – 2017. – № 22. – С. 1–11.
4. Корнеенков, С.С. Концепции сознания: сознание как особое свойство материи / С.С. Корнеенков // Психолог. – 2013. – № 3. – С. 271–305.
5. Липецкий, Н.Н. Квантовая парадигма в системе нового психологического знания / Н.Н. Липецкий. // Молодой ученый. – 2012. – № 3 (38). – С. 328–333.
6. Супрун, А.П. Метапсихология: Релятивистская психология. Квантовая психология, Психология креативности / А.П. Супрун, Н.Г. Янова, К.А. Носов. Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – 512 с.
7. Тасламан, Д. Квантовая теория, философия и бог / Д. Тасламан. – М.: Caner. – 162 с.
8. Тэрнер, В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. – М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1983. – 277 с.
9. Atchison, D.A. Thomas Young's contribution to visual optics: The Bakerian lecture "On the mechanism of the eye" / D.A. Atchison, W.N. Charman // Journal of Vision. – 2010. – № 10(12). – С. 1–16.
10. Feynman, R.P. The Feynman Lectures on Physics / R.P. Feynman; R.B. Leighton; M. Sands. – Vol. 3. – Addison-Wesley, 1965. – С. 11–18.

MATTER AND MIND: THE OBSERVER EFFECT (T. JUNG)

Politova E.D.

The article is focused on the double-slit experience performed by T. Jung, as well as on the contradictions and opinions that arise among modern researchers when considering the theses put forward based on the results of the above experiment. Of course, it is not the experience itself that acquires special importance, but its subsequent versions and "side effects" in the form of diverse ques-

tions of a metaphysical nature that have not yet been resolved. We are talking about the observer effect as one of the manifestations of the connection between consciousness and matter. The double-slit experiment is today perceived not only as a physical experiment itself, but also as a mental experiment, within which it turns out that: (1) the observer is significantly limited in his ability to predict experimental results; (2) the observer influences the course and outcome of the experiment. The figure of the observer is a priori irremovable in postclassical scientific theory. Due to the unresolved problem of the relationship between consciousness and matter (observer and observed), many researchers come to philosophical, psychological, social and metaphysical research. The world is perceived as an integral, holistic construct, as an inseparable combination of the observed and the observer.

Keywords: observer effect, Thomas Jung, two-slit experience, quantum mechanics, subjectivity, post-classical science

References

1. Deryabin, N.I. Quantum psychology or philosophy of life in the XXI century / N.I. Deryabin // Futurological Congress: the future of Russia and the world. – M.: Scientific expert, 2010. – 768 p.
2. Kalinin, E. The problem of the observer in modern science and pedagogy / E. Kalinin // Philosophy of education. – 2007. – No. 1 (6). – S. 139–147.
3. Kalinin, E. Yu. The problem of the subject in modern physics and cosmology / E. Yu. Kalinin // Vox. Philosophical journal. – 2017. – No. 22. – S. 1–11.
4. Korneenkov, S.S. Concepts of consciousness: consciousness as a special property of matter / S.S. Korneenkov // Psychologist. – 2013. – No. 3. – S. 271–305.
5. Lipetsky, N.N. Quantum paradigm in the system of new psychological knowledge / N.N. Lipetsky. // Young scientist. – 2012. – No. 3 (38). – S. 328–333.
6. Suprun, A.P. Metapsychology: Relativistic psychology. Quantum psychology, Psychology of creativity / A.P. Suprun, N.G. Yanova, K.A. Nosov. Ed. 3rd. – M.: LENDAND, 2010. – 512 p.
7. Taslaman, D. Quantum theory, philosophy and God / D. Taslaman. – M.: Caner. – 162 p.
8. Turner, V. Symbol and ritual / V. Turner. – M.: Nauka: The main edition of Eastern literature, 1983. – 277 p.
9. Atchison, D.A. Thomas Young's contribution to visual optics: The Bakerian lecture "On the mechanism of the eye" / D.A. Atchison, W.N. Charman // Journal of Vision. – 2010. – No. 10(12). – S. 1–16.
10. Feynman, R.P. The Feynman Lectures on Physics / R.P. Feynman; R.B. Leighton; M. Sands. – Vol. 3. – Addison-Wesley, 1965. – S. 11–18.

Информация для авторов

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

- Необходимые сведения об авторе:
 - Код УДК (посмотреть точный код УДК можно по ссылке <http://teacode.com/online/udc/>);
 - Фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; место работы (учебы); должность на русском и английском языках; адрес электронной почты; контактные телефоны.
- Объем статей не должен превышать:
 - 7 страниц для соискателей степени кандидата наук;
 - 17 страниц для соискателей степени доктора наук.
- Название статьи на русском и английском языках;
- Аннотации (не более 5–7 строк) и ключевые слова (5–8 слов) на русском и английском языках;
- Статьи должны быть напечатаны в формате Microsoft Word (2003–2007), межстрочный интервал 1,5, кегль 14, шрифт «Arial» на одной стороне листа, форматирование по ширине (поля: верхнее и нижнее – 2, левое – 2,5, правое – 1,5);
 - ссылки (сноски) даются в конце каждой страницы (кегель 10);
 - таблицы, схемы, диаграммы должны быть выполнены в черно-белом изображении и сопровождаться сквозной нумерацией.
- Статьи должны сопровождаться заверенной рецензией (отзывом) специалиста и рекомендацией кафедры (отдела) по месту работы. К статьям должен прилагаться скриншот из программы Антиплагиат (оригинальность статьи по системе <http://www.antiplagiat.ru> должна быть не менее 75%.);
- Статьи в редакцию направлять в печатном и электронном варианте.
- Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала (политология, философия, социология).
- Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации статьи в редакции.
- Статьи публикуются в авторской редакции.
- Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат и других данных. Мнение редакции журнала может не совпадать с позицией авторов публикаций.
- Редакция оставляет за собой право на научное редактирование статей.
- Рукописи не возвращаются.

Уважаемые авторы, в целях экономии времени следуйте правилам оформления статей. Статья может быть отправлена авторам на доработку или отклонена как по формальным, так и по научным признакам. Критериями отбора являются соответствие профилю, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Работы, которые не отвечают указанным требованиям оформления, к рассмотрению не принимаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях.

Вниманию подписчиков журнала!

Журнал «Социально-гуманитарные знания» является научно-образовательным изданием, предназначенным для преподавателей, студентов и учащихся высших, средних специальных и средних учебных заведений, всех, интересующихся социально-гуманитарными науками и образованием.

Подписка и доставка периодических изданий осуществляется всеми отделениями Группы компаний «Урал-Пресс» в офисах агентства в вашем городе. Информацию можно получить на сайте ГК «Урал-Пресс» www.uralpress.ru или по телефону **8(499) 700-05-07**.

Подписка осуществляется всеми отделениями связи. Индекс подписки – 70652 (Каталог «Пресса России»), тел. (495) 995-95-70.

Подписная цена за один номер во 2-м полугодии 2022 г. – 1000 руб., в продаже – цена свободная. Подписка на электронную версию журнала осуществляется в Научной электронной библиотеке www.elibrary.ru

Information for authors

Articles sent to the journal must be executed in accordance with the following rules:

- Necessary information about the author:
 - UDC Code (See the exact UDC code at link <http://teacode.com/online/udc/>);
 - Surname, first name, middle name in full; academic degree; academic status; place of work (study); position in Russian and English; e-mail address; contact phones.
- The volume of articles should not exceed:
 - 7 pages for candidates degree;
 - 17 pages for competitors for Doctor of Science degree.
- Title of the article in Russian and English;
- Annotations (no more than 5–7 lines) and Keyword (5–8 words or phrases) in Russian and English;
- Articles should be printed in Microsoft Word format (2003–2007), line spacing 1.5, kegl 14, “Arial” font on one side of the sheet, formatting by width (fields: upper and lower – 2, left – 2.5, right – 1.5);
 - Literature (footnotes) are given at the end of each page (size 10);
 - tables, schemes, charts have to be executed black and white and be followed by through numbering.
- Articles have to be followed by the certified review (response) of the expert and the recommendation of department of the place of work (study). The articles should be accompanied by a screenshot from the Antiplagiat program (The originality of the article on the system <http://www.antiplagiat.ru> should be not less than 75%.);

- Send articles to the editorial office in printed and electronic version.
- The content of the article should correspond to the topic of the journal (Political science, philosophy, sociology).
- The decision to publish is made within 30 days from the date of registration of the article in the edition.
- The article is published in the author's edition
- The authors are responsible for the accuracy of the given facts, quotes and other data. The opinion of the editorial office of the magazine may not coincide with the position of the authors of publications.
- The editorial board reserves the right to scientific editing of articles.
- Manuscripts are not returned.

Dear authors, in order to save time, follow the rules for writing articles. The article may be sent to the authors for revision or rejected on both formal and scientific grounds. Selection criteria are profile compliance, novelty, relevance and validity of results. Works that do not meet the specified requirements of registration are not accepted for consideration. It is not allowed to send to the editorial office works that have been published and/or accepted for printing in other publications.

To the subscribers of the magazine attention!

Journal "Socio-humanitarian knowledge" is a scientific and educational edition, designed for teachers, students and pupils in higher, specialized secondary and secondary schools, all with an interest in social and humane sciences, and education.

Subscription and delivery of periodicals is realized by all the chapters of the **Group of companies "Ural-Press"** in agency offices in your city. Information can be obtained on the website www.ural-press.ru or by phone **8 (499) 700-05-07**.

Subscription is available in all post-offices. Subscription index – 70652 (catalogue "**Press of Russia**").

The subscription price for one issue in the 2-half of 2022–1000 rubles, free of control price for sale.

Subscription to the electronic version of the magazine is carried out in the Scientific Electronic Library www.elibrary.ru